

В. А. Горончаровский

БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО В РИМСКУЮ ЭПОХУ

Сборник избранных трудов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Горончаровский

БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО В РИМСКУЮ ЭПОХУ

Сборник избранных трудов

*К 70-летию юбилею доктора исторических наук,
заведующего отделом истории античной культуры ИИМК РАН
В. А. Горончаровского*

Санкт-Петербург
2026

УДК 902
ББК 63.4
Г 70

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редактор: д-р ист. наук *Ю. А. Виноградов*

Рецензенты:

д-р ист. наук *И. Л. Тихонов* (СПбГУ)
канд. ист. наук *А. Е. Терещенко* (ИИМК РАН)

Г 70 Горончаровский В. А.

Боспорское государство в римскую эпоху : сборник избранных трудов. — СПб.: ИИМК РАН, 2026. — (Труды ИИМК РАН. Т. LXIII). — 280 с.

ISBN 978-5-6052467-9-4

Предлагаемый вниманию читателей сборник избранных научных статей доктора исторических наук, заведующего отделом истории античной культуры ИИМК РАН В. А. Горончаровского под названием «Боспорское государство в римскую эпоху» был подготовлен к его 70-летию и связан с одним из основных направлений исследований автора: изучением истории, военного дела и культуры Боспорского царства первых веков нашей эры. Материалы сборника, расположенные в порядке их публикации, позволяют наглядно проследить творческий путь автора и, несомненно, привлекут внимание всех интересующихся затронутой в нём проблематикой.

ISBN 978-5-6052467-9-4

DOI 10.31600/978-5-6052467-9-4

**УДК 902
ББК 63.4**

ISBN 978-5-6052467-9-4

© Горончаровский В. А., 2026

© Институт истории материальной культуры РАН, 2026

О юбиларе и его научных трудах

70-летний юбилей заведующего отделом истории античной культуры ИИМК РАН доктора исторических наук Владимира Анатольевича Горончаровского приходится на 7 февраля 2024 г. Имя этого человека прекрасно известно в научной среде (Виноградов, 2015; Виноградов, 2019), он заслуженно признан одним из лидеров петербургской классической археологии. Вся жизнь юбиляра связана с Ленинградом (С.-Петербургом): здесь он родился, закончил среднюю школу, успешно учился в Ленинградском государственном университете, затем — в аспирантуре ЛОИА АН СССР. Окончив её, В. А. Горончаровский прошёл путь от старшего лаборанта Института до ведущего научного сотрудника и заведующего отделом. В 1985 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов)», а в 2005 — докторскую «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. — середине III в. н. э.».

Библиография юбиляра насчитывает около 300 публикаций различного формата — багаж, конечно, немалый. Отобрать из него наиболее показательные статьи, отражающие весь путь научных поисков исследователя, было делом очень нелёгким. Предпочтение отдано двум десяткам публикаций, посвящённых основной теме научных интересов В. А. Горончаровского — истории и культуре Боспорского государства в римское время. Они объединены в четыре главы, которые тесно связаны между собой. Первая из них посвящена городу-крепости Илурату. На раскопки этого замечательного памятника Владимир Анатольевич приехал в 1972 г., ещё будучи студентом, только что закончившим первый курс. Тогда здесь работала Боспорская экспедиция ЛОИА АН СССР во главе с И. Г. Шургай. Этот человек стал научным руководителем В. А. Горончаровского и оказал на него очень большое влияние. Глубочайшее уважение к учителю юбиляр пронёс через всю жизнь, и в 1982 г., после смерти Игоря Георгиевича, именно он продолжил планомерные раскопки Илурата. Конечно, молодого человека увлекали многие сюжеты боспорской истории. К примеру, В. А. Горончаровский вместе с друзьями-однокурсниками подготовил доклад о греческой колонизации Крыма для конференции «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья», прошедшей в 1977 г. в г. Цхалтубо (Вахтина и др., 1977). В этом докладе большое внимание было уделено демографической ситуации в районе Боспора Киммерийского, а именно — периодическим зимним переходам скифов через замёрзший пролив, о которых сообщает Геродот.

Илурат, конечно, занимает особое место в судьбе юбиляра, но ему удалось проводить исследования не только на этом памятнике. С 1986 г. под руководством В. А. Горончаровского были предприняты исследования Героевки I — сельского поселения на хоре Нимфея (Горончаровский, 1991). Основные этапы функционирования этого поселения, по заключению автора, были связаны с изменениями военно-политической ситуации в степной зоне Северного Причерноморья (Горончаровский, 1996. С. 32). Через много лет он совместно с Т. Н. Смекаловой провёл обследование курганного некрополя Нимфея (Горончаровский, Смекалова, 2016). В 1986–1987 гг. В. А. Горончаровский руководил Березанским отрядом Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР, проводившим совместно с Государственным Эрмитажем раскопки в западной части о. Березань. Тогда были изучены остатки построек, относящихся к архаической и римской эпохам (Горончаровский, 1989). В. А. Горончаровский неоднократно проводил спасательные раскопки в Анапе, на территории древней Горгииппии (Вахтина, Горончаровский, 2013). Для него вообще характерен пристальный интерес к археологическим находкам, происходящим из этого боспорского города (Горончаровский, Тихонова, 2022; см. также § 2.3; 2.5).

Важный этап в научной деятельности юбиляра был связан с раскопками Семибратнего городища (Лабриса) — столицы Синдского царства, начатые в 2001 г. (Горончаровский, 2004б; Горончаровский, 2007б; Горончаровский, 2009; Goroncharovskii, 2015). На памятнике были изучены культурные напластования, относящиеся как к периоду независимого существования Синдики, так и ко времени её включения в состав Боспорского царства.

Результаты раскопок Семибратнего городища закономерно вели к научным поискам в области этногенеза и истории синдов (Горончаровский, 2016а; Горончаровский, 2021). Огромное значение для правильного понимания проблемы возникновения Синдского государства и его связей с Боспором имеет изучение погребений местной аристократии и, прежде всего, знаменитых Семибратних курганов. Юбиляр сделал для этого очень многое (Горончаровский, 2011б; Горончаровский, 2013б; Горончаровский, 2014а; Горончаровский, 2016б; Горончаровский, 2016в; Горончаровский, 2017а; Горончаровский, 2020б; Goroncharovskij, 2010).

Ценным представляется исследование В. А. Горончаровского, посвящённое результатам раскопок более позднего кургана, вошедшего в научную литературу под названием Львиного (благодаря находке там мраморной скульптуры льва) (Горончаровский, 2017б). Исследователь вполне закономерно отнёс этот памятник к категории царских и высказал предположение, что здесь был погребён соперник царя Аспурга в борьбе за боспорский престол.

Одному из немногих российских специалистов, В. А. Горончаровскому удалось создать экспедицию для проведения археологических исследований за пределами нашей страны. На протяжении нескольких полевых сезонов начиная с 2008 г. он изучал античное сельское поселение на острове Кипр, около деревни Аногира-Влю. Раскопки показали, что в III–I вв. до н. э. здесь функционировал комплекс производства оливкового масла. В конце II в. н. э. на его руинах было построено небольшое святилище, скорее всего связанное с культом Аполлона (Горончаровский, 2014б; Горончаровский, 2016г). Успешные результаты работ были отмечены почётным дипломом Федерального агентства «Россотрудничество» в Республике Кипр за вклад в развитие научного и культурного сотрудничества между Россией и Кипром, вручённой В. А. Горончаровскому в 2010 г., и медалью Общества дружбы Россия — Кипр «За вклад в дело дружбы» (2015 г.).

Археологические работы юбиляра в нашей стране также получили высокую оценку. В 2013 г. он был награждён грамотой Министерства культуры Автономной республики Крым за многолетний вклад в развитие исторической науки, формирование музейных коллекций, являющихся национальным достоянием государства, а в 2014 г. — почётной грамотой Российской академии наук и Профсоюза работников РАН «За многолетний добросовестный труд на благо отечественной науки и в связи с 290-летием основания Российской академии наук».

После несколько затянувшегося, но необходимого введения настало время обратиться к характеристике сборника трудов В. А. Горончаровского, приуроченного к его 70-летию. Римская эпоха в истории Боспорского государства привлекает пристальное внимание юбиляра со студенческих лет. Ей, как было сказано выше, была посвящена его докторская диссертация. В сборник, однако, включены не только последние работы, вышедшие из-под пера маститого учёного, но и его ранние, небольшие по объёму исследования. Все они в совокупности позволяют понять путь развития В. А. Горончаровского как одного из ведущих специалистов нашей страны в области античной археологии и истории Северного Причерноморья.

Четыре главы, составляющие сборник: «Город-крепость Илурат», «Военная история и военное дело Боспорского государства», «О боспорских культах», «Персоналии», — не являются изолированными блоками. Напротив, они тесно связаны друг с другом, — вторая глава органично продолжает первую, а отдельные части третьей, связанные с культовыми предметами из Илурата, вполне могли бы быть помещены в первой. Предлагая краткую характеристику сборника, стоит сделать одно важное пояснение: характеристика вошедших в него статей будет дополнена отсылками к публикациям В. А. Горончаровского, не включённым в этот сборник,

но, на мой взгляд, имеющим большое значение для понимания диапазона его научных интересов.

Изучение Илурата в судьбе юбиляра, безусловно, занимает особое место. Вполне закономерно, что книгу открывает глава, посвящённая этому боспорскому городу.

Первая глава состоит из шести статей. Её открывает небольшое исследование, посвящённое свинцовой гирьке (§ 1.1), которую В. А. Горончаровский обнаружил в 1979 г. Чрезвычайно интересна находка двойного денария Савромата II, на которой представлен Геракл, очищающий скотный двор царя Авгия, — это его пятый подвиг (§ 1.2). Стоит отметить, что и клад боспорских билиновых статеров, который часто упоминается на страницах публикации (Фролова, Шургая, 1982), был тоже найден именно Владимиром Анатольевичем в 1976 г. Важным объектом, открытым в Илурате ещё при жизни И. Г. Шургая, является винодельня, полностью исследованная и подробно охарактеризованная В. А. Горончаровским (§ 1.3). Уникальная находка обломка штукатурки с прочерченным на нём изображением тяжеловооружённого всадника-катафрактария стала предметом исследования юбиляра в соавторстве с В. П. Никоноровым (§ 1.4). Эта публикация по-своему вводит нас в следующую главу сборника, в которой трактуются вопросы военной истории и военного дела Боспорского царства. В известном смысле это относится и к статье о находках оружия из нижнего некрополя Илурата, раскопки которого были произведены в 1988 г. (§ 1.5). Завершающая статья этого раздела подводит итог изучению города-крепости и ставит задачи будущих исследований (§ 1.6).

В дополнение к последнему из названных сочинений В. А. Горончаровского необходимо назвать статью 2018 г., посвящённую итогам и перспективам изучения Илурата (Горончаровский, 2018б). И, разумеется, никак нельзя обойти вниманием его небольшую, но чрезвычайно интересную книгу «На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму» (Горончаровский, 2019а).

Вторая глава является самой большой в книге, она состоит из девяти статей. И это не должно вызывать удивление, поскольку хорошо известно, что юбиляр проявляет огромный интерес к изучению военной истории и военного дела Боспорского царства. Мне довелось поработать с ним над подготовкой двух монографий, посвящённых этой проблематике (Виноградов, Горончаровский, 2009; Виноградов, Горончаровский, 2017), и я могу ответственно судить, насколько глубоко он погружён в эту проблематику и насколько хорошо владеет имеющимся историческим и археологическим материалом. Здесь, конечно, следует назвать и две научно-популярные книги юбиляра «Спартаковская война: восставшие рабы против римских ле-

гионов» (Горончаровский, 2011в) и «Спартак. Легенда и реальность» (Горончаровский, 2022), появление которых, как представляется, в немалой степени было связано с его увлечением в начальной школе известным романом Рафаэлло Джованьоли.

Второй блок публикаций открывает статья, посвященная Боспорской войне 45–49 гг. (§ 2.1). Она разгорелась из-за конфликта между претендентами на престол — Митридатом VIII, попытавшимся проводить независимую от Рима политику, и Котисом I, поддержанным римлянами. В борьбу включились варварские племена, но в конце концов победу одержал Котис, так что попытка отстоять боспорскую независимость оказалась неудачной.

Вопросы возможного пребывания римских войск на Боспоре в более позднее время вызывают острую дискуссию (§ 2.2). С римским военным влиянием следует связывать находку меча-гладиуса в Горгии, опубликованную В. А. Горончаровским совместно с Т. С. Тихоновой (§ 2.3). Очень показательно также уникальное для Боспора изображение римского шлема на надгробии из Пантикапея (§ 2.4). Мраморное надгробие сыновей Панталеонта, обнаруженное в Горгии (§ 2.5), позволяет сделать важные наблюдения относительно вооружения боспорских всадников и характера снаряжения их коней. В частности, показательны изображённые здесь сёдла.

Развитию конструкции сёдел на Боспоре в I–III вв. н. э. В. А. Горончаровский посвятил специальное исследование (§ 2.6). Хорошо известно, что в скифское время в степях Северного Причерноморья были распространены мягкие сёдла с войлочным покрытием. Твёрдые сёдла, как считают некоторые специалисты, появились не ранее конца IV — начала V в. н. э. Однако изменения в конструкции седла имели место с рубежа эр, когда в армии Боспора возрастает значение тяжёлой конницы — катафрактариев. Эти новшества были тесно связаны с развитием снаряжения верхового коня в степной зоне Евразии, но, по мысли исследователя, на Боспоре они имели известное своеобразие.

Очень важную роль в истории Боспора на рубеже эр сыграли аспургигане (§ 2.7), которые, по мнению юбиляра, появились здесь около середины I в. до н. э. Этот термин, как представляется, носил скорее политический, нежели этнический характер. Исследователь полагает, что именно аспургигане, наряду с союзными Боспору сарматскими племенами, поставляли тяжёловооружённых всадников в боспорскую армию. Военная мощь государства к концу первой четверти I в. н. э. значительно окрепла, и оно успешно контролировало военно-политическую ситуацию во всём Северо-Восточном Причерноморье. В связи с этим очень ценным представляется исследование В. А. Горончаровского, посвящённое изучению материалов некрополя у хутора Городского (Среднее Прикубанье), в котором были открыты

погребения знатных воинов с сопровождающими захоронениями верховых коней (§ 2.8).

Эту главу публикаций автора логично завершает крупная статья о развитии военно-политической ситуации на Боспоре от второй половины I в. до середины III в. н. э. (§ 2.9). В ней проанализирована боспорская история от войны 45–49 гг., результатом которой стало установление прочного союза с Римской империей, до Готских войн середины III в., положивших начало новому этапу в истории государства.

Третья глава включает исследования В. А. Горнчаровского, связанные с изучением культов Боспора Киммерийского. Эта захватывающая сфера всегда волновала юбиляра, к ней он, в частности, обращался в сравнительно недавней работе, посвящённой почитанию Аполлона в Лабрисе (Горнчаровский, Терещенко, 2024), а также при изучении каменного рельефа с изображением Кибелы и её спутников из раскопок Горгиппии (Горнчаровский, Тихонова, 2022).

Обозначенный блок публикаций открывает статья о мраморной статуэтке Кибелы, обнаруженной во время раскопок Мирмекия (§ 3.1). Неудивительно, что исследователь большое внимание уделил анализу произведений искусства, связанных с религиозной сферой, которые были найдены в Илурате как во время раскопок В. Ф. Гайдукевича, И. Г. Шургая, так и позднее, когда работы на памятнике проводил возглавляемый им отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). Среди последних — золотой медальон с изображением Афродиты (§ 3.2), а также самая большая терракотовая статуя из всех, обнаруженных на Боспоре, которая происходит из тризны на территории «верхнего» некрополя Илурата. Автор считает, что статуя изображает Фортуны (Тихе), но, по его мнению, в условиях нараставшего синкретизма женских божеств Боспора полуварварское население Илурата могло рассматривать её и как персонификацию образа «великой богини» — владычицы животного и растительного мира.

В высшей степени любопытно исследование, связанное с интерпретацией одного из сюжетов, изображённых в росписях гробницы, обнаруженной в Керчи А. Б. Ашиком в 1841 г., так называемой «Царицы камер» (§ 3.4). Стены этого замечательного памятника, как известно, покрыты различными изображениями, в основном связанными с погребальными церемониями. Исследователя привлекли сцены борьбы пяти всадников и одного пешего с дикими животными. Он вполне обоснованно считает, что они связаны не с охотой, а с гладиаторскими боями. Большого внимания заслуживает предположение юбиляра, что в гробнице 1841 г. был погребён боспорский царь Котис I, получивший власть благодаря поддержке римлян и в дальнейшем всячески стремившийся продемонстрировать свою лояль-

ность по отношению к империи. В. А. Горончаровский считает вполне возможным, что в память о нём в Пантикапее было дано представление с участием гладиаторов. Стоит обратить внимание, что изучению гладиаторов он посвятил несколько крайне содержательных научно-популярных книг, вызвавших большой интерес у читателей (Горончаровский, 2009б; Горончаровский, 2015; Горончаровский, 2018в). Не будет преувеличением сказать, что в этой сфере он является лучшим специалистом в нашей стране.

Четвёртая глава сборника озаглавлена «Персоналии». Она содержит статьи, посвященные жизнеописанию трёх крупных исследователей, деятельность которых непосредственным образом связана с изучением Илурата. Первый из них — отец боспорской археологии Поль Дюбрюкс, составивший план городища и описавший его руины (§ 4.1). Второй — В. Ф. Гайдукевич, один из крупнейших авторитетов в области советской античной археологии (§ 4.2). Именно ему принадлежит заслуга проведения масштабных раскопок памятника, представлявшего собой город-крепость первых веков нашей эры. Третий — И. Г. Шургая, продолживший изучение Илурата после смерти В. Ф. Гайдукевича (§ 4.3). Как уже было сказано, под его руководством В. А. Горончаровский начал археологическую карьеру. Благодарность учителю он бережно сохранил в своём сердце.

Не стоит думать, однако, что юбиляра интересует лишь жизнь исследователей, принявших участие в изучении Илурата. Совсем нет! Его перу принадлежат содержательные исследования, посвящённые археологу и историку античного искусства В. К. Мальмбергу (1860–1921) (Горончаровский, 2019б; Горончаровский, 2019в). Огромной заслугой юбиляра перед историей отечественной науки является фундаментальный труд «Отцы-основатели ГАИМК: их жизненный путь и вклад в науку», подготовленный возглавляемым им коллективом исследователей из различных научных учреждений (Отцы-основатели ГАИМК, 2022). Для этого объёмного тома В. А. Горончаровский самостоятельно или в соавторстве подготовил тринадцать очерков, посвящённых В. В. Бартольду, А. Н. Бенуа, С. А. Жебелёву, И. Ю. Крачковскому, С. С. Лукьянову, Н. К. Никольскому и др.

Юбилейный сборник демонстрирует, сколь больших высот достиг Владимир Анатольевич в изучении истории и культуры Боспора в римское время. Вполне очевидно, что он не останавливается на достигнутом, и впереди нас ждут его новые замечательные открытия и блестящие публикации.

Ю. А. Виноградов

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ИЛУРАТ

1.1. Свинцовая гирия из Илурата¹

В ходе работ по изучению центрального района Илурата при исследовании в 1979 г. помещения 3 крупного жилого комплекса к юго-западу от Большой поперечной улицы под слоем сгоревших междуэтажных перекрытий была найдена свинцовая гирия хорошей сохранности, без значительных механических повреждений (рис. 1). По сопровождавшему материалу её можно датировать первой половиной III в. н. э. Это первая и единственная находка такого рода в Илурате.

Гирия была покрыта толстым слоем известкового налета. Её вес до очистки 411,02 г, после очистки 402,69 г. В плане гирия имеет почти квадратную форму: 6,5×6 см, толщина 0,8–1,0 см. На одной из её сторон в центре помещён вдавленный знак в виде восьмигранника. Здесь же имеется углубление, оставленное каким-то инструментом, видимо, при изъятии гири из формы. На оборотной стороне гири есть следы лёгкой коррозии и небольшие выемки, которые, скорее всего, являются следствием небрежного изготовления.

Гирия принадлежит к категории простых разновесов и, видимо, была изготовлена по заказу частного лица. Вдавленный знак на её поверхности указывает в данном случае на одну весовую единицу, очевидно, мину. На пер-

Рис. 1. Свинцовая гирия из Илурата

¹ Впервые опубликовано: Горнчаровский, 1982.

вый взгляд, ближе всего она стоит к пантикапейской мине в 408–410 гг., выделенной В. Д. Блаватским, впервые поставившим вопрос о существовании на Боспоре собственной весовой системы (Блаватский, 1955. С. 201–203)². Рассмотренные им разновесы равнялись $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ этой мины.

Позднее Л. И. Чуистой была опубликована сводка находок гирь на территории Северного Причерноморья (Чуистова, 1962. С. 7). Ей удалось выделить среди этого огромного материала несколько гирь, по своей эмблематике и надписям связанных с Пантикапеем. Изучение их веса и датировки позволило исследовательнице прийти к выводу о существовании другой боспорской мины, в 460–480 гг., бытовавшей с V в. до н. э. по первые века нашей эры. При этом она отнесла весовую систему, предложенную В. Д. Блаватским, к начальному периоду существования боспорских городов (Чуистова, 1962. С. 77).

К сожалению, в работе Л. И. Чуистой, как отметила в своё время Н. Л. Грач, имеется ряд существенных недостатков. В частности, за основу был взят действительный вес выделенных гирь без учёта потерь от различных изъянов (Грач, 1976. С. 194). Вновь подвергнув исследованию пантикапейские гири, опубликованные Л. И. Чуистой, Н. Л. Грач пришла к выводу, что они относятся к эллинистическому времени и по форме, характеру изображений и надписей составляют одну группу. Метрологический анализ этих гирь позволил ей утверждать, что «в период эллинизма в основе боспорской весовой системы лежала персидская мина весом в 504,6 г, с завышенным весом не менее чем на 5 г» (Грач, 1976. С. 195). Относительно более раннего времени в результате сравнительного анализа данных В. Д. Блаватского и Л. И. Чуистой, а также новых метрологических находок было выявлено одновременное существование на Боспоре двух весовых систем — эвбейско-аттической и, очевидно, собственно боспорской с миной в 480 г. (Грач, 1976. С. 198). Таким образом, ни весовая система, предложенная В. Д. Блаватским, ни система Л. И. Чуистой в настоящее время не могут быть приняты.

К какому же весовому эталону следует отнести нашу гирю и другие разновесы первых веков нашей эры, считавшиеся ранее принадлежавшими к весовой системе, предложенной В. Д. Блаватским? Уже Л. И. Чуистова отметила близость пантикапейской мины В. Д. Блаватского в 408–410 гг. к весу позднеаттической мины в 390–409 гг. (Чуистова, 1962. С. 34). В исследовании Н. Л. Грач на основе ряда нимфейских находок также было высказано предположение о том, что в период позднего эллинизма в основу

² При этом В. Д. Блаватский основывался на находках, главным образом в Пантикапее, нескольких весовых знаков, один из которых датируется VI в. до н. э., а три других — позднеэллинистическим временем.

боспорской весовой системы была положена позднеаттическая мина, получившая широкое распространение в различных районах Причерноморья со II в. до н. э. (Грач, 1976. С. 198; Лордкипанидзе, 1966. С. 134). Этот вывод, вероятно, можно распространить и на первые века нашей эры, так как публикуемая гиря, даже учитывая возможные потери веса, не превышающие по линейным измерениям 0,6 см (6,6 г), целиком укладывается в этот весовой эталон. К данной системе можно также отнести и две гири из эллинистическо-римского слоя Пантикапея (Блаватский, 1955. С. 201 сл.)³ весом в 101,21 г ($\frac{1}{4}$ мины)⁴ и 136,27 г ($\frac{1}{3}$ мины), гирию весом 60,3 г, найденную в 1954 г. при раскопках Раевского городища (Блаватский, 1955. С. 203), и свинцовые гири из Танаиса, определённые Д. Б. Шеловым как разновесы пантикапейской мины по В. Д. Блаватскому (Шелов, 1972. С. 162). Среди них особый интерес представляет гиря квадратной формы с инкрустированным медной проволочкой тамгообразным знаком, являющаяся, возможно, контрольным эталоном (Соломоник, 1962. С. 158). В. С. Драчук считал, что этот знак «мог быть либо тамгой царского магистрата, либо знаком самого царя» (Драчук, 1975. С. 70, табл. 14, 12, 4). Вес гири, равный 273 г, соответствует $\frac{2}{3}$ позднеаттической мины весом в 409 г. Другая гиря была найдена ещё в 1870 г. П. И. Хицуновым и имела на одной стороне неясное рельефное изображение во вдавленном клейме. Вес её 205 г, что составляет $\frac{1}{2}$ той же мины (Книпович, 1949. С. 62; Чуистова, 1962. С. 28). Первая из упомянутых гирь по весу очень близка к гире из Тиритаки (276 г) (Книпович, Славин, 1941. С. 58, рис. 84), происходящей из мешаного эллинистическо-римского слоя.

Часть разновесов, представляющих для нас интерес, происходит из раскопок Мирмекия, где в 1959 г. в слоях II–III вв. найдены гиря в 194 г с повреждённым углом ($\frac{1}{2}$ мины с учётом весовых потерь) (Чуистова, 1962. С. 34, табл. 10, 78) и контрольная гиря квадратной формы в 3 кг 935 г с расплавленным углом (изъят не более 100 г) и 10 крупными клеймами с изображением Гермеса (Чуистова, 1962. Табл. 10, 78, 79). Норматив последней, судя по клеймам, равен 10 весовым единицам, скорее всего позднеаттическим минам.

Таким образом, рассмотренные боспорские свинцовые гири времени позднего эллинизма и первых веков нашей эры составляют довольно компактную группу, в которой преобладают формы, близкие к квадрату, причём часть гирь снабжена весовыми или контрольными знаками. Анализ их

³ Следует оговорить, что в этом случае, как и в дальнейшем, мы используем данные весовых измерений, приведённые авторами соответствующих публикаций. При этом зачастую даётся действительный вес гирь без учёта возможных изъянов.

⁴ На гире имеются два знака КЕ, видимо, обозначающие её вес (25 драхм).

позволяет сделать предварительный вывод о том, что и в первые века нашей эры на Боспоре продолжает существовать весовая система, в основу которой в своё время была положена позднеаттическая мина весом в 409 г.

Возвращаясь к публикуемой гире, отметим, что она представляет собой довольно редкую находку не только для Илурата, но и для Боспора в целом. Так, для первых веков нашей эры, кроме илуратской, нам известна лишь одна гиря прямоугольной формы достоинством в одну мину (вес 414 г), найденная в 1958 г. на поселении у дер. Семёновка (Чуистова, 1962. С. 31; Кругликова, 1970. С. 35). С учётом допустимых весовых отклонений её также можно отнести к рассматриваемой весовой системе.

Находка гири крупного номинала в Илурате, где, как считалось ранее, торговля носила ограниченный характер с преобладанием натурального обмена (Гайдукевич, 1958а. С. 144), а также открытие клада из 66 боспорских биллоновых статеров (Фролова, Шургая, 1982) вносят определённые изменения в сложившиеся представления об облике культуры небольшого боспорского города-крепости.

1.2. Новый тип двойного денария Савромата II⁵

В 1982 г. в ходе работ по исследованию центрального района Илурата в кладке стены помещения А дома, выходявшего с западной стороны на перекрёсток двух главных улиц, была найдена медная монета, которая, видимо, была своеобразной «строительной жертвой». После удаления тонкой известковой корки оказалось, что она представляет собой уникальный двойной денарий царя Савромата II (174–210 гг. н. э.)⁶.

Приведём описание монеты (рис. 2): Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя в диадеме, вправо. Перед бюстом розетка (?). Точечный ободок. О.с. Обнажённый Геракл во весь рост, шагающий вправо с двузубой мотыгой в руках. За его спиной в монетном поле помещена львиная шкура; под ней, у левой ноги — палица. Справа знак двойного денария — шестиконечная звезда (*) В. Точечный ободок. ↑↓. Д = 29,6–32 мм, вес 14,19 г. Сохранность хорошая.

Этот двойной денарий относится к серии монет с изображениями подвигів Геракла. До его находки были известны описанные ещё в прошлом столетии боспорские монеты (Кёне, 1857. С. 288 сл.; Бурачков, 1884. С. 274 сл., табл. XXX, 230–238; Гиль, 1891. С. 15, табл. VII, 74–77; Гиль, 1895.

⁵ Впервые опубликовано: Горончаровский, 1984. Текст статьи исправлен и дополнен.

⁶ В настоящее время монета находится в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № ОН-А-ДГ-38278).

Рис. 2. Двойной денарий Савромата II с изображением пятого подвига Геракла (очистка скотного двора царя Авгия)

Табл. XX, 69; Köhne, 1861. S. 193 ff.), где присутствуют шесть подвигов (Фролова, 1977. С. 172 сл., табл. II, 2–25, 27; XII, 28): 1) борьба с Лернейской гидрой (второй); 2) Геракл, несущий Эриманфского вепря (четвертый); 3) Геракл, стреляющий из лука в Стимфалийских птиц (шестой); 4) укрощение Критского быка (седьмой); 5) похищение коней Диомеда (восьмой); 6) Геракл, срывающий яблоки в саду Гесперид (одиннадцатый)⁷. Кроме того, известны двойные денарии с изображением отдыхающего Геракла с чашей и палицей (Фролова, 1999а. С. 172, табл. 11, 26). Какой-либо определённый весовой стандарт в этой серии отсутствует. Вес монет колеблется от 10,88 до 18,54 г.

Данная монета демонстрирует ранее неизвестный тип реверса. Здесь помещён сюжет, связанный с пятым подвигом Геракла — очисткой скотного двора царя Авгия. Как уже отмечалось, герой изображён с двузубой мотыгой. Такие сельскохозяйственные орудия носили название *scarpeira dicella* и использовались для обработки земли (Шмидт, 1933. С. 47). Это довольно редкая разновидность мотыги и образцы её, происходящие из раскопок, весьма немногочисленны. Полных аналогий изображённому

⁷ Нумерация подвигов приведена в соответствии с «Мифологической библиотекой» Аполлодора (Apollod. II, 5, 1–12). На сайте <https://bosporan-kingdom.com> были размещены четыре монеты с изображением ещё одного — третьего подвига: поимка Керинейской лани (идентификационный номер 000–4043). Впервые монета с таким сюжетом была опубликована в 1999 г. (Фролова, 1999а. С. 29–31).

на монете орудию нам не известно. Возможно, это особый тип двузубой мотыги, применявшийся на Боспоре. Ближе всего к нему стоит железная мотыга эллинистического времени из Приены (Wiegand, Schröder, 1904. S. 389, Abb. 501). Для более позднего времени характерны двузубые мотыги из Моргантины (Kultura materialna, 1975. S. 267) и Харакса (Блаватский, 1951. С. 251, рис. 4, 1).

Изображения подвигов Геракла нередко встречаются на античных монетах начиная с IV в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 232, табл. X, 3; Bräuer, 1910. S. 36), но большие серии монет, где представлены все или, по крайней мере, большая часть подвигов, появляются только в провинциальной римской чеканке со времени Антонина Пия. В частности, в 140–142 гг. н. э. в Александрии в огромном количестве были выпущены медные монеты со всеми двенадцатью подвигами (Dattari, 1901. Tabl. XV; Тюрин, 2021). По композиционному замыслу наиболее близки к боспорским двойным денариям с изображениями подвигов Геракла монеты Гераклеи Понтийской (см., например: Babelon, Reinach, 1908. P. 362, № 107–109, pl. LVIII, 20, 22; p. 366, № 133, 135, pl. LIX, 18, 19; Масленников, 1986). На одной из них с портретом Геты (209–212 гг. н. э.) изображён Геракл в той же иконографической схеме, что и на боспорской монете: герой в львиной шкуре шагает вправо, держа обеими руками двузубую мотыгу (Babelon, Reinach, 1908. P. 369, № 161, pl. LX, 8), по форме напоминающую орудие, происходящее из Приены. Этот же тип изображения повторяется на монетах императоров Гордиана III (238–244 гг. н. э.) и Галлиена (253–260 гг. н. э.) (Babelon, Reinach, 1908. P. 381, № 241, pl. LXII, 18). Данный сюжет в несколько иной трактовке мы видим и на денарии галльского императора Постума (259–268 гг. н. э.), где Геракл, обращённый влево, заносит над головой двузубую мотыгу (Тюрин, 2021. С. 37). В сходной позе Геракл представлен на краснолаковых рельефных кубках II–III вв. н. э., где он, совершая свой пятый подвиг, разбивает скалу остроконечной мотыгой типа кетменя (Наливкина, 1958. С. 315, рис. 4, 5; Courby, 1922. P. 441, fig. 94). С мотыгой Геракл изображён и на саркофаге III в. н. э. из музея Торлония в Риме (Блаватский, 1941. С. 192, рис. 3, 4). Правда, в последнем случае, видимо, из-за недостатка места он представлен в спокойной позе, опирающимся на мотыгу. Возможно, все описанные изображения, в том числе и на боспорском двойном денарии, восходят к одному изобразительному источнику, который копировался в художественных мастерских на территории империи (ср.: Сидорова, Чубова, 1979. С. 166).

Выпуск двойных денариев с мифологическими сюжетами тесно связан с событиями политической и экономической жизни Боспора конца II в. н. э. В 186 г. н. э., по-видимому, перед планировавшимися военными

мероприятиями, Савромат II начал проведение реформы денежного обращения, заключавшейся в увеличении выпуска статеров и введении новых номиналов меди (драхма, денарий и двойной денарий), значительно превышающих по ценности прежние (Зограф, 1938. С. 289; Фролова, 1977. С. 156). Среди двойных денариев с первым периодом реформы, видимо, следует связывать наиболее многочисленные монеты с изображением царя на коне в позе адорации. Впервые такой монетный тип появляется на сестерциях предшественника Савромата II — Евпатора, датирующихся 164–170 гг. н. э. (Фролова, 1971. С. 67, табл. VII, 9, 10; VIII, 1, 2).

Остальные типы этого номинала сюжетно связаны между собой и носят ярко выраженный «триумфальный» характер, прославляя победы Савромата II. Их появление объясняют эпиграфические данные о произошедших незадолго до 193 г. н. э. военных действиях на границах Боспора и у южных берегов Понта, в результате чего были покорены сираки, скифы и Таврика, а море в Понте и Вифинии очищено от пиратов (КБН. 1237).

С одной стороны, на некоторых двойных денариях Савромат II предстаёт опирающимся на палицу и трезубец, эти атрибуты указывают на его происхождение от Геракла и Посейдона (КБН. 53, 1248), в отдельных случаях его увенчивает Ника (Фролова, 1977. С. 231, табл. II, 17, 18, 20). С другой стороны, парадная серия монет с изображением подвигов Геракла проводила прозрачную параллель между военными успехами царя и подвигами его божественного предка. Такая наглядная политическая пропаганда должна была способствовать укреплению престижа правящей династии среди широких слоёв населения.

Видимо, в этот период усиления могущества Боспора, частично совпавший со смутным для Римской империи временем, последовавшим за смертью императора Коммода в 192 г. н. э., Савромат II почувствовал себя достаточно самостоятельным (Цветаева, 1979. С. 27). Во всяком случае, в двух датированных 188 и 192 гг. н. э. надписях из Танаиса (КБН. 1242, 1243), носящих вполне официальный характер, отсутствует титул *φιλόκαλος καὶ φιλόρῳμος*, прочно вошедший в титулатуру боспорских царей с I в. н. э. Не случайно новый этап в денежном обращении Боспора падает на 196 г. н. э., когда Септимию Северу после взятия Византии удалось утвердиться в восточных провинциях империи (Зограф, 1938. С. 304). Отличительными чертами этого этапа являются постепенное сокращение выпуска статеров, резкое понижение веса двойного денария, надчеканка прежнего номинала изображением головы Септимия Севера и повышение путём перечеканки номинала денариев, выпускавшихся в предшествующее десятилетие (Зограф, 1938. С. 305; Фролова, 1977. С. 156).

Исходя из политической ситуации, сложившейся на Боспоре в конце II в. н. э., вряд ли можно вслед за А. Н. Зографом считать, что серия монет с подвигами Геракла выпускалась на протяжении всего периода реформы, потребовавшей «разменной монеты в достаточном количестве» (Зограф, 1938. С. 303). Скорее всего, она относилась к финальному этапу реформы и носила ограниченный, коммеморативный характер. Подобные монеты, отчеканенные в небольшом количестве, могли использоваться как награды для участников военных действий, среди которых оказался и один из воинов илуратского гарнизона. При этом рассматриваемая монетная серия, как и подобные ей выпуски провинциальных римских городов, не утратила связи с денежным обращением, соответствуя по весу отчеканенным ранее двойным денариям.

Интересно отметить наличие снабжённых надчеканками двойных денариев с изображениями подвигов Геракла в патрейском кладе 1970 г., *terminus post quem* для которого даёт статер Рескупорида IV 548 г. б. э. (251/252 г. н. э.) (Голенко, 1978. С. 11). Этот факт свидетельствует о длительности обращения монет данного типа на Боспоре.

Находка двух ранее неизвестных типов двойных денариев с изображениями подвигов Геракла позволяет достаточно уверенно предполагать, что в этой серии были представлены все двенадцать подвигов и в будущем можно надеяться на открытие новых имеющих отношение к ней монетных типов.

1.3. Илуратская винодельня⁸

В 1981 г. в одном из центральных городских кварталов Илурата, к северо-востоку от Большой поперечной улицы (V участок), впервые был открыт достаточно хорошо сохранившийся комплекс винодельни II–III вв. н. э. С улицей он сообщался посредством коридора размерами 7,42×2,05 м, из которого можно было попасть в любое из внутренних помещений.

Восточная часть коридора, так же как северный и восточный углы производственного помещения (7,5×5,7 м), была целиком выбрана. Здесь, как и во всём комплексе винодельни, прослеживались два строительных периода. К первому из них относятся расположенные на одной оси три ямы колоколовидной формы, выдолбленные в скале. Их горловины, обрамлённые блоками пилёного известняка, имели прямоугольную форму. Наибольший

⁸ Впервые опубликовано: Горончаровский, 1985. Текст статьи исправлен и дополнен данными, полученными в результате исследования комплекса винодельни в 1986 г.

интерес представляет яма в юго-западной части коридора. Глубина её от верхнего края горловины составляет 2,85 м, диаметр дна — 1,95 м. В заполнении найдены обломки красноглиняных боспорских амфор и фрагменты красноглиняных сосудов, в том числе кувшина с воронкообразным горлом второй трети III в. н. э. (ср.: Гайдукевич, 1958а. С. 126, рис. 136). На дне ямы находился полуметровый слой (около 2000 см³) хорошо сохранившихся косточек винограда различных сортов, одновременно использовавшихся для изготовления винного сусла. Среди них наряду с винными сортами присутствовали семена столового и дикорастущего (*Vinis sylvestris*) винограда (Янушевич, 1986. С. 66–67, рис. 46–48). Очевидно, это единовременный сброс мезги из винодельни, сделанный в период, когда необходимость в эксплуатации ямы отпала.

Во втором строительном периоде коридор был вымощен известняковыми плитами неправильных очертаний, перекрывшими горловины ям. Для того чтобы связать эту вымостку с уровнем пола производственного помещения винодельни, потребовалось соорудить лестницу из пяти ступеней, пристроенную к стене, уже покрытой ранее слоем цемянки. Всю северо-восточную половину помещения, где производилась первичная обработка винограда, занимала вымостка из уплотнённых плит известняка. Она граничила с двумя цистернами для винного сусла и четырьмя давяльными площадками (А–Г), обмазанными цемянкой (рис. 3–6), как и примыкавшие к ним участки стен. Таким образом, илуратская винодельня относится к типу композитных с двумя смежными резервуарами (Винокуров, 2007а. С. 106).

Рис. 3. Илуратская винодельня. Вид с юга

Рис. 4. Илуратская винодельня. Вид с востока

Наиболее хорошо сохранилась площадка А, расположенная в западном углу помещения. Эта гладкая платформа ($2,78 \times 1,87$ м) имела наклон в сторону цистерн при разнице в уровне между её юго-западным и северо-восточным краями около 0,18 м. Как и площадки В ($2,53 \times 2,03$ м) и Г ($1,68 \times 1,5$ м), она использовались для отжима винограда ногами. От центральной площадки Б ($2,5 \times 1,8$ м), расположенной на более низком уровне, её отделял небольшой уступ высотой 0,08 м. Другая давящая площадка (В), примыкавшая к юго-западной стене, была частично разрушена, что позволило выявить 11 слоёв подмазки. Такое многослойное покрытие является характерной особенностью боспорских виноделен первых веков нашей эры (Гайдукевич, 1958б. С. 411). Толщина слоёв колеблется в пределах 0,8–1,0 см.

В основании площадки Б, где производился отжим виноградной мезги, находился настил из крупных каменных плит, на котором, видимо, укладывалась давящая тара или устанавливался разборный деревянный ящик — *галеагра* (Гайдукевич, 1958б. С. 388). По линии её центральной оси, за северо-восточной стеной производственного помещения, в специальном углублении размерами $1,77 \times 0,86$ м и глубиной 0,44 м, облицованном поставленными на ребро известняковыми плитами, был уложен каменный блок-гирия в форме параллелепипеда весом около 1,4 т. Она размещалась

в небольшом предназначенном для неё узком помещении площадью около 18 кв. м ($6,35 \times 2,86$ м) с глинобитным полом, уровень которого на 0,38 м ниже вымостки винодельни. На блоке размерами $1,33 \times 0,77 \times 0,66$ м имелись пазы глубиной 5–7 см для крепления к нему с помощью деревянных деталей винтового механизма рычажного пресса, прочно вошедшего в практи-

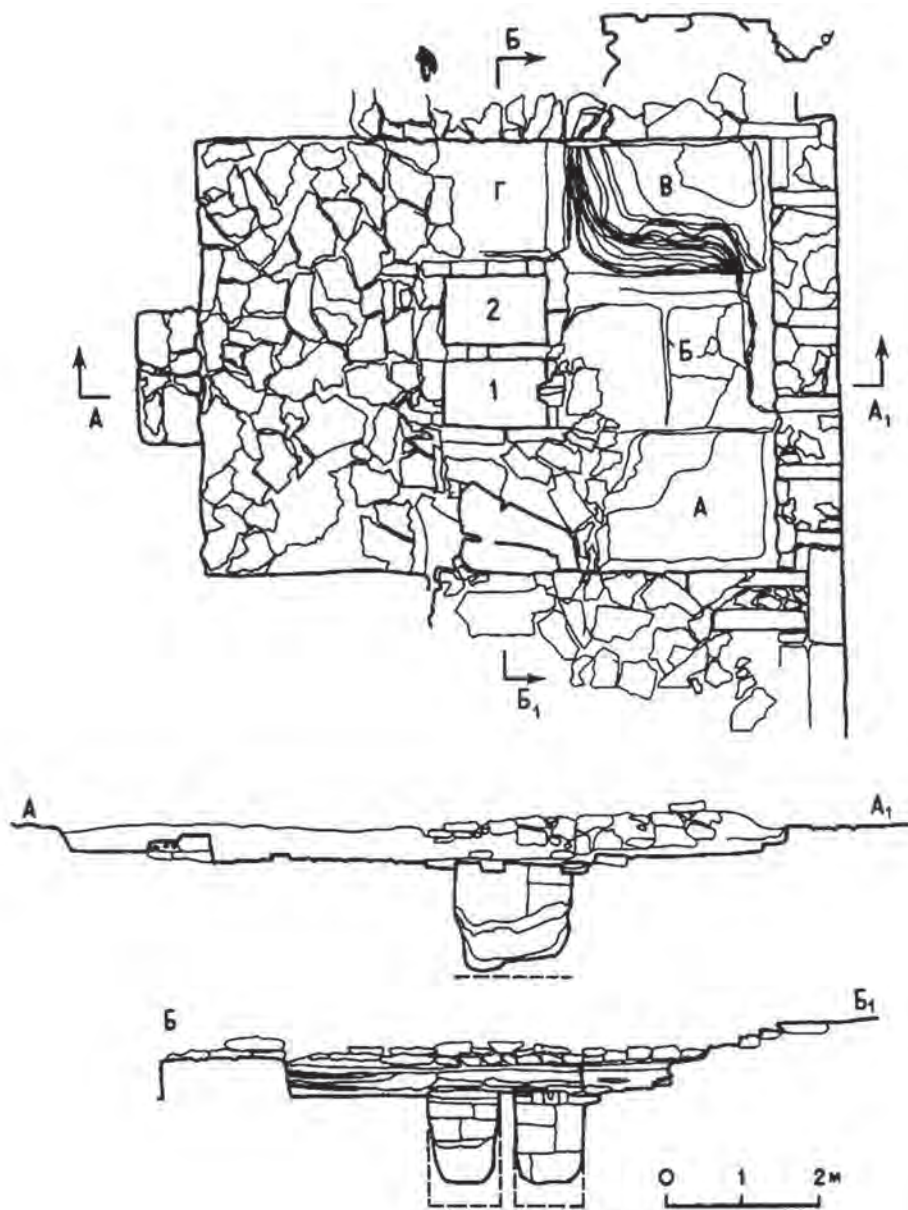

Рис. 5. План и разрезы производственного помещения винодельни

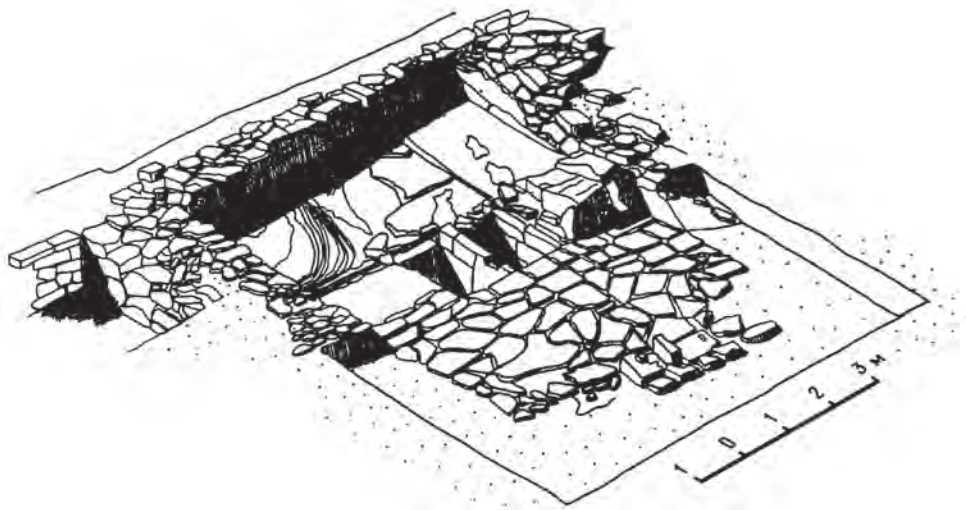

Рис. 6. Производственное помещение илуратской винодельни (аксонометрия)

ку боспорского виноделия в первые века нашей эры (Гайдукевич, 1958б. С. 399). Деревянный брус пресса, длина которого, судя по расстоянию, отделявшему гирию от площадки, была не менее 9 м, очевидно, вставлялся одним концом в опорное гнездо, представлявшее собой нишу в юго-западной стене винодельни, другим подтягивался к неподвижному каменному блоку⁹. Прочность стены в данном случае была усилена за счёт регулярного характера кладки, тщательно сложенной из хорошо обработанных квадров известняка. В данном случае связующим элементом служили вытянутые прямоугольные блоки, впущенные в кладку на всю её ширину (0,93 м) через равные промежутки в 0,71–0,73 м. На стыке площадки Б с соседними в этой стене имелись два паза размерами 0,18×0,17 м и глубиной 0,1 м, которые использовались для установки деревянных перегородок, служивших бортиками давяльных площадок А и В.

Центр производственного помещения занимали два смежных резервуара общим объёмом около 3,5 тыс. л. В винодельнях небольших размеров, типа илуратской, обычно перерабатывали урожай винограда, произведённый в рамках земельного надела средней величины (ср.: Щеглов, 1978. С. 113). В данном случае, если исходить из количества единовременно выжатого винного сусла, площадь виноградника составляла около 1,5 га (Гайдукевич, 1958б. С. 450). Получаемое в подобном объёме вино, скорее всего, предназначалось для обитателей близлежащего дома, которым принадлежала винодельня, и лишь частично поступало на рынок.

⁹ Другую точку зрения см.: Винокуров, 2007а. С. 167.

Резервуары сложены из тщательно обработанных и плотно подогнанных друг к другу квадров известняка, обмазанных раствором цемянки, которая в углах образует тяги, делая все переходы плавными, чтобы здесь не скоплялись осадки. Использованный строительный раствор по своему составу аналогичен покрытию давяльных площадок. Зафиксировано пять слоёв подмазки толщиной 0,4–0,5 см.

Резервуар 1 имеет внутренние размеры 1,54×0,94 м. Дно его постепенно понижается в северо-восточном направлении с глубины 1,12 до 1,3 м, образуя углубление для скопления осадка во время отстаивания сусла. На юго-западной стороне резервуара находился слив подтреугольной формы с жёлобом шириной 0,08 м. Фрагмент другого слива, относящегося к цистерне 2, был найден в её заполнении. Внутренние размеры резервуара 2: 1,52×0,93 м. Дно его понижается в северо-восточном направлении с глубины 1,18 до 1,38 м.

За помещением для гири пресса находился склад площадью 26 кв. м, где хранилась часть готовой продукции винодельни. Для неё предназначались три красноглиняных пифоса общей ёмкостью около 2100 л, на 0,7 м вкопанных в слой серовато-жёлтого суглинка. Диаметр их тулова составлял 1,25 м, разбитого венчика — 0,5 м. Рядом были выявлены углубления в полу для установки ещё двух пифосов. Таким образом, общий объем размещавшейся в помещении керамической тары соответствует производительности винодельни при полной загрузке её резервуаров.

Северный угол комплекса винодельни занимало небольшое хозяйственное помещение размерами 4,84×2,7 м, погибшее в огне пожара. Его перекрывал слой золы и угля мощностью до 0,63 м, на стенах сохранились следы копоти. Здесь были обнаружены две ямы грушевидной формы, выдолбленные в скале. В большей из них, глубиной 1,59 м, помимо массового материала найдены обломки виноградарского ножа, кусок кристаллического гипса и медный сестерций Котиса II (123–132 гг. н. э.). У северо-западной стены помещения располагались остатки примитивного очага размерами 1,85×1,72 м и рядом с ним — развал саманной плиты.

Рассмотренный строительный комплекс по своему характеру вполне соответствует традиции сооружения виноделен первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. В качестве примера можно привести достаточно хорошо сохранившуюся ольвийскую винодельню, обнаруженную в 1873 г. (Винокуров, 2007а. С. 108–109, рис. 62, 1). На Боспоре, помимо илуратской, они известны в Пантикапее, Нимфее, Горгиипии и Кепях (см.: Блаватский, 1953а. С. 178; Гайдукевич, 1958б. С. 438; Винокуров, 2007а. С. 137, рис. 100, 1–3).

1.4. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжёлой кавалерии)¹⁰

В ходе исследования Илурата у юго-восточной оборонительной стены в 1979–1980 гг. был открыт крупный жилой комплекс площадью около 600 кв. м. На позднем этапе своего существования, в первой половине III в. н. э., он объединил два домовладения обычной для этого памятника планировки, в основе которой лежал большой мощёный двор с несколькими помещениями по периметру. В данном случае дворы соединялись узким проходом, а один из входов со стороны улицы был заложен. Владелец этого участка, несомненно, принадлежал к социальной верхушке города, на что указывает ряд происходящих отсюда находок: довольно большое для Илурата количество монет, свинцовая гиля достоинством в одну мину и т. д. Интересная находка была сделана в помещении, располагавшемся в восточном углу рассматриваемого жилого массива, у оборонительной стены, — обломок штукатурки красного цвета с процарапанным на ней изображением скачущего на коне воина в длинном панцирном доспехе с пикой в правой руке (рис. 7). По всей вероятности, на этом граффито изображён сам хозяин дома, участвовавший в местном ополчении в соответствии со своим высоким имущественным цензом в качестве тяжеловооружённого всадника-катафрактария. Об этом свидетельствует также и тот факт, что в доме имелось специальное помещение для содержания верхового коня.

Предварительная публикация граффито была осуществлена И. Г. Шургая, который в небольшой статье, естественно, не стремился дать обстоятельную характеристику вооружения илуратского всадника, а лишь ограничился кратким описанием изображения на граффито и столь же лаконичным, но достаточно полным освещением ситуации в военном деле позднеантичного Боспора, характеризовавшейся прежде всего усилением роли катафрактарной кавалерии (Шургая, 1983. С. 98–100, рис. 4). Большая научная ценность сделанного открытия заключается в том, что, во-первых, в настоящее время известна только одна прямая аналогия находке из Илурата, а именно граффито II в. н. э. из Дура-Европос с изображением конного бронированного копейщика (Rostovtzeff, 1933. P. 216 ff., pl. XXII, 2), а во-вторых, подобные сюжеты не так уж часто встречаются на памятниках античного времени.

По справедливому замечанию И. Г. Шургая, автор столь выразительного рисунка нанёс его на стену «не в целях украшения, а как нередко

¹⁰ Впервые опубликовано: Горончаровский, Никоноров, 1987. Текст статьи исправлен и дополнен.

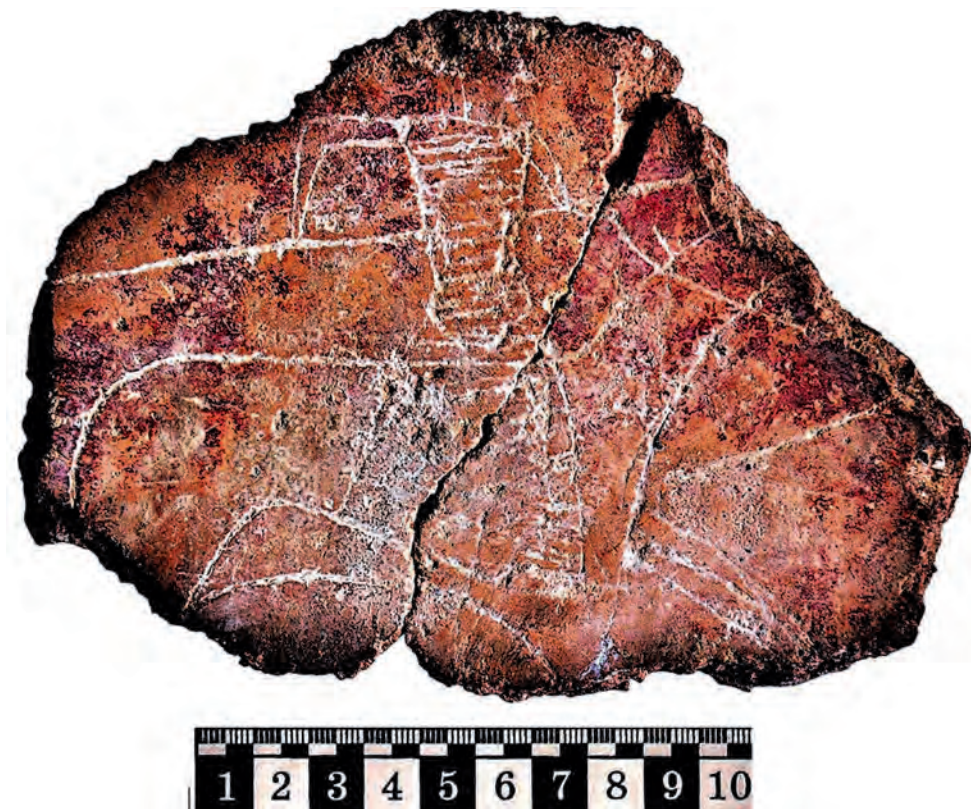

*Рис. 7. Граффито из Илурата с изображением катафрактария
(конец II — первая половина III в. н. э.)*

делаются граффито под влиянием минуты. Именно это и придаёт данному изображению документальную ценность: художник изобразил то, что было предметом его каждодневных впечатлений» (Шургая, 1983. С. 99). Исходя из ряда довольно чётко просматриваемых деталей граффито, авторы хотели бы не только дать свою реконструкцию вооружения илуратского всадника (рис. 8), но и попутно рассмотреть ряд возникающих при этом вопросов. Конечно, предлагаемый вариант не претендует на исчерпывающую точность, оставляя возможность для дальнейших поправок. Судя по всему, конный воин на граффито одет в длинный — до середины голени — панцирный доспех, представляющий собой безрукавный кафтан, очевидно, из кожи, с глубокими разрезами спереди и сзади, на который горизонтальными рядами встык нашиты крупные прямоугольные металлические пластины. Такой панцирь мог быть цельным, надеваемым через голову, поверх, например, шерстяной рубахи, но мог состоять и из двух частей — передней и задней, скрепляемых между собой на плечах и по бокам (на рис. 8 пред-

*Рис. 8. Илуратский катафрактий.
Реконструкция В. А. Горончаровского и В. Б. Мартирова*

почтение отдано первому варианту). Данная реконструкция основывается на изображении двух сидящих «по-женски» сарматских (аланских?) катафрактариев в длинных пластинчатых панцирях на фреске из керченского склепа второй половины I в. н. э., открытого А. Б. Ашиком в 1841 г. (рис. 9)

*Рис. 9. Фрагмент настенной росписи с батальной сценой из склепа,
открытого А. Б. Ашиком в 1841 г. (вторая половина I в. н. э.)*

(Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXVIII, 2). Следует заметить, что, поскольку эта роспись не сохранилась в оригинале, а известна лишь по копии, выполненной художником А. М. Стефанским, М. И. Ростовцев высказал мнение, что «несомненно, общая композиция сцены зарисована правильно, но детали посадки, костюма и вооружения интерполированы неточным и невежественным рисовальщиком. Так, несомненной фальсификацией или интерполяцией является женская посадка и доходящий до низа ног панцирь-кафтан двух сражающихся рыцарей на правой части стены. Шлемы с обозначенными продольными и поперечными рёбрами ясно показывают, что мы имеем здесь дело с обычным изображением боспорских всадников в яйцевидных решётчатых шлемах и длинных чешуйчатых панцирях. Эти панцири и обычное изображение у сидящих на лошади всадников левой ноги, выдвинутой вперёд, а правой, по ту сторону лошади, отброшенной несколько назад, повели к фантастической реконструкции, вероятно, несколько повреждённого оригинала» (Ростовцев, 1914. С. 352 сл.).

По поводу посадки и доспехов всадников склепа, открытого А. Б. Ашиком, существует ещё несколько предположений. Так, согласно точке зрения Ю. М. Десятчикова, весьма вероятно, что в рассматриваемой сцене конного боя «были изображены всадники-катафрактари, лошади которых имели панцирный пластинчатый доспех» (Десятчиков, 1972. С. 75). Также было высказано мнение о том, что всадник, используя намеренно неустойчивую, «дамскую» посадку, тем самым демонстрировал своё пренебрежение к противнику (Кызласов, 1973. С. 35), было предложено и суждение иного рода: конникам, одетым в длинный и тяжёлый, неразрезанный спереди панцирь, «ничего не остаётся, как сидеть боком» (Горелик, 1971. С. 245). Все эти объяснения, конечно же, не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку такая посадка совершенно невозможна для тяжеловооружённого всадника.

Впрочем, как уже говорилось, М. И. Ростовцев считал, что на самом деле это изображение сидящих на лошади всадников, у которых левая нога выдвинута вперёд, а правая, по другую сторону лошади, отброшена несколько назад (Ростовцев, 1914. С. 353). Скорее всего, А. М. Стефанский действительно неверно интерпретировал изображение длинных доспехов, естественно, имевших разрезы. Если нижний край полы доспеха спускается чуть ниже брюха лошади, то левая нога всадника показана вполне реально, а правая была трактована так, как будто он сидит на лошади боком (ср.: Галль фон, 1997. С. 186). Кроме того, следует отметить, что многих исследователей ввело в заблуждение стремление боспорских живописцев к максимальной фронтальности изображения социально значимых персонажей и определённой симметрии композиции. Как иначе объяснить, по-

чему на фреске из склепа Ашика вооружённые пиками боспорские конные воины развёрнуты вперёд левым плечом, а их противники — правым? В противном случае был бы нарушен торжественно-парадный характер росписи (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 213).

Катафрактий из Илурата, изображённый без всяких условностей и идеализации, облачён в громоздкую броню и сидит правильно, «по-мужски», не оставляя никаких сомнений в том, что его доспех снабжён необходимыми в этом случае разрезами. Относительно того, к какому типу принадлежит панцирь илуратского воина, ещё раз отметим, что он был не чешуйчатым, как полагал М. И. Ростовцев, а пластинчатым, т. е. состоящим из крупных металлических пластин, всей своей плоскостью нашитых на мягкую основу доспеха. На это указывают прочерченные горизонтальные линии¹¹, причём сами пластины, скорее всего, просто не прорисованы. Тем не менее можно отметить, что на торсе всадника расстояние между ними меньше, чем в нижней части защитного облачения, что говорит о размере использованных для него пластин, обеспечивавших бóльшую подвижность корпусу воина.

Конечно, из-за схематичной передачи структуры панцирного одеяния может создаться впечатление, что на граффито показан «ламинарный», т. е. набранный из горизонтально расположенных металлических или кожаных полос доспех. Однако в коротком, доходящем до пояса варианте он известен только у римских легионеров I–II вв. н. э. (Robinson, 1975. P. 174–185), а в длинном — у воинов, изображённых на раннесредневековых памятниках Центральной Азии. В ламинарные панцири, вероятно, одеты тюркские конники на хархадской писанице (Монголия), датируемой примерно VI–VII вв. (Новгородова, Горелик, 1980. С. 101–112, рис. 6–9), и более определённо — согдийский всадник на фрагменте декоративного щита с горы Муг, датирующегося VII–VIII вв. (Джалилов, 1961. С. 85–87, рис. 17), а также конные и пешие воины на фресках этого же времени из Восточного Туркестана (Le Coq, 1925. Fig. 32, 33, 65, 66, 68, 108). Применение длинного ламинарного доспеха в античное время не зафиксировано. По этой причине, а не только по аналогии с изобразительными материалами склепа Ашика, для нашей реконструкции бронированного одеяния всадника из Илурата выбраны довольно крупные панцирные пластины. Ведь мелкопластинчатый панцирный набор, появившийся ещё в глубокой древности¹², имея ряд

¹¹ В верхней части панциря они образуют 10 полос, в нижней — 12, что соответствует рядам пластин на реконструкции.

¹² Длинные мелкопластинчатые доспехи отмечены на рельефах египетского фараона Рамзеса II (XIII в. до н. э.) и ассирийского царя Ашшурнасирапала II (IX в. до н. э.).

преимуществ (большая гибкость и лёгкость), в то же время не обладал достаточной прочностью.

По нашему мнению, илуратская находка подтверждает бытование на Боспоре в первые века нашей эры длиннополой защитной одежды, армированной крупными металлическими пластинами. Этот тип оборонительного доспеха также известен с древнейших времён. Он получил распространение среди пеших и колесничных воинов в Египте, в Сиропалестинском регионе и на Кипре ещё во второй половине II тыс. до н. э. В IX в. до н. э. его применение отмечено на рельефах ассирийского царя Салманасара III (Barnett, Forman, 1959. Taf. 147–150, 158–160, 162, 163, 168, 169, 171–173), а столетием позже — в скульптуре из Сакчегезу (Северная Сирия) (Klengel, 1979. Taf. 67). Но почти сразу же перед носителями столь громоздких и несовершенных доспехов встала проблема их облегчения. Если вначале она решалась путём замены больших пластин панцирного набора мелкими, то начиная с VIII в. до н. э. передовые в военном отношении ассирийцы вообще отказались от неудобных длинных доспехов, заменив их короткими — пластинчатыми и чешуйчатыми.

Традиция употребления длинной пластинчатой нашивной брони на Переднем Востоке как будто бы прервалась, но позднее она снова появляется, уже в другом регионе. Длинные пластинчатые панцири фигурируют на монетах сакских правителей индоиранского приграничья I в. до н. э. — начала I в. н. э., причём теперь они выступают в новом качестве — как защитное снаряжение тяжёлой конницы. Интересующие нас монеты с изображением бронированного всадника на аверсе происходят из Арахосии (древней области на юге современного Афганистана) и Северо-Западной Индии. К местному чекану относятся монеты некоего Вонона, носящего пышный титул «царь царей»¹³, Спалагадама и Спалириса (Gardner, 1886. Pl. XXI, 12; XXII, 1, 3; Whithead, 1914. Pl. XIV, 386, 394, 395), а также эмиссии индо-сакских правителей. Конники в тяжелых доспехах — обычный сюжет на монетах царства саков (шаков) с центром в Гандхаре на протяжении всего периода его существования (ок. 80 г. до н. э. — начало I в. н. э.) начиная с правления царя Мава и далее в чекане его преемников: Аза I, Азилиса и Аза II (Gardner, 1886. Pl. XVII, 8, 10–13; XVIII, 1–11; XIX, 8; XX, 2, 3, 9–11; XXI, 3; Whithead, 1914. Pl. XI, 36, 38; XII, 292, 304; XIII, 319, 331; XIV, 358). Панцири, в которые облачены на этих монетах индо-сакские государи,

¹³ Этот Вонон, возможно, был парфянским правителем Сакасны, которому подчинялась и Арахосия (Массон, Ромодин, 1964. С. 138), или же, согласно другой точке зрения, одним из парфянских «безымянных» царей «тёмного времени» (90–57 гг. до н. э.), в правление которого Арахосия очень недолго, около 75–70 гг. до н. э., входила в сферу влияния Аршакидов (Simonetta, Widemann, 1978. P. 162 ff., 167).

представляют собой длинное, ниже колен, одеяние, бронированное большими прямоугольными пластинами (рис. 10). Конечно, применение таких доспехов нельзя объяснить архаическими пережитками в развитии средств личной защиты. Налицо стремление найти универсальный тип брони, эффективно соединяющей в себе функции не только панциря, защищающего грудь и спину, но и одновременно прикрытия для таких уязвимых частей тела конного воина, как бёдра и ноги. Другое дело, что, будучи достаточно прочным, такой доспех ввиду своей тяжести и излишней жёсткости не был широко распространён, а известен лишь у индо-сакских и боспоро-сарматских катафрактариев. Наибольшее же применение в тяжёлой коннице позднеантичного времени получили чешуйчатые и кольчужные рубахи, как длинные, достигавшие колен, так и короткие, сочетавшиеся с различными видами набедренных и ножных лат.

На наш взгляд, столь малая распространённость длинного всаднического пластинчатого доспеха вместе с довольно чёткой первоначальной локализацией его носителей позволяет говорить о среднеазиатском происхождении этого типа защитного вооружения. Хорошо известно, что и индо-саки, и сарматы самым тесным образом были связаны со Средней Азией. Появление саков на территории Арахосии и Северо-Западной Индии явилось следствием событий, имевших место в первой половине II в. до н. э. в глупинных районах Центральной Азии (Narain, 1957. Р. 128–138).

Говоря о сарматах, через посредство которых рассматриваемый тип панцирного доспеха попал в Северное Причерноморье, нельзя не констатировать тот факт, что в настоящее время археологически засвидетельствованы

Рис. 10. Монеты индо-сакских царей: 1 — Спалириса (ок. 70 г. до н. э.);
2 — Аза I (середина I в. до н. э.)

тесные контакты племён сарматского круга, первоначально живших в Южном Приуралье и Приаралье (аорсов, роксоланов и аланов), с сако-массагетским миром Средней Азии; безусловно, эти контакты имели место и в военной сфере (Смирнов, 1964. С. 280; Смирнов, 1975. С. 174). Таким образом, с известной долей вероятности можно предположить, что длинные пластинчатые панцири, специально предназначенные для всадников, появились на территории обитания сако-массагетов — от бассейна Амударьи на западе до Семиречья на востоке — уже к моменту юэчжийской экспансии, т. е. по крайней мере до середины II в. до н. э., и в таком виде были восприняты сарматскими племенами Южного Приуралья и Приаралья. Впрочем, не исключено, что происхождение указанных доспехов было связано именно с этой территорией.

Трудно согласиться с Л. Бакхофером, который увидел в индо-саках сарматов, мотивируя это тем, что именно для последних характерен тот комплекс тяжёлого вооружения, который изображён на монетах индо-сакских правителей (Bachhofer, 1941. Р. 247–249). Однако из Арриана мы знаем, что в битве при Гавгамелах среднеазиатские скифы (саки) — союзники Дария III — вместе со своими конями были тщательно защищены доспехами (Агг. *Anab.* III, 13, 4). Неправильность взгляда на скифо-сакское войско только как на массу легковооружённых конников подтверждают также археологические находки, происходящие из Средней Азии: остатки железного пластинчатого панциря (или панцирей), обнаруженные в камере круглого погребального сооружения на городище Чирик-Рабат (Толстов, 1962. С. 148, 150, рис. 82, *a–z*; Трудновская, 1963. С. 209 сл.), часть изображения всадника в латах на фрагменте терракотовой фляги из Хумбуз-Тепе (Мамбетуллаев, 1977. Рис. 1 на вкладке к с. 128) и бронированное одеяние сакского вождя («золотого человека») из кургана Иссык (Акишев, 1978. С. 52, илл. 69).

Не только типологически, но, очевидно, и генетически к доспехам индо-сакских катафрактариев восходят панцири, представленные на памятниках искусства Гандхары, — пехотинец на рельефе из Капилавасту (Горелик, 1982. С. 92, табл. 7, *a*) и Кушанской Бактрии — доспех катафрактария на композициях скульптурного зофора дворца в Халчаяне (Горелик, 1982. С. 82–84, табл. 1, *a–б*). Правда, панцири гандхарского и халчаянского воинства едва ли опускаются ниже середины бедра и представляют собой, скорее всего, усовершенствованный вариант такого типа доспеха. Применение в Средней Азии длинного крупнопластинчатого панциря документально зафиксировано для эпохи раннего средневековья: в них облачены воины, сражающиеся в конном и пешем строю, на росписях Пенджикента (Джалилов, 1961. Рис. 19, 20) и отдельные всадники в сцене осады города на знаменитом Аниковском блюде (Джалилов, 1961. Рис. 18).

Возвращаясь к нашему граффито, заметим, что оборонительное снаряжение представленного на нём всадника, очевидно, дополнял шлем. И хотя верхняя часть рисунка не сохранилась, можно предположить, что голова илуратского воина была увенчана каркасным шлемом яйцевидной или конической (как на нашей реконструкции) формы — наиболее распространённым типом боевых оголовий на Боспоре первых веков нашей эры. Наглядное представление об их конструкции дают находки из могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского в Адыгее (Сазонов, 1992; Сазонов и др., 1995).

Судя по всему, конь на рассматриваемом изображении не имеет защитного доспеха, который, по всей вероятности, так и не получил широкого распространения среди сарматских и боспорских катафрактариев. По крайней мере в письменной традиции нет определённых указаний на использование сарматами доспехов для боевых коней. Так, Тацит в подробном описании вооружения сарматских катафрактариев, вторгнувшихся в 68 г. н. э. в Мёзию, ничего не говорит о защитном снаряжении их лошадей (Тас. *Hist.* 1, 79). Отсутствуют защитные покрытия и у коней сарматских воинов, изображённых на арке Галерия в Салониках, возведённой около 300 г. н. э. (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXVI, 1, 2). Правда, очень возможно, что не всадникам, а их коням принадлежало несколько крупных кольчатых и чешуйчатых катафрактов, найденных в сарматских могилах у станиц Ярославская и Елизаветинская, а также в одном из курганов Калиновского могильника. Вполне вероятно, что сарматский обычай держать во время похода запасную лошадь связан с тем, что «всадник пересаживался на лошадь, покрытую броней, только при сближении с противником» (Петерс, 1984. С. 190). Отсутствие достоверных находок сарматских лошадиных катафрактов объясняется, вероятно, тем, что они чаще всего изготавливались из кожи. К тому же меньшая распространённость конского доспеха у сарматов была связана со специфическими условиями среды их кочевания. Более определённо можно говорить об использовании конской брони в катафрактарной коннице Боспора, хотя и здесь она, по-видимому, также не получила сколько-нибудь значительного применения. В частности, конская пластинчатая попона изображена на пантикапейской стеле Афения, сына Мены (Десятчиков, 1972. С. 73, рис. 3), а с территории Азиатского Боспора происходит находка в погребении первых веков нашей эры кольчатой лошадиной катафракты (Анфимов, 1960. С. 164). По мнению Ю. М. Десятчикова, панцирным покрытием снабжались главным образом кони передовых бойцов боевого порядка катафрактариев (Десятчиков, 1968. С. 46).

Наступательное оружие всадника из Илурата представлено длинной пикой. Длина сарматских копий, если проанализировать соответствующий

изобразительный материал, могла достигать 4 м и даже превышать эту цифру. Вообще же длинные копья (до 3 м и более) были известны в Северном Причерноморье ещё со скифской эпохи (Черненко, 1984). Пика была грозным оружием катафрактариев: снабжённая массивным тяжёлым наконечником, она, по свидетельству древних авторов, с одного удара могла пробить двух человек (Plut., *Crass.* 27; *Heliod.*, IX, 15). На нашем граффито нет такого важного элемента вооружения катафрактария, как длинный рубящий меч, но, по-видимому, его автор просто не обратил внимания на эту, как ему казалось, второстепенную деталь, сконцентрировав всё своё внимание на общей композиции рисунка. Важным представляется вопрос о посадке илуратского всадника. Автор рисунка запечатлел его в тот момент, когда, приблизившись к неприятелю, он, слегка развернув свой корпус левым плечом вперёд и подтянув поводья, держит двумя руками пику, судя по положению которой, готовится нанести удар по конному противнику. Для того чтобы компенсировать отдачу при столкновении, наездник должен был направить своё оружие по диагонали над шеей коня, как это делают всадники на сасанидских рельефах из Танг-и Сарвака, Фирузабада и Накш-и Ростама (рис. 11) (Gall von, 1990. Taf. 3–12).

Существующее в научной литературе мнение о какой-то особой, «сарматской» посадке, заключавшейся в том, что всадник, держа пику обеими

Рис. 11. Рельеф шахиншаха Ормизда II (300/301–307/308) в Накш-и Ростаме

руками справа от корпуса коня, чтобы не вылететь из седла без стремян¹⁴ при встрече с неприятелем, поворачивал торс в три четверти левым плечом вперёд, а ноги сгибал в коленях (Блаватский, 1949; Блаватский, 1968. С. 44 сл.; Перевалов, 1999), на наш взгляд, несостоятельно. На самом деле, не имея стремян, да к тому же ещё бросив поводья на шею лошади, воин в тяжёлых доспехах, с пикой в обеих руках, каким бы искусным в верховой езде он ни был, после столкновения с противником должен был либо бросить оружие, либо неминуемо оказаться на земле. Конный копейщик того времени мог иметь в бою устойчивую посадку без стремян, только если имел седло с деревянной основой, дававшей упор сзади. Такие седла с четырьмя выступами по краям (так называемые «роговые»), очевидно, восточного происхождения начинают использоваться в античном мире уже с конца I в. до н. э.

Относительно рослых и сильных лошадей, использовавшихся в тяжёлой кавалерии, Ю.М. Десятчиков на основании анализа изображений на некоторых боспорских погребальных стелах выдвинул предположение о том, что они попали в Северное Причерноморье из Средней Азии во время передвижения сарматских племён (Десятчиков, 1972. С. 75 сл.). Эта точка зрения не противоречит мнению специалистов-гиппологов, допускающих известное влияние среднеазиатских лошадей на развитие коневодства в Северном Причерноморье (Цалкин, 1960. С. 46–48). Внимательно изучив изображение коня на илуратском граффито, И.Г. Шургая пришёл к выводу, что оно даёт именно такой тип высокопородистого «крепкого рослого скакуна с грациозным абрисом туловища и головы» (Шургая, 1983. С. 99). Такими конями могли обладать только очень состоятельные люди¹⁵, к которым, безусловно, принадлежал владелец самого крупного из жилых домов, открытых в Илурате. Возможно, он командовал конным отрядом в составе гарнизона крепости. О его высоком статусе может говорить и такая деталь, как стрижка гривы коня на граффито «городками», которые трактованы тремя вертикальными линиями. Эта традиция, возникшая в восточноиранском мире, распространяется вместе с аланами по мере их продвижения в западном направлении. Не исключено, что такими гривами отмечались лошади представителей кочевой элиты (Раев, 2009. С. 263–264). Росписи пантикапейских склепов 1872 и 1873 гг. свидетельствуют о том, что этот обычай бытовал и на Боспоре (Раев, 2009. Рис. 2, 3, 10, 11; рис. 3, 2, 3).

¹⁴ Интересное предположение И.Л. Кызласова о том, что стремяна, изготавливавшиеся из органических материалов, были изобретены ещё в IV–III вв. до н. э. (Кызласов, 1973. С. 35) в связи с массовым распространением всадников-катафрактариев, всё ещё остаётся гипотезой, не подкреплённой пока вещественными доказательствами.

¹⁵ Для сравнения, согласно эдикту Диоклетиана 301 г., стоимость кавалерийской лошади составляла 36 тыс. денариев, что соответствовало 43 ауреусам (235 г золота).

Появление катафрактариев на Боспоре обычно связывают с влиянием военного дела сарматов (Блаватский, 1954. С. 141–145; Десятчиков, 1968. С. 47). Но существуют и другие точки зрения на этот вопрос. Так, некоторые исследователи считали, что «роль Боспора и его войска в сложении катафрактарной конницы могла быть более действенной, нежели простое усвоение сарматских рецептов» (Виноградов, Петренко, 1973. С. 279). Эта мысль обосновывается тем, что на Боспоре в первые века нашей эры наблюдался достаточно высокий уровень развития оружейного дела. Всё же мнение об известной самостоятельности военного дела Боспора в условиях варварского окружения кажется надуманным. У истоков боспорской кавалерии катафрактариев вполне могли стоять тяжеловооружённые конные контингенты соседних варварских племён.

Ю.М. Десятчиков, основываясь на отдельных совпадениях в текстах древних авторов, предположил, что отряд катафрактариев входил в состав армии Боспора уже при Фарнаке (63–47 гг. до н. э.) (Десятчиков, 1968. С. 47 сл.). Но это не более чем остроумная догадка. Самое раннее изображение катафрактария на памятниках боспорского искусства — оруженосец на упомянутой выше стеле Афения, которая датируется первой половиной I в. н. э. (Десятчиков, 1972. С. 71). Затем количество таких изображений возрастает: это знаменитые панцирные конные копейщики на фресках керченских катакомб (середина I — первая половина II в. н. э.) (Ростовцев, 1913б. Табл. LI, 6; LVIV, 1; LXXVIII, 1; LXXIX; LXXXVIII, 2), рельеф Трифона из Танаиса (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXIV, 3), и наконец, граффито из Илурата, датируемое, по всей видимости, концом II — первой половиной III в. н. э. Все эти данные свидетельствуют о большой роли, которую конница катафрактариев играла в военном деле Боспора первых веков нашей эры. Недаром некоторые боспорские цари (Котис I, Рескупорид II, Савромат I) изображали себя на монетах всадниками, одетыми в панцирный доспех (Ростовцев, 1913а. Табл. IV, 4, 6, 7).

1.5. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата¹⁶

Широкомасштабные исследования некрополей Боспора первых веков нашей эры, проводившиеся в последние десятилетия на территории Керченского полуострова (см., например: Кругликова, 1969; Арсеньева, 1970; Корпусова, 1983), дали чрезвычайно мало находок предметов вооружения

¹⁶ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2001а. Текст статьи исправлен и дополнен.

этого периода. Тем больший интерес представляют два неграбленных воинских погребения из нижнего некрополя Илурата, обнаруженные в 1988 г. на трассе траншеи водопровода, проложенного вдоль ул. Виноградской.

Оба погребения (№ 36 и 38) относятся к типу рядовых могил в виде каменного ящика с земляным полом, перекрытого массивными известняковыми плитами. В обоих случаях прослеживаются следы древесного тлена, по которым фиксируются контуры гроба. В могиле № 36, относящейся к концу I — первой половине II в. н. э., находился скелет мужчины в возрасте 30–40 лет. В ходе расчистки с левой стороны от погребённого был обнаружен хорошо сохранившийся железный меч длиной 1,03 м с остатками деревянных ножен (рис. 12, 1). По классификации А. М. Хазанова, он относится к типу 2 с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в штырь рукояти (Хазанов, 2008. С. 50, рис. 15, 5). Такой тип, заимствованный у сарматов, был наиболее распространён на Боспоре в римский период.

Длина клинка меча составляет 0,82 м, штыря рукояти — 0,21 м, ширина клинка у рукояти — 4,3 см. Ширина самой рукояти равняется 1,2 см; её навершием служила большая округлая бусина из халцедона диаметром 3 см с отверстием в центре диаметром 0,8 см. Последняя деталь является характерной для Боспора, в отличие от сарматских мечей, где для наверший использовались более дешёвые материалы, например дерево или кость (Хазанов, 2008. С. 49). По находкам в Прикубанье известно, что их крепили к рукояти с помощью бронзового штифта, соединённого с обкладкой её штыря (Хазанов, 2008. Рис. 11, 4). Клинок илуратского меча едва заметно сужается к острию и имеет в сечении линзовидную форму, перекрестье отсутствует. Аналогичный меч длиной 1 м происходит из разграбленной катакомбы № 21 верхнего некрополя Илурата (Кубланов, 1976. С. 106; Кубланов, 1983. С. 119, рис. 10).

Надо сказать, что почти все боспорские длинные мечи I–II вв. н. э. не имеют металлического перекрестья (Трейстер, 2010а. С. 521). Всё же на отдельных надгробных рельефах из Пантикапея этот элемент, похоже, прослеживается (Иванова, 1961. С. 130, рис. 75). Скорее всего, он образован расширением обкладок рукояти, изготавливавшихся в основном из дерева, у основания клинка. Небольшое перекрестье присутствует и в изображении меча на надгробии Газурия из Херсонеса, датирующемся временем не ранее второго десятилетия II в. н. э. (Кадеев, 1985. С. 69). Представленный здесь меч вложен в ножны с прямоугольным устьем, украшенные геометрическим орнаментом. Скорее всего, ножны сходного типа имел и илуратский меч.

Длинные мечи были прежде всего оружием всадников, и человек, погребённый в могиле № 36, был именно конным воином, на что указывает

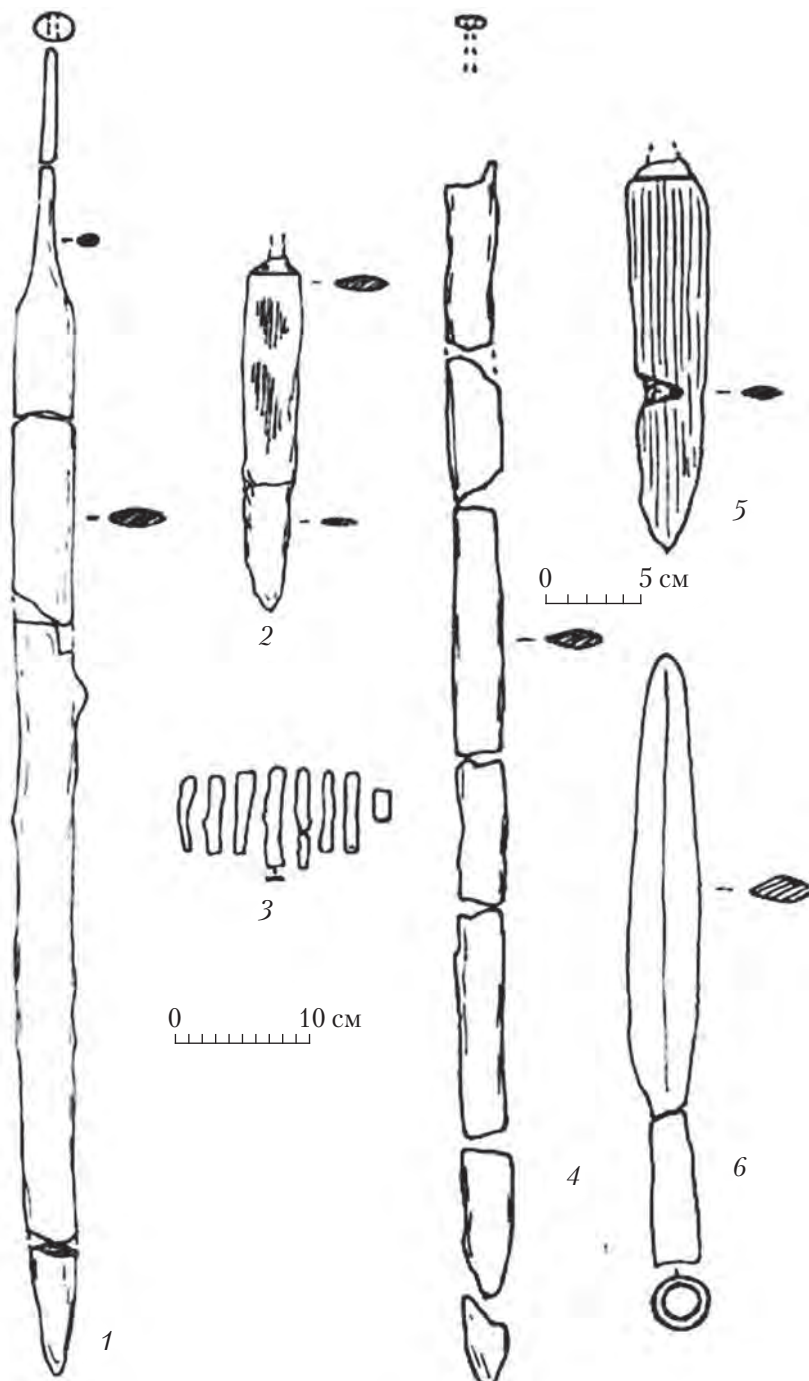

Рис. 12. Предметы вооружения из нижнего некрополя Илурата:
1–3 — из погребения № 36; 4–6 — из погребения № 38

находка сильно коррозированных деталей кольчатых удил. С правой стороны от него находился железный кинжал также с остатками деревянных ножен (рис. 12, 2). Поскольку он был найден непосредственно у бедренной кости, то, вполне вероятно, прикреплялся кожаными ремешками прямо к ноге. Такой способ крепления показан на надгробиях Хрестиона, Дафна и Клеона с изображениями боспорских воинов I в. н. э. (Трейстер, 2010а. С. 487, 489, 491, рис. 1–3). Он был удобен для всадников, потому что не давал ножам бить по ноге во время езды.

Сохранившийся клинок илуратского кинжала, плавно сужающийся к острию, имеет в сечении линзовидную форму. Как и описанный выше меч, он относится к типу 2 по А. М. Хазанову. Длина клинка — 0,29 м при ширине 3,5 см возле рукояти. Судя по типу могилы, погребённый в ней воин был среднего достатка и, если и имел защитный доспех, то, скорее всего, сделанный из кожи. Он мог быть дополнен поясом с накладными металлическими пластинками. К этой детали защитного вооружения можно отнести 13 сильно коррозированных железных пластинок, найденных рядом в восточной части погребения. Наиболее хорошо сохранившиеся из них имеют прямоугольную форму размерами 5×1 см (рис. 12, 3). Сравнительно небольшое их количество согласуется с данными, полученными в ходе исследования мавзолея Неаполя Скифского. Н. Н. Погребова объясняет это тем, что в данный период пластинками покрывали не весь боевой пояс, как раньше, а только спереди (Погребова, 1961. С. 59). Щит в комплект защитного вооружения в этом случае вряд ли входил. Тацит упоминает о том, что у сарматов «не принято пользоваться щитами» (Тас. *Hist.* I. 79). Видимо, многие боспоряне также следовали этой традиции.

В могиле № 38, относящейся ко второй половине II — началу III в. н. э., был погребён мужчина средних лет с вооружением, характерным для пехотинца. Слева находился железный сильно коррозированный меч, клинок которого сохранился в длину на 0,67 м (рис. 12, 4). В отличие от более ранних мечей в сечении он имеет форму, близкую к ромбовидной (Сокольский, 1954. С. 162). Круглое уплощённое навершие меча изготовлено из халцедона. Его диаметр — 2,1 см, диаметр отверстия в центре — 0,5 см. Справа от погребённого был найден железный кинжал (рис. 12, 5). Судя по его положению, он не пристёгивался к бедру, а подвешивался к поясному ремню. На клинке сохранились следы деревянных ножен, в верхней части которых остался отпечаток металлической обкладки. Клинок шириной 3,5 см при длине 0,22 м плавно сужается к острию. В сечении он уплощённо-овальный. Перекрестье, по-видимому, отсутствовало.

В юго-восточном углу могилы, в ногах погребённого воина, был обнаружен массивный железный наконечник копья длиной 0,39 м (рис. 12, 6).

Вероятно, копье поместили сюда уже в сломанном виде. Наконечник втульчатый, с внутренним диаметром короткой втулки 2,3 см, т. е. предназначался для довольно тонкого древка. Узкое перо ланцетовидной формы имеет длину 0,28 м при ширине 4,8 см. В сечении оно имеет ромбовидную форму со слабо выраженным продольным ребром.

Наконечники копий, близких к этому типу, были широко распространены на Северном Кавказе в последние века до нашей эры — первые века нашей эры (Хазанов, 2008. С. 109–110), откуда они, видимо, и попали на Боспор. Наиболее близкой аналогией является наконечник копья из погребения в кургане 6 у ст. Казанской в Прикубанье, на территории так называемого «Золотого кладбища», оставленного группой воинов-варваров, возможно, состоявших на службе у боспорских царей (Гущина, Засецкая, 1994. С. 39, 43, табл. 7, 46).

Находки из нижнего некрополя Илурата демонстрируют особенности вооружения лёгкой боспорской кавалерии и пехоты в период с конца I по начало III в. н. э. Образцы тяжёлого защитного вооружения в виде панцирного доспеха пока не найдены. Однако отряд тяжеловооружённых всадников, безусловно, в Илурате имелся. Об этом свидетельствует фрагмент штукатурки красного цвета с граффито, изображающим катафрактария в длинном панцире без рукавов с горизонтально расположенными металлическими пластинами (Горончаровский, Никоноров, 1987. С. 201 сл.; см. также § 1.4 этого издания).

Таким образом, в илуратском гарнизоне были представлены основные подразделения боспорской армии этого времени. В бою они, очевидно, взаимодействовали исходя из тактических приёмов, разработанных в сарматской кочевой среде. Как сообщает Тацит, сарматская тяжёлая конница старалась решить исход битвы «стремительным натиском и рукопашной схваткой» (Тас. *Ann.* VI. 35). Значительную роль в её действиях играла координация движения отдельных отрядов тяжело- и легковооружённых всадников (Arr. *Tact.* 35. 3). Последние могли не только начинать сражение и преследовать противника, но и поддерживать катафрактарию в наступлении (Хазанов, 2008. С. 181). Описание битвы союзного сармато-иберо-албанского войска с парфянами в 35 г. н. э. показывает, что конные воины вполне успешно действовали совместно с пехотой. Они заставляли парфян «биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы» (Тас. *Ann.* VI. 35). Пример подобного взаимодействия мы видим и в росписях боспорских склепов 1841 и 1872 гг. (Ростовцев, 1913б, табл. LXXVIII, 1; LXXXVIII, 2; LXXXIX; Ростовцев, 1914. С. 375).

Возвращаясь к находкам оружия из некрополя Илурата, можно лишний раз подчеркнуть сарматское влияние на эти образцы боспорского вооружения. В данном конкретном случае это, видимо, было обусловлено ещё и тем, что, судя по материалам, полученным при раскопках, по крайней мере часть илуратского гарнизона была набрана среди соседних с Боспором кочевых племён.

1.6. Боспорский город-крепость Илурат: итоги исследования¹⁷

Название боспорского города Илурата, расположенного среди степных холмов Восточного Крыма, дошло до нас в сочинении античного географа Клавдия Птолемея (ок. 100–165). По его данным, πόλις Ιλουρατον находилась на 10' западнее расположенной на берегу Боспора Киммерийского Тиритакис и на 5' севернее её (Ptol. *Geogr.* III. 6. 4). В переводе на современные линейные измерения это даёт расстояние около 12 км, что в общем соответствует реальному расстоянию между современным посёлком Аршинцево и деревней Ивановка, расположенной близ городища. Такая локализация стала общепризнанной (Гайдукевич, 1950. С. 203 сл.; Зубарев, 1998. С. 117), хотя ни одной надписи, подтверждающей её, так и не найдено. Материалы раскопок Илурата (рис. 13) имеют особое значение для изучения

Рис. 13. Илурат. Космический снимок из ресурса Google Earth. 2012

¹⁷ Впервые опубликовано: Goroncharovskiy, 2019. Текст статьи исправлен и дополнен.

фортификации Боспора римского времени в силу исключительной сохранности элементов оборонительной системы (Goroncharovski, 2005). Первый шаг в этом отношении был сделан ещё П. Дюбрюксом (1770–1835), стоявшим у истоков боспорской археологии. Открытые им руины древнего поселения, известные у местных жителей под названием Кермечик¹⁸, представлялись тогда «дворцом босфорских царей» или акрополем раскинувшегося вокруг города (Дюбрюкс, 2010. С. 306–311, рис. 512). Планы Дюбрюкса 1827–1835 гг. (рис. 14) демонстрируют тщательную фиксацию не только прекрасно сохранившихся оборонительных сооружений, но и прочих строительных остатков, в том числе на прилегающей территории.

Планомерное археологическое изучение Илурата было начато в 1947 г. Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и с некоторыми перерывами продолжалось вплоть до недавнего времени. Основные направления в исследовании этого археологического памятника были намечены в период руководства раскопками В. Ф. Гайдукевича (1904–1966). В результате проведённых им на нескольких участках работ постепенно вырисовывалась картина жизни мощной крепости (рис. 15), возведённой в тот период, когда Боспор под эгидой Рима переживал новый экономический расцвет (Gajdukevič, 1971. S. 409–411). Уже в первые годы раскопок были получены важные данные о её фортификации, принципах планировки и домостроительства, особенностях культуры местного населения (Горончаровский, 2006а).

Остатки крепости площадью около 3 га занимают пологое скалистое плато высотой около 45 м, с двух сторон круто обрывающееся вниз, к небольшой речке, текущей с запада на восток. Через 5 км она впадает в Чурубашское солёное озеро, которое в древности, вероятно, было мелководным морским заливом (Зенкевич, 1958. С. 175, 194; Поротов, Зинько, 2013. С. 16–17). В районе городища речная долина довольно узкая, с неширокой поймой и остатками двух надпойменных террас: одна высотой около 4–5 м, вторая — 10–15 м. Перепад высот по верхнему течению речки довольно значителен: 12 м на км. Это не позволяет говорить о существовании здесь в древности какого-либо судоходства, так как в весенний паводок или в результате проливных дождей основная масса воды моментально стекает вниз, к солёному озеру, а летом она почти пересыхает. В самой долине и её бортах существуют пресные источники и, вероятно, в античный период она была более обводнённой. Судя по найденным при раскопках костным остаткам, здесь гнездились такие водоплавающие птицы, как чомга, кряква и морской голубок (Каспаров, 1996. С. 39–40). Кроме того, в долине росли

¹⁸ В такой форме название передано П. Дюбрюксом. По-видимому, оно является производным от татарского слова «Керменчик» («небольшая крепость»).

Рис. 14. План Илурата, составленный П. Дюбрюксом в 1832 г.

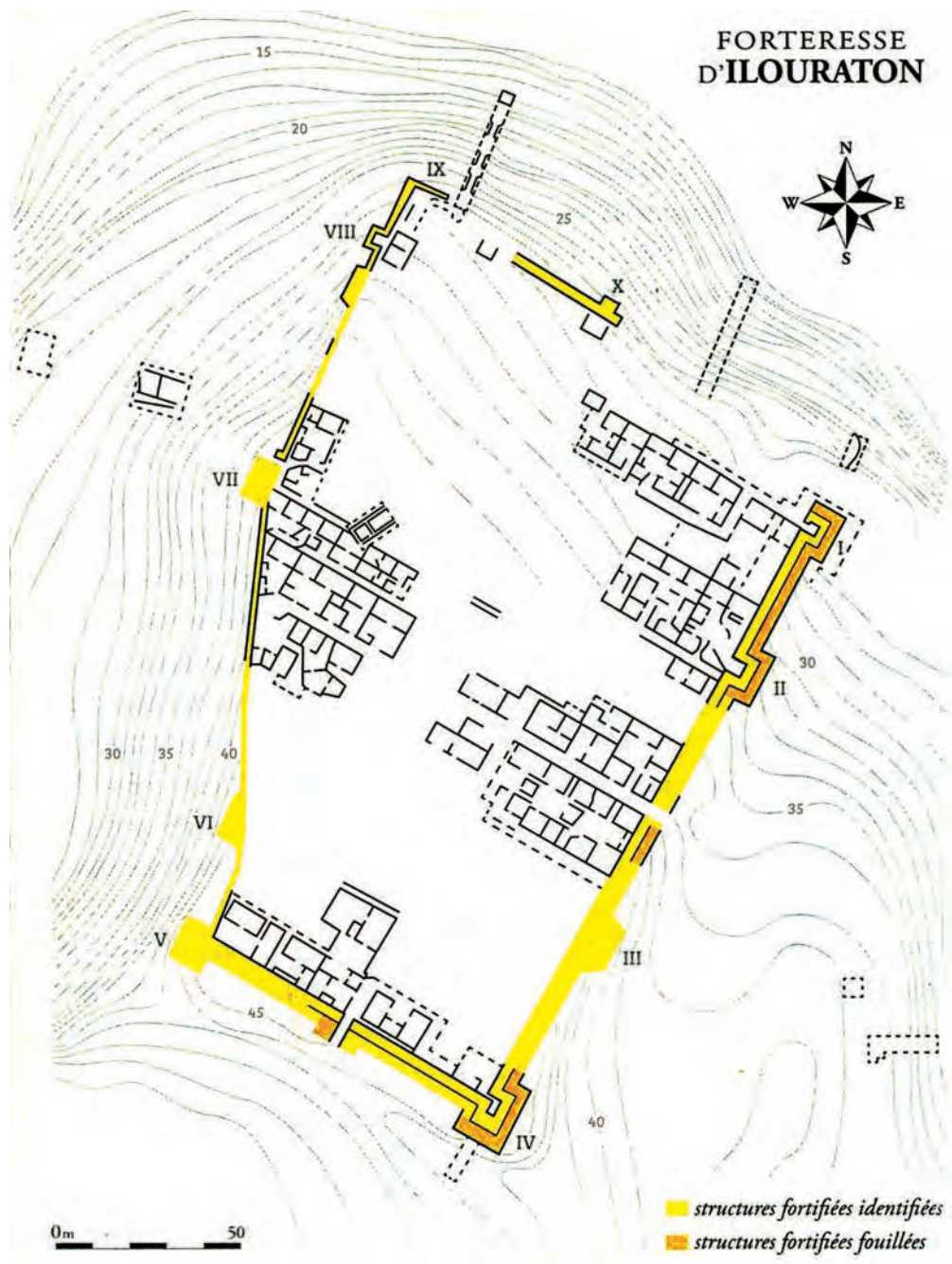

Рис. 15. План Илурата (по данным раскопок 1947–1994, 2013 гг.).
Infographie de D. Glauser © UNIL/IASA

широколиственный лес и кустарники, обеспечивавшие население крепости древесиной и топливом¹⁹. Здесь же можно было пасти коров и лошадей.

Условия местности обусловили специфическую систему застройки крепости, в ходе которой на пологой скальной поверхности было создано несколько искусственных террас высотой от 0,6 до 2 м. Добытый таким образом камень использовался прямо на месте. Перепад уровней на городской территории с юго-запада на северо-восток составляет 15 м. Мощные оборонительные стены, фланкированные башнями, вдоль крутых склонов следуют рельефу местности, а с напольной стороны пересекаются под прямым углом. Максимальная площадь Илурата после появления в III в. н. э. домов на северо-западной надпойменной террасе составила около 3 га.

На основании изучения массового материала В. Ф. Гайдукевич в своё время пришёл к выводу, что Илурат как крепость возник около середины I в. н. э. (Гайдукевич, 1958а. С. 29, 140). При этом строительство велось в короткие сроки по заранее составленному плану. Раскопки тех лет дали возможность получить представление о трёх линиях обороны, наибольшая сохранившаяся высота которых достигала 3,5 м, но когда-то они были по крайней мере на 4 м выше. Об этом стало возможным судить по основанию лестницы длиной 11 м с семью сохранившимися ступенями, угол наклона которых предполагает выход на боевой марш юго-западной стены на высоте не менее 7,5 м (Гайдукевич, 1981. С. 129). В этом случае, как и во многих других, примыкающий к оборонительным сооружениям жилой комплекс был непосредственно связан с ними, поскольку со двора можно было подняться прямо на стену. На той же линии обороны со стороны города были частично вскрыты ворота крепости в виде камеры-шлюза. В совокупности это были практически единовременные строительные остатки II–III вв. н. э., и в последние годы жизни В. Ф. Гайдукевич решил, что Илурат отчасти уже исчерпал себя. Всё же, несмотря на огромную исследовательскую работу, проведённую им на памятнике, далеко не на все вопросы, возникшие в её процессе, удалось получить ответ.

В дальнейшем раскопки Илурата с перерывами проводились с 1968 г. И. Г. Шургая (1934–1982) (Šurgaja, 1974) и с 1982 г. — автором этих строк (Goroncharovskiy, 2007a). В этот период удалось сделать многое в отношении той линии изучения города, которая была лишь намечена ранее. В частности, прояснилась ситуация с оборонительной стеной, проходившей по северо-восточному краю городища и обозначенной на планах П. Дюбрюкса. В своё время В. Ф. Гайдукевич полагал, что «вряд ли мы когда-нибудь сможем это выяснить, так как, по-видимому, здесь стена полностью разрушена»

¹⁹ Близ городища и сейчас растут ясени, вязы и много отдельных кустов тёрна и шиповника.

(Гайдукевич, 1958а. С. 141). Тем не менее в 1981 г. на северо-восточном склоне городища были открыты остатки оборонительных сооружений раннего периода. Это небольшая башня размерами 4,4×2,8 м, близ которой сохранился участок оборонительной стены, вскрытый на протяжении 27 м, с рустованными квадрами из плотного белого известняка размерами по фасу от 0,9×0,45 до 1,2×0,42 м (рис. 16). Видимо, руст здесь представлял собой определённый технический приём для наилучшей подгонки известняковых блоков разных размеров, выступая над их подтёсанными краями всего на 1–2 см. Стена имеет трехчастную структуру: два панциря, в которых блоки без применения связующего раствора уложены рваной поверхностью внутрь, и забутовка из грубо обколотых камней между ними. Прочность подобной кладки достигалась как за счёт её собственной тяжести, так и за счёт деревянных балок, уложенных на всю ширину стены. Вырубы под них обнаружены и в башне, и в стене. Пространство между склоном холма и вынесенной вниз оборонительной линией на этом участке снивелировано строительным мусором таким образом, что перепад высот между основанием башни и вымосткой более позднего жилого комплекса II–III вв. н. э., расположенного выше, составил 3,5 м.

Датирующий материал из слоя у подошвы стены с её внутренней стороны представлен прежде всего краснолаковой керамикой и относится ко времени не позднее второй трети I в. н. э., что соотносится с находкой в нём асса царицы Гипеписии 37/38–39 гг. Использование обработанных в руст каменных блоков при возведении крепости на руинах погибшей в 46/47 г. н. э. ранней цитадели городища Артезиан (Винокуров, 2012. С. 95) позволяет связать основание Илурата со строительной деятельностью царя Котиса I (45/46–67/68). Возможно, в ней принимали участие римские инженеры. По крайней мере известны примеры использования рустованных кладок в римских крепостях первых веков нашей эры на территории Фракии — Абритусе и Филиппополе (Ботушарова, 1959; Ботушарова, 1965. С. 5; Иванов, 1980. С. 49, 91, 118, 208, рис. 39, 101, 136, 230).

Открытие башни и стены с рустованной кладкой, разительно отличавшихся от привычного облика фортификационных сооружений Илурата, заставило по-новому взглянуть на обнаруженную В. Ф. Гайдукевичем кладку из хорошо обработанных плит, отделанных в руст в основании облицовки внутреннего фаса юго-западной оборонительной стены (Гайдукевич, 1981. С. 133, рис. 50). Здесь, на участке двора 15 у башни V, сохранилось от одного до четырёх рядов известняковых блоков при наибольшей высоте 1,3 м, которые автор раскопок ошибочно посчитал использованными вторично. Впрочем, судя по скоплению упавших при разрушении верхней части этой стены отдельных каменных блоков с рустованной поверхностью (размеры до 0,94×0,7×0,44 м),

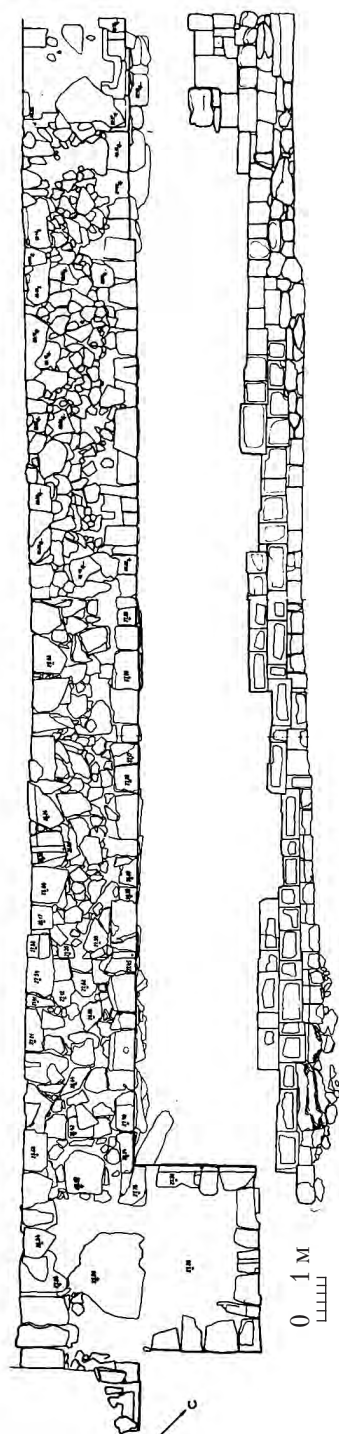

Рис. 16. Северо-восточная крепостная стена и башня с рустованной кладкой. План и фасировка

они действительно использовались при возведении более поздних укреплений. Так или иначе, размеры раннего Илурата, скорее всего, соответствуют тому, что мы знаем в отношении более позднего времени.

Особый интерес представляет решение проблемы водоснабжения крепости в случае осады. Уже в начальный период существования Илурата у подножия скалистого плато соорудили колодец с ведущим к нему подземным ходом шириной 1,4 м (рис. 17). Его трасса в виде провала на склоне холма была хорошо видна до начала работ на данном участке. Основная часть этой трассы, исследованная в 1982–1984 и 1986 гг., представляла собой траншею длиной около 40 м, вырубленную с поверхности в плотной материковой глине и спускавшуюся вниз несколькими маршами под углом до 20°. Стены подземного хода были сложены из грубо обколотых камней с использованием отдельных ортостатов на одно лицо и сохранились на высоту до 1,93 м. В верхнем из шурфов сохранились остатки уступчатого перекрытия из двух плит, выступавших внутрь на 0,45 м. Центр свода, видимо, перекрывался массивными каменными плитами длиной 1,05–1,1 м, найденными упавшими внутрь при его разрушении.

Наличие подземного хода в Илурате предполагал ещё П. Дюбрюкс, который отмечал следующее: «Под северной угловой башней... почти в основании горы имеется заваленное землёй углубление, которое могло бы быть входом в потайной ход с тем, чтобы защитники нижних укреплений могли бы проходить туда и обратно во дворец» (Дюбрюкс, 2010. Т. 1. С. 307). На самом деле впадина образовалась над квадратным устьем потайного колодца размерами 1,85×1,8 м. Он был исследован на глубину 7,85 м. Высота

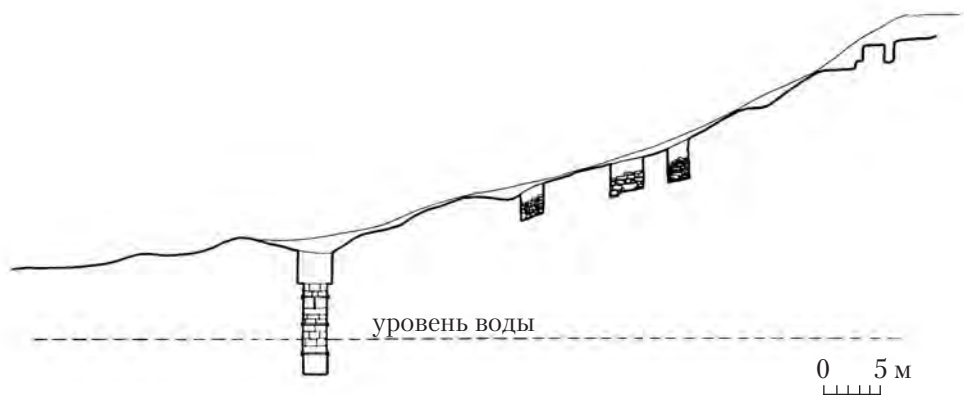

Рис. 17. Разрез склона илуратского плато по линии подземного хода и осадного колодца

рядов кладки стен колодца колеблется от 0,45 до 0,67 м. Особая тщательность её строительства указывает на значение, которое придавалось этому сооружению. При зачистке его стен, сложенных из тщательно подогнанных известняковых блоков, были обнаружены три линии пазов на расстоянии от 2,05 до 2,2 м друг от друга, вероятно, использовавшихся для устройства этажей, связанных лестницами, по которым можно было спуститься к урезу воды для чистки дна. Наряду с этим, несомненно, существовал и какой-то механизм для подъёма воды наверх.

Строительство подобного рода сооружений на Боспоре, видимо, связано с воздействием архитектурных традиций, существовавших на территории Понтийского царства и использовавшихся при Митридате VI и его преемниках. Вырубленные в скалах лестничные спуски к подземным резервуарам с водой широко известны для укреплённых поселений в Каппадокии Понтийской, Пафлагонии, Малой Армении и Фригии. Выделяются два типа туннелей: одни вели к источнику воды непосредственно у подножия скалы и пробивались по покатому склону, другие подводили к подземному водоёму в самой скале (Gall von, 1967. S. 509; Сапрыкин, 2002а. С. 186–190). Таким образом, илуратский подземный ход относится к первому из них. Учитывая его местоположение и размеры, можно было предполагать, что он был не единственным в системе водоснабжения крепости с самого начала её существования. В 1999–2000 гг. там же, на северо-восточном склоне городища, проводились раскопки впадины диаметром около 5 м, находившейся на той же горизонтальной отметке, что и открытый ранее колодец, в 80 м к юго-востоку от него. В заложенном здесь шурфе выявлена траншея шириной 3,6 м, вырубленная в материковой глине. На глубине 5,1 м была обнаружена часть кладки: два блока пилёного известняка, уложенные в линию. Очевидно, они относятся к устью второго колодца, скорее всего, также связанного с крепостью подземным ходом, выходившим в район Большой Продольной улицы. Отсюда воду легко можно было доставить в любой из городских кварталов.

По своему местоположению, в 14 км к востоку от Узунларского вала, Илурат был самым южным звеном в системе обороны северо-восточной части Керченского полуострова, куда входили также Савроматий и крепость, известная под названием Андреевка Северная. В стратегическом отношении он контролировал пути, ведущие в Пантикапейскую область с юго-запада, и мог быть связан с другими крепостями и самой столицей световой сигнализацией, с помощью которой передавалась оперативная информация. Ранняя крепость, скорее всего, просуществовала недолго и подверглась разрушению где-то в конце I в. н. э., когда при царе Рескупориде II (68/69–92/93) Боспор вёл войны со скифами. Масштабная перестройка её в совершенно

другой технике из грубо обработанных огромных блоков известняка размерами до 1,5×1,1×1,1 м, судя по фрагментированной строительной надписи (КБН. 966), была проведена не ранее второй трети II в. н. э. Тем же временем датируется использованная в кладке стены одного из зданий известняковая надгробная стела фиасота Матридора (КБН. 967). В пользу этого предположения говорит и отсутствие в слое монет периода правления Савромата I (93/94–123/124).

Третий строительный период падает на конец II в. н. э., когда царь Савромат II (173/174–210/211) предпринял энергичные меры по укреплению обороны государства. Причиной такой бурной строительной деятельности стала новая активизация варваров на границах Боспора. В латинской надписи из Болгарии для этого времени упоминается война, потребовавшая совместных действий боспорской армии и солдат I Италийского легиона (Зубарь, 1998. С. 109). Недавние находки на территории Пантикапея фрагмента латинской надписи с упоминанием Аврелия, интенданта флота, и обломка-mortария с клеймом мастера Филемона, также относящиеся к концу II — началу III в. н. э. (Сапрыкин, Ермолин, 2010. С. 76–82; Ефремов, Колесников, 2018. С. 374 сл., рис. 1, 2, 3) позволяют говорить о том, что в этот период римские вексилляции прибыли на Боспор морем, а затем двинулись вглубь полуострова.

На кратковременное пребывание в Илурате римских солдат указывает находка близ западной башни крепости края-mortария с латинским ретроградным клеймом фабриканта Теотима. Его мастерская, судя по концентрации таких изделий, находилась в провинции Верхняя Мёзия (Bjelajac, 1994. Р. 142–143, pl. II, 5). В последние десятилетия II — начале III в. н. э. она снабжала своей продукцией легионы, стоявшие на Дунае. Использование-mortариев для приготовления пищи было характерной чертой солдатского быта; они встречаются почти исключительно в местах дислокации подразделений римской армии. Показательно, что на территории Северного Причерноморья, кроме Илурата, ещё два таких клейма были найдены только в Ольвии (Калашник, 1986).

Скорее всего, появление на Боспоре римских войск связано с событиями, упомянутыми в посвящении 193 г. из Танаиса (КБН. 1237), где говорится о победе Савромата II над скифами и присоединении по договору Таврики. По-видимому, с участием воинов илуратского гарнизона в этой масштабной военной операции связан уникальный двойной денарий Савромата II (Горончаровский, 1984; см. также § 1.2 этого издания), найденный в доме, выходившем на перекресток двух главных улиц²⁰. Эта массив-

²⁰ В настоящее время монета находится в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № ОН-А-ДГ-38278).

ная медная монета весом около 15 г была обнаружена в кладке стены, т. е. она была своеобразной «строительной жертвой». На её лицевой стороне представлено изображение царя, на оборотной — один из подвигов Геракла: очистка Авгиева скотного двора (рис. 2). Обнажённый герой представлен с двузубой мотыгой в руках, рядом львиная шкура и палица. Описываемый двойной денарий дополнил парадную серию боспорских монет с подвигами Геракла, проводившую прозрачную параллель между победами царя и деяниями его божественного предка. Монеты, отчеканенные в небольшом количестве, могли использоваться как награды для участников военных действий, среди которых оказался и один из жителей Илурата.

При Савромате II дополнительно усиливаются три оборонительные линии крепости, к которым в основании был пристроен внешний панцирь, игравший роль противотаранного пояса. Он состоит из пяти рядов кладки высотой до 1,7 м, сложенной под углом 67° от основания. С юго-запада и юго-востока дополнительное препятствие создавал ров, выдолбленный в скале на глубину 1,5 м. В разрезе он имеет форму перевёрнутой трапеции: ширина в верхней части — 6,2 м, по дну — 3,5 м (рис. 18).

На линии юго-восточной оборонительной стены с промежутком около 31 м, считая проём ворот, располагались четыре башни. Из них исследованы три, по конструкции практически идентичные. Все они имеют прямоугольную форму с внутренними помещениями и связаны с примыкающими жилыми комплексами. Башня I имела узкий вход длиной 1,65 м при ширине 0,77 м. Размеры внутреннего помещения около 9 кв. м ($2,97 \times 3,1$ м). Башня на 4 м выступала от внешнего фаса оборонительной стены. Длина её юго-восточной стороны составляет 13,8 м, северо-восточной (с внешним панцирем, дополнительно наращенным до 6 м) — 10,5 м. Башня II, выступавшая за оборонительную линию на 6 м, сохранилась в высоту до 3,5 м. Длина её по фасаду — 14,5 м. Здесь также имелся проход шириной 1–1,2 м, ведущий в камеру размерами $2,85 \times 3,4$ м (Гайдукевич, 1958а. С. 22 сл.).

Возле башни II, в том месте, где 1-й Поперечный переулок выходил к юго-восточной стене, была открыта пристроенная к ней с внутренней стороны кладка шириной 2,1 м. Вскрытая длина её составила 8 м при высоте до 1,4 м. Возможно, это остатки аппарели — пологого пандуса для поднятия на стену метательных орудий. Неподалёку от аппарели, в доме № 3, было найдено хорошо обработанное известняковое ядро в форме шара диаметром 7 см и весом около 450 г (Гайдукевич, 1958а. С. 71, рис. 63, 2). Считается, что ядра такого калибра имели универсальный характер и предназначались для поражения живой силы противника (Сокольский, 1962. С. 246). Отсутствие сбоев на поверхности ядра говорит о том, что оно вряд ли было выпущено по городу и, скорее всего, связано с камнемётными орудиями,

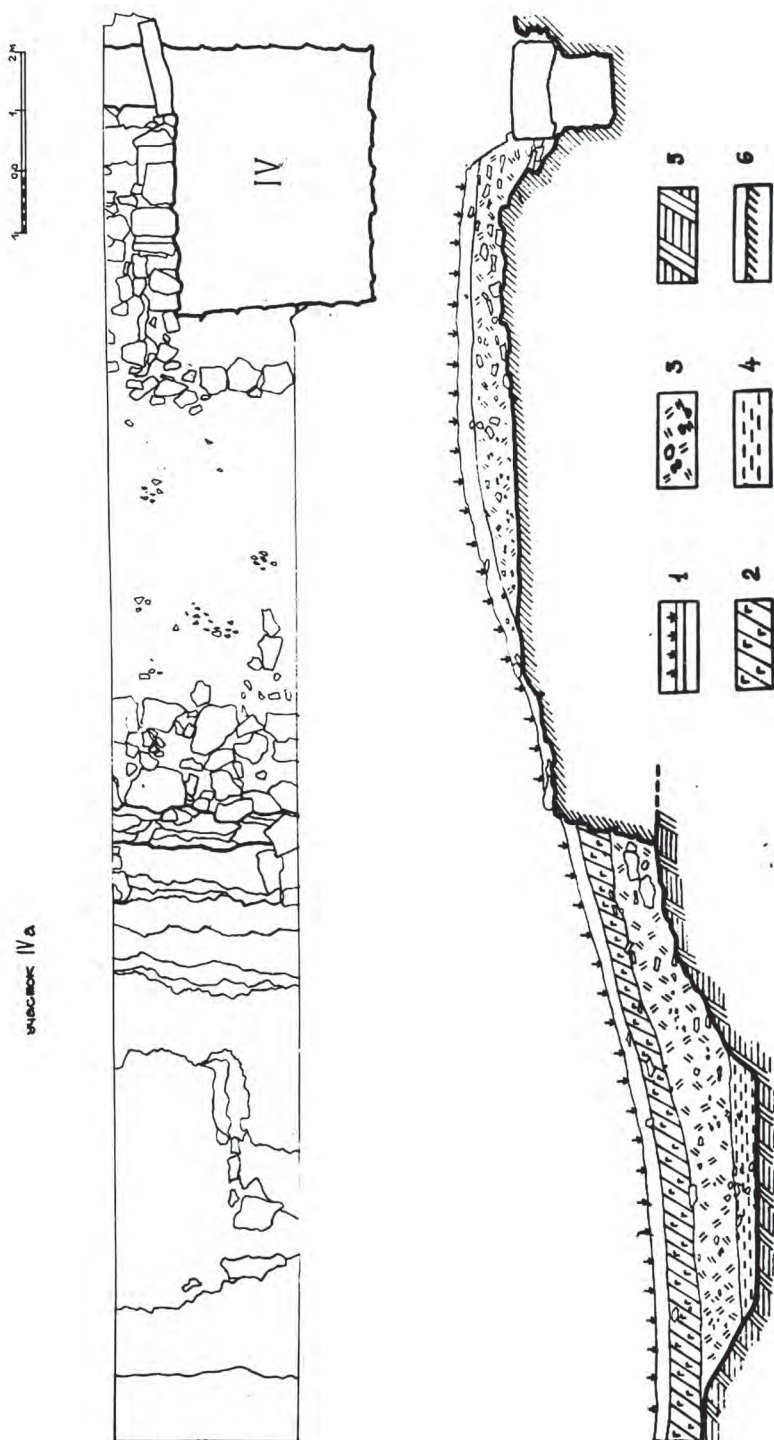

Рис. 18. Профиль борта траншеи через ров и башню IV на юго-западной линии обороны крепости: 1 — гипсовый слой; 2 — желтоватая глина; 3 — известковая крошка; 4 — слой плотной глины темно-серого цвета

установленными на башнях крепости. Расчёт калибра баллисты, которому соответствовало это ядро, можно произвести по формуле: K (калибр в дюймах) = $1,1\sqrt[3]{100 M}$ (вес в минах) (Эллинистическая техника, 1948. С. 288). Таким образом, мы получаем $K = 0,13$ м. По данным античных авторов, минимальные размеры площади, необходимой для установки камнемёта, составляли 13,5 калибров в ширину и 16–21 в глубину (Эллинистическая техника, 1948. С. 291). Следовательно, для установки илуратской баллисты была необходима площадка шириной 1,75 м и глубиной 2–2,73 м, что, в общем, соответствует размерам башен крепости.

Ворота в юго-восточной стене, судя по всему, были разрушены и разобраны на камень ещё в период средневековья. П. Дюбрюкс в своё время отмечал, что «ворота Т» в этом месте имели ширину 3–4 сажени, т. е. около 8 м (Дюбрюкс, 2010. С. 308). Это впечатление было результатом того, что проём в стене казался шире, чем был на самом деле в древности. При раскопках на этом участке в 1977 г. никаких следов каменных кладок обнаружено не было. Впрочем, проём ворот, естественно, не мог быть шире Большой поперечной улицы, т. е. 4,5 м.

Единственные сохранившиеся ворота крепости находятся в центре юго-западной оборонительной линии. Проём ворот представляет собой вытянутую камеру длиной 10,2 м при ширине 3,75 м. Важной деталью их устройства является выявленный на высоте 1,4 м прямоугольный жёлоб (0,32×0,28 м) длиной 5,3 м для запиравшего внутренние створки деревянного засова. Когда ворота закрывались, засов выдвигался из жёлоба и, очевидно, вставлялся в не сохранившийся паз на противоположной стене (Гайдукевич, 1981. С. 113). Несомненно, имелись и внешние створки ворот, фланкированные не башнями, как это обычно практиковалось, а пилонами, выступавшими на 2 м за линию стены (рис. 19). К сожалению, из-за интенсивной выборки камня уже в новое время до наших дней сохранился только продольный фас одного из них на северо-западной стороне проёма ворот. Между тем на черновом плане П. Дюбрюкса, снятом не позднее 1835 г. (Дюбрюкс, 2010. Рис. 511), второй пилон обозначен целиком (рис. 20). Если исходить из масштаба плана, то его ширина составляла не менее 1,5 м. Вероятно, пилоны были перекрыты арочным проёмом и усилены надвратной башней. Сходное устройство ворот зафиксировано в римской крепости II–III вв. Августа Траяна во Фракии (Иванов, 1980. С. 204, рис. 226). Возможно, именно в случае создания длинного проёма ворот древние строители отказывались от их значительного усиления с внешней стороны.

Эта линия обороны, внешний вид которой можно достаточно обоснованно представить в виде 3D-реконструкции на основе данных раскопок

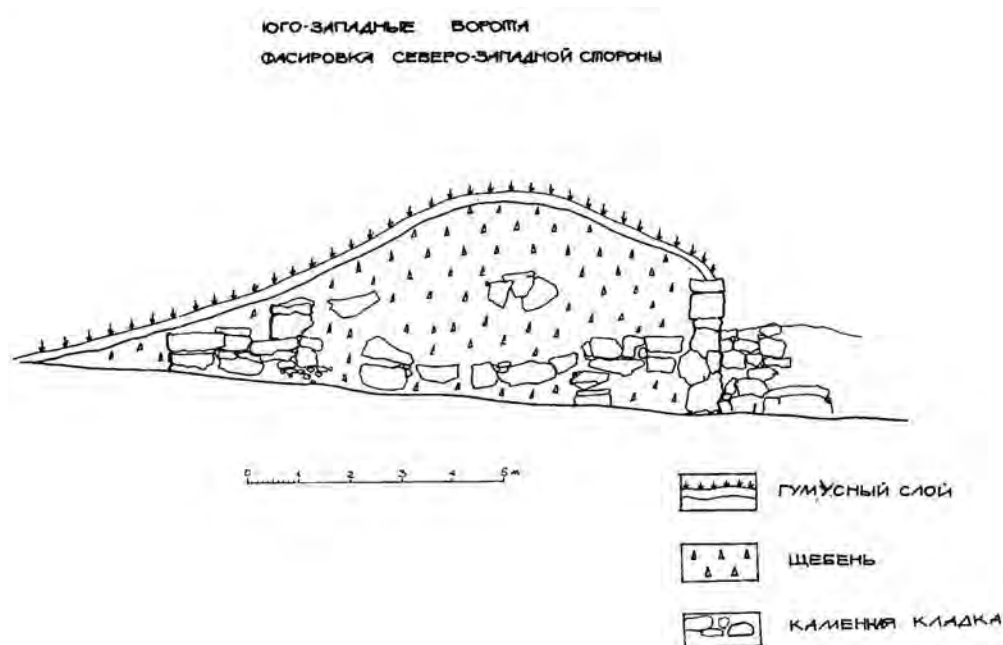

Рис. 19. Фасировка северо-западной стороны единственных сохранившихся ворот Илурата

и тахеометрической съёмки (рис. 21)²¹, фланкировалась всего двумя башнями разной конструкции. Самая мощная, южная башня крепости (IV) имела внешние размеры 10×14 м, внутреннего помещения — 3,3×4,5 м. В ней имелся входной проём высотой 1,6 м, перекрытый двумя массивными известняковыми блоками. Выявленный паз для балки перекрытия позволяет установить высоту первого этажа в 2,6 м. Таких этажей, связанных внутренними лестницами, видимо, было не менее четырёх. Соответственно общая высота башни, включая зубцы, составляла около 12 м.

Устройство западной башни V отличалось тем, что её первый этаж был полностью забутован камнем, а к стороне, обращённой во двор, пристроен пилон, сложенный из тщательно отёсанных и подогнанных друг к другу блоков известняка. Рядом находился углублённый относительно вымостки двора каменный ящик с зольным заполнением. Учитывая, что такие ящики обычно находились под лестницами (Гайдукевич, 1958а. С. 49, рис. 35–37), наиболее вероятным представляется использование пилона для крепления деревянной лестницы, которая вела сразу на площадку второго этажа.

²¹ При создании реконструкции использовался пакет 3Ds Max (9-я версия).

Рис. 20. П. Дюбрюкс. Городище Илурат и его окрестности.
Черновой план. Не позднее 1833 г.

Северо-западная оборонительная стена длиной 240 м, изгибаясь, следует рельефу местности. Как уже отмечалось, даже после усиления за счёт пристройки дополнительного панциря толщина её оставалась сравнительно небольшой — 3,15 м. Видимо, наспех возведённая на достаточно крутом склоне фортификационная линия неоднократно требовала ремонта. Об этом свидетельствует наличие подпорной стены длиной около 10 м на её северо-восточном отрезке и аналогичного сооружения под угловой северной башней IX.

Информация о том, как выглядел в этот период существования крепости восточный узел её обороны, была впервые получена в 2013 г. Тогда

Рис. 21. Виртуальная реконструкция внешнего вида юго-западной линии обороны Илурата

после длительного перерыва исследование Илурата возобновилось силами международной экспедиции Института археологии НАН Украины и Института истории материальной культуры РАН при участии сотрудников Керченского историко-культурного заповедника и Университета им. Николая Коперника в Торуни (Горончаровский, Ракочи, 2017). На плане Дюбрюкса 1832 г. здесь отмечена круглая башня L, «которая прикрывала угол стены и восточную башню» (Дюбрюкс, 2010. С. 307), т. е. башню I по В. Ф. Гайдукевичу. Тщательный осмотр скалистого плато к северо-востоку от неё позволил зафиксировать ряд грубо обколотых уплощённых кусков известняка размерами от $0,44 \times 0,27 \times 0,23$ до $0,66 \times 0,53 \times 0,27$ м, уложенных на один фас. Зачистка показала, что они относятся к остаткам подпорной стены высотой до 1,08 м, сохранившейся на протяжении 3,9 м. Близ её северо-восточной оконечности, расположенной под небольшим углом к башне I, был обнаружен полукруглый выступ радиусом 4 м, вырубленный в слое надскальной крошки (рис. 22). По линии его внешнего края сохранились два участка кладки из массивных известняковых блоков размерами от $0,51 \times 0,51 \times 0,32$ до $1,43 \times 0,94 \times 0,73$ м, уложенных выровненными гранями наружу. Пространство между ними и скальным склоном забутовано мелкими камнями и известковой крошкой²², в которой встречались фрагменты краснолаковых мисок и светлоглиняных узкогорлых амфор конца II — первой половины III в. н. э. типа D по Д. Б. Шелову (Šelov, 1986). Интересно отметить, что слой известковой крошки подстилает достаточно однородный рыхлый золистый грунт (до 0,47 м) с прослойкой чистой золы

²² Конструктивно это напоминает структуру юго-западной оборонительной стены, где в качестве забутовки также использовалась известковая крошка.

Рис. 22. Остатки оборонительных сооружений на восточном углу оборонительной системы Илурата

толщиной 0,06 м. Видимо, он образовался в результате сброса мусора за пределы крепости в предшествующий период её существования. Среди происходящих отсюда датирующих находок можно упомянуть фрагменты краснолаковых мисок начала — третьей четверти II в. н. э. и синхронных им светлоглиняных узкогорлых амфор типа С по Д. Б. Шелову.

Таким образом, создание всей этой конструкции, скорее всего, следует отнести к рубежу II–III вв. н. э. Она должна была играть роль основания круглой башни с примыкающей к ней подпорной стеной для предотвращения разрушения расположенной выше линии укреплений в условиях нараставшей сейсмической активности в регионе. Возможно, ту же цель преследовало сооружение ещё одной подпорной стены, на плане П. Дюбрюкса примыкающей к башне L и обозначенной буквами АА. В любом случае, сейчас появилась возможность с учётом рельефа местности создать предварительную виртуальную реконструкцию вида крепости с востока (рис. 23).

К заключительному этапу в развитии фортификационной системы Илурата относится возведение за пределами северо-западной стены, на естественной террасе (рис. 24), куда ранее сбрасывались зола и бытовые отходы, своего рода протейхизмы в виде полосы жилой застройки. Судя по монетным находкам, это происходит не ранее времени

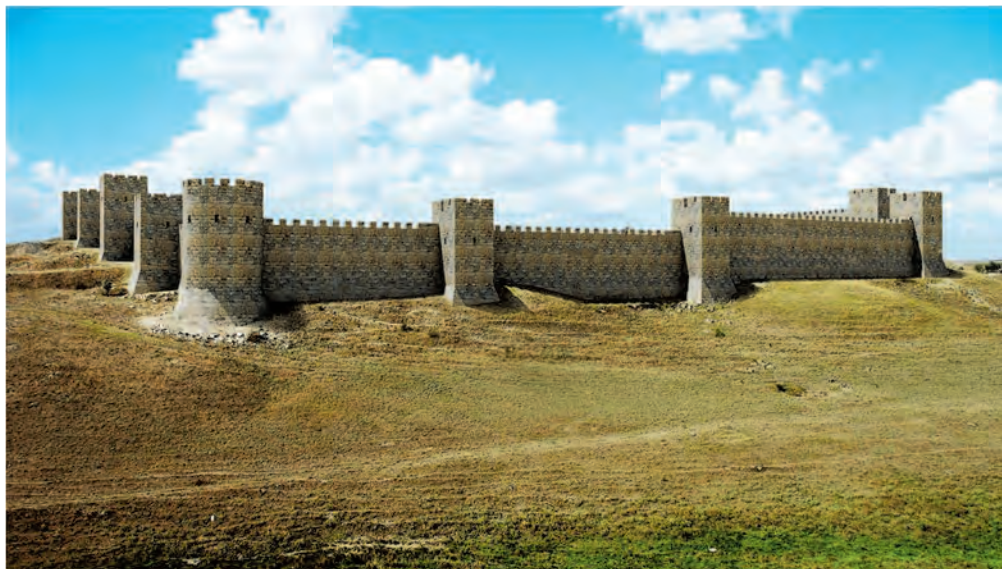

Рис. 23. Виртуальная реконструкция оборонительных сооружений Илурата, вид с востока

правления царя Инифимея (234–238), когда на Боспоре велись значительные фортификационные работы: строились новые укрепления и приводились в порядок старые. Несомненно, это было связано с подготовкой к отражению новых варварских нападений. При возникновении военной опасности узкие проходы между домами могли заложить

Рис. 24. Вид на северо-западный склон илуратского плато

каменными, создавая дополнительное препятствие на пути врага. Так, в одном из домов начало прохода шириной 1,3 м с внешней стороны было перекрыто несколькими тщательно уложенными крупными квадратами известняка. Легко было перекрыть и расположенный рядом проход через всю линию застройки. Вскрытая длина его составила 19 м, ширина в нижней части — 2,5 м, а в верхней, видимо, запиравшейся калиткой, — 0,87 м. Часть прохода была оформлена как лестничный спуск из девяти ступеней. Перепад высот между верхней и нижней из этих ступеней составил 2,1 м. В случае серьёзной угрозы осаждённые могли отступить на основную территорию крепости через расположенную выше калитку в северо-западной стене.

Основой регулярной планировки Илурата, которая существовала изначально, являются две главных улицы шириной до 6 м, пересекающиеся под прямым углом и выходящие к воротам. Вдоль одной из них частично сохранился тротуар из крупных блоков известняка. Десять поперечных улиц шириной от 1 до 1,8 м образуют отдельные кварталы из нескольких жилых домов (рис. 25)²³. Часто они проходят по краю искусственно созданной террасы. В таком случае во двор дома, расположенного ниже, ведёт достаточно широкая лестница. Первый этаж занимали хозяйственные помещения. Как правило, одно из них использовалось для приготовления пищи. В этом случае в нём имеется большая печь из вертикально установленных плит с одним или двумя каменными столбиками внутри. На них ставилась саманная плита с закраинами. Помещения с загородками из каменных плит с отверстиями для привязывания предназначались для содержания скота в зимний период.

В каждом из домов были ямы грушевидной формы, выдолбленные в скале. Их устья тщательно закрывались круглыми каменными крышками. Такие ямы могли служить водосборниками на дворах или использоваться в хозяйственных целях, если находились в помещениях. Обычно над частью дома имелся второй жилой этаж, куда вела со двора деревянная лестница. Состоятельные владельцы могли позволить себе устройство черепичной кровли и отделку парадных помещений штукатуркой. При раскопках иногда удаётся зафиксировать слой сгоревших межэтажных перекрытий в виде деревянных балок шириной 15 см²⁴ и, таким образом, выделить вещи, происходящие со второго этажа. В одном случае это были упавшие в линию грузила, видимо, от ткацкого станка.

²³ Реконструкции основных типов илуратских домов см.: Крыжицкий, 1982. С. 104–106, рис. 38, 39; Крыжицкий, 1993. С. 200, рис. 142.

²⁴ Такая ситуация была зафиксирована дважды: на IV Юго-западном (Шургая, 1970. С. 63) и V Центральном участках.

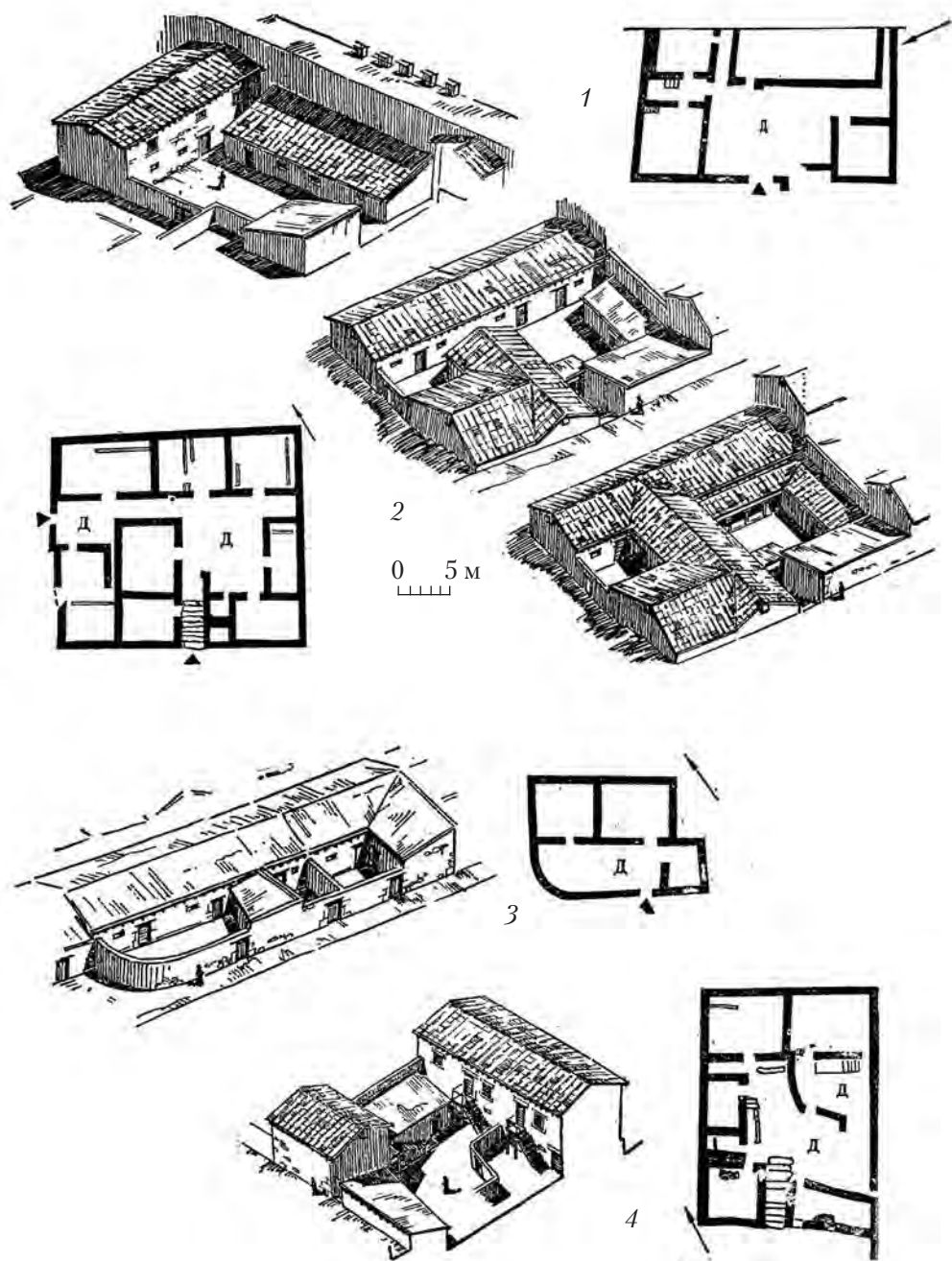

Рис. 25. Илуратские дома. Планы и реконструкции (по С.Д. Крыжицкому)

Помимо ткачества в небольших масштабах в Илурате существовали и другие виды ремёсел. О наличии железоделательного производства свидетельствуют находки в зольнике у юго-восточных ворот кусков губчатого железа, полученного из местной руды. Существование обработки цветных металлов подтверждает небольшой каменный тигель с остатками расплавленной меди (Виноградов, 1983). Керамическое производство в основном носило домашний характер и было ориентировано на изготовление отдельных видов посуды, светильников, терракот и рыболовных грузил. Так, в одном из домов была обнаружена глубокая ниша со сложенными в четыре ряда заготовками для круглых грузил. Обжигаться они должны были, судя по всему, тут же, в находящемся рядом очаге. Учитывая неоднократные находки глиняных подставок для обжига сосудов (Гайдукевич, 1958а. С. 54, рис. 42), с большой долей вероятности можно предполагать наличие в Илурате гончарных мастерских.

О занятиях илуратцев земледелием и скотоводством свидетельствуют находки серпов, кос и наральника, зернотёрок, каменных ступ и чашек-цедилок. В меньшей степени было развито виноделие. Пока известна всего лишь одна винодельня, в производственном помещении которой находились четыре давяльные площадки (рис. 3–6), покрытые цемянкой красного цвета, и две цистерны общей ёмкостью около 3,5 тыс. л (Горнчаровский, 1985; см. также § 1.3 этого издания). Напротив центральной площадки располагалась каменная гиля весом около 1,4 т для рычажно-винтового пресса. В данном строительном комплексе был и склад, где в трёх пифосах ёмкостью около 700 л каждый хранилась готовая продукция. Получаемое в таком объёме вино, скорее всего, предназначалось для обитателей близлежащего дома, которым принадлежала винодельня, и лишь в какой-то мере поступало на рынок. Всё-таки существовавшее первоначально мнение, что торговля и денежное обращение в Илурате, несмотря на близость к столице, были развиты весьма слабо, не соответствует действительности. В этой связи можно отметить такую находку, как свинцовая гиля, по весу (402,7 г) соответствующая позднеаттической мине в 390–409 гг. (Горнчаровский, 1982; см. также § 1.1 этого издания). Ещё одно интересное наблюдение относится к частично вскрытой раскопками 2013 г. недалеко от юго-западных ворот, прямо у крепостной стены, небольшой площади (около 120 кв. м), открытой со стороны улицы. В слое над вымосткой этой площади было обнаружено необычно большое для Илурата количество монет конца II — III в. н. э. (10 экз.) и бронзовый стилос, что позволяет предположить, что в этой части города проводились какие-то торговые операции.

Ряд наблюдений позволяет говорить о том, что основную массу жителей Илурата составляли выходцы из варварской среды, размещённые здесь на правах военных поселенцев. При общей численности населения крепости около 800–900 человек они могли выставить гарнизон в составе не менее 130–150 воинов. Наиболее состоятельные из них участвовали в военных действиях в качестве тяжеловооружённых всадников — катафрактариев. До нас дошло изображение такого конного воина, процарапанное на обломке штукатурки красного цвета (рис. 7, 8). Облачённый в длинный, почти до пят, пластинчатый доспех, он обеими руками держит наперевес тяжёлое копьё (Горончаровский, Никоноров, 1987).

Смешанный этнический состав жителей Илурата во многом определил их религиозные представления, объединявшие поклонение греческим божествам с культами и обрядами, восходящими к эпохе раннего земледелия. В этом отношении первое место, безусловно, принадлежало культам женских божеств, изображения которых по своему художественному стилю в значительной мере отличаются друг от друга: одни изготовлены в соответствии с традициями античного искусства, для других характерна довольно обобщённая манера. В частности, редкой для Илурата находкой является мраморная головка Афродиты с причёской в виде свободно лежащих локонов, разделённых посередине пробормом (Гайдукевич, 1981. С. 135, рис. 55). Она была частью небольшой статуи высотой около 40 см, когда-то украшавшей интерьер дома состоятельного горожанина.

Другую трактовку образа Афродиты демонстрирует золотой медальон середины III в. н. э. (Горончаровский, 1993. С. 80–83; см. также § 3.2 этого издания). В центре его — оттиснутое штампом схематичное изображение бюста богини в калафе (рис. 67, 1). Над её плечами находятся две шестиконечные звёздочки, указывающие на связь с небом, т. е. это, скорее всего, Афродита Урания, особенно почитавшаяся на Боспоре в первые века нашей эры. Возможно, медальон играл какую-то роль в обрядах, связанных с богиней, и надевался лишь в соответствующих случаях. Не случайно именно это украшение выделено на груди нескольких происходящих из Илурата терракотовых статуэток богини, изображающих, очевидно, всё ту же Афродиту Уранию (рис. 68).

Уже без всякой «греческой вуали» образ так называемой Великой богини, владычицы животного и растительного мира, мы видим на круглом глиняном штампе для изготовления культовых лепёшек (Гайдукевич, 1958а. С. 79–84, рис. 76), где, облачённая в длинное одеяние, с распростёртыми руками в виде растительных побегов, она предстаёт как олицетворение мирового древа (рис. 26). Её руки служат своеобразной границей между верхним небесным миром, отмеченным схематичным изображе-

Рис. 26. Оттиск глиняного штампа для ритуальных хлебцев

нием звезды или летящей птицы, и нижним подземным миром с крылатыми грифонами. Голова богини с двенадцатью отростками по форме напоминает хлебный колос. Глиняный штамп был найден рядом с большим по площади зданием у юго-восточной оборонительной стены, очевидно, наделённым функциями святилища. Остатки обнаруженного здесь человеческого жертвоприношения (Гайдукевич, 1958а. С. 43–46, рис. 29–31) говорят о том, что в финале существования крепости её жители прибегали к кровавым ритуалам, далёким от традиционных греческих обрядов почитания богов. В углу культового помещения на каменном жертвеннике был обнаружен скелет петуха, а над ним — череп мужчины 30–35 лет с ровным срезом на нижнем позвонке.

Небольшое домашнее святилище было открыто в одном из центральных кварталов Илурата (Шургая, 1986). Посередине его находился алтарь из трёх вертикально установленных известняковых плит, перекрытый

зольным холмом высотой около метра. В основании его находилась глинобитная площадка, под которой были найдены в анатомическом порядке скелеты козлёнка, поросёнка и щенка (Виноградов, 2018а. С. 104). Там же и неподалёку обнаружены четыре небрежно вылепленные из глины статуэтки с подчёркнутыми признаками пола. По размерам им соответствовало обнаруженное рядом с алтарём лепное ложе, покрытое гипсом и окрашенное охрой в красный цвет. Вряд ли можно сомневаться, что эти фигурки и ложе (рис. 27) использовали для имитации «священного брака», совершаемого на зольном алтаре. Значительный интерес представляет также происходящий из соседнего помещения обломок лепного культового сосуда с двумя идентичными рельефными изображениями на внутренней поверхности. Одно из них сохранилось целиком и представляет собой уже знакомый нам образ женского божества с головой в виде хлебного колоса и раскинутыми в стороны руками. Отличие заключается в том, что богиня здесь обнажена, у неё подчёркнуто полные груди и вздувшийся живот. Фоном в данном случае являются параллель-

Рис. 27. Лепные статуэтки из домашнего святилища с зольным алтарем

но прочерченные линии, символизирующие распаханное поле, т. е. это переданная изобразительными средствами мольба об урожае. Скорее всего, таких фигур, расположенных крестообразно, на дне целого сосуда было четыре с целью усилить магическую силу его содержимого.

Особое отношение жителей города к золе проявилось в том, что она ссыпалась в специально отведённых для этого местах, в результате чего близ оборонительных стен появились зольные холмы. Не исключено, что в представлениях жителей Илурата они являлись дополнительной магической линией защиты (Виноградов, 2018б. С. 106–107).

Самый мощный зольник в виде овального холма, вытянутого с севера на юг, возвышается за юго-восточными воротами. В своё время на небольшом участке (5×5 м) его исследовал В. Ф. Гайдукевич, благодаря чему удалось установить, что мощность зольника составляет 5,2 м (Гайдукевич, 1958а. С. 137). В 1985 г. для получения более полного представления о нём в восточной части холма была заложена траншея размерами 20×4 м. В результате была установлена следующая последовательность основных напластований: под гумусным слоем мощностью до 0,35 м находился суглинок серого цвета с отдельными включениями золы (до 0,5 м), ниже — суглинок желтоватого цвета с зольными прослойками (до 1,45 м), в основании залегала зола с прослойками угля, полностью окисленного железа и известковой крошки (до 2,2 м) (рис. 28).

Судя по происходящим отсюда материалам, зольник формировался на протяжении второй половины I — середины III в. н. э. Помимо чисто бытовой функции, он был связан с проведением аграрных магических ритуалов. Так, у вершины холма частично исследована площадка из обожжённой глины, над которой зафиксирован слой чистой золы мощностью до 0,5 м. Рядом найдена небольшая мраморная статуэтка, подобная упомянутым женским глиняным фигуркам (рис. 29). Видимо, она предназначалась для многократного использования в обрядах, имевших общегородское значение.

Илурат прекращает существование в связи с событиями периода готских походов. Видимо, угроза нападения на крепость оказалась в известной мере внезапной. Именно тогда в доме у перекрёстка главных улиц в помещении для содержания скота под угловой плитой был спрятан клад из 66 биллоновых статеров, датированных 242/243–267/268 гг. (Фролова, Шургая, 1982). Если учесть, что между 268 и 275 гг. чеканка монет на Боспоре не производилась, то на это время и приходится гибель крепости, оставленной её гарнизоном без боя. Почему это произошло, объясняют результаты раскопок в северо-восточном районе городища. Здесь был исследован дом, настолько основательно разрушенный в результате землетрясения где-то около

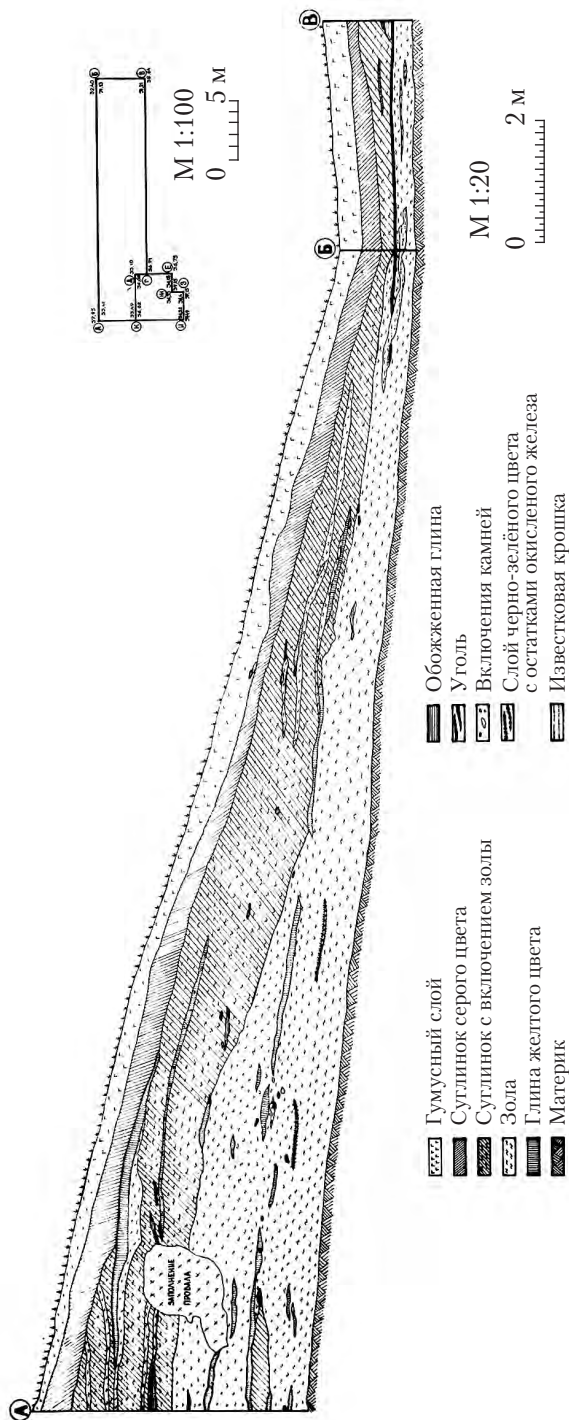

Рис. 28. Профиль борта траншеи в восточной части зольника у юго-восточных ворот

Рис. 29. Мраморная статуэтка, найденная на ритуальной площадке зольника

середины III в., что каменный завал мощностью до 1,2 м даже не стали разбирать, а прямо на его выровненной поверхности надстроили и укрепили старые или возвели новые стены. Следы серьёзных повреждений того же времени, вызванных сейсмической волной, пришедшей с северо-востока, отмечены и на ряде других памятников Европейского Боспора с террасированными склонами (Винокуров, Никонов, 2004. С. 101–103). Если стены и башни Илурата серьёзно пострадали в результате подземных толчков, то становится понятным, почему жители крепости, утратившей функции важного опорного пункта в системе обороны на подступах к столице государства, не сочли возможным защищаться и спешно ее покинули.

Итак, если подвести некоторые итоги многолетних раскопок Илурата, то к настоящему моменту вскрыто около трети городской территории, большие участки оборонительных стен с внутренней, а местами и с внешней стороны, а также 27 раскопанных полностью и 9 частично домов.

В ближайшем будущем должна быть решена задача комплексного изучения Илурата с использованием естественно-научных методов. Это

представляется весьма перспективным для воссоздания полноценной картины основных этапов жизни Илурата в контексте окружающей природной среды. В частности, необходимы:

- палеогеографические исследования, включая оценку сейсмологической ситуации в древности;
- взятие колонки образцов грунта с целью проведения палинологического анализа из траншеи на зольнике;
- проведение георадарной разведки на трассах двух подземных ходов, в том числе для выявления места их выхода в крепости;
- исследование домовладений на всех участках раскопок городища и затем объединение ряда участков в единое целое;
- продолжение изучения застройки III в. н. э. на северо-западной террасе городища за пределами оборонительной стены;
- создание компьютерной модели крепости в контексте реконструированного древнего ландшафта.

Наряду с этим нужно провести музеефикацию памятника, определить охранные зоны и в конечном итоге превратить его в полноценный туристический объект под юрисдикцией Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

2.1. Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н. э.¹

С конца I в. до н. э. Боспор прочно вошёл в сферу влияния Римской империи, которая была заинтересована в сохранении его как вассального государства, способного контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. На протяжении последующих двух с половиной столетий единственная попытка изменить эту ситуацию и выйти из-под власти Рима связана с правлением царя Митридата VIII (39/40–44/45), когда большая часть подвластных ему и сопредельных земель в 45–49 гг. оказалась охвачена Боспорской войной. Эти события, существенно повлиявшие на военно-политическую ситуацию в Причерноморье, неоднократно привлекали внимание исследователей (см., например: Гайдукевич, 1949. С. 326–328; Гайдукевич, 1955. С. 129; Каллистов, 1952. С. 228; Блаватский, 1985. С. 228; Цветаева, 1979. С. 16; Щукин, 1994. С. 205–206; Зубарь, 1998. С. 31–35), хотя и без детального анализа ситуации², что побуждает нас ещё раз попытаться рассмотреть отдельные аспекты данной проблемы в связи с теми данными, которые могут пролить дополнительный свет на взаимоотношения Боспора и Рима в 40-е гг. I в. н. э.

В предшествовавший период, при царе Аспурге (10/11–37/38), эти отношения, судя по его титулатуре, строились на основе договора о дружбе с Римом (*amicitia*) (Надэль, 1948. С. 212; Сапрыкин, 2002б. С. 161; Braund, 1984. Р. 106). Такого рода договор при вступлении на престол нового царя требовал обновления и подтверждения полномочий очередного претендента, что, видимо, касалось и права на чеканку золота. Аспург ушел из жизни вскоре после смерти императора Тиберия в марте 37 г., вряд ли пережив его более чем на год. Для Рима это был сложный момент смены власти, которая досталась Калигуле. Это обстоятельство получило отражение в его монетных выпусках, где на золотых статерах 37/38 г. н. э. продолжают помещать портрет умершего Тиберия, а на медных ассах чеканили голову Калигулы с обозначением его полного имени (Анохин, 1986. С. 95, табл. 12, 317, 320).

¹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2003а. Текст статьи исправлен и дополнен.

² Наиболее полно они освещены только в одной монографии: Сапрыкин, 2002б. С. 243–259.

Преемственность боспорской династии была вполне обеспечена наличием у Аспурга двух сыновей — Митридата и Котиса. Последний из них был тогда ещё слишком юн, зато другой, вскоре развернувший бурную политическую деятельность, вполне мог принять бразды правления. Тем не менее данные нумизматики свидетельствуют, что контроль над царством, по крайней мере на полтора года, перешёл не к наследнику по прямой линии, а к вдове Аспурга, представительнице фракийского царского дома Гепеирии³. Присутствие на аверсе её золотых статеров портрета Тиберия говорит о том, что решение вопроса о власти на Боспоре новым императором затянулось. Можно высказать предположение, что такая ситуация стала возможной только в условиях отсутствия молодого Митридата на родине. В любом случае ссылки на то, что он тогда ещё не достиг совершеннолетия и потому не мог получить царскую власть, несостоятельны, так как «неопытный по молодости лет» Котис получил её без всяких затруднений (Тас. *Ann.* XII. 15). Как известно, Тиберий и его преемники стремились держать руку на пульсе событий, происходящих на окраинах империи. Верность тамошних вассальных правителей должно было обеспечивать пребывание в Риме, фактически в качестве заложников, их наследников, призванных стать в будущем проводниками римской политики на подвластной им территории. Ведь даже обласканный Калигулой и Клавдием иудейский царь Агриппа I был вынужден отправить своего сына на воспитание при императорском дворе (Fl. Jos. *Ant. Jud.* XIX. 9. 2).

Среди совоспитанников Калигулы были будущие цари припонтийских стран Реметалк III, Котис IV и Полемон II (Орешников, 1921. С. 3), и вряд ли в данном отношении был обойдён вниманием такой важный стратегический район, как Боспор. Ведь личные симпатии императора во многом должны были определять судьбы царств и народов (Braund, 1984. Р. 58). Не исключено, что и молодой Митридат был вынужден провести в Риме довольно продолжительное время. На эту мысль наводит использование глагола «вернулся» в словах царя, обращённых позднее к императору Клавдию: «Non sum remissus ad te, sed reversus...» (Тас. *Ann.* XII. 21) (Дьячков, 1997. С. 62). Скорее всего, судьба боспорского трона была определена позже решений, принятых в 38 г. в отношении ряда зависимых восточных государств (Голубцова, 1951. С. 125 сл.). Так Агриппа стал царём Иудеи и даже присоединил к своим владениям земли тетрарха Филиппа. По соседству была образована Иудейская Аравия, а царская власть над ней дарована Соэму. Антиоху Коммагенскому вернули владения его отца (Suet. *Calig.* 16). Реметалку III достался фракийский престол, Котису IV —

³ О различных точках зрения на причины ее прихода к власти см.: Сапрыкин, 2002б. С. 242 сл.

Малая Армения, а наследственный домен в Понте получил Полемон II (Dio Cass. LIX. 12. 2)⁴.

Видимо, после некоторых колебаний, не ранее конца 39 г. н. э., права на боспорский трон официально были утверждены за Митридатом VIII. В пользу этого свидетельствует помещение на аверсе его золотых статеров 39/40–40/41 гг. н. э. изображения правящего императора. Несомненно, молодой царь на первых порах должен был рьяно демонстрировать лояльность своему благодетелю. В этом отношении он вряд ли отличался от других вассальных царей и правителей, воздвигавших в честь императора алтари и статуи (ср.: Fl. Ios. *Ant. Jud.* XVIII. 8. 1) и поддерживавших все пропагандистские акции, которыми так богато правление Калигулы.

Видимо, уже тогда у Митридата VIII, наследника имени великого противника Рима, зрели мысли о более самостоятельной, а в перспективе и независимой политике. Судя по манумиссии 41/42 г. н. э. из Горгии (КБН. 1123), с учётом данных рыбницкой надписи⁵, он вводит в свою официальную титулатуру такие патриотические элементы, как «друг отечества и друг союзников»⁶. Первая часть этой формулы обращена к населению собственного государства, вторая — к силам за его пределами. Видимо, боспорский царь с самого начала делал главную ставку на неограниченные воинские ресурсы соседних варварских племён. Как отражение предпринятых им дипломатических шагов в отношении скифов можно рассматривать фрагмент серебряной тарелки царицы Гепеирии из Неаполя Скифского⁷, а также монеты, отчеканенные в его правление, из святилища на Гурзуфском седле⁸. Несомненно, уже тогда среди союзников мятежного царя находилось и могущественное сарматское племя сираков на восточных границах государства. Всё это вполне согласуется с историческим опытом, накопленным его предшественниками. Впрочем, даже убийство Калигулы ещё не подвигло Митридата на открытый разрыв с Римом. Клавдий подтвердил его полномочия и даже устранил возможные претензии со стороны понтийского царя Полемона II, даровав ему часть Киликии (Dio Cass. LIX. 12).

⁴ Относительно родства этого царя с Полемоном I и критики взглядов сторонников того, что ему был передан и Боспор, а также якобы предпринятых им военных действий, см.: Сапрыкин, 2002б. С. 238–239.

⁵ Болтунова, 1954. С. 176 (если восстановление автора верно).

⁶ О дискуссии по поводу реконструкции надписи см.: Сапрыкин, 2002б. С. 244–246.

⁷ Ср.: Яценко, 1962 (дипломатический дар царицы на переговорах со скифами).

⁸ Таких монет насчитывается 28 (см.: Новиченкова, 1994. С. 54, 55). Впрочем, в число даров Митридата VIII, как показывает клад из Сукко (см.: Крушкoл, 1978), могли входить и присутствовавшие одновременно в обращении монеты Аспурга и Гепеирии — в святилище их соответственно 29 и 7.

Посольство в Рим, во главе которого был поставлен младший брат царя, Котис, вероятно, должно было выразить признательность правителя Боспора за оказанные благодеяния. Котис использовал эту поездку в своих интересах. Очевидно, его подталкивала к такому решению оппозиция политике Митридата в лице матери (Dio Cass. LX. 28. 7 = FHG. IV. 185. Fr. 3) и части состоятельных боспорских горожан, не заинтересованных в конфликте с империей. Насколько серьёзными были меры по подготовке к возможной войне с Римом, и, следовательно, аргументы Котиса, трудно сказать. Определённо он мог сослаться только на факт бегства Гепепирии, сохранившей после смерти мужа, чётко придерживавшегося проримской политики, свой высокий статус (Панов, 2012а. С. 13). При всем известной подозрительности Клавдия (Suet. *Claud.* 37), резко реагировавшего на действия вассальных правителей в отношении накопления оружия (ср.: Fl. Ios. *Ant. Jud.* XVIII. 7. 2) или даже просто усиления крепостных стен (Fl. Ios. *Ant. Jud.* XIX. 7. 2), это вполне могло вызвать конфликт, приведший к войне.

Так или иначе, обострение боспоро-римских отношений произошло, что существенно повлияло на монетное дело периода правления Митридата VIII. Вместо оживления выпуска золотых статеров, как это обычно происходило при восшествии на престол нового императора и получении «даров» от него, чеканка золота после 41/42 г. прекращается, а на реверсе медных монет, по-видимому, именно в это время вместо бюста Гепепирии появляются атрибуты божественных предков боспорских царей — Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец (Анохин, 1986. С. 151, табл. 12, 330).

Официально провозглашённый после предательства Котиса независимый политический курс, судя по тому, что Клавдием ещё долго владели «горечь нанесённых ему оскорблений и жажда мести» (Тас. *Ann.* XII. 20), вполне вероятно, сопровождался рядом антиримских акций, например демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев, подобно тому, как это сделали жители Эфеса со статуями римлян в начале Первой Митридатовой войны (App. *Mithr.* 21).

Вряд ли ответные действия Рима последовали сразу⁹, поскольку трудно представить, чтобы какая-то крупная внешнеполитическая акция началась одновременно с вторжением римских легионов в Британию в 43 г. К тому же поход на Боспор с целью утверждения там проримски настроенного Котиса возглавил один из участников военной операции в Британии, бывший префект кавалерии Авл Дидий Галл (ILS. 970), ставший в 44 г.

⁹ Ср.: Сапрыкин, 2002б. С. 250–251 (в качестве даты начала войны предлагается 42 или 43 г., что абсолютно неприемлемо).

наместником провинции Мёзия. Надо полагать, что оттуда против Митридата VIII были отправлены военные силы числом не менее легиона (Блаватский, 1985. С. 228)¹⁰. Возможно, это был переведённый в Мёзию в 45 г. VIII Августов легион (Ritterling, 1925. Sp. 1647). К этому, учитывая дальнейшее развитие событий, нужно добавить несколько когорт, прибывших из Вифинии¹¹. Сборным пунктом прибывших морем в Таврику военных сил, видимо, стал Херсонес, всегда тяготившийся зависимостью от Боспора и, скорее всего, выделивший отряд вспомогательных войск для участия в походе (Кадеев, 1981. С. 19; Зубарь, 1994. С. 22).

В любом случае переброска армии вторжения и дальнейшие военные действия должны были потребовать привлечения значительного количества военных и транспортных кораблей. Поскольку отдельного *classis Pontica* до 64 г. н. э. не существовало (Starr, 1941. P. 125–129; French, 1984. P. 53 ff.), часть их, несомненно, была затребована у греческих городов понтийского побережья. В этой связи заслуживает упоминания сообщение Тацита об освобождении на пять лет от податей жителей Византия, потому что они были истощены войнами боспорской и фракийской (Тас. *Ann.* XII. 63).

В итоге армия А. Диция Галла вынудила Митридата VIII покинуть столицу, где он, судя по всему, не пользовался всеобщей поддержкой¹². Тогда же боспорский царь мог лишиться части флота. По крайней мере одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произносит фразу о том, что его «на протяжении стольких лет на суше и *на море* (курсив наш. — В. Г.) преследуют римляне» (Тас. *Ann.* XII. 18). Вероятно, демонстрация силы оказалась достаточно убедительной, однако не все города и тем более зависимые племена на другой стороне пролива выразили свою покорность Риму.

¹⁰ Вегетий отмечал, что при небольших войнах считался достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов (Veget. III. 1). Вряд ли описываемая ситуация особенно отличалась от той, что сложилась почти за столетие до того, в период вторжения в Малую Азию Фарнака, против которого выступил один легион, дополненный затем четырьмя легионами, набранными из местных жителей и обученными по римскому образцу (Голубцова, 1951. С. 58).

¹¹ Считается, что в провинции Вифиния стояло не менее трёх когорт пехоты и вспомогательный конный отряд, не считая вспомогательных когорт из местных уроженцев (см.: Зубарь, Шмалько, 1993. С. 227).

¹² В этом отношении интересную параллель можно провести с историей присоединения к Риму при Тиберии Коммагенского и Киликийского царств, сопровождавшегося внутренней борьбой: «У народов их происходили смуты: *большая часть населения* (курсив наш. — В. Г.) желала римского, другая — царского управления» (Тас. *Ann.* II. 56).

Так или иначе, римский ставленник Котис получил боспорский трон и начал чеканку золотых статеров, самые ранние из которых датируются 45/46 г. н. э. (Анохин, 1986. С. 151). К сожалению, раздел «Анналов» Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, был утрачен и конкретный ход военных действий, вплоть до их завершающей фазы, может быть только приблизительно реконструирован.

Видимо, первый этап Боспорской войны, связанный с Авлом Дидием Галлом, завершился уже к 46 г. н. э. Именно тогда Фракия преобразовывается в римскую провинцию, а часть бывшего Одрисского царства вошла в состав провинции Мёзия (Златковская, 1951. С. 51). Подобное развитие событий, конечно, требовало присутствия самого легата, которого в 47 г. сменил на этом посту Туллий Гемин (Сапрыкин, 2002б. С. 250–251). Очевидно, он посчитал свою основную задачу выполненной и оставил для продолжения военных действий на Боспоре несколько когорт под командованием Гая Юлия Аквилы¹³, дополненных вооружёнными римским оружием отрядами боспорцев (Тас. *Ann.* XII. 15), а общий контроль был возложен на администрацию провинции Вифиния, которая вскоре перешла под управление императорского прокуратора (Harris, 1980. P. 878 ff.).

Лакуну в письменных источниках относительно дальнейшего хода войны отчасти восполнили данные, полученные в ходе раскопок небольшой цитадели (27,6×27,1 м) на городище Артезиан (Пароста?), всего в 30 км к западу от Пантикапея, которую в 46/47 г. н. э. занимали сторонники свергнутого царя. Об этом определённо свидетельствует находка уникального золотого статера Митридата VIII с соответствующей датой (Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 713–714). На аверсе монеты помещён портрет римского императора (Клавдия?) как символ законно полученной в своё время царской власти, а вокруг него как демонстративное противостояние располагается легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. На реверсе представлена бородатая голова без диадемы, скорее всего, самого опального царя, чтобы подчеркнуть его статус изгнанника (Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 732, рис. 2). Судя по всему, ему удалось сохранить свою казну и даже без профессиональных резчиков штемпелей наладить, пусть и в ограниченном объёме, чеканку золотых и медных монет¹⁴.

¹³ Гай Юлий Аквила был состоятельным уроженцем Амастрии, о чём можно судить по оставленной им надписи на скале у дороги, в 4 км от родного города, сооружённой им на собственные средства в консульство Авла Габиния Секунда и Тита Статилия Тавра (43 г. н. э.). Там же упоминается о том, что он занимал пост префекта инженерных войск (*prefectus fabrum*) (ILS. 5883).

¹⁴ В цитадели Артезиана найдено множество медных ассов Митридата VIII без каких-либо следов пребывания в обращении.

По-видимому, в 46 г. н. э. Митридат, вынужденный покинуть Пантикапей, удалился не на Азиатский Боспор, как считалось ранее, а в западном направлении, сделав своей опорой небольшие крепости с гарнизонами из военных поселенцев, контролировавшие дороги, ведущие к столице. Надо полагать, что при этом он имел поддержку или, по крайней мере, нейтралитет со стороны Крымской Скифии.

Раскопки Артезиана показали, что крепость хорошо подготовилась к возможной осаде. Цитадели удалось пережить первое нападение, когда были сожжены постройки за её пределами (Винокуров, 2018. С. 4–10). Полученная после этого передышка дала возможность укрепить оборону за счёт постройки южного бастиона и восстановления повреждённых крепостных стен. Враг отступил лишь временно, и обстановка продолжала оставаться тревожной. Отложения мусора, перекрывшие жилой горизонт прямо по периметру оборонительной линии, говорят о том, что все отходы уже не выносили, а просто сбрасывали за её пределы. В ходе последовавшего второго штурма акрополь городища Артезиан был захвачен и сгорел вместе со всеми защитниками (Винокуров, 2018. С. 11–13). По-видимому, это произошло не позднее сентября 47 г. н. э. Ту же участь разделили и другие крепости, расположенные в этом районе: городища Багерово Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловка и др. (Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 716).

Полученными в ходе этой карательной операции географическими данными мог пользоваться Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора даёт «размеры, определённые в наше время, когда даже в самом Кимерийском устье велась война» (Plin. *NH*. VI. 3). М. В. Скржинская, анализируя приведённую им информацию, отметила достаточно высокую её точность для европейской части царства и значительно меньшую определённость, неконкретность описания городов азиатской стороны Боспора (Скржинская, 1977. С. 65–66). Данное обстоятельство представляется неслучайным, ведь в римской армии точно составленным планам тех местностей, где идёт война, придавалось большое значение (Veget. III. 6).

Итак, военные действия против сторонников Митридата VIII на Европейском Боспоре завершились лишь к 48 г. н. э., что лишний раз свидетельствует о том, что на тот момент у Котиса и Аквилы было недостаточно сил для быстрой ликвидации очага сопротивления в непосредственной близости от столицы. Только потерпев здесь поражение, Митридат ушёл на территорию Азиатского Боспора, где война вступила в новую фазу.

В это время соперник Котиса в борьбе за власть, скорее всего, отправился к своим союзникам сиракам (Виноградов, 1963. С. 147). Обращает на себя внимание фраза Тацита применительно к последующим событиям 49 г. н. э. о том, что царь сираков Зорсин «возобновил враждебные к ним (Аквиле и Котису; курсив наш. — В. Г.) отношения» (Тас. *Ann.* XII. 15). Это заставляет предполагать для данного периода военную поддержку со стороны сираков антиримской борьбы Митридата VIII, впрочем, непродолжительную. Далее, по словам Тацита, царь «блуждал по разным местам», очевидно, за пределами Сиракены и своих бывших владений. Не исключено, что в конце концов он обосновался в области, которая у Птолемея обозначена как ἡ Μιθριδάτου χώρα (Ptol. *Geogr.* V. 8, 23–24). Определённым ориентиром в локализации этой «страны Митридата» и «савроматов», к которым бежал, а возможно, даже стал их царём (Яйленко, 1990а. С. 181) непримиримый противник римлян, служат указания Плиния Старшего со слов самого Митридата о том, что они живут за сарматским народом эпагиритами, обитающими в Кавказских горах недалеко от Питиунта (Plin. *NH.* VI. 15–16), т. е. речь, видимо, идёт о районе среднего течения Кубани.

Дальнейшие действия Митридата VIII фактически укладываются у Тацита в одну фразу: «...он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков» (Тас. *Ann.* XII. 15). Очевидно, здесь говорится о племенах на восточных границах Боспора, которые упоминаются в числе подданных его отца: торетах, тарпетах, псессах и танаитах, а также о связанных с правящей династией аспургиянах. После того как под началом Митридата оказалось достаточно большое войско, был предпринят следующий шаг, создавший непосредственную угрозу для римлян и их ставленника, — он «прогоняет царя дандариев и захватывает его престол» (Тас. *Ann.* XII. 15). На волне этих успехов ему удалось вновь привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 г. н. э. создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в низовьях Кубани, в непосредственной близости от городских центров Азиатского Боспора. Тацит пишет, что молодой боспорский царь и Аквила, «не рассчитывая на свои силы... стали искать поддержки извне и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов» (Тас. *Ann.* XII. 15). Необходимость союза с ними, очевидно, диктовалась отсутствием у римлян и сторонников Котиса всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника.

Конечно, Боспор не остался в стороне от изменений, происшедших к рубежу нашей эры в военном деле кочевников евразийских степей, где возрастает значение нового типа тяжеловооружённой кавалерии — катафрактариев. Помимо тяжёлого доспеха, для них характерно наличие

пики, длинного меча, лука «гуннского» типа и седла усовершенствованной конструкции, обеспечивавшей «глубокую» посадку. Судя по ряду памятников изобразительного искусства, появление катафрактариев на Боспоре можно связать с аспургианами (Горончаровский, 2006б). Скорее всего, именно они вплоть до рассматриваемой войны с Римом пополняли боспорскую армию отрядами панцирной конницы, в отличие от лёгкой кавалерии из состава горожан. Действительно, если судить по материалам пантикапейских рельефных надгробий, относящихся ко времени около рубежа нашей эры, серьёзных изменений в вооружении кавалерии и снаряжении верховых коней не наблюдается (Горончаровский, 2001б; ср.: Марти, 1941. С. 36, 40, рис. 7, 11; Боспорские надгробные рельефы, 1990. № 43, 44). Можно предположить, что аспургианская знать, приверженная тем направлениям политики, которые были заложены ещё Митридатом VI Евпатором, не могла не поддержать продолжателя его дел, носившего то же имя.

В любом случае становится понятным, почему без поддержки конницы аорсов противники мятежного царя не могли чувствовать себя уверенно перед лицом врага. В том, что аорсы всё-таки примкнули к союзу, направленному против Митридата, конечно, сыграли свою роль не столько заверения в ничтожности сил мятежника и выгодах союза с Римом, сколько давнее соперничество этого племени с сираками за контроль над предкавказскими степями (Виноградов, 1963. С. 161; Щукин, 1994. С. 201–202; Марченко, 1996. С. 134). После удачного завершения переговоров всё было готово к походу¹⁵, в котором аорсы должны были противостоять вражеской коннице, а римляне — заниматься осадой городов (Тас. *Ann.* XII. 15).

Тацит следующим образом описывает походный порядок союзной армии: «...впереди и в тылу находились аорсы, посередине — когорты и вооружённые римским оружием отряды боспорцев» (Тас. *Ann.* XII. 15). В таком тактическом построении, несомненно, был учтён военный опыт, накопленный боспорской армией в столкновениях с кочевниками¹⁶. Вероятно, одним из участников похода 49 г. н. э., имевших такой опыт, был Юлий Каллисфен¹⁷, погребение которого с набором предметов наступательного и защитного вооружения было открыто в одном из склепов пантикапейского некрополя в 1894 г. (Мацулевич,

¹⁵ Относительно пути прибытия на Боспор отрядов аорсов наиболее вероятным представляется, что они проникли в Крым через Перекоп. См.: Мачинский, 1974. С. 129.

¹⁶ Ср.: Arr. *Acies c. Alanos.* 1–8, где на марше армии рекомендуется передвигаться одной колонной, в авангарде и арьергарде которой находится кавалерия.

¹⁷ Имя этого человека, имевшего римское гражданство, говорит о причастности к привилегированному социальному слою Боспора. См.: Яйленко, 1987а. С. 109.

1941. С. 61 сл.)¹⁸. Иначе трудно объяснить наличие на левой руке этого имевшего римское гражданство боспорца золотого перстня с портретом императора Клавдия на аметистовой гемме работы мастера Скилакса, ведущего резчика при дворах Клавдия и Нерона (Неверов, 1976. С. 38. № 131; Неверов, 1979. С. 105). Здесь нельзя не упомянуть, что, согласно Плинию Старшему, во время принципата Клавдия существовало «необычное отличие для тех, кому его вольноотпущенники разрешили доступ к нему, — право носить на пальце изображение принцепса» (Plin. *Hist. Nat.* XXXIII. 12. 41).

Вряд ли Аквила и Котис могли выступить против основных сил Митридата, оставив у себя в тылу территорию, контролируемую аспургианами. С развернувшимися на их землях военными действиями, видимо, следует связывать разрушение целого ряда укреплений Азиатского Боспора: погибшей в огне пожара крепости у ст. Запорожская (Сокольский, 1963), монументального здания на Семибратнем городище, домов-башен около ст. Анапской, на поселениях Цемдолинское и Владимировка близ Новороссийска (Калашников, 1987; Паромов, 2001). С участием в этой акции аорсов С. Ю. Сапрыкин предположительно связывает погребение воина у пос. Мысхако (Сапрыкин, 2002б. С. 254), датирующееся прекрасной сохранности золотым статером Котиса I чеканки 48/49 г. н. э. (Онайко, 1983. С. 84–85, рис. 2, 8). Действительно, среди предметов погребального инвентаря обращают на себя внимание характерные для тяжеловооружённого всадника втульчатый наконечник копья с большим ланцетовидным пером (длина 0,46 м) и железный кавалерийский меч длиной 0,95 м (при этом длина рукояти составляет 0,21 м) (Онайко, 1983. С. 83, рис. 4).

Возможно, война затронула и соседние земли торетов, поскольку среди препятствий, которые преодолело римское оружие в период кампании 49 г. н. э., Тацит упоминает «труднодоступные и высокогорные местности» (Тас. *Ann.* XII. 17). В связи с этим отметим находку в районе Сочи имперско-галльского шлема середины I в. н. э. (Сударев, 1991. Рис. 1). На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII. Когда она подошла к городу Созы, царя там уже не было вследствие ненадёжности его жителей. Римляне без особого труда овладели городом и оставили здесь свой гарнизон. Теперь военные действия переместились на земли сираков¹⁹.

¹⁸ Попытка отнести умбон щита из склепа Каллисфена к середине — второй половине II в. (Шаров, 2011. С. 446), объясняя расхождение с датировкой комплекса найденной там стеклянной посуды произведенным здесь вторичным захоронением, представляется неубедительной (см.: Масякин, 2018).

¹⁹ Видимо, с ними можно связать присутствие в погребальных комплексах на территории Усть-Лабинского района Краснодарского края трофейного наперстка

Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада города Успе, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. Тем не менее дать хотя бы приблизительную привязку этого населённого пункта к современной карте, на наш взгляд, вполне возможно. Из рассказа Тацита мы знаем, что Успе находился на возвышенности, за рекой Пандой, в трёх днях пути от Танаиса (Тас. *Ann.* XII. 16–17). Конечно, «день пути» — расстояние достаточно условное, но, по Вегецию, скорость движения римских подразделений военным шагом составляла около 5,9 км/ч (Veget. I. 9), что при продолжительности дневного марша 8–9 часов даёт до 45–50 км в сутки. Таким образом, с учётом крайнего разброса цифр, Успе располагался в 135–150 км от дельты Дона. Если сопоставить эти данные с археологической картой Восточного Приазовья, то в указанных пределах оказывается группа городищ по реке Кирпили (Панда?)²⁰, а между ней и Доном поселения этого периода вообще отсутствуют (Каменецкий, 1989. С. 226, 242). К тому же к северу от Кирпили местность, в отличие от более южных равнинных районов, становится пересечённой, с высотными отметками до 50 м. Расположенные здесь городища представляют собой холмы с чётко выраженной цитаделью с глубоким рвом.

Главный город сираков, по Тациту, также был окружён рвами и стенами «не из камня, а из сплетённых прутьев с насыпанной посередине землёй» (Тас. *Ann.* XII. 16). Высота таких оборонительных сооружений, в качестве основы которых использовались турлучные конструкции, вряд ли превышала 4 м²¹. Несмотря на известную примитивность таких укреплений, не рассчитанных на правильную осаду, с ходу взять их не удалось. Согласно римской тактике захвата городов, если попытка первого штурма не завершилась успехом, начинали развёртывать инженерные работы под прикрытием легко вооружённых войск и метательных машин, и Юлий Аквила в полной мере мог проявить здесь свои профессиональные навыки. Под Успе эти работы заняли лишь часть дня. Город был обложен со всех сторон, но прежде чем пустить в ход высокие башни, которые упоминает Тацит, осаждающие должны были засыпать рвы. Подвижные башни высотой от 15 м сооружались достаточно быстро из заранее заготовленного

римского знамени (Гущина, Засецкая, 1994. С. 58. № 269) и бронзовой пластины от перекрестья римского меча первой половины I в. н. э. (Беглова, Эрлих, 1998).

²⁰ М. Б. Щукин также обратил внимание на этот район в связи с событиями Боспорской войны, но он связывает группу городищ у ст. Ново-Джерелиевская с областью дандариев, куда был направлен первый удар Аквилы и аорсов (Щукин, 1994. С. 206).

²¹ Ср. реконструкцию подобных сооружений более раннего времени: Марченко и др., 2000. С. 76, 77, рис. 13.

материала, перевозившегося в обозе. Добившись с их помощью господства над оборонительной стеной Успе, римляне забросали её защитников пылающими факелами и копьями. Штурм прервало только наступление темноты. На следующий день римляне проникли в город с помощью осадных лестниц, и всё закончилось беспощадной резнёй. Массовое истребление жителей города заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать эту войну.

В конце концов Зорсин «дал заложников и простёрся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску» (Тас. *Ann.* XII. 17). Это означало, что была проведена особая процедура сдачи на милость победителей (*deditio*), означавшая, что представители сдавшегося племени сохраняли личную свободу, но все их земли и имущество формально становились достоянием римского народа (ср.: Liv. I. 38; V. 27). Она сопровождалась выдачей оружия, коленопреклонением варварского вождя перед императором или его изображением, выдачей заложников (обычно детей знати) и возвратом пленных. Еще одно обычное в такой ситуации условие — предоставление молодых воинов для зачисления во вспомогательные войска. Возможно, именно это имели в виду сираки в начале осады Успе, предлагая «победителям десять тысяч рабов» (Тас. *Ann.* XII. 17). Насчет того, как понимать эту фразу, существовали различные мнения: это обычные рабы (см., напр.: Гайдукевич, 1949. С. 329; Сапрыкин, 2002б. С. 255); земледельческое население страны сираков (Нефедкин, 2001. С. 204); профессиональные воины-рабы, наподобие египетских мамлюков, поскольку такой институт существовал в кочевых обществах (Пьянков, 2015. С. 45–46). Судя по всему, в данном контексте термин «рабы» следует воспринимать как отражение отношений «господства и подчинения, устанавливающихся в результате победы одного народа над другим» (Тохтасьев, 2013. С. 93). Таким образом, можно предположить, что сираки в случае пощады Успе были готовы предоставить для набора в римские вспомогательные подразделения десять тысяч воинов из числа подчинённых им племен.

Интересно отметить, что именно утрата сиракской конницы привела Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчёркивает значение контингентов союзной варварской кавалерии в случае ведения масштабной войны на границах Боспора. Бывший царь был вынужден прибегнуть к милосердию вождя аорсов Евнона, который добился от императора согласия не вести пленника в триумфальном шествии и сохранить ему жизнь (Тас. *Ann.* XII. 19–20). Так завершилась последняя попытка Боспора отстоять независимую от Рима позицию. В конечном итоге она способствовала формированию более взвешенной политики империи по отношению к этому вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск.

2.2. Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы)²²

Вопрос об эпизодическом пребывании римских войск на территории Боспорского царства в первые века нашей эры неоднократно рассматривался в научной литературе. Поскольку отрицать сам факт такового невозможно, дискуссия постепенно свелась к обсуждению того, откуда осуществлялся непосредственный военный контроль над Боспором, в какие периоды и на какой срок здесь появлялись отдельные контингенты римской армии. Относительно подразделений, которыми они были представлены, ещё двадцать лет назад считалось, что это были главным образом вспомогательные войска. С ними связывали происходящие из Керчи три надгробия II — начала III в. н. э., принадлежавшие солдатам Кипрской и Фракийской когорт. Правда, термин *cohors* фигурирует только в следующей двуязычной эпитафии: «Луций Волузий, воин Кипрской когорты, центурия Элия Секунда, привет прохожим» (КБН. 691)²³. В её греческом варианте *cohors* соответствует *στειρα* — слово, употреблённое также в надгробных надписях Гая Меммия из Кипрской когорты (КБН. 726), и Диза, сына Бифия (КБН. 666), который именуется *κεντυριων ο καὶ πρίνκιπ*, и его жены Елены.

Что касается Кипрской когорты, то её нумерация (IV) и основное место дислокации — провинция Вифиния-Понт — не вызывали особых сомнений. Другое дело — Фракийская когорта, которую часто сопоставляли с одной из *cohors Thracum*, считая Диза центурионом римских вспомогательных войск (Гайдукевич, 1949. С. 334; Блаватский, 1954. С. 132–133; Блаватский, 1964. С. 139–140; Герасимова, 1970. С. 25; Цветаева, 1979. С. 39; Шелов, 1981. С. 53; Масленников, 1990. С. 144; Gajdukevič, 1971. S. 352; Sarnowski, 1988. S. 157; Mielczarek, 1999. P. 81). Из фракийских вспомогательных когорт, расквартированных ближе всего к территории Боспора, можно отметить I *Thracum Syriaca equitata*, I *Thracum Germanica civium Romanorum*, I *Thracum Sagittariorum* или VI *Thracum equitata*, стоявшие в конце I — II в. н. э. в Мёзии и Дакии (Beneš, 1978). В этой связи в своё время обратила на себя внимание надпись на рельефе с изображением «фракийского

²² Впервые опубликовано: Горончаровский, 2011а. Текст исправлен и дополнен.

²³ Говоря о датировке надписи Луция Волузия, стоит отметить, что Я. Ле Боэк напрасно настаивал на том, что указания центурии на солдатских надгробиях, как правило, не выходят за пределы I в. н. э. (Ле Боэк, 2001. С. 15). В данном случае помет Элий у командира центурии не позволяет отнести её ко времени более раннему, чем правление Адриана (117–138). Другой пример — недавно найденное в Херсонесе надгробие Гая Юлия Валента, солдата I когорты Сугамбров-ветеранов, центурии Паулина (Зубарь, Сон, 2000; Цукерман, 2003).

всадника», найденном в районе римской крепости Харакс в Крыму. В ней упоминается Луций Фурий Севт, опцион префекта *cohors I Thracum*. Опубликовавший эту надпись М. И. Ростовцев по этому поводу осторожно высказался относительно возможности набора на Боспоре *σπεῖρα Θρακῶν* из надписи Диза как римского вспомогательного подразделения (Ростовцев, 1911. С. 40).

Справедливости ради надо отметить, что В. Д. Блаватский затем изменил своё мнение, поскольку не упомянул надгробие Диза среди эпиграфических свидетельств пребывания контингентов римской армии на Боспоре (Блаватский, 1985. С. 232). Позднее точку зрения на *σπεῖρα Θρακῶν* как боспорское воинское формирование наиболее последовательно отстаивал В. М. Зубарь, считавший, что, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства, и прожил на Боспоре довольно длительное время (Зубарь, 1998. С. 84–85; см. также: Крыкин, 1993. С. 239; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 156). Дополнительный импульс этой идее дал недавний комментарий С. Ю. Сапрыкина к тексту происходящего из Пантикапея энкомия в честь какого-то выдающегося боспорского государственного деятеля (Виноградов, Шестаков, 2005; Сапрыкин, 2005), в описании карьеры которого упоминается такая должность, как *πρόβος Θρακικῆς τάγματος*. В частности, С. Ю. Сапрыкин, датировав надпись временем правления Савромата I (93/94–123/24)²⁴, пришёл к выводу, что «*σπεῖρα Θρακῶν* и её подразделение *Θρακικὸν τάγμα* — это не римские, а боспорские воинские единицы» (Сапрыкин, 2005. С. 79). Во всяком случае, отпали имевшиеся сомнения в существовании на Боспоре должности тагматарха (КБН. 1213).

Публикация А. И. Иванчиком обнаруженного в Танаисе ещё одного боспорского эпиграфического документа, где упоминается *Θρακικὸν τάγμα* (Иванчик, 2013), возобновила старый научный спор. Его выводы в конечном счёте сводятся к тому, что новая надпись не только содержит свидетельство пребывания на Боспоре I Фракийской когорты как подразделения римской армии, но и позволяет надёжно датировать его временем около 230 г. н. э. (Иванчик, 2013. С. 74). К тому же периоду, во всяком случае ко времени не ранее первого десятилетия III в. н. э., он относит и уже упоминавшиеся пантикапейские надписи и энкомий. Это побуждает ещё раз рассмотреть все аргументы за и против возрождённой гипотезы относительно принадлежности Фракийской когорты, а теперь и тагмы, к римской армии и времени их пребывания на Боспоре.

²⁴ Эту датировку оспаривают Г. Бауэрсок и К. Джонс, которые привели ряд аргументов в пользу того, что энкомий относится к заключительному этапу царствования Савромата II (173/174–210/211). См.: Bowersock, Jones, 2006.

В танаисской надписи речь идёт о посвящении статуи великого царя царей Савромата, сына царя Рескупорида, от имени некоего сына Асандра, командира *Θρακιδὸν τάγμα* и «каре гоплитов» (по восстановлению А. И. Иванчика). Исходной точкой в отношении датировки надписи в данном случае стала близость её шрифта и приведённой титулатуры царя с другой надписью из Танаиса (КБН. 1254). Правда, обе надписи, вопреки мнению В. В. Латышева и издателей КБН, датируются, согласно А. И. Иванчику, периодом правления не Савромата I, а Савромата III (229/30–231/32) (Иванчик, 2013. С. 61). Такое неоправданно резкое, более чем на сто лет, омоложение ряда памятников боспорской эпиграфики с учётом достаточно чётко прослеженных этапов постепенной эволюции шрифта вряд ли возможно, а их якобы намеренную архаизацию нельзя подтвердить какими-либо конкретными примерами. Тем более что тогда пышную титулатуру в рассматриваемой надписи следует соотнести с малоизвестным и ничем не выдающимся царём, в течение всего двух лет выступавшим в роли соправителя Котиса III (227/28–233/34).

Приняв датировку надписи из Танаиса временем Савромата III, А. И. Иванчик пытается обосновать отнесение к данному периоду и пантикапейского энкомия тем, что в обоих случаях упоминается *Θρακιδὸν τάγμα* и отряд гоплитов. Он даже высказывает предположение, что речь, собственно, идёт об одном и том же лице. Далее он сопоставляет *Θρακιδὸν τάγμα* со *στεῖρα* *Θρακῶν* из надписи Диза, и в его понимании эти подразделения также практически идентичны. Справедливо критикуя гипотезу С. М. Крыкина о наборе Фракийской когорты из числа боспорских военных поселенцев фракийского происхождения (Крыкин, 1993. С. 250–253), А. И. Иванчик почему-то, отнёс к числу её сторонников В. М. Зубаря и автора этой статьи²⁵. На самом деле речь шла о фракийских наёмниках, включённых в боспорскую армию, основное ядро которой было реорганизовано по римскому образцу (Зубарь, 1998. С. 85; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 156)²⁶. Создание привилегированных воинских частей из иноземных наёмников было распространённой практикой вассальных по отношению к Риму правителей. Так, в описании погребения иудейского царя Ирода Великого отмечается, что в траурном шествии сначала шли отряды фракийцев, германцев и галлов, а затем уже всё остальное войско (*Ios. Fl. Ant. Jud. XVII. 8. 3*).

²⁵ Видимо, в данном случае было произвольно использовано прим. 74 к статье: Сапрыкин, 2005. С. 78.

²⁶ Во всяком случае, дополнительного обучения фракийским воинам не требовалось. В этом отношении интересно сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н. э. «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (*Flor. XXVII. 17*).

С А. И. Иванчиком можно согласиться, что в контексте эпитафии Диза *σπείρα* является аналогом латинского *cohors*, но это нельзя рассматривать как аргумент в пользу принадлежности этой когорты к римской армии. Мы знаем, что уже в 69 г. до н. э. Митридат VI Евпатор распределял лучших воинов «на отряды и когорты почти так же, как италийское войско» (Арр. *Mithr.* 87). Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков (Арр. *Mithr.* 110), способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать. Судя по всему, этот опыт был позднее продолжен на Боспоре, где у него собралось «60 отборных отрядов по 600 человек в каждом» (Арр. *Mithr.* 108), и вряд ли он был полностью утрачен в первые века нашей эры.

Серьёзные возражения вызывает трактовка термина *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ* в надписи Диза как обозначение ранга именно римского офицера. Представляется более вероятным, что это просто боспорская калька с латинского *centurio princeps*. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты (Ле Боэк, 2001. С. 64). В III–IV вв. н. э., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности в боспорской армии использовалось в сокращённом варианте: *πρίνκιψ* (КБН. 35, 744, 811).

Факт захоронения Диза с его женой Еленой А. И. Иванчик считает указанием на то, что он жил в Пантикапее вместе с семьёй, которая, как и руководимое им подразделение, обосновалась здесь надолго. Его семейное положение в таком случае является *terminus post quem* в связи со снятием запрета на заключение брака для легионеров и солдат вспомогательных подразделений в 197 г. (Иванчик, 2013. С. 72). Чтобы разрешить этот вопрос, вслед за А. И. Иванчиком обратимся к рассмотрению терминов *σπείρα* *Θρακῶν* в надписи Диза и *τάγμα* в недавно обнаруженных боспорских надписях. Ему представляется, что в отношении первого термина ответ кроется в уже упоминавшейся надписи Луция Фурия Севта из *cohors I Thracum*, поскольку она позволяет ему связать эту случайную находку, происходящую из коллекции М. С. Воронцова в Алушкинском дворце, не с Хараксом, а с Боспором. Пожалуй, это слишком смелое допущение, ведь на посвятельном рельефе Севта имеется изображение «фракийского всадника», а то обстоятельство, что в Хараксе таких изображений три (Зубарь, 2002. С. 195–199), а на Боспоре ни одного, говорит о многом.

Разбирая гипотезу М. Спайделя и Д. Френча, согласно которой найденные в Керчи надгробия солдат *cohors Surlia* связаны с пребыванием здесь IV Кипрской когорты римских граждан из провинции Вифиния-Понт и именно оттуда осуществлялся военно-административный контроль над Боспорским царством (Speidel, French, 1985), А. И. Иванчик обраща-

ет внимание на то, что, согласно военным дипломам, в начале II в. *cohors IV Surlia* была выведена из Понта и передислоцирована в дунайские провинции. Он также подчёркивает, что судьба этой когорты после 110 г. н. э. неизвестна и нет никаких свидетельств того, что она была позже возвращена в Вифинию-Понт (Иванчик, 2013. С. 74). Таким образом, с его точки зрения, можно считать, что в военном отношении Боспор подчинялся командованию войск, размещённых в провинции Нижняя Мёзия. И всё же предлагаемое решение: отсюда когорта могла быть отправлена на Боспор и появилась там в конце II или начале III в. н. э., — не имеет под собой серьёзных оснований. По крайней мере её нет среди вспомогательных подразделений римской армии в Нижней Мёзии второй четверти и середины II в. н. э.

Думается, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Императорские легаты, управлявшие Вифинией-Понтом, безусловно, находились в контакте с вассальным царством на северных берегах Чёрного моря хотя бы в силу того, что от Синопы туда пролегал кратчайший морской путь и именно этим путём направлялись в Рим посольства из Боспора (Plin. *Ep.* X. 63, 67). Может быть, этим объясняется размещение на территории не пограничной, мирной провинции Вифиния-Понт нескольких вспомогательных когорт²⁷, тогда как в Македонии, например, стояла всего одна. С другой стороны, для ведения широкомасштабных боевых действий такого количества войск было явно недостаточно. В случае серьёзной опасности приходилось привлекать военные силы из Нижней Мёзии, как это было во время похода на Боспор Авла Дидия Галла (Тас. *Ann.* XII. 15–21). Кстати, события Боспорской войны 45–49 гг. н. э. в этом отношении достаточно характерны, поскольку, когда военные действия перешли в латентную стадию, командование римскими войсками было передано Гаю Юлию Аквиле, подчинявшемуся прокуратору провинции Понт Юнию Цилону. Видимо, история повторилась, когда в Восточном Крыму началась ещё одна *bellum Bosporanum*, очевидно, названная так по территории, где развернулись основные действия по отражению нападения варваров. Эта война упомянута в известном посвящении из Преслава, которое дедикант из состава I Италийского легиона, дислоцированного в Нижней Мёзии, сделал, когда

²⁷ См.: Plin. *Ep.* X. 21–22, хотя точного количества когорт мы не знаем (Ritterling, 1927. P. 28; Speidel, French, 1985. P. 13). Если принять во внимание, что порядок в зоне ответственности провинций Вифиния-Понт и Каппадокия на побережье Понта Евксинского (Зубарь, 1998. С. 82–83), где обитали гениохи, колхи, тавры и народы близ Боспора и Меотиды, обеспечивали три тысячи солдат и сорок военных кораблей (Jos. Fl. *Bell. Jud.* II. 16. 4), то на долю первой из них приходилось как минимум три когорты.

его служба подошла к концу. Т. Сарновский, основываясь на собственных наблюдениях относительно сбитой части надписи и продолжительности обычного срока службы в легионах²⁸, отнёс эту Боспорскую войну к периоду между 196 и 215 гг. н. э. (Сарновский, 2000. С. 248). Впрочем, подобные расчёты всегда достаточно условны, так как военная служба могла затянуться сверх законного срока, и на практике некоторых солдат, «уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченными ранами телом, представляли служить по тридцати, а то и по сорока лет» (Тас. *Ann.* I. 17). Представляется наиболее вероятным, что военные действия против варварского вторжения в Восточном Крыму проводились при активном участии боспорской армии около 186–193 гг. (Зубарь, 1994. С. 110; Зубарь, 1998. С. 112), и с ними связаны многочисленные «победные» сюжеты в боспорской монетной чеканке конца II в. н. э. (Фролова, 1997. С. 149–151; Горончаровский, 1984; см. также § 1.2 этой публикации). Между тем А. И. Иванчик считает возможным поместить события, связанные с Боспорской войной, между 196 и 235 гг., повышая их верхний хронологический предел даже по сравнению с Т. Сарновским (Иванчик, 2013. С. 74). Он полагает, что именно тогда на Боспоре, наряду с солдатами I Италийского легиона, оказались I Фракийская и IV Кипрская когорты, скорее всего, оставленные там на какое-то время. Последнее предположение вызывает сомнения в связи с явной спешкой при изготовлении надгробия Луция Волузия из более древней стелы со сбитой надписью и крайней небрежностью, с которой вырезана эпитафия Гая Меммия.

Теперь ещё раз о термине *τάγμα*, который для А. И. Иванчика равнозначен *πλεῖρα*. Так ли это? Этот термин имел в греческом языке довольно расплывчатое значение, менявшееся со временем. Применительно к римским воинским частям первых веков нашей эры *τάγμα* — это обычно обозначение легиона (Plut. *Brut.* 40. 6; *Oth.* 12; Flav. *Bell. Jud.* II. 66, 67; Dio Cass. LXXII. 9. 3)²⁹, иногда кавалерийского отряда (Банников, Шмидт, 2013. С. 12–13). В пантикапейском энкомии, где даётся выборочный перечень заслуг высокопоставленного боспорского сановника, своего рода *cursus honorum*, отсчёт начинается с хилиархий и золотых знаков отличия. Далее следует командование авангардом Фракийской тагмы и «строем гоплитов», которое определяется как «украшающее и преумножающее того, кто доверил, и делающее достойным похвалы того, кто этим дове-

²⁸ Обычный срок службы составлял двадцать лет, но во II в. н. э. её продолжительность колебалась между двадцатью тремя и двадцатью шестью годами (Ле Боэк, 2001. С. 92–93).

²⁹ Дион Кассий даже поясняет, что римляне называют тагмы легионами (Dio Cass. LXXII. 9. 3).

рием пользовался» (Сапрыкин, 2005. С. 47). «Тот, кто доверил», — безусловно, боспорский царь, который вряд ли мог бы по своему усмотрению раздавать должности в римских вспомогательных войсках на своей территории. Скорее эта фраза предполагает определённую близость к царю. Соответственно, Фракийская тагма, очевидно, входила в состав его личной гвардии и размещалась в столице, а командиру тагмы в случае войны могли доверить командование тяжеловооружённой регулярной пехотой³⁰. Подобную ситуацию для более позднего времени описывает Агафий Миринейский применительно к военным действиям византийской армии весной 556 г. в Лазике, где начальство над всеми войсками было передано армянину Боразу и Фарсанту, командиру «служившей при императорском дворце тагмы колхов» (Agath. Myn. IV. 13). Можно предположить, что структура Фракийской тагмы в организационном плане мало чем отличалась от пехотных подразделений регулярной армии и выглядела следующим образом. В основе её лежали спира, а более высокими звеньями по отношению к ним были составляющие тагму хилиархии³¹. В данном случае можно вспомнить, что в византийской армии конца VI в., ещё сохранявшей позднеантичную систему военной организации, хилиарх «занимает по старшинству второе место в тагме» (Maur. *Strat.* I. 5). На Боспоре в интересующий нас период хилиарх, скорее всего, был начальником двух когорт, т. е. примерно тысячи воинов. Анализ боспорских надписей показывает, что эта должность была значимой, но лишь как этап в продвижении к более высоким государственным постам (КБН. 36А, 53, 58, 984, 1049). Каков был численный состав тагмы, говорить сложно. В конечном итоге он, видимо, определялся объёмом отпускавшихся из государственной казны денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора даже в лучшие времена не простирались далее содержания 4 тыс. наёмных воинов (Diod. XX. 22) (Блаватский, 1953б. С. 202 сл.). При этом в состав царской гвардии, очевидно, входил и конный отряд, также формировавшийся на определённой этнической основе, поскольку его командир именовался ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουρίανων³².

³⁰ Показательно, что теперь уже в двух известных случаях сочетаются командование Фракийской тагмой и отрядом гоплитов.

³¹ Предположение Г. В. Требелевой о том, что основной военной единицей в боспорской армии «служила хилиархия, которая тактически и организационно делилась на две тагмы», а те «в свою очередь на две спира» (Требелева, 2002. С. 313), выглядит чисто умозрительным.

³² Об аспургианах — выходцах из сарматской кочевой среды, осевших на восточной границе Боспора, см.: Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 157, 246–248, а также § 2.7 этого издания.

2.3. Мечи римского образца из раскопок некрополя Горгиппии³³

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского царства первых веков нашей эры, изучению военного дела принадлежит особое место, поскольку с самого начала своего существования это государство оказалось втянутым в сложные, подчас враждебные отношения с соседними государствами и окружающими варварскими племенами. К сожалению, в наших знаниях по данной проблеме до сих пор наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Прежде всего это касается римского воздействия на военное дело Боспора в тот период, когда он оказался в сфере влияния империи³⁴. Отчасти достижения римского военного искусства были восприняты здесь даже несколько ранее, в финале Митридатовых войн (Апп. *Mithr.* 108). Возможно, именно с этого времени созданная по образцу когорты спира стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии³⁵, которые, как можно предполагать, дублировали соответствующую римскую организационную структуру (Зубарь, 1998. С. 84). Что касается использования в них оружия римского образца, то оно не получило широкого распространения на территории Боспорского царства, хотя упоминание об оснащённых им с помощью римлян

³³ Впервые опубликовано под другим названием: Горончаровский, Тихонова, 2005. Текст статьи исправлен и дополнен.

³⁴ О взаимоотношениях Боспорского царства с Римом и римском военном присутствии на берегах Боспора Киммерийского см.: Цветаева, 1979; Блаватский, 1985; Трейстер, 1993; Щукин, 1994; Зубарь, 1998; Сапрыкин, 2002б; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 242–288; Sarnovski, 1988. S. 135–165.

³⁵ Впервые Митридат VI пытался использовать сокрушительную тактику римлян в 69 г. до н. э., распределяя переданные ему Тиграном Великим войска на отряды и спиры (Апп. *Mithr.* 87). Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков (ср.: Апп. *Mithr.* 110), способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать. Сам греческий термин «спира» (или синтагма) появляется применительно к армиям преемников Александра Македонского для обозначения воинского подразделения численностью 256 человек. У Полибия он нередко используется для обозначения римского манипула, самой мелкой тактической единицы легиона, насчитывавшей 140 человек (см.: Connolly, 1981. P. 69, 77). В дальнейшем этот термин нередко применялся для обозначения пехотного отряда, примерно равного по численности римской когорте (Ростовцев, 1900. С. 145; Блаватский, 1954. С. 148). В одной из пантикапейских надписей I в. до н. э. упоминается спирарх Гаттиан (КБН. 263). См. также: Блаватский, 1954. С. 145; Масленников, 1990. С. 144; Крыкин, 1993. С. 238.

местных воинах³⁶ мы находим у Тацита в описании войны 45–49 гг. н. э. с мятежным царем Митридатом VIII (Тас. *Ann.* XII. 16) (см. § 2.1 этого издания). В дальнейшем оно могло поступать на Боспор с римскими солдатами, принимавшими участие в совместных военных действиях или благодаря торговле. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и боспорцы, отслужившие во вспомогательных войсках, размещённых в различных областях Римской империи (Holder, 1980. Р. 229, 266–267; Mielczarek, 1999. Р. 98) и затем вернувшиеся на родину.

Среди чрезвычайно редких находок предметов римского наступательного и защитного вооружения на Боспоре можно упомянуть гладиус, обнаруженный в ходе раскопок цитадели на городище Артезиан, погибшей не позднее осени 47 г. н. э. (Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 732–735). Меч с клинком длиной 58,6 см и рукоятью длиной 14 см при ширине лезвия 5,5–7 см был найден под обгоревшими останками одного из нападавших (Винокуров, 2009. С. 12–13). Он относится к варианту «Фулхем» мечей типа «Майнц», датирующемуся временем около 25 г. до н. э. — 60 г. н. э. (Miks, 2007. Vortaf. В; С, 3). К тому же типу относится недавно опубликованный гладиус из погребения 35 второй половины I в. н. э. в северо-западной части некрополя Горгиппии (Новичихин, 2025. Рис. 1). В данном случае сохранился отчётливый отпечаток характерной для римских мечей трёхсоставной деревянной рукояти. Скорее всего, гладиус был помещён в могилу без ножен, поскольку металлические детали их оформления отсутствовали.

Из некрополя Горгиппии происходят и короткие мечи, которые можно рассматривать как имитацию римского наступательного вооружения. Прежде всего это меч из погребения 1а (в раскопе по ул. Терская, 84), датирующийся концом I — началом II в. н. э. (рис. 30, 1)³⁷. Штырь его рукояти, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент бронзовой оковки, зафиксировавший её ширину, — 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4–4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 45–50 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух бронзовых гладких скоб с кольцами для подвешивания (ср.: Новиченкова, 1998. С. 52, рис. 1, 4; Новиченкова, 2002.

³⁶ Ср. с ситуацией, сложившейся на территории Понтийского царства после превращения его при Нероне в римскую провинцию, когда бывший царский гарнизон города Трапезунда получил, по словам Тацита, «значки и оружие, принятые в нашей армии» (Тас. *Hist.* III. 47).

³⁷ Раскопки проводились Т. С. Тихоновой в 2002 г. Погребение датировано по форме трилистников от золотого погребального венка (Ср.: Золото Фанагории, 2015. Кат. 184. С. 497).

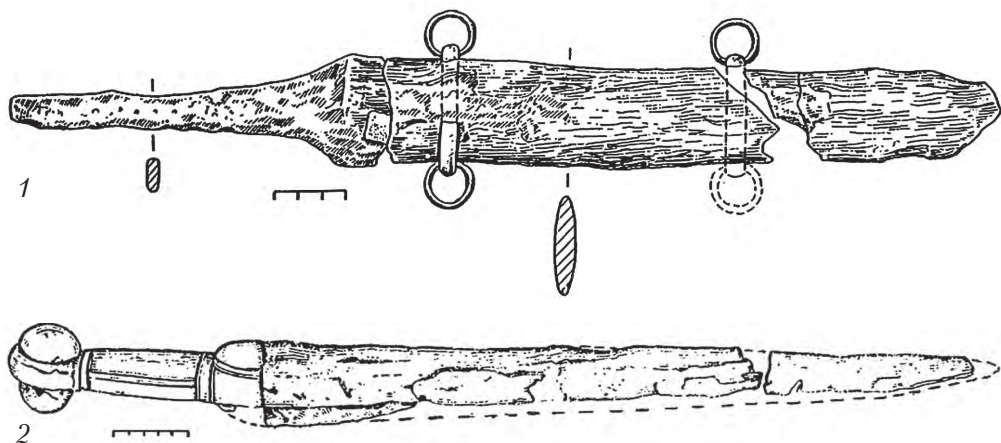

Рис. 30. Короткие мечи I–II вв. н. э. из раскопок некрополя Горгиппии

С. 81, рис. 35, 4, 5; Дорошко, 2005. С. 51, рис. 2), расположенных на расстоянии 11,2 см друг от друга. Все кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний — 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина — 0,8 см. Такие скобы с гладкой поверхностью Х. Микс называет «варварскими» (Miks, 2007. Vortaf. E, 30), поскольку такая деталь нехарактерна для римских оружейных мастерских, т. е. ножны, скорее всего, были изготовлены на территории Боспора. Размещение меча с левой стороны от погребённого не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян, которая, впрочем, со второй половины I в. н. э. не всегда строго соблюдалась³⁸.

Отметим близость к типу римского гладиуса другого короткого меча из того же некрополя. Он был найден в погребении I–II вв. н. э. вместе с фрагментами костяных ножен (Кругликова, 1982. С. 120–121, рис. 3, 1). На сделанной из того же материала рукояти, имеющей навершие трёхчастной формы, покоилась кисть левой руки погребённого. Сохранившийся большей частью остроконечный клинок горгиппийского меча имел длину около 50 см при ширине 5 см у основания (рис. 30, 2). В этой связи определённый интерес представляет рельеф I в. н. э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга (рис. 31). Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью, вплоть до конструкции ножен с креплениями из двух скоб с кольцами

³⁸ Отступление от неё у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66–70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева...» (Jos. Fl. *Bell. Jud.* III. 5).

*Рис. 31. Известняковый рельеф из Пальмиры
с изображением триады богов. I в. н. э.*

(Чубова и др., 1985. С. 95, рис. 45). Каждый из персонажей рельефа держит левую руку на рукояти размещённого слева меча с навершием, по форме напоминающим горгиппийское. Использование мечей с такими навершиями римскими офицерами и солдатами, служившими в восточных провинциях, недавно засвидетельствовано находкой в Эль-Файюме в Египте (Новичихин, 2025. С. 195).

Ранее использование на Боспоре мечей типа римских гладиусов было засвидетельствовано только фрагментом росписи начала II в. из Стасовского склепа 1872 г. (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXI, 2), где представлен небольшой военный отряд на марше (рис. 32). Слева изображены трое пехотинцев с плоскими овальными щитами, каждый из которых держит в правой руке два копья одинаковых размеров. Далее тяжеловооружённый воин с аналогичным комплектом наступательного вооружения, дополненным каркасным шлемом и длинным, до колен, чешуйчатым панцирем поверх кафтана красноватого оттенка с длинными рукавами. У всех этих воинов короткие мечи находятся справа, на манер обычного размещения гладиусов, и это не единственная деталь, демонстрирующая римское влияние. Обращает на себя внимание следующий момент: во главе отряда шествует облачённый в защитный доспех знаменосец. В руках он держит вексиллум — войсковой штандарт в виде копья с прикреплённым к перекладине

*Рис. 32. Отряд боспорских пехотинцев.
Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г.*

прямоугольным куском материи с кистями³⁹. Такие «знамёна», выполнявшие две основные функции — сакральную и тактическую, использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты (Колобов, 2001). Присутствие на фреске подобного воинского знака не должно вызывать удивления, поскольку с помощью значков было значительно легче управлять войсками в бою. В отношении распространения в Причерноморье этого времени практики использования подобных эмблем интересно со-

³⁹ Единственный вексиллум, сохранившийся до наших дней, находится в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Он датируется III в. н. э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих древних изделий из органических материалов (Rostovtzeff, 1942). Это льняное полотнище алого цвета размерами 50×47 см, на котором изображена богиня победы — Виктория, стоящая на земном шаре. Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Обычно такие штандарты увенчивались металлическим навершием в виде бронзовой фигурки орла или животного — покровителя данной воинской части.

общение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н. э., «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII. 17). Возможно, в рассмотренной сцене представлены воины какого-то элитного подразделения, размещавшегося в Пантикапее, например фракийской сперы, упомянутой в грекоязычной эпитафии Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где сказано, что он был *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* (КБН. 666). Некогда это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск, и в частности, I, V или VI Фракийской когорты (Гайдукевич, 1949. С. 334; Герасимова, 1970. С. 25; Цветаева, 1979. С. 39), хотя ещё М. И. Ростовцев высказался в пользу местного происхождения этого воинского формирования (Ростовцев, 1911. С. 39). Сейчас многие исследователи склоняются к его точке зрения, ведь, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства и прожил на Боспоре довольно длительное время (Крыкин, 1993. С. 239; Зубарь, 1998. С. 84–85)⁴⁰. Должность, указанная в эпитафии, переводилась составителями КБН как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно, почему Диза не называют просто спирархом, да и скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* — это просто греческая «калька» с латинского *centurio princeps*. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты (Ле Боэк, 2001. С. 64). В III–IV вв., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности существует в сокращённом, но, тем не менее, всем понятном варианте — *πρίνκιψ* = *πρίνκιπος* (КБН. 35, 744, 811).

Существование на Боспоре воинских частей римского образца облегчало взаимодействие с подразделениями римской армии в случае возникновения потенциальной угрозы интересам империи в северопричерноморском регионе в тот период, когда отношения между этими двумя государствами в военно-политической сфере окончательно устоялись. На своих границах правители Боспора, как и другие вассальные по отношению к Риму цари, должны были поддерживать дружеские отношения с соседними варварскими вождями, наблюдать за передвижениями кочевых племён, охранять от набегов подвластное оседлое население и по возможности воздерживаться от прямых военных акций, направленных извне (ср.: Gracey, 1986. P. 312). Только крупные операции наступательного характера — нанесение

⁴⁰ Дополнительным указанием на присутствие фракийских подразделений в боспорской армии служит упоминание о командовании Фракийской тагмой в энкомии из Пантикапея среди перечня этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 44; Сапрыкин, 2005. С. 77).

внезапного удара по важнейшим центрам противника и глубокое проникновение в его тыл — несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией провинции Вифиния-Понт или непосредственно с императором и могли сопровождаться поставками оружия боспорским царям.

2.4. Изображение римского шлема на надгробной стеле Басилида из некрополя Пантикапея⁴¹

Известняковое надгробие Басилида, сына Басилида⁴² (рис. 33) высотой 1,39 м и с выступом для вставки в постамент было найдено в 1903 г. на расстоянии около 1,3 км к северо-востоку от центра Керчи во дворе дома № 5,

Рис. 33. Надгробная стела Басилида, сына Басилида, из некрополя Пантикапея:
1 — общий вид; 2 — фигура слуги со шлемом

⁴¹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2018а. Текст исправлен и дополнен.

⁴² Хранится в Керченском лапидарии (инв. № КЛ-106).

расположенного на Продолжении Карантинной улицы⁴³ (Латышев, 1904. С. 53–54, № 49; КБН. 662). Издатели КБН предложили датировать его по характеру письма первой половиной II в. н. э., но архитектурно-декоративное оформление стелы: профилированный фронтон с особой формы акротериями в виде пальметок, три двурядных махровых розетки под ним, глубина проработки рельефа — находит ближайшие аналогии среди памятников предшествующего столетия. Характерным примером является стела Дафна, сына Психариона (рис. 34), которую издатели КБН датировали первой половиной I в. н. э. (КБН. 78). В данном случае совпадение по декору полное. Соответственно, все его характерные элементы можно рассматривать как особый почерк скульптора, работавшего в одной из пантикапейских мастерских по изготовлению надгробных стел, скорее всего, около середины I в. н. э.

Надгробие Басилида публиковалось неоднократно (Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 87. Nr. 494, Taf. XXXV; Матковская, 2005. С. 377, 388; Трейстер, 2010б. С. 507), но одному из представленных на нём предметов вооружения не уделялось должного внимания. Возможность детально рассмотреть стелу на обновлённой экспозиции Керченского лапидария позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело с единственным известным на Боспоре изображением римского шлема.

В данном случае на рельефе в средней части надгробия представлен стоящий воин, опирающийся на колонну. Он одет в короткий кафтан, зауженные книзу штаны, заправленные в полусапожки, и длинный плащ. На левом боку висит меч с трапециевидной формы навершием

Рис. 34. Стела Дафна, сына Психариона. 1-я пол. I в. н. э.

⁴³ Современная ул. Кирова на участке от пересечения с ул. Карла Маркса до р. Мелек-Чесме, за которой начиналось её Продолжение.

и бутеролью. Судя по масштабу изображения, в реальном измерении длина клинка вместе с рукоятью должна была составлять не менее 0,8 м. Ножны меча имеют узкую вертикальную скобу для подвешивания. Рядом изображён большой овальный щит, из-за которого видны два копья. Слева представлена фигурка слуги. Подобная композиция известна на целом ряде боспорских рельефов, изображающих пеших воинов. Единственное отличие заключается в том, что в руках у слуги шлем с полусферическим куполом, небольшим козырьком в виде декоративного валика, горизонтальным назатыльником и слегка загнутыми вперёд нащёчниками (рис. 33, 2). Ближе всего он к бронзовым имперским галльским шлемам первой половины I в. н. э. (Амато, 2012. С. 141, илл. 134) (рис. 35).

В связи с этим стоит ещё раз рассмотреть вопрос о римском военном снаряжении в боспорской армии первых веков нашей эры. То, что оно использовалось, не вызывает сомнений. Например, у Тацита в описании войны 45–49 гг. н. э. с мятежным царём Митридатом VIII мы находим упоминание об оснащённых им боспорцах (Тас. *Ann.* XII. 16). Другое дело, насколько широко это практиковалось и какое отражение нашло в археологических находках и памятниках изобразительного искусства.

Рис. 35. Бронзовый галльский имперский шлем. Первая половина I в. н. э.
(по Р. д'Амато)

Образцов такого характерного римского наступательного вооружения, как гладиусы, при исследовании боспорских укрепленных пунктов и некрополей было обнаружено всего два. Самый ранний из них связан с упомянутым римско-боспорским конфликтом. Это меч, обнаруженный в ходе недавних раскопок цитадели на городище Артезиан в 30 км к западу от Пантикапея (рис. 36). Судя по большому количеству найденных монет Митридата VIII, в том числе его уникальному золотому статеру, крепость, где оставалось много сторонников свергнутого царя, пала после непродолжительного штурма и полностью сгорела, скорее всего, осенью 47 г. н. э. (Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 732–735). Здесь под обгоревшими останками одного из нападавших, возможно боспорца, был найден гладиус с клинком длиной 58,6 см и рукоятью длиной 14 см при ширине лезвия 5,5–7 см (Винокуров, 2009. С. 12–13). Он относится к «классическому» варианту мечей типа «Майнц», датирующемуся временем около 25 г. до н. э. — 60 г. н. э. (Miks, 2007. Vortaf. B; C, 3).

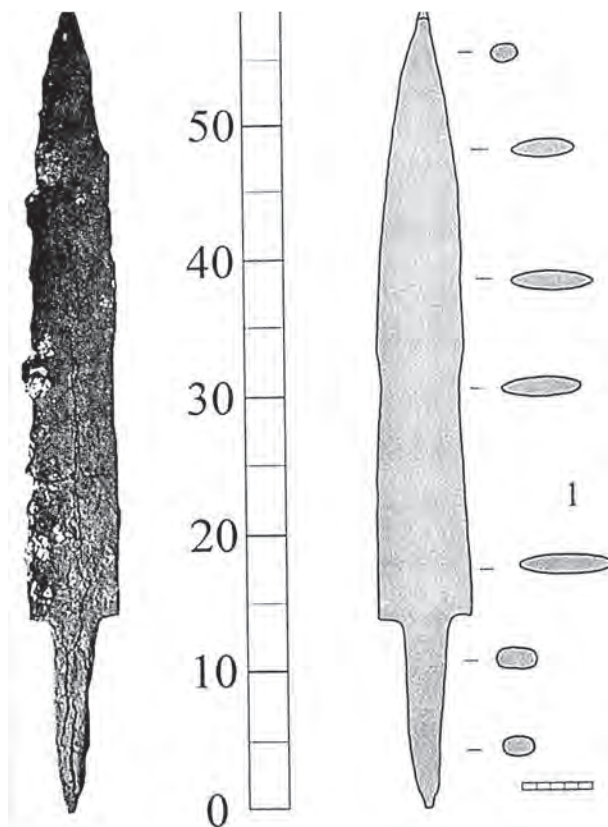

Рис. 36. Гладиус из раскопок городища Артезиан
(по Н. И. Винокурову)

Безусловно, заслуживает упоминания меч, найденный в некрополе Горончаровский в 2002 г. (Горончаровский, Тихонова, 2005; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 180–181; см. также § 2.3 этого издания) (рис. 30, 1). Он тоже относится к типу «Майнц» (вариант *Haltern-Camulodunum*) и может датироваться периодом от конца I в. до н. э. до начала II в. н. э. (Miks, 2007. Vortafel B; C, 7).

В связи с находками гладиусов на Боспоре нельзя не обратить внимание на известный фрагмент росписи пантикапейского, так называемого Стасовского склепа конца I — начала II в. н. э. (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXI, 2; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 213). Там представлен на марше небольшой отряд пехотинцев с овальными щитами, у которых короткие мечи находятся справа, на манер римских гладиусов. Римское влияние на военное дело Боспора демонстрирует также следующий момент: перед отрядом воинов шествуют командир в коническом каркасном шлеме, облачённый в длинный чешуйчатый доспех, и знаменосец, в руках которого вексиллум — войсковой штандарт, использовавшийся в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты.

Присутствие на боспорской фреске воинского знака, характерного для римлян, не должно вызывать удивления. Ведь уже Митридат VI Евпатор пытался заимствовать совершенную для своего времени тактику римской пехоты, в которой такая структурная единица, как когорта (греч. *σπῆρα*), обеспечивала быстроту манёвра (App. *Mithr.* 87, 108). Вряд ли этот опыт был полностью утрачен в первые века нашей эры. О существовании на Боспоре должности спирарха мы знаем из пантикапейской эпитафии некоего Гаттиана (КБН. 263), датирующей временем не позднее I в. до н. э. Для подразделений нового образца могли использоваться принятые в римском войске значки, поскольку с их помощью легче было управлять войсками в бою.

Как свидетельство наличия в боспорской столице отряда фракийских наёмников, организованного по римскому образцу, можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где он именуется *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* фракийской сперы (КБН. 666), что можно рассматривать как греческую кальку с латинского *centurio princeps*. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской сперы к боспорской армии служит упоминание о командовании её авангардом в перечне этапов воинской карьеры неизвестного по имени важного лица, бывшего воспитателем царя Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.), которому посвящён энкомий, найденный в Пантикапее (Сапрыкин, 2005. С. 45 сл.). Возможно, речь там шла об известном государственном и военном деятеле этого периода Марке Ульпии Парфенокле (КБН. 628). Не исключено, что именно

он изображён на известняковом рельефе I–II вв. н. э.⁴⁴, изображающем победоносного полководца, облачённого в пластинчатый панцирь с наплечниками и птеригами, поверх которого накинут плащ, застёгнутый на правом плече (Боспорские надгробные рельефы..., 1990. С. 65–67). Левой рукой он опирается на копьё, в правой держит широкую плоскую чашу, наклонив её над небольшим алтарём (рис. 37). Рядом изображена маленькая фигурка богини победы Ники, увенчивающей его венком. Слева в поле рельефа представлены Афродита с Эротом, которой, видимо, и был посвящён пятиколонный ионийский храм, изображённый выше⁴⁵. Военачальники такого

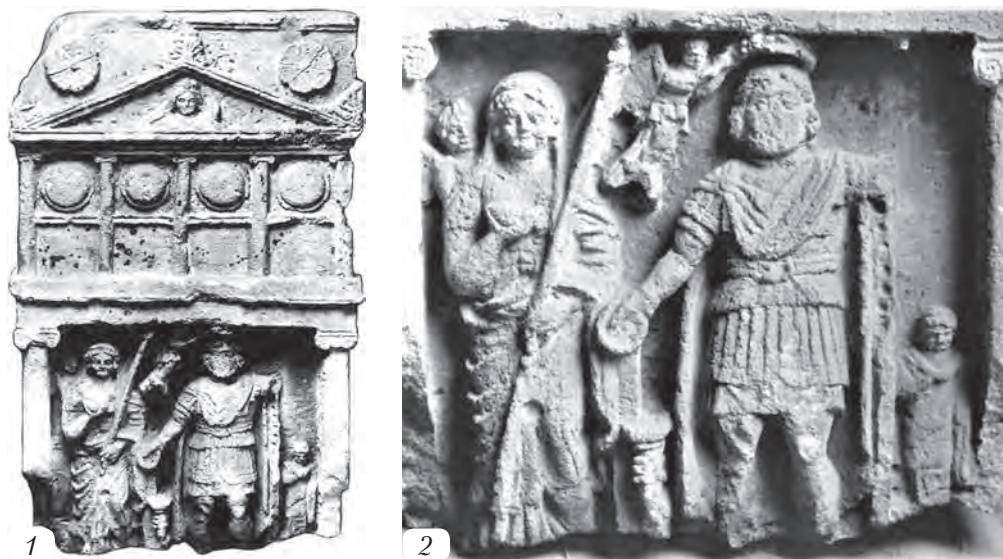

Рис. 37. Известняковая стела из Пантикапея с изображением сцены возлияния перед храмом: 1 — общий вид; 2 — центральный рельеф

⁴⁴ Рельеф найден в 1889 г. у подножия горы Митридат. В своё время Г. Кизерицкий и К. Ватцингер датировали частично сохранившееся надгробие со сценой возлияния II в. до н. э. (Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 71. Nr. 407, Taf. XXVIII), и такую датировку до сих пор можно встретить в некоторых публикациях, где оно воспроизводится. Между тем ещё Л. П. Харко предлагал отнести рельеф к рубежу I–II вв. н. э. или ко II в. н. э. (Харко, 1950. С. 203). К этому мнению присоединилась и А. П. Иванова, считавшая, что на стеле воспроизведён храм, воздвигнутый Савроматом I (Иванова, 1961. С. 127). В качестве дополнительного обоснования подобной точки зрения стоит обратить внимание на то, что такой редкий элемент декора, как 6-лепестковые розетки над фронтоном, помимо интересующей нас стелы, имеются на надгробии Деметрия, сына Аполлония, датирующемся I в. н. э. (КБН. 383).

⁴⁵ Фасад этого храма можно видеть на боспорских монетах второй половины I в. н. э. (Фролова, 1997. Табл. XXVIII, 11–19; XXIX).

*Рис. 38. Бронзовая матрица
для изготовления металлических
накладок птериг.*

Первая половина I в. н. э.

уровня могли носить и «мускульную» кирасу, имитирующую рельеф груди и живота, из-за чего этот доспех иногда называют «анатомическим». В римской армии он полагался командирам, под началом которых было не менее легиона (Vermeule, 1959. Р. 49). Обычно поверх кирасы надевался особый пояс, завязанный так называемым «геракловым узлом», как показатель высокого военного статуса. Именно такой пояс мы видим на рельефе. О производстве в Пантикапее кирас римского образца может свидетельствовать находка на территории Керчи бронзовой матрицы первой половины I в. н. э. для изготовления металлических накладок для птериг с фронтальным изображением головы львиноголового грифона (Трейстер, 1993. С. 71–73) (рис. 38).

Интересно отметить, что изображение воина, которого увенчивает венком Ника, имеет определённое сходство в отношении деталей костюма и доспеха с мраморной стелой из Танаиса (Трейстер, 2015. С. 321), где аналогичный персонаж опирается правой рукой на копье, а левую держит на рукояти короткого меча, прикреплённого к поясу. Над ним размещены три розетки и венок. Судя по датировке этой стелы временем правления Савромата I (Арсеньева и др., 1996. С. 70–71, рис. 11), в несохранившейся надписи речь шла о какой-то крупной военной победе. Возможно, она также была связана с именем Марка Ульпия Парфенокла. Это тем более вероятно, поскольку некий Марк Ульпий упомянут первым после датировочной формулы с титулатурой правящего царя в реконструированной А. И. Иванчиком и С. Р. Тохтасьевым надписи фиаса из Танаиса (Иванчик, Тохтасьев, 2019. С. 998–999). А вопреки мнению авторов о том, что «при Траяне получение римского гражданства представителями боспорской элиты не было редкостью» (Иванчик, Тохтасьев, 2019. С. 1000), мы знаем всего двух таких представителей, получивших императорские *помена*, — это сыновья Мастуса Парфенокл и Антимах (КБН. 628, 697).

В заключение хочется подчеркнуть, что, несмотря на вассальный характер отношений Боспора и Римской империи, это небольшое государство на окраине античного мира лишь в небольшой степени испытало влияние

римской военной машины. Главным образом это коснулось организационной структуры и отчасти тактики боспорской армии. На постоянной основе отдельные элементы римского военного снаряжения, видимо, использовались только элитными подразделениями. Данное обстоятельство было обусловлено местной спецификой — часто возникавшей необходимостью ведения военных действий на открытых степных пространствах, когда основная ставка делалась не на пехоту, а на конницу, способную противостоять воинственным кочевым соседям Боспора. Отдельные образцы римского оружия и воинской экипировки, конечно, могли поступать на Боспор, но главным образом в период подготовки совместных военных действий с римской армией. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и местные уроженцы, отслужившие в римских вспомогательных войсках.

2.5. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии⁴⁶

В 1987 г. в Анапе при рытье траншеи под теплотрассу вдоль ул. Калинина, в черте городской застройки античной Горгиппии, строителями была обнаружена рельефная стела (рис. 39, 1) из белого, с отдельными серыми прожилками мрамора (хранится в Анапском археологическом музее, инв. № КМ 8451/1). Общие размеры её следующие: высота — 1,4 м, ширина — 0,51 м, толщина — 0,165 м. Все углы стелы отбиты, из них левый верхний и правый нижний утрачены. На поверхности имеются сколы и трещины. В верхней торцовой грани, в 0,1 м от краёв, высверлены на глубину 6,5 см два паза диаметром 2,9–3 см для крепления несохранившегося акротерия.

В верхней части мраморной плиты, в углублённом поле размерами 0,41×0,37 м находится рельеф с изображением всадника, обращённого влево (рис. 39, 2). Это юноша с округлым лицом, которое обрамляют слегка изогнутые пряди волос, зачёсанные назад, и едва намеченная борода. Он одет в хитон с короткими рукавами, плащ, скреплённый на правом плече прямоугольной застёжкой, и узкие штаны, заправленные в низкие мягкие сапожки. За спиной у него находится горит с луком «скифского» типа и стрелами. Показана и такая редко изображаемая деталь, как наруч в виде широкого браслета на левой руке для её защиты от травмирования тетивой (ср.: Боспорские надгробные рельефы, 1990. С. 62–63, кат. 53; Трейстер, 1994. С. 188; Галль фон, 1997. С. 175, рис. 2). Молодой воин представлен на невысоком, коротконогом жеребце (подчёркнуты признаки пола), грива

⁴⁶ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2002а.

Рис. 39. Мраморная стела сыновей Панталеонта: 1 — общий вид; 2 — верхний рельеф стелы; 3 — фрагмент нижнего рельефа стелы

которого коротко острижена, а хвост по общепринятой моде оставлен длинным. Он сидит в седле, имеющем слегка загнутый внутрь передний выступ с выделенным рельефным валиком краем.

Перед всадником стоит безбородый слуга в спадающем складками одеянии с длинными рукавами, штанах и сапожках. В руках у него кувшинчик с округлым туловом на поддоне. Ниже вырезана двухстрочная надпись (высота букв — 2,4–3 см, расстояние между строками — 0,7–1 см):

'Apollṓnie kaí 'Antipátre
'oi PantaléontoV caírete.

В нижней части стелы, в углублённом поле размерами 0,39×0,19 м, находится ещё один рельеф с группой фигур (рис. 39, 3). Непосредственно под ним располагается профилированный выступ, отделявший стелу от базы. Слева на этом рельефе изображён закутанный в плащ юноша, склонивший голову на согнутую левую руку, которой он опирается на небольшую колонну. Рядом безбородый всадник, по причёске, одежде и вооружению не отличающийся от воина на верхнем рельефе. В поводу он ведёт двух осёдланных длинноногих лошадей. Сходную картину мы видим в росписи склепа Анфестерия (Ростовцев, 1913б. Табл. LI, 6) и на рельефе надгробной стелы Юлия Патия из Пантикапея (Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 575), где всадник держит поводья осёдланной лошади, рядом с которой ещё одна, далее за ними следует жеребёнок. В данной связи заслуживает упоминания сообщение Аммиана Марцеллина о том, что сарматы обычно ведут «в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересеживаясь с одной на другую, сохранять силы коней...» (Amm. Marc. XVII. 12,3; см. также: Ambros. *De excidio urbis Hierosol.* V, 50; Flac. *Argon.* VI, 161).

Изображённые на горгиппийской стеле сёдла определённо демонстрируют жёсткую конструкцию: они имеют вертикальные переднюю и заднюю части и слегка выпуклую поверхность. При этом у первого коня из-под седла свешивается попона со схематично переданными складками. Ближайшей аналогией для них являются парфянские сёдла, известные по терракотам (Ghirshman, 1973. P. 103. Fig. 6) (рис. 40, 1), рельефу рубежа нашей эры в храме Баалшамина в Сиа (Secunda, 1994. P. 78. Fig. 61) (рис. 40, 2) и граффито из Старой Нисы (Пилипко, 1996. С. 69. Табл. 45).

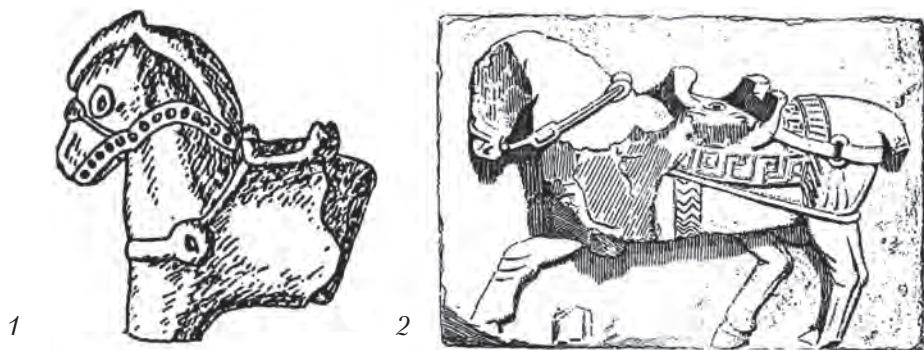

Рис. 40. Изображения парфянских сёдел первых веков нашей эры:
1 — терракотовая фигурка осёдланной лошади из Масджид-и-Сулейман;
2 — рельеф из храма Баалшамина в Сиа

Такое седло способствовало устойчивой «глубокой» посадке, что объясняется возрастанием значения тяжеловооружённой конницы, а для входивших в её состав всадников важно было при отсутствии стремян удержаться на коне после столкновения с противником. Данную задачу удавалось решить за счёт совершенствования конструкции седла. Судя по наблюдениям автора, многие боспорские рельефы с изображениями всадников демонстрируют другой своеобразный тип седла с довольно массивной передней частью, завершающейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра, и вертикальными задними выступами (см., например: Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 640; Ростовцев, 1913б. Табл. LI, LXXIX; Шкорпил, 1917. С. 63, 113. № 5; Иванова, 1961. Рис. 55, 72; КБН-альбом. 278, 539; надгробия из Керченского лапидария — КЛ № 266, 370) (рис. 41). По внешнему виду они во многом соответствуют так назы-

Рис. 41. Боспорские известняковые стелы I в. н. э. с изображением седла:

- 1 — надгробие Клеона, сына Клеона (по: КБН-альбом. № 278);
- 2 — надгробие Харитона, сына Мокка (по: КБН-альбом. № 539)

ваемым «рогатым» сёдлам, известным по изображениям на памятниках искусства времени Римской империи, а также находкам I–II вв. н. э. в Валкенбурге (Нидерланды) и Роттвейле (Германия) их кожаной обшивки и металлических накладок на выступы (Connolly, 1987. P. 7 ff.). Наличие у них предложенной П. Коннолли в его реконструкции деревянной основы (рис. 42, 1), что оспаривалось многими исследователями (см.: Амброз, 1992. С. 36; Степанова, 2015. С. 408–409; Junkelmann, 1992. S. 68–70), недавно блестяще подтвердилось в ходе раскопок конюшни пригородной виллы в Помпеях. Там были найдены останки породистого коня с роскошной военной сбруей и бронзовыми обкладками «рогов» седла⁴⁷ из дерева хвойных пород (рис. 42, 2). К этому следует добавить изготовленную из дуба переднюю часть седла около 72/73–83/84 гг. н. э., обнаруженную в Карлайле (Англия) (Howard-Davis, 2009. P. 814, fig. 49).

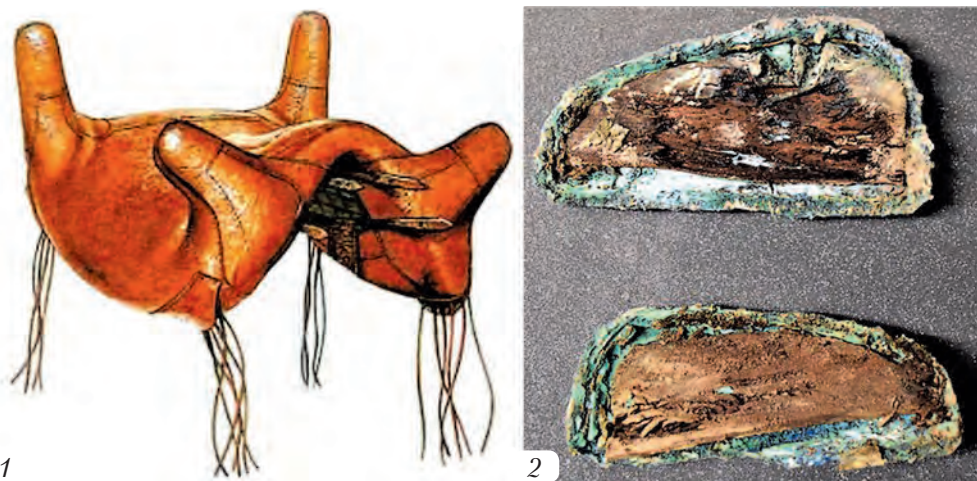

Рис. 42. Римские сёдла с деревянным каркасом: 1 — реконструкция внешнего вида «рогового» седла (по П. Коннолли); 2 — бронзовые обкладки «рогов» конского седла из пригородной виллы в Помпеях

Долгое время вопрос о происхождении «рогатых» сёдел оставался дискуссионным, поскольку, как уже отмечалось, они были представлены и в памятниках восточного изобразительного искусства. В настоящий момент благодаря находкам терракот из Южного Приаралья и, прежде всего, конской фигурки из Кой-Крылган-калы, датирующейся IV–III вв. до н. э. (рис. 43), можно говорить о том, что границы территории, связанной с изобретением жёстких сёдел «рогатого» типа, значительно сузились (Никоноров, Аржанцева, 2021. С. 247). Можно предположить, что такой элемент конского

⁴⁷ <https://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=976>; дата обращения 22.07.2023.

Рис. 43. Терракоты, изображающие осёдланных лошадей из Кой-Крылган-калы (по В.П. Никонорову и И.А. Аржанцевой)

снаряжения появился на Боспоре в результате восточного импульса после расселения по соседству с Горгииппией, очевидно, в правление Асандра, аспургиян (Strabo. XI. 2,11; XII. 3, 29) — недавних выходцев из сарматского кочевого мира (Горончаровский, 2006б. С. 43 сл.).

По стилю изображения и характеру письма это надгробие можно датировать концом I в. до н. э. или началом следующего столетия (Болтунова, Книпович, 1962. Табл. III). Наиболее близкими к нашей надписи по шрифту, помимо рескриптов Аспурга (Блаватская, 1965а. С. 197 сл.), являются КБН. 30, 497, 913, 985. В этом убеждают характерные украшения букв в виде апексов, формы *сигмы* с параллельными верхними и нижними линиями; *эпсилона* с чёрточкой, не соприкасающейся с вертикальной линией; *каппы* с короткими косыми линиями и *пи* с укороченной правой гостой (Болтунова, Книпович, 1962. С. 19).

На Боспоре изготовление надгробий из привозного мрамора было для этого времени достаточно редким. Показательно, что, судя по выборке из КБН, доля мраморных стел среди пантикапейских надгробий I в. до н. э. — I в. н. э. составляет менее 3% (9 из 308). Установку такого дорогостоящего монумента могла себе позволить только весьма состоятельная семья. К её представителям, с известной долей допущения, можно отнести наварха Панталеонта, который поставил в Пантикапее посвящение Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде (КБН. 30). Эту надпись, исходя из упоминания не только «великого царя Асандра», но и «царицы Динамии», по мнению В. П. Яйленко, следует интерпретировать как отражение факта их соправительства и датировать последними годами пребывания у власти престарелого царя (Яйленко, 1987. С. 31). В пользу этого говорит тот факт, что термин *φίλορῳμαῖος* применительно к Асандру вряд ли мог появиться ранее 22 г. до н. э., когда Август начал проводить на Востоке реорганизацию вассальных царств (Каллистов, 1940. С. 65; Голубцова, 1951. С. 85 сл.). Скорее всего, посвящение было сделано за победу в одном из морских сражений, нашедших отражение в эмблематике монет Асандра, где нередко встречаются изображения Ники с венком и ветвью на корабельной проре (Зограф, 1951. С. 189 сл., табл. XLIV, 5–7, 10–12; Анохин, 1986. С. 147 сл., табл. 9, 221–225, 228–239, табл. 10, 240–245, 251–252).

Возможно, именно наварх Панталеонт и был отцом Аполлония и Антипатра, упомянутых в надписи на рассматриваемом надгробии. Он вполне мог быть уроженцем Горгииппии, где находился крупный порт, проживало большое количество людей, связанных с мореплаванием (КБН. 1134), и находился единственный известный нам храм Афродиты Навархиды (КБН. 1115). Непосредственно с Горгииппией связан и Панталеонт, упоминаемый в рескрипте царя Аспурга от 15 г. н. э. как его представитель в местной администрации. Написание его имени без отчества свидетельствует о том, что он был крупным чиновником, человеком заслуженным, хорошо известным в государстве (Блаватская, 1965а. С. 197–198; Блаватская, 1965б. С. 34). Все другие носители этого имени в боспорской эпиграфике связаны с надписями, также происходящими из Горгииппии, но уже более поздними, конца I — начала III в. н. э., (см., например: КБН. 1129, 1134, 1135, 1140, 1151, 1152, 1160, 1161, 1165, 1182, 1191, 1208, 1231). В заключение можно высказать следующее предположение: хотя между навархом Асандра и видным чиновником Аспурга, носящими одинаковое имя, лежит промежуток около тридцати пяти лет, не исключено, что мы имеем здесь дело с началом и завершающей стадией карьеры одного и того же человека.

2.6. К вопросу о конструкции боспорских сёдел I–III вв. н. э.⁴⁸

Около рубежа нашей эры в армии Боспорского царства возрастает значение тяжёлой панцирной кавалерии — катафрактариев, что, в свою очередь, привело к ряду изменений в снаряжении боевого коня. Для тяжело-вооружённого всадника с длинной пикой прежде всего важно было при отсутствии стремян удержаться на коне при столкновении с противником⁴⁹. Выходом в данной ситуации стало совершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую «глубокую» посадку⁵⁰.

Ранее, в скифское время, были распространены мягкие сёдла с войлочным покрытием, известные по находкам в Больших Пазырыкских курганах, Башадарских курганах и могильнике Ак-Алаха 1 и 3 V–IV вв. до н. э. (Руденко, 1952. С. 125–126; Полосьмак, 2001. С. 48, 78; Степанова, 2006). Они представляли собой две сшитые вместе подушки, плотно набитые травой и шерстью (Степанова, 2012. С. 446–447). Своего рода каркас при этом создавали невысокие луки, укреплённые деревянными дужками. Использование подобных деталей седла в этот период можно предполагать и для западной части евразийских степей. В то же время не позднее второй половины IV в. до н. э. здесь появляются сёдла с деревянной основой. Большей частью их присутствие в скифских курганах (Чертомлык, Толстая могила, Козёл, Александропольский курган) прослеживается по древесному тлену (Виноградов, Никоноров, 2009. С. 129) и остаткам обивки в виде тонких золотых пластин с мелкими дырочками по краям, в которых в отдельных случаях даже сохранились гвоздики (Граков, 1971. С. 98; Мелюкова, 1989. С. 97; Алексеев и др., 1991. Кат. 45, 48, 50, 52–54). По-видимому, тогда же это новшество в конском снаряжении стало известно и на Боспоре, тесно связанном с кочевым миром.

В этой связи следует упомянуть уникальную находку в пантикапейском погребении IV в. до н. э. деревянной правой полки седла в виде изогнуто вырезанной кленовой пластины размерами 22,5×28 см (рис. 44), с нижней стороны которой имеется выемка глубиной 1 см для войлочной подкладки,

⁴⁸ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2007. Текст исправлен и дополнен.

⁴⁹ Как известно, стремяна являются достаточно поздним изобретением, впервые они появились в Северном Китае и Корее не ранее IV в. н. э. См.: Вайнштейн, 1991. С. 220–223, рис. 98–99.

⁵⁰ Кстати, сходные явления, но уже в новых исторических условиях наблюдаются в отношении европейских сёдел начиная с XII в. Это отмечал А. Н. Кирпичников, писавший о том, что распространение таранного удара копьём вызвало на рыцарском Западе появление сёдел с глубоким сиденьем (Кирпичников, 1973. С. 40).

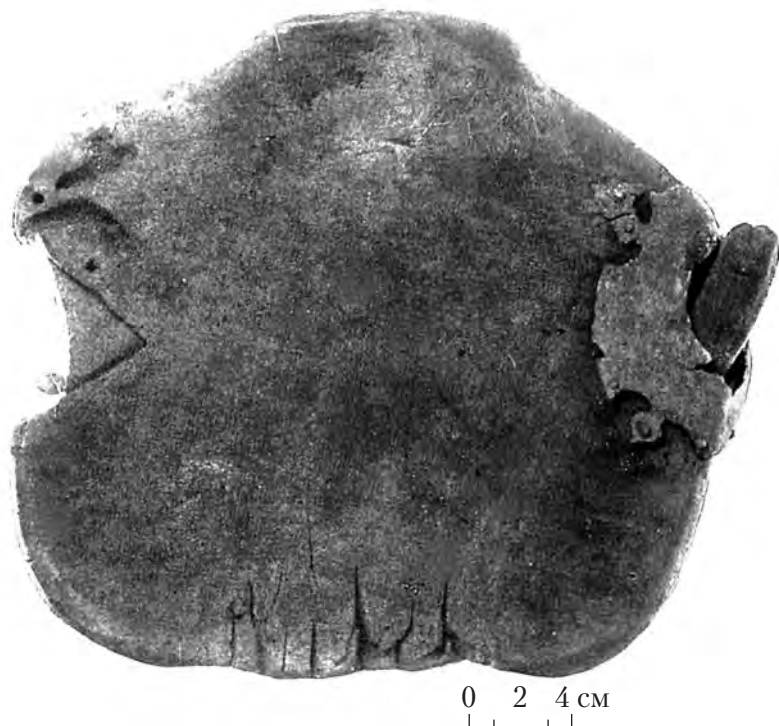

Рис. 44. Деревянная основа седла из погребения второй половины IV в. до н. э. Пантикапей

а с боков прорези, в которых закреплены концы гнутого стержня диаметром 2 см, служившего основой низкой луки (Сокольский, 1971. С. 227, табл. XXXIV, 2; Виноградов, Никоноров, 2009). Место соединения стержня с пластиной охвачено бронзовой обоймой, прибитой бронзовыми гвоздиками. Судя по следам от гвоздиков на противоположной стороне, там находился такой же стержень с обоймой (Виноградов, Никоноров, 2009. С. 128), соединявший две полки седла, видимо, обшитые кожей с дополнительной набивкой. Для езды верхом такое жёсткое седло достаточно удобно, однако полностью обеспечить устойчивость всадника в момент нанесения им удара длинным копьём оно не могло.

С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой вплоть до IV в. н. э. в евразийском регионе были распространены исключительно мягкие седла (Вайнштейн, 1991. С. 220, рис. 96, 4; Амброз, 1992. С. 34 сл.). При этом А. К. Амброз для обоснования своего утверждения ссылался на уже устаревшие исследования В. Гренмана ван Ваатеринге относительно находок кожаных частей сёдел на территории римских лагерей (Groenman van Waateringe, 1967. Fig. 35, 38, 40, 41), которые, с его точки зрения,

наконец-то «внесли ясность в это дело» (Амброз, 1992. С. 36). К сожалению, статьи П. Коннолли, трактующие этот вопрос иначе (Connolly, 1986; Connolly, 1988; Connolly, 1991), остались ему неизвестными. А. К. Амброз, впрочем, склонялся к тому, что «в период между II и IV вв. н. э. твёрдые короткие сёдла с высокими прямыми луками появились в различных областях Азии и Европы», но вопрос об этих сёдлах у кочевников остался для него «чисто теоретическим до появления фактических данных» (Амброз, 1992. С. 37). При этом данные, приведённые в статье Р. Гиршмана об иранских седлах (Ghirshman, 1973), также не были использованы.

Тем же недостатком, т. е. отсутствием знания современной западной литературы по рассматриваемой проблеме, страдает и статья Е. В. Степановой о боспорских сёдлах, в которой она пришла к выводу о том, что нет никаких оснований для датировки жёстких сёдел в Причерноморье ранее конца IV — V в. (Степанова, 2004). В дальнейшем её позиция изменилась в том смысле, что, как ей представляется, с рубежа нашей эры наряду с использованием, как и ранее, мягких сёдел скифского типа появляется полужёсткое седло. Под ним понимается преследовавшая скорее декоративную цель конструкция, в которой при отсутствии полноценного ленчика деревянные или костяные луки крепились к четырём упорам на концах мягких седельных подушек (Степанова, Торгоев, 2022. С. 183–184), хотя она вряд ли могла обеспечить прочную посадку тяжеловооружённого всадника и в отношении римских и боспорских сёдел выглядит достаточно неправдоподобно.

Создание необходимой жёсткой конструкции, так называемых «рогатых сёдел», традиционно связывалось с азиатским регионом (Hertmann, 1989. P. 764; Симоненко, 2002. С. 120; Никоноров, 2002. С. 22), но в настоящее время их происхождение можно соотнести с областью Южного Приаралья, где на городище Кой-Крылган-кала были найдены статуэтки лошадей с седлами рогатого типа, датирующиеся IV–III вв. до н. э. (Никоноров, Аржанцева, 2021. С. 247).

Судя по очертаниям, жёсткую основу должны были иметь массивные парфянские сёдла с вертикальными передними и задними выступами, известные по терракотовым статуэткам и рельефу рубежа нашей эры в храме Баалшамина в Сиа (Ghirshman, 1973. P. 10, 103, fig. 6). Возможно, уже с начала военных конфликтов с Парфией сёдла с так называемыми «рогами» получают применение в римской кавалерии. Наличие роговидных выступов на седле кельтской лошади с памятника Юлия в Сан-Реми (Прованс), датированного периодом около 40 г. до н. э., может свидетельствовать о том, что сходные процессы шли и на территории расселения кельтов. Впрочем, вряд ли можно вслед за П. Коннолли предполагать их приоритет в этом отношении (Connolly, 1981. P. 235). Предпринятая этим исследова-

телем реконструкция кожаного римского седла из Валькенбурга (Голландия), имевшего в основе обтянутый кожей деревянный каркас с набивкой (рис. 45), продемонстрировала на практике удивительно высокую эффективность «рогов», компенсировавших отсутствие стремян (Connolly, 1987). Они давали хорошую поддержку для основания спины и бёдер всадника, обеспечивали большую устойчивость в момент копейного удара и позволяли не испытывать неудобств в применении длинного меча или лука. Всё это, соответственно, повышало возможности воина в условиях конного боя. Даже при отсутствии стремян он мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, далеко отклонять в сторону корпус и руки, держащие оружие. Для придания таким сёдлам большей жёсткости «рога» могли быть дополнительно укреплены повторяющими их форму бронзовыми пластинами, подобными найденным в римской крепости конца I в. н. э. Ньюстид в Шотландии (Dixon, Southern, 1997. P. 73, fig. 43). Недавно подобные обкладки «рогов» седла, в которых сохранились остатки дерева, были обнаружены в ходе раскопок конюшни пригородной виллы в Помпеях (рис. 42, 2; см. также § 2.5 этого издания).

Не остался в стороне от этих процессов и тесно связанный с кочевым миром Боспор, что наглядно демонстрируют памятники изобразительного

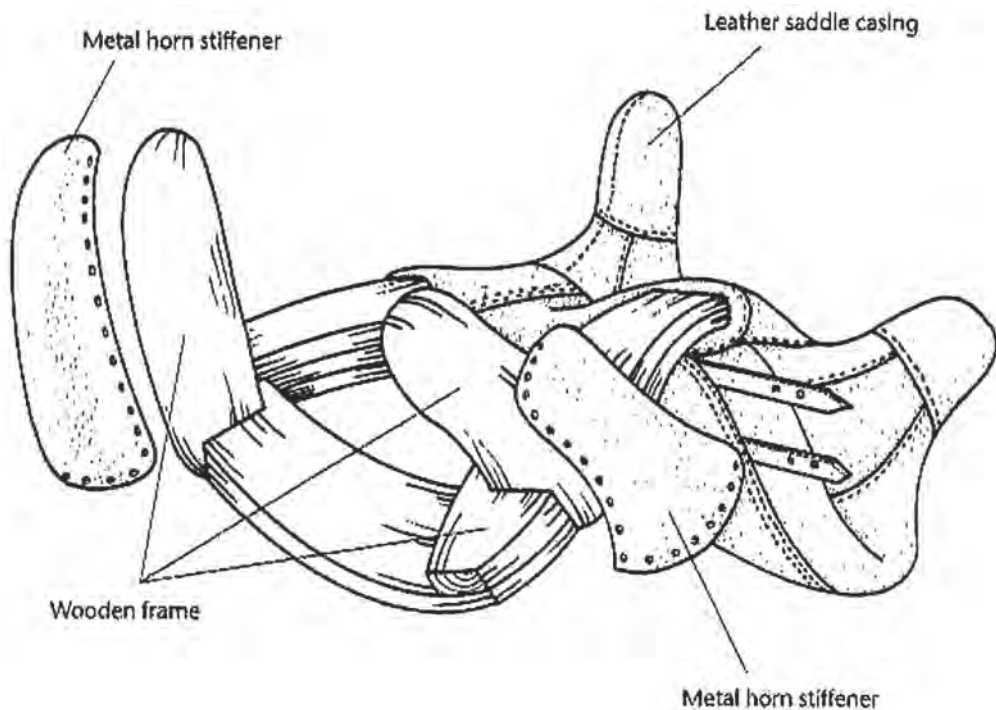

Рис. 45. Реконструкция деревянной основы римского седла (по П. Коннолли)

искусства римского времени. Как справедливо отмечал Н. И. Сокольский, «на некоторых боспорских надгробиях I–II вв. н. э. можно видеть, что у седла были твёрдые основа, лука и задник» (Сокольский, 1971. С. 227). Говорить о том, что на боспорских надгробиях представлены различные формы мягких седел «скифского типа» (Степанова, 2004. С. 239), т. е. они имеют подушки с упорами, туго набитые волосом, в свете последних находок уже недопустимо. Тем не менее в ряде случаев такой вариант возможен в отношении седел с небольшими округлыми выступами, которые изображены на некоторых фресках и надгробных стелах (Ростовцев, 1913б. Табл. LI, LXXIX; Десятчиков, 1972. С. 76), например на постаменте мраморного надгробия первой половины I в. н. э., принадлежавшего Фаллону, сыну Пофа (рис. 46), из некрополя Горгиппии (Вайнштейн, 1991. С. 219. Рис. 96, 4; Горончаровский, 2003б. С. 46, рис. 12). Они могли использоваться как всадниками в облегчённом доспехе, так и лёгкой конницей для манёвренной стрельбы из лука на полном скаку.

Начало распространения седел нового типа на Боспоре можно связать с аспургианами, выходцами из сарматской среды, поселившимися на землях между Фанагорией и Горгиппией, скорее всего, около середины I в. до н. э. (Горончаровский, 2000б. С. 231; см. также § 2.7 этого издания). В этом отношении безусловный интерес представляет найденный на территории аспургиан рельеф стелы Матиана, сына Заидара (рис. 47), поставленной от имени царицы Динамии «памяти ради» (Яйленко, 1995. С. 220–224).

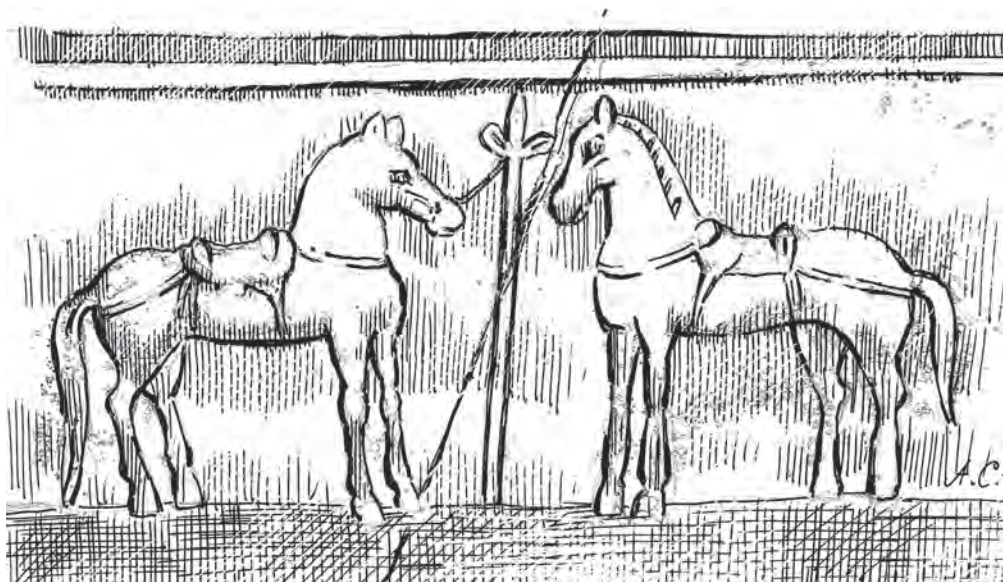

Рис. 46. Постамент надгробия Фаллона, сына Пофа, с изображением осёдланных лошадей. Горгиппия. I в. н. э.

Рис. 47. Надгробие Матиана, сына Заидара (Темрюкский музей)

Это работа явно не рядового мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера, нехарактерных для Боспора этого времени: высокие сапоги на ногах воина, подстриженную городками гриву и нахвостник лошади. Всадник на рельефе держит левой рукой конский повод, а правой придерживает длинное копье, опирающееся на чётко показанный передний выступ седла с горизонтальным отростком⁵¹. Для изготовления подобных сёдел, несомненно, должен был использоваться деревянный каркас. К сожалению, задняя часть седла на рельефе закрыта колчаном и закреплённым рядом с ним луком «гуннского» типа со спущенной тетивой. Наличие последней детали говорит о том, что конный воин изображён на марше, а не изготовившимся к бою.

⁵¹ Это наблюдение сделано автором при осмотре надгробия на экспозиции Темрюкского музея в 1999 г.

Впрочем, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников начиная со второй половины I в. н. э. демонстрируют своеобразный местный тип «глубокого» седла, плотно прилегавшего к спине коня. У него довольно массивная передняя часть, завершающаяся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и защищавшими нижнюю часть туловища воина (рис. 41). Спускающиеся вниз кожаные лопасти (крылья) прикрывали подпружный ремень, чтобы он не тёрся о ноги всадника (см., например: Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 640; Шкорпил, 1917. С. 113, № 5; Гайдукевич, 1949. С. 385, рис. 64; Иванова, 1961. Рис. 55, 72; КБН-альбом. 278, 539). Обычное изображение седла в профиль, как правило, не позволяет уверенно судить о том, как выглядела его задняя часть: имеются здесь простые вертикальные выступы или сплошная лука. Возможно, полукруглая задняя лука изображена на боспорских терракотовых статуэтках, изображающих всадника в коническом каркасном шлеме и ламеллярном доспехе (Алексинский, 2024. С. 37–43. Ил. 1–3, 6), датируемой II–III вв. н. э. (рис. 48). В существовании такой детали седла убеждает относящаяся к тому же времени терракотовая статуэтка всадника из слоя III в. н. э. на поселении Артезиан (рис. 49). В данном случае мы видим массивное седло с высокой вертикальной задней лукой дуговидной формы (Винокуров, 2002. С. 74–77, рис. 4)⁵². К сожалению, детали устройства передней части седла оказались не столь интересными для местного короупласта. Конечно, это ещё не классическое жёсткое седло со стремянами, которое, заметим, вряд ли могло появиться, сменив мягкое, как *deus ex machina* в античном театре.

Крепились такие сёдла с помощью нагрудного (подперся) и подхвостного ремней, иногда украшенных фаларами⁵³, и подпруги. В данном случае она должна была соединяться с деревянной основой, без которой невозможно обеспечить усложнённую геометрию этого вида конского снаряжения (Симоненко, 2002. С. 120–121). Косвенным доводом в пользу подобной конструкции боспорских сёдел является появление на многих надгробных рельефах первых веков нашей эры изображений коней с нахвостниками (Ростовцев, 1913б. Табл. XXXIV, 1–2; Иванова, 1961. Рис. 55; Десятчиков, 1972. Рис. 1–3; Савостина, 1992. С. 382, 385, 386, № 31, 39, 40, 41; Матковская, 1992. С. 387 сл., табл. II, 4; V, 7), которые в обычной кочевнической

⁵² Дальнейшее развитие конструкции сёдел с деревянной основой, скорее всего, происходит в степях Монголии и связано с хуннами. В частности, в известных ноинулинских курганах I в. до н. э. — I в. н. э. были обнаружены сёдла с передними и задними деревянными луками дуговидной формы, соединёнными квадратными в разрезе палочками (Руденко, 1962. С. 50, табл. XXIV, 3).

⁵³ Замечание Е. В. Степановой об отсутствии фаларов на боспорских надгробиях, что она пытается объяснить местной греческой традицией (Степанова, 2004. С. 243), не совсем корректно. См., например: Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 593.

Рис. 48. Боспорская
терракотовая статуэтка
всадника. II–III вв. н. э.
(по Д. П. Алексинскому)

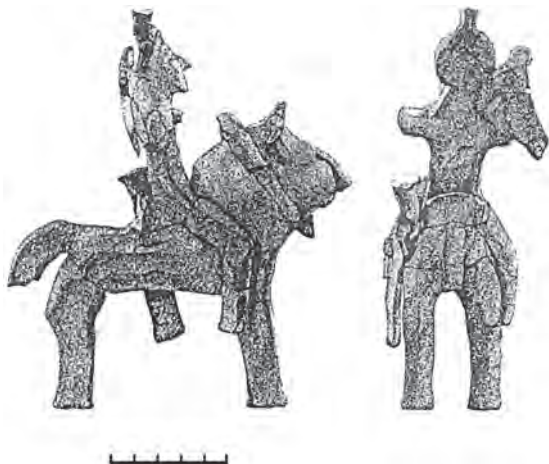

Рис. 49. Терракотовая статуэтка всадника
из слоя III в. н. э. на городище Артезиан
(по Н. И. Винокурову)

практике препятствовали сдвигу жёсткого седла вперёд и, соответственно, предотвращали потёртость холки (Симоненко, 2002. С. 121). Довольно часто в задней части сёдел имеются три свешивающихся полосы (см.: Гайдукевич, 1949. С. 339, рис. 56; Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 575, 599–600, 619; Боспорские надгробные рельефы, 1990. № 46, 47, 52), которые являлись либо просто декоративным элементом, либо могли использоваться как тороки для закрепления каких-либо предметов (Трейстер, 1994. С. 190). Например, с помощью одного из таких ремешков приторочена к седлу круглая фляга на стеле Афения, сына Мены (Десятчиков, 1972. Рис. 1, 3).

Таким образом, имеющиеся данные о конструкции сёдел, использовавшихся на Боспоре с рубежа нашей эры, позволяют говорить об известном своеобразии их развития, несмотря на тесную взаимосвязь с инновациями в области снаряжения верхового коня, появлявшимися в степной зоне Евразии.

2.7. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры⁵⁴

С конца I в. до н. э. военно-политическая ситуация на Боспоре определялась прежде всего тремя факторами: активными контактами с поздними скифами на западных рубежах, сарматами на восточных и с Римской

⁵⁴ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2006б. Текст исправлен и дополнен.

империей, заинтересованной в сохранении его как буферного государства на северо-восточной окраине своих владений. В немалой степени на её развитие повлияли аспургиане — выходцы из сарматской кочевой среды, обосновавшиеся на территории азиатской части Боспорского царства, между Фанагорией и Горгиппией (Strabo XI. 2. 11)⁵⁵. Эти сведения, видимо, восходят к Гипсикрату АмиССкому, писавшему о временах Фарнака и Асандра (Ростовцев, 1925. С. 143). В данном случае, видимо, можно согласиться с М. И. Ростовцевым, который считал, что аспургиане не племя, а дружина царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубин Сарматии (Ростовцев, 1916а. С. 16; Rostovtzeff, 1919. P. 88 ff.)⁵⁶. Судя по ситуации, описанной Тацитом, достаточно много группировок кочевников во главе со своими вождями-скептухами самостоятельно заключали военные союзы с правителями соседних стран (Тас. *Ann.* VI. 33).

Скорее всего, аспургиане появились на Боспоре около середины I в. до н. э.⁵⁷, возможно, уже при Фарнаке, когда он готовился вернуть отцовское наследие. Во всяком случае найденная на Таманском полуострове в резиденции некоего Хрисалиска плита с надписью, упоминающая самого владельца и царя Асандра, демонстрирует ошибки, которые говорят о том, что обитатели крепости, предположительно принадлежавшей аспургианам, не до конца ещё овладели греческим языком и находились на начальной стадии превращения в боспорцев (Сокольский, 1976. С. 40–41, 106–107, рис. 30). Очевидно, согласно распространённой практике, им, как военным поселенцам, предоставили землю и освободили от всех налогов и обычных повинностей (ср.: *Ios. Ant. Iud.* 17. 2. 1). Такие привилегии могли получить и аспургиане, которые стали для местных царей надёжной опорой и той военной силой, на которую всегда можно было рассчитывать в борьбе с внешними и внутренними врагами. Возможно, эти установившиеся связи, по примеру Митридата VI Евпатора (Арр. *Mithr.* 102), были дополнительно укреплены родственными отношениями.

После 22 г. до н. э., когда Август занялся реорганизацией вассальных царств на Востоке, Боспорское государство попадает в относительную зависимость от Рима (Каллистов, 1940. С. 65; Голубцова, 1951. С. 85; Сапрыкин, 1996. С. 314), и в царской титулатуре впервые появляется термин *φιλόρωμαιος*

⁵⁵ Название «аспургиане», видимо, произошло от топонима, связанного с неким Аспургом и его воинами (Яйленко, 1987а. С. 35–39). В любом случае отсутствие аспургиан в списке племён, подвластных Боспору в I в. н. э., говорит скорее о политическом, чем этническом характере данного термина.

⁵⁶ Историографию вопроса см.: Сапрыкин, 1985а.

⁵⁷ Об археологических памятниках, которые можно связать с аспургианами, см.: Сокольский, 1975; Довгалюк и др., 2008; Медведев, 2015.

(КБН. 30). Тем не менее митридатовские традиции, связанные с опорой на варварскую периферию и военно-хозяйственных поселенцев (Сапрыкин, 1985а. С. 63; Сапрыкин, 1996. С. 315), остаются неизменными. Соправительство Динамии и престарелого Асандра по крайней мере с 21 г. до н. э., о чём свидетельствует уникальный статер с именем царицы (Сапрыкин, 1990), явно вызывало опасения римских властей и рассматривалось как потенциальная угроза северо-восточным границам империи. Отношение Августа к внучке Митридата Евпатора наиболее образно выразил М. И. Ростовцев: «...вручить ей одной Боспор было неосторожно, не считаться с нею невозможно» (Ростовцев, 1918. С. 146). Видимо, не случайно серьёзный политический кризис затрагивает Боспор в 17 г. до н. э., когда широкие полномочия на Востоке получает зять императора Августа, Марк Випсаний Агриппа. Вряд ли без его ведома во владениях Асандра появился некий Скрибоний, объявивший себя внуком Митридата VI Евпатора, и утверждавший, что сам Август пожелал сделать его царем (Dio Cass. LIV. 24. 4). Впрочем, вполне возможно, так оно и было. В сражении с Асандром претендент на престол сумел одержать победу, и царь сам свёл счеты с жизнью (Luc. *Macr.* 17). Царица Динамия, не желая углублять конфликт, вышла за Скрибония замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался и, таким образом, не выполнил поставленной перед ним задачи⁵⁸. Тогда Агриппа в 15 г. до н. э. поручил понтийскому царю Полемону устранить Скрибония (Dio Cass. LIV. 24. 4) и установить контроль над Боспором. В итоге, не желая войны, и скорее всего, при поддержке Динамии, боспорцы сами убили Скрибония и попытались помешать Полемону утвердиться в его новых владениях.

Скорее всего, одним из аспургианских вождей, сыгравшим важную роль в этих событиях, был Матиан⁵⁹, сын Заидара⁶⁰ (Яйленко, 1995. С. 224). Его надгробная стела, найденная на территории Темрюкского района (рис. 47), была поставлена от имени царицы Динамии. Для Боспора это уникальный случай, что предполагает особые заслуги погребённого и особый характер его отношений с правящим домом. В верхней части стелы находится тщательно проработанный рельеф с изображением конного воина (Яйленко, 1995. С. 220–221). Это работа явно не рядового мастера, сумевшего пере-

⁵⁸ Не исключено, что под влиянием обстоятельств Скрибоний занял антиримскую позицию (Парфёнов, 2007. С. 295).

⁵⁹ Если редкое имя Матиан является производным от этнонима, это может служить указанием на область, откуда на Боспор пришла дружина Аспурга, поскольку, согласно Страбону, Помпонию Меле и Плинию Старшему, матианы обитали в северо-западных районах Ирана, недалеко от Каспийского моря (Strabo XI. 10. 8; XI. 13. 12; Mela. I. 13; Plin. *NH.* VI. 48).

⁶⁰ В данном случае имя и патронимик по происхождению иранские (Яйленко, 1995.

дать такие детали этнографического характера, как высокие сапоги на ногах всадника, нахвостник и подстриженная «городками» грива у лошади. Круг аналогий изображениям подобного рода достаточно широк, от Прикаспия до Китая (Зеймаль, 1979. Рис. 36; Маршак, 1987. С. 235–236; Трейстер, 1994. С. 180, рис. 7; Маслов, 1999. С. 227; Яценко, 1999. С. 163–164, рис. 1; Раев, 2009. С. 263–264; Maenchen-Helfen, 1957. P. 95–137; Rawson, 1996. Fig. 100b). Такая мода определённо связана с восточной кочевой средой и не получила широкого распространения на территории Боспорского царства⁶¹.

Значительный интерес представляют снаряжение и вооружение всадника. В настоящее время это самое раннее изображение катафрактария в боспорском искусстве. Облачённый в короткий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копьё, которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы⁶². Оно приподнято вверх, т. е. показано не в боевом положении, а в походном, с опорой на чётко показанный горизонтальный выступ седла, вероятно, имевшего деревянную основу. Помимо этого, к седлу с правой стороны приторочен лук «гуннского» типа со спущенной тетивой и колчан для стрел. Таким образом, можно утверждать, что подобные луки стали известны на Боспоре уже к началу нашей эры, а не позднее (Хазанов, 2008. С. 73; Десятчиков, 1972. С. 72). Их изображения на боспорских фресках и рельефах (Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 574, 626, 650; Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXIX, 2; Шкорпил, 1914б. С. 75. № 6; Иванова, 1961. рис. 82, 89, 90; Боспорские надгробные рельефы, 1990. С. 58. № 48) показывают, что здесь они носились таким же образом, как и в среднеазиатском регионе, у поздних парфян и персов сасанидского периода (Nicolle, 1996. 7 ff., fig. 1, 2, 4, 5, pl. A–C; Никоноров, Худяков, 1999. Рис. 3, 4, 6), т. е. на правом бедре, со спущенной тетивой, в колчане с отделением для стрел или в длинном узком чехле, перевязанном ремнями. Таким образом, те инновации, которые в этот период появляются в местном военном деле, вполне можно связать с аспургианами, составившими ударную силу боспорской кавалерии.

Дату установки надгробия Матиана, очевидно, следует связывать с пе-

С. 221).

⁶¹ При этом её элементы присутствуют на монетах и изделиях торевтики II — начала III в. н. э. (Maenchen-Helfen, 1957. Fig. 3, 4), на граффито из крепости Илурат, в составе гарнизона которой было много выходцев из сарматских племен (Горнчаровский, Никоноров, 1987; см. § 1.4 этого издания, рис. 7) и в изображениях конных противников боспорцев на фресках пантикапейских склепов (Ростовцев, 1913б. Табл. LXIV, 1; LXXIX).

⁶² Та же деталь присутствует на известном надгробии Афения, где нижний конец копья катафрактария выходит за край рельефного поля стелы (Десятчиков, 1972. С. 74, рис. 1–3).

риодом борьбы против Полемона в 15/14 г. до н. э. О том, что это было сделано в условиях войны, говорит довольно скромный характер известняковой стелы размерами всего 61×52×15,5 см, которой царица почтила память одного из своих верных сторонников. Не исключено, что судьба его потомков оказалась связанной с Танаисом, где был найдена мраморная плита с текстом декрета, где чествуется некий сын Матиана, явно занимавший видное место при дворе и оказавшийся, судя по сохранившимся фрагментам надписи, полезным для царя царей и отечества (Иванчик, Тохтасьев, 2009. С. 101–103). Авторы публикации текста декрета предложили датировать его временем правления Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.), когда Танаис, по их мнению, в полной мере возрождается как урбанистический центр⁶³. Между тем надпись демонстрирует дальнейшее развитие того курсивного письма, которое характерно для стелы Матиана, и вряд ли их может разделять целое столетие. В то же время термин «отечество» в связи с царской титулатурой впервые зафиксирован в манумиссии 41 г. н. э. из Горгииппии (КБН. 1123). Поскольку она была поставлена в правление царя Митридата VIII (39/40–44/45 гг. н. э.), не кажется слишком смелым предположение о том, что он же упоминался и в танаисской надписи. Тогда чествуемое лицо — скорее всего, сын того самого Матиана, заслуги которого ранее были отмечены царицей Динамией (Горончаровский, 2006б. С. 46; Иванчик, Тохтасьев, 2009. С. 102–103).

Вопреки общепринятому мнению о том, что весной 14 г. до н. э. прямого римского вмешательства в ситуацию на Боспоре не потребовалось (см., например: Гайдукевич, 1949. С. 316; Голубцова, 1951. С. 89; Щукин, 1994. С. 179; Масленников, 1995. С. 162; Сапрыкин, 1996. С. 192; Gajdukevič, 1971. S. 328), не исключено, что в ходе последовавших там военных действий в них принял участие и сам Агриппа (Parfenov, 1996. S. 101; Болдырев, 2000. С. 12; Панов, 2002. С. 107–108). Иосиф Флавий сообщает о присоединившейся к римскому полководцу у Синопы флотилии царя Ирода. Далее повествуется о том, что во время этого похода Ирод «был его *союзником в боях*⁶⁴, советником в серьезные минуты», пока не «окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан» (Ios. Ant. Iud. 16. 2. 2).

⁶³ В настоящее время это мнение опровергается находкой посвящения за царицу Динамию как спасительницу и благодетельницу в святилище Аполлона (Иванчик, Тохтасьев, 2009. С. 95–99), т. е. город стал восстанавливаться вскоре после его разгрома Полемоном. Сложному периоду в истории Танаиса соответствует использованная для посвящательной надписи известняковая, а не мраморная плита.

⁶⁴ Эта фраза присутствует в переводе Г. Г. Генкеля, что оспаривает С. Ю. Сапрыкин, в то же время утверждая, что имеется в виду поход Агриппы из Иерусалима в Митилену и далее в Синопу (Сапрыкин, 2002б. С. 122), что абсолютно неприемлемо.

Вряд ли сама угроза римского вторжения побудила все враждебные Полемену силы сложить оружие и подчиниться (Dio. Cass. LIV. 24. 4). Павел Орозий, использовавший труд Тита Ливия, прямо пишет об одержанной военной победе: «Боспорские же народы одолел Агриппа и, вернув в бою римские знаки, которые те некогда захватили при Митридате, принудил побеждённых сдаться» (Oros. VI. 21. 28). Подтверждением этому служит тот факт, что по возвращении в Рим сенат назначил Агриппе триумф, который, впрочем, так и не был отпразднован (Dio Cass. LIV. 24. 10; см. также: Eutr. 7. 9). Отказ Агриппы от триумфа⁶⁵ вовсе не означает незначительного масштаба действий, предпринятых им на территории Боспорского царства. Это было следствием вполне определённой позиции, поскольку, кроме этого случая, он ранее дважды не принимал предоставленных ему триумфальных почестей: после победы над аквитанами в 38 г. до н. э. и победы над кантабрами в 18 г. до н. э. (Таривердиева, 2015. С. 149, 151).

Судя по всему, брак Динамии с Полемоном так и не состоялся или был весьма непродолжительным (Парфёнов, 1997. С. 131–132). Можно предположить, что какое-то время после разрыва с Полемоном она пребывала на Азиатском Боспоре, где у неё было много сторонников среди аспургиан. Если верно предположение Ч. Б. Роуза о том, что царица с сыном изображена на южном фризе Алтаря Мира рядом с Агриппой (рис. 50) (Rose, 1990), то Динамия как заложница отправилась с ним в Рим, где и пребывала вплоть до смерти Полемона в 9/8 г. до н. э. (Parfenov, 1996; Парфёнов, 1997. С. 132). Это достаточно логично, так как рельефный фриз отображал реальное событие — торжественную процессию на Марсовом поле в честь закладки Алтаря в 13 г. до н. э. по решению Сената, вскоре после возвращения Агриппы с Востока. Таким образом давался прозрачный намёк на его роль в установлении Pax Romana на северо-восточной окраине Понта Эвксинского.

Данная гипотеза весьма заманчива и многое объясняет в отношении предполагаемого второго правления Динамии (9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.) (Иванчик, Тохтасьев, 2009. С. 97–98)⁶⁶, когда на золотых статерах с портретами Августа и Агриппы появляется её монограмма (Анохин, 1986. С. 148,

⁶⁵ В память об этом в Риме был отчеканен денарий, на реверсе которого изображена пустая квадрига с пальмовой ветвью внутри. Квадрига является обычным символом триумфа на монетах; она изображена пустой, чтобы продемонстрировать скромность Агриппы, отказавшегося от чести, которую приняли бы все остальные (Stern, 2015. P. 67, fig. 18).

⁶⁶ Это вполне соответствует тем изменениям, которые произошли в политике Августа по отношению к вассальным царствам в конце I в. до н. э. Как показала практика, эффективно контролировать ситуацию в них, не привлекая военные силы Рима, могли только представители местных династий, пользовавшиеся поддержкой населения (Панов, 2009. С. 32).

Рис. 50. Фрагмент рельефа на южной стороне Алтаря Мира

табл. 10, 259–269а)⁶⁷. Тогда становится понятным наличие девяти надписей, сделанных от имени Динамии или упоминающих её, в то время как с тридцатилетним правлением Асандра связаны всего две.

Возвращаясь к персонажам, помещённым непосредственно за Агриппой на фризе Алтаря Мира, отметим косвенный аргумент в пользу того, что представленная здесь царица — это Динамия. Дело в том, что она является единственной женщиной из числа изображённых на алтаре, у которой в ушах серьги, при том той же формы, что на известном бронзовом бюсте царицы, хранящемся в Эрмитаже (Ростовцев, 1916а) (рис. 51). Её правая рука лежит на голове ребёнка с явно варварскими чертами лица в возрасте не более трёх лет, увенчанного диадемой и с гривной на шее. Могла ли уже немолодая Динамия, которой к 13 г. до н. э., когда начались работы над алтарём, было около 50 лет, иметь такого маленького сына? Напрашивается

⁶⁷ Недавно опубликованная надпись с посвящением царя Аспурга, сына великого царя Асандроха, датированная 6/7 г. н. э. (Завойкина и др., 2018), может рассматриваться как свидетельство того, что Аспург как законный наследник трона выступал в роли соправителя Динамии.

Рис. 51. Изображения боспорской царицы (?): 1 — голова царицы на рельефе Алтаря Мира; 2 — бронзовый бюст Динамии

ещё одно предположение: в критический момент, чтобы обеспечить полную поддержку сильных в военном отношении аспургиян, боспорская царица могла официально усыновить отпрыска одного из их знатных семейств (внука Аспурга, носившего то же имя?). Если это так, то она добилась своей цели, и аспургиане последовательно боролись с навязанным Боспору римским ставленником. Очевидно, именно в ходе предпринятых им военных действий гибнут в конце I в. до н. э. такие укрепления, как резиденция Хрисалиска (Сокольский, 1976. С. 39, 108), и крепость у ст. Анапской близ Горгиппии (Алексеева, 1988. С. 69). С одним из таких укреплений связана находка при строительных работах 1898 г. в Широкой балке⁶⁸ близ Новороссийска уже упоминавшегося бюста Динамии⁶⁹. Учитывая затянувшийся характер военных действий, Полемон, видимо, вовсе не собирался гарантировать особый статус аспургиан в своём царстве, хотя, возможно, такие переговоры и велись, когда он напал на них под предлогом заключения до-

⁶⁸ Раскопки, проводившиеся на этом месте в 1967 г., обнаружили остатки монументального здания рубежа нашей эры, погибшего в огне пожара (Онайко, 1971).

⁶⁹ Попытки А. А. Молчанова и К. Парласки обосновать атрибуцию бюста как изображение царицы Гипеппии (Молчанов, 1971. С. 101; Parlaska, 2009. S. 241–252) выглядят неубедительно (Трофимова, 2021. С. 115–116).

говора о дружбе, попал в плен и был убит (Strabo. XI. 2. 11).

После стабилизации боспоро-римских отношений, вероятно, связанной с возвращением Динамии на боспорский трон, часть аспургиан могли разместить в столице на правах царской гвардии. В этой связи интересно отметить, что этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в росписи пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа (рис. 52), который принято датировать временем около рубежа нашей эры (Ростовцев, 1913б. Табл. LI, 6; Ростовцев, 1914. С. 182). Конечно, здесь представлены не бытовые сцены, а путь героизированного умершего в загробном мире (Яценко, 1995. С. 189–192) к воссоединению с Великой богиней и обретению бессмертия через священный брак с нею (Виноградов, 2022. С. 104–106). Действие разворачивается справа налево, показывая начало и конец путешествия, завершающегося у сидящей на троне богини⁷⁰. В обоих случаях мы видим безбородого всадника в голубом кафтане, украшенном (или армированном?) круглыми бляшками, но сначала его сопровождают две лошади как намёк на предстоящие долгие странствия, а завершает он свой путь уже на одной. Грива коня под ним в обоих вариантах подстрижена «городками», показаны и нахвостники. Всё, что касается вооружения, изображено со знанием дела: огромная пика, которая в финале оказывается прислонённой к свадебному шатру;

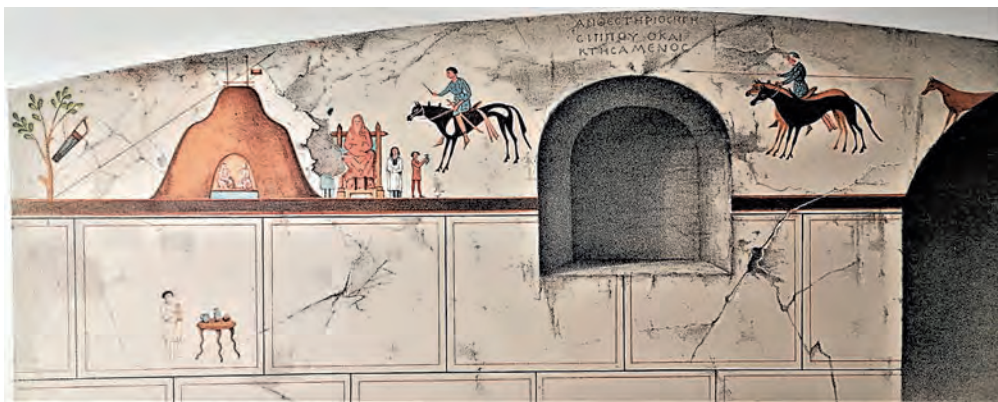

Рис. 52. Фреска склепа Анфестерия с изображением всадников

⁷⁰ По обеим сторонам от трона, судя по всему, представлены фигурки не слуг, как считалось ранее, а психопомпов, помогавших герою найти верный путь в царстве мёртвых. Ближайшей аналогией в данном случае являются посвятельные рельефы с изображением Кибелы на троне, рядом с которым маленькие фигурки Гермеса и Гекаты (Горончаровский, Тихонова, 2022).

длинный меч с перекрестьем⁷¹, в отношении которого художник, копировавший фреску, допустил искажения и сделал его похожим на саблю, и, наконец, лук. В своё время А. К. Амброз отметил, что в изображениях всадников из склепа Анфестерия, скорее всего, представлена не вытянутая задняя лука седла, а контур лука в горите (Амброз, 1992. С. 35). Ближайшей аналогией в данном случае является сюжет на ковре IV в. до н. э. из Пазырыка: там тёмный силуэт лука в горите сливается с седлом всадника и кажется его частью (Амброз, 1992. С. 35, табл. VII, 11) (рис. 53, 1). С этим можно согласиться лишь отчасти. Контур вытянутого предмета за всадником не соответствует луку скифского типа и, судя по его окраске, находится по правую сторону от крупа коня, где обычно размещали в чехле лук «гуннского» типа (рис. 53, 2). То, что в левой части фрески на дереве висит скифский лук, может означать просто следование привычной схеме, не раз воспроизводившейся на боспорских надгробиях.

Вполне допустимо, что Анфестерий был выходцем из аспургинской знати, и, видимо, далеко не единственным её представителем, удостоившимся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание наличие в ближайшем соседстве со склепом Анфестерия ещё двух погребальных памятников, демонстрирующих поразительное сходство с ним по архитектуре и особенностям стиля живописи — склепа Алкима, сына Гегесиппа,

Рис. 53. Изображения всадников: 1 — на ковре из Пазырыка;
2 — фрагмент фрески из склепа Анфестерия

⁷¹ На территории Боспора для I–II вв. н. э. известен только один длинный меч с брусковидным перекрестьем, найденный в Цемдолинском могильнике на территории аспургин (Довгальук и др., 2008. С. 8, рис. 4, 3).

и склепа 1891 г. В первом из них, возможно, принадлежавшем брату Анфестерия, справа от входа была вырезана сарматская тамга (Ростовцев, 1913б. Табл. L, 2; Ростовцев, 1914. С. 175, 196; Драчук, 1975. Табл. 12, 945; Яценко, 2001. Рис. 5, 110), близкая по типу к царским знакам Боспора. Таким образом, склеп явно принадлежал знатному лицу, возможно, родственнику правящей династии. Во втором склепе присутствует сцена с шатром и выездом конного воина (Ростовцев, 1913б. Табл. LII, 1). Если эти наблюдения верны, то аспургиане достаточно быстро приспособились к местному варианту античной цивилизации. Некоторые из них вошли в состав правящей элиты, восприняв греческие имена, язык и отчасти религиозные представления. Данное обстоятельство в дальнейшем облегчило приход к власти на Боспоре Аспурга (10/11–38/39 гг. н. э.) как представителя новой, сарматской династии. Вероятно, этому предшествовали военные действия против других претендентов на трон. Непокойно на Боспоре было и в 14 г. н. э., в период поездки Аспурга в Рим, где Тиберий закрепил за ним титул царя (Блаватская, 1965б. С. 35 сл.). В любом случае помощь со стороны соплеменников могла оказаться решающей, и в дальнейшем им, очевидно, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования.

Политическая активность Аспурга реализовалась в военных действиях на границах государства. Так, в его пышной титулатуре упоминаются ранее не включавшиеся в число подчинённых Боспору племён тарпеты и танаиты (КБН. 39, 40). При этом в первой из перечисленных надписей, которая датируется 23 г. н. э., отмечается, что царь подчинил скифов и тавров. С этими победами Аспурга можно связать установку его статуи в Херсонесе (IRE. I². 704) и появление на монетах времени его правления головы Ареса и трофея (Анохин, 1986. С. 150, табл. 40, 46; Фролова, 1997. С. 71; Gajdukevič, 1971. S. 338). О событиях военного характера, связанных с Неаполем Скифским, свидетельствуют и археологические материалы, которые дают основание говорить об усилении в начале I в. н. э. местной оборонительной системы, пожарах в городе и пригороде (Колтухов, 1990. С. 187) и последующем восстановлении построек во второй четверти того же столетия (Пуздровский, 1999. С. 108). Следы пожаров и разрушений того же времени фиксируются также в западном Крыму: в Керкинитиде, на городищах Кара-Тобе, Чайка и Усть-Альминском (Лагутин, 1999. С. 205–206). Не исключено, что в результате этой войны Аспургу удалось добиться утверждения в Скифии своего ставленника и создания боспоро-скифского союза (Виноградов, 1994. С. 155). Таким образом, к концу первой четверти I в. н. э. Боспорское царство, по-видимому, представляло собой серьёзную силу, которая полностью контролировала военно-политическую ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье.

В этот период, очевидно, именно аспургiane, наряду с союзными сарматскими племенами, поставляли тяжеловооружённых всадников в боспорскую армию, тогда как лёгкая конница формировалась в основном из городского населения. Действительно, если судить по материалам пантикапейских рельефных надгробий, относящихся ко времени около рубежа нашей эры, серьёзных изменений в вооружении и снаряжении верховых коней столичных горожан не наблюдается (Марти, 1941. С. 36, 40, рис. 7, 11; Боспорские надгробные рельефы, 1990, № 43, 44). По-прежнему продолжает применяться лук «скифского» типа с сильно загнутыми вперёд концами, который носили подготовленным к бою в горите на левом бедре. Если и можно отметить появление новых элементов в данном отношении, то они связаны с памятниками интересующего нас времени из городов Азиатского Боспора, соседствовавших с областью аспургiane. Так, самая ранняя находка длинного меча на Боспоре происходит из могилы I в. до н. э. в некрополе Фанагории (Сокольский, 1954. С. 155, табл. 5, 1). Обращает на себя внимание и мраморное двухъярусное надгробие Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта из Горгииппии, датирующееся временем около рубежа нашей эры (Горончаровский, 2002а; см. также § 2.5 этого издания). В верхней части плиты здесь находится рельеф, где изображён всадник в седле, имеющем слегка загнутый внутрь передний выступ с выделенным рельефным валиком. Другой всадник на нижнем рельефе ведёт в поводу двух осёдланных длинноногих лошадей (рис. 39, 3). В данном случае сёдла спереди и сзади имеют вертикальные выступы, дававшие достаточно хорошую поддержку для основания спины и бёдер воина при столкновении с противником. Даже при отсутствии стремян он мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, значительно отклонять в сторону корпус и руки, держащие оружие.

Такое положение дел сохранялось вплоть до Боспорской войны 45–49 гг. н. э., связанной с выступлением против Рима Митридата VIII (Тас. *Ann.* XII. 15–21). Основные её события, как и за полвека до того, развернулись на Азиатском Боспоре, где мятежного царя поддерживали аспургiane и вождь сираков Зорсин. На заключительном этапе войны успешные действия армии Котиса I и римлян у берегов Меотиды смогла обеспечить только мощная группировка аорсов во главе с царём Эвноном, способная по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника (см. § 2.1 данной публикации).

Данная ситуация имела большие последствия не только для этнической ситуации в Северном Причерноморье, поскольку вызвала перемещение ряда сарматских племён (Щукин, 1994. С. 206 сл.; Габуев, 1999. С. 130 сл.), но и для военного дела Боспора. Вероятно, тогда среди представителей

зажиточной части местного общества получает распространение тяжёлый пластинчатый или чешуйчатый доспех и соответствующий набор наступательного вооружения, ранее характерный только для варваров на службе у боспорских царей.

2.8. Реконструкция вооружения сарматских всадников первых веков нашей эры (по материалам могильника близ хутора Городского в Адыгее)⁷²

Период около рубежа эр стал для обитателей евразийских степей временем поиска и разработки новых форм оружия дистанционного боя — лука и стрел, рубяще-колющего оружия, использовавшегося в ближнем бою, и усовершенствования защитного доспеха, что объясняется всё большим применением в военных действиях тяжеловооружённой конницы. Естественно, этот процесс не мог не затронуть Боспорское государство, входившее в контактную зону с бескрайним кочевым миром. Находки здесь и на сопредельных территориях предметов наступательного и защитного вооружения в сочетании с произведениями изобразительного искусства дают хорошую основу для реконструкции военного костюма сарматских всадников первых веков нашей эры. Прежде всего это касается представителей аристократии, инвентарь погребений которых наиболее информативен.

В данном отношении особый интерес представляют материалы погребений знатных воинов с сопровождающими захоронениями верховых коней в могильнике близ хутора Городского (Среднее Прикубанье), примерно в 100 км от восточных рубежей Боспорского царства. Раскопки здесь велись в 1989–1992 гг. (Сазонов, 1992; Сазонов и др., 1995), и в итоге были вскрыты 22 неограбленных погребения. Все они в плане хронологии на основании находок хорошо датированных стеклянных сосудов⁷³, бронзовой посуды⁷⁴ и провинциально-римских фибул с эмалью (Васильев, Кармов, 2008. С. 239) укладываются в достаточно узкий промежуток времени — около конца I — II в. н. э. Более трети всех погребённых здесь воинов можно

⁷² Впервые опубликовано: Горончаровский, 2020а.

⁷³ Это бальзамарии II, 1 Б из погр. 1 и I, 2, Г из погр. 3 (Кунина, 1972. С. 150, рис. 3, 39; С. 161, рис. 8, 38); кувшин с низким цилиндрическим туловом (Кунина, 1997. С. 301. Кат. 231).

⁷⁴ Бронзовые таз Эггерс 102 из погр. 2 и ковш Эггерс 140 из погр. 22 (Симоненко, 2011. С. 59, рис. 36; С. 52, рис. 28).

отнести к тяжеловооружённым всадникам — катафрактариям, укомплектованным железными каркасными шлемами, кольчугами, длинными мечами, копьями и дротиками. Рассмотрим их более детально, начав с защитного вооружения. Прежде всего это каркасные шлемы, скорее всего, местного производства (Лурье, 2013. С. 263–264). Такие шлемы, с одной стороны, давали эффективную защиту, с другой — их было легко изготовить. Они известны в двух вариантах, существовавших одновременно:

1. Шлемы конической формы, собранные из четырёх вертикальных перекрещивающихся внахлест железных пластин, скреплённых округлым навершием (погр. 4, 6; см. рис. 54, 1). Сегменты между пластинами каркаса заполнены тремя рядами горизонтально расположенных пластин, для скрепления которых с основой использовались заклёпки. В одном из шлемов были найдены фрагменты железной чешуйчатой бармицы. Пластинки из остатков этого чешуйчатого набора имеют прямой верхний край с двумя отверстиями и округлую выпуклую нижнюю часть. Размеры их небольшие: 1,4×0,8 см, что должно было обеспечить подвижность кожаной основы, на которой они крепились;
2. Шлемы с аналогичным каркасом, увенчанным заострённым навершием (погр. 1, 8, 10, 21; см. рис. 54, 2–5). Нижняя часть тульи между сужающимися кверху пластинами каркаса шириной в основании около 7 см до половины высоты шлема заполнена либо узкими вертикальными пластинами, либо образована сплошной широкой горизонтальной пластиной высотой до 17 см в виде обода. Судя по отреставрированному шлему такой конструкции из погребения 10, обод мог быть усилен внутренними накладками, присоединёнными при помощи заклёпок (Лурье, 2013. С. 262). Конусовидное навершие из толстого железного листа плотно фиксировало стык рёбер в точке их соединения. Оно могло иметь приваренную с задней стороны петельку, очевидно, для крепления плюмажа. Сохранились отпечатки подбородочных ремней таких шлемов, крепившихся на их нижний край с помощью напаянных плоских петель.

В могильнике у хут. Городского достаточно хорошо представлены и железные кольчуги (погр. 1, 4, 6, 8, 10, 16, 21, 22; см. рис. 55, 3; 62, 3). Это единственный археологический памятник в Северном Причерноморье римского времени, где они известны в таком количестве. На момент фиксации кольчуги выглядели как спёкшиеся монолиты из колец, свёрнутые рулоном толщиной 10–15 см вдоль тела умершего или уложенные кучкой за его головой, иногда в ногах (Сазонов, 1992. С. 249). Их длина составляла до 1,5 м при среднем росте погребённых воинов 1,7 м. Ворот, видимо, имел разрез,

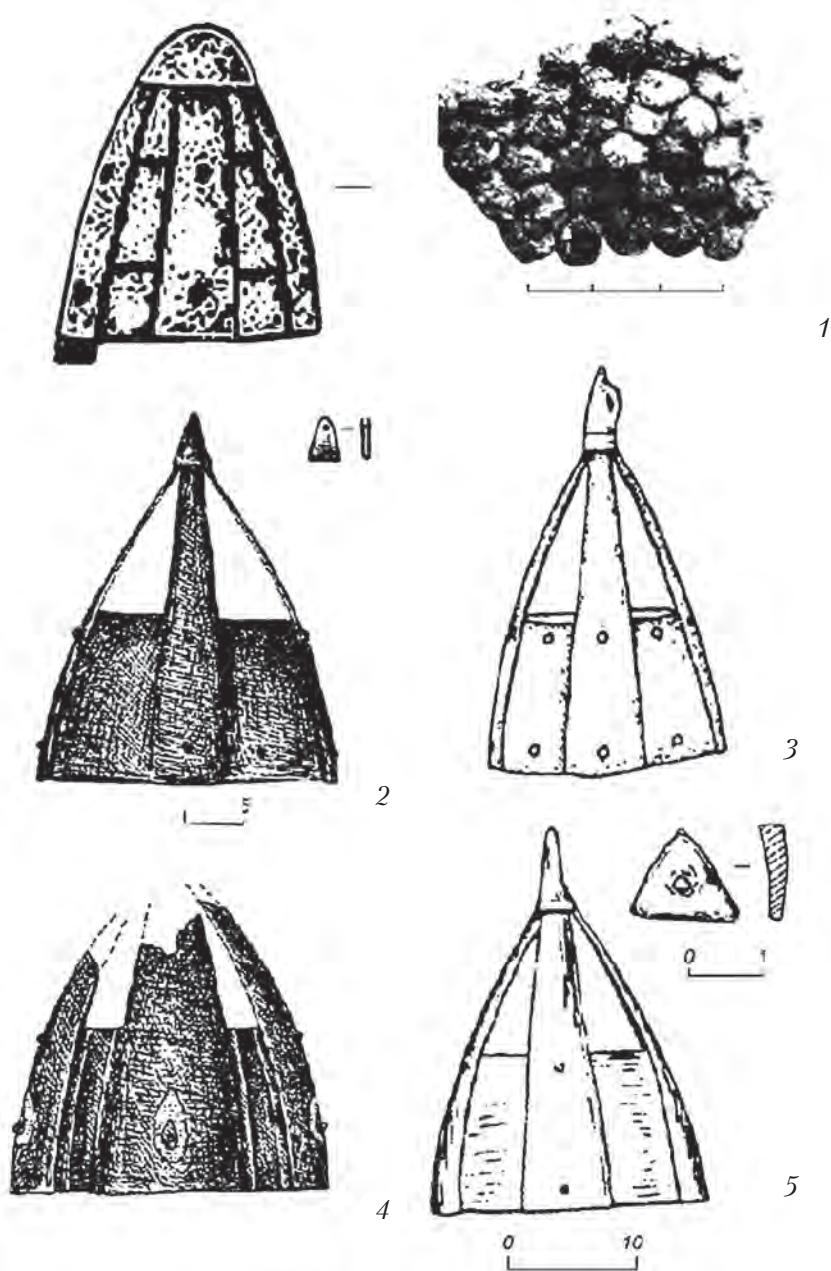

Рис. 54. Шлемы из могильника у хут. Городской (по Е. В. Лурье): 1 — шлем из погр. 6 с бармицей; 2 — из погр. 8 с бронзовым наконечником подбородочного ремня; 3 — из погр. 10; 4 — из погр. 1; 5 — из погр. 21 с украшением из раковины

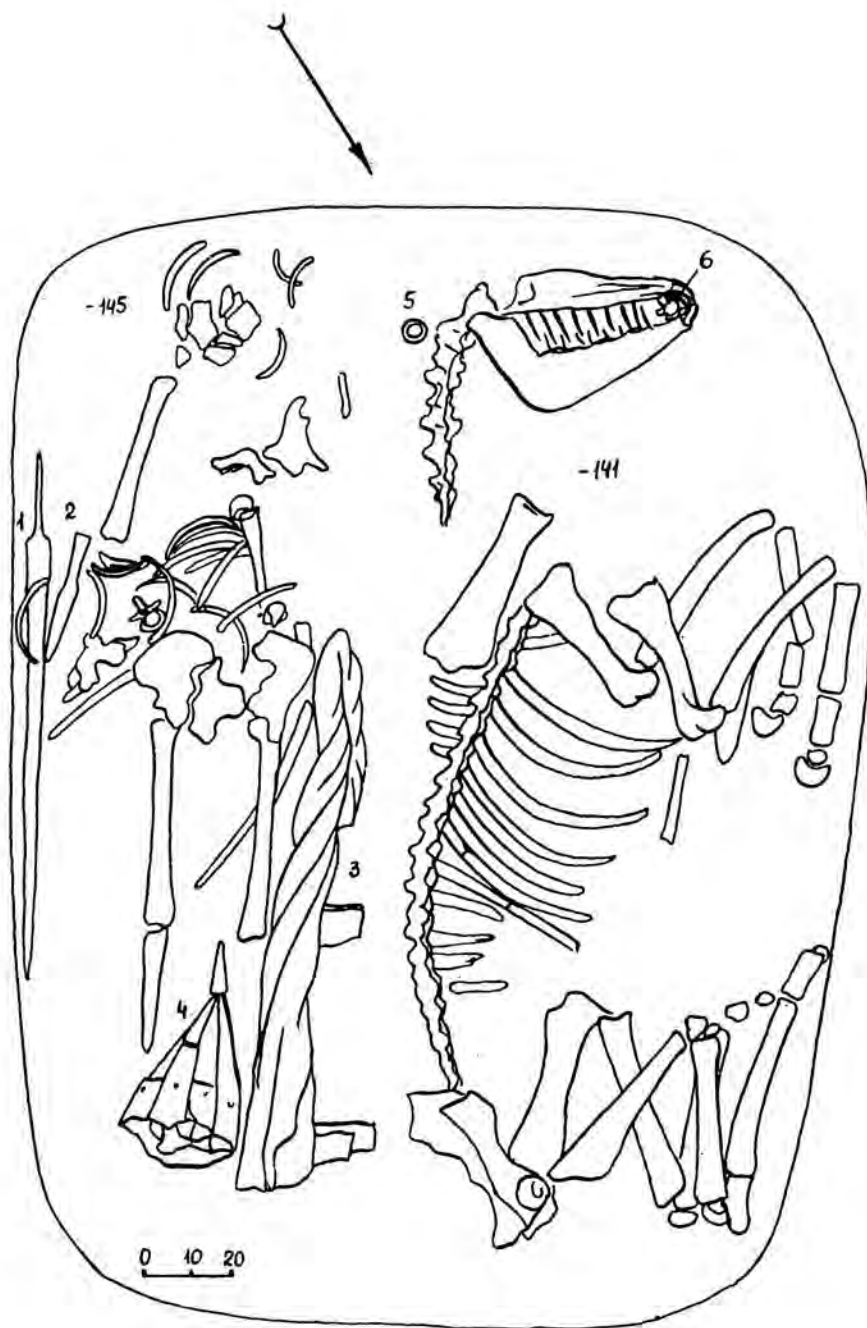

Рис. 55. План погребения 10 с шлемом, кольчужой, мечом и копьём
(по А.А. Сазонову)

стягивавшийся при помощи специальных пряжек. Его украшали ряды бронзовых колец, придававших кольчугам нарядный вид. В нижней части такие кольчуги имели разрез спереди и сзади, позволявший сидеть в седле. Длинные полы защитного доспеха могли оборачиваться вокруг ног и крепиться в районе колена и на голени кольчужными лентами, наличие которых было зафиксировано в погребении 10. Хотя по приблизительным оценкам вес подобной кольчуги мог достигать 12–15 кг, двигаться в ней было достаточно легко и удобно. Видимо, той же цели должны были служить короткие рукава, вряд ли опускавшиеся ниже локтей, чтобы в бою не стеснять действий воина, способного благодаря этому наносить быстрые и неожиданные удары. Судя по отпечаткам, под кольчугу надевалась кожаная или стёганая полотняная рубаха для предохранения от ушибов, которые могли быть весьма чувствительны, даже если меч или другое оружие не повреждало кольчужных колец.

Самые ранние изображения в боспорском искусстве каркасных шлемов и длинного защитного доспеха можно видеть в росписи склепа последней трети I в. н. э., открытого в 1841 г. директором Керченского музея А. Б. Ашиком и, возможно, принадлежавшего одному из боспорских царей. В первой камере этого склепа представлена батальная сцена, скопированная художником А. М. Стефанским сразу после его открытия (рис. 9) (Ашик, 1845. Табл. IV; Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXVIII, 2)⁷⁵. Два отряда конных воинов с пиками наперевес во весь опор несутся здесь навстречу друг другу, а между ними уже лежит груда мёртвых тел. Группа боспорцев, атакующая в сомкнутом боевом порядке, представлена слева, что соответствует характерному для греческого искусства «направлению победителей». Это героизированные всадники с непокрытыми головами в длинных кафтанах, через треугольный вырез которых видны чешуйчатые панцири или нагрудники. Им противостоят воины в каркасных шлемах конической формы, два из которых имеют трёхчастное навершие. Они облачены в длинные пластинчатые панцири с рукавами до локтей. Рядом всадники в коротких чешуйчатых доспехах без рукавов. В первом случае фигуры воинов показаны в копии А. М. Стефанского несколько необычно — сидящими по-женски, что совершенно невозможно для тяжеловооружённого всадника. При этом разрез не показан, но он подразумевается, поскольку полы панциря облегают ноги всадников, образуя нечто вроде широких штанин⁷⁶. Оставляя

⁷⁵ К сожалению, М. И. Ростовцев опубликовал только чёрно-белые копии фресок из склепа. Впервые цветная копия интересующей нас сцены издана совсем недавно: Burgunder, 2019. P. 217, fig. 7; P. 233. Pl. IV.

⁷⁶ В качестве аналогии можно сослаться на средневековые кольчуги «хауберк», которые были для европейских рыцарей конца XI — первой половины XII в.

в стороне длящуюся больше ста лет дискуссию по поводу «женской» посадки этих конных воинов, следует высказать предположение, что расписавший склеп мастер в этой сцене, пренебрегая реализмом, стремился показать особенности защитного вооружения противников, с которыми ранее боспорцам сталкиваться не приходилось⁷⁷. Интересно отметить, что во второй камере склепа персонажи в стилизованных конических шлемах, в том числе и с трёхчастным навершием, появляются уже в полуобнажённом виде в роли участников гладиаторских игр (Ростовцев, 1913б. Табл. ХС, 1), что, очевидно, должно было лишний раз напомнить о победе в столкновении с новыми врагами Боспора.

Судя по росписям более поздних Стасовского склепа 1872 г. и склепа 1873 г. (Ростовцев, 1913б. Табл. LXIV; LXXIX), с начала II в. н. э. каркасные шлемы прочно вошли в состав защитного вооружения боспорской армии (рис. 56, 57), хотя на надгробиях их изображения, демонстрирующие такую же или более сложную конструкцию, встречаются уже в I в. н. э. Редким примером достаточно детального изображения каркасного шлема является рельеф на стеле Родона, сына Гелиоса (рис. 58). Изображённый на нём воин держит в левой руке большой овальный щит с умбоном. Рядом представлен мальчик с коническим шлемом в руках (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 195, рис. 96), который полностью соответствует варианту 1

Рис. 56. Батальная сцена в росписи Стасовского склепа 1872 г.

главным видом защитного вооружения. Кольчужная рубаха в данном случае имела короткие рукава и подол до колен или даже до середины голени, как это можно видеть в сценах битвы при Гастингсе 1066 г., изображённых на гобелене из Байё. Полы кольчуги при этом для удобства верховой посадки оборачивались вокруг ног (Алексинский и др., 2005. С. 232, 237).

⁷⁷ Не исключено, что такую же особенность использования защитного доспеха пытался передать скульптор, изобразивший на рельефах колонны Траяна сарматских всадников в облегающих чешуйчатых штанах (см.: Cichorius, 1896. Pl. XXVIII).

Рис. 57. Поединок всадников в росписи пантикапейского склепа 1873 г.

Рис. 58. Изображение каркасного шлема на стеле Родона, сына Гелия

шлемов из могильника у хут. Городского. Здесь четко выделены вертикальные полосы, образующие основу каркаса и скрепляющее их округлое навершие. Правда, в данном случае имеется дополнение в виде прямоугольного нащёчника. На другой стеле, поставленной на могиле Менофила, сына Демострата (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 195, рис. 95), каркасный шлем защищает голову пешего воина с копьём (рис. 59). Его передняя часть, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулью, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые нащёчники, соединённые подбородочным ремнём.

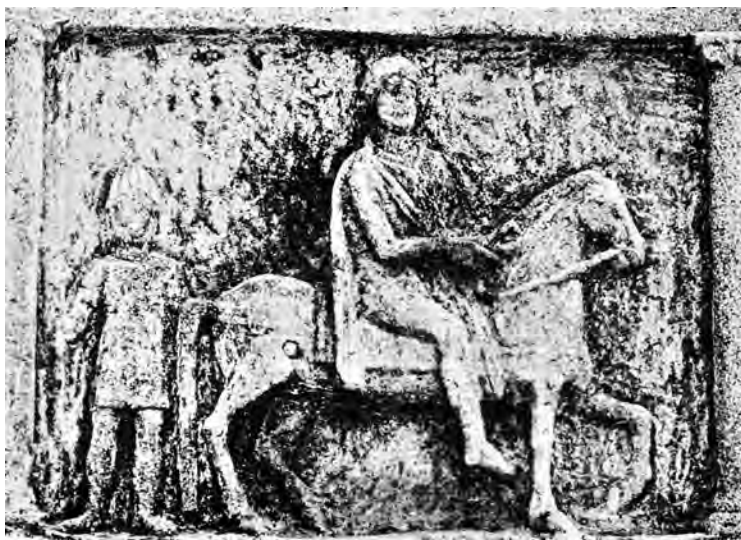

Рис. 59. Воин в каркасном шлеме на стеле Менофила, сына Демострата

Железные кольчуги, судя по всему, не получили на Боспоре широкого распространения. Из памятников изобразительного искусства можно сослаться только на обнаруженное в Горгиппии уникальное мраморное надгробие первой половины I в. н. э., принадлежавшее Фаллону, сыну Пофа. Он изображён в кольчуге с полукруглым вырезом в районе шеи и короткими рукавами (Новичихин, Галут, 2013. С. 46) (рис. 60). Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что кольчужой является защитный доспех с короткими рукавами без разрезов длиной до бёдер, в который облачён катафрактарий на фреске из склепа 1873 г. (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 216, рис. 110). В пользу этого говорят контур доспеха, переданный волнистой линией, и особая манера трактовки его фактуры короткими сдвоенными и параллельными штрихами. Находки фрагментов кольчуг первых веков нашей эры в боспорских городах единичны (Виногра-

Рис. 60. Всадник в кольчуге на рельефе мраморной стелы Фаллона, сына Пофа

дов, Горончаровский, 2009. С. 216), что не исключает их производства на заказ для соседних варваров, особенно для союзников Боспора. На подобного рода отношения с конной дружиной, оставившей погребения с оружием близ хутора Городского, могут указывать находки там двух однотипных серебряных канфаров, на ручках одного из которых в пуансонной технике изображена тамга боспорского царя Риметалка (131/132–153/154 гг. н. э.) (Сазонов, 1992. С. 247). В таком случае сарматские воины могли отказаться от использования чешуйчатых и ламеллярных доспехов и сделать кольчугу главным элементом своего защитного вооружения.

Во всех погребениях воинов с кольчугами, кроме одного, представлены мечи типа 2 (по А. М. Хазанову) длиной от 0,72 до 1,05 м, постепенно сужающиеся к острию (Хазанов, 2008. С. 50) (см., напр., рис. 2, 9). Такая длина обусловлена тем, что подобное оружие предназначалось прежде всего для нанесения прямого рубящего удара с коня и функционально должно было быть достаточно длинным⁷⁸. Мечи имеют треугольное основание клинка шириной 3,2–5 см, плавно переходящее в штырь рукояти длиной до 0,16 м, на которую обычно насаживали навершие. На отдельных клинках сохранился древесный тлен от ножен с железными скобами или кольцами для портупейных ремней, которыми они крепились к поясу. Скобы там, где их удалось зафиксировать, находятся в верхней части ножен на расстоянии около 1/3 их длины от устья. Так же они расположены на ряде боспорских надгробий (см., например: Kieseritzky, Watzinger, 1909. № 647). Благодаря скобе ножны меча могли свободно скользить по портупейному ремню, а в случае необходимости — легко сниматься, так как портупея обычно крепилась к нему при помощи пряжки. Возможно, именно в этом качестве следует рассматривать бронзовую прямоугольную пряжку (4,2×2,5 см), найденную близ меча в погребении 16 у места перехода от рукояти к клинку (Сазонов и др., 1995. С. 118, рис. 2, 7). Что касается кинжалов, то данный вид наступательного оружия обнаружен только в погребении 6: это кинжал длиной 0,4 м, по форме соответствующий мечам типа 2.

Однотипные наконечники копий длиной 0,22–0,28 м сохранились в трёх погребениях (1, 4, 10). Все они имеют листовидное перо, вдоль которого проходит валикообразное продолжение втулки диаметром 3–3,5 см (рис. 61, 4). Наибольшая ширина пера — около 5 см. Длина древков таких копий, учитывая их диаметр, вряд ли превышала 3 м. Видимо, они использовались для первого, таранного удара по противнику, после чего часто ломались, как это можно видеть в росписи пантикапейских склепов.

Наконечники дротиков (погребения 6, 8, 10), в отличие от копий, ромбовидные в сечении. Только один из них имеет длинную втулку (0,14 см) и небольшое треугольное перо. Этот список предметов вооружения можно дополнить находками в погребении 6 боевого крюка и трёхлопастных черешковых наконечников стрел.

Итак, комплекты предметов наступательного и защитного вооружения из могильника у хут. Городского дают достаточно оснований для реконструкции вооружения знатного воина одной из сарматских группировок, кочевавших у восточных рубежей Боспорского царства. Представленная А. А. Сазоновым по материалам погребений 1 и 10 графическая реконструкция кольчужного облачения сарматского всадника (Сазонов, 1992. С. 274, рис. 16) (рис. 62) в настоящее время может быть отчасти пересмотрена

⁷⁸ Тацит, описывая события 69 г. в Мёзии, упоминает длиннейшие мечи сарматских всадников (Тас. *Hist.* I. 79).

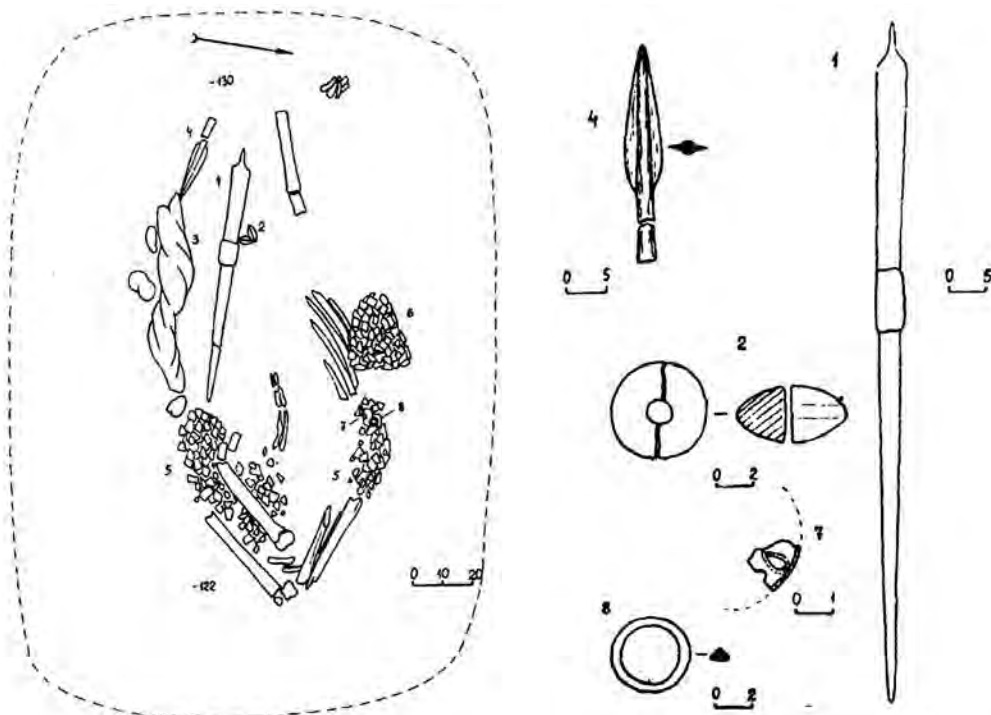

Рис. 61. План погребения 4 из могильника у хут. Городской и найденные в нём предметы вооружения: 1 — меч; 2 — янтарное навершие меча; 3 — кольчуга; 4 — наконечник копья (по А.А. Сазонову)

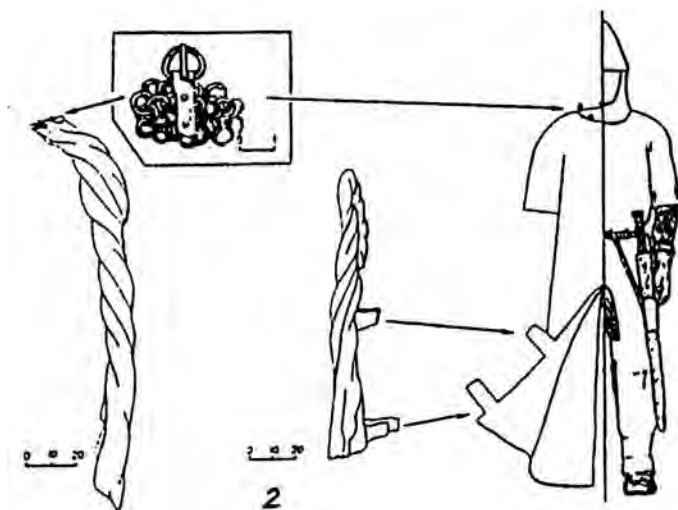

Рис. 62. Реконструкция вооружения воина по материалам могильника у хут. Городской (по А.А. Сазонову)

*Рис. 63. Сарматский тяжеловооружённый всадник II в. н. э.
Реконструкция В.А. Горончаровского и В.Б. Мартирова*

2.9. Военно-политическая история Боспорского царства со второй половины I до середины III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн⁷⁹

После Митридатовских войн Боспорское царство оказалось в ситуации, когда, при всей значимости взаимодействий с ираноязычным варварским окружением, определяющим фактором для его внешней политики становятся контакты с Римом. За последующий период, занявший более ста лет, Боспор с периодическими колебаниями прошёл путь от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального царства. Завершение этого процесса обозначила Боспорская война 45–49 гг., которая способствовала формированию более взвешенной политики Римской империи применительно к этому государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск (Горончаровский, 2003а; см. также § 2.1 этого издания).

Со времени правления Котиса I (45/46–67/68 гг. н. э.) Боспор последовательно выступает как верный союзник Рима, постоянный контроль над которым осуществлялся через провинцию Вифиния-Понт (Ростовцев, 1917. С. 128 сл.; Шмалько, 1985). В случае возникновения серьёзных проблем, связанных с внутривосточной жизнью этого государства, их окончательное разрешение могло быть вынесено на суд императора (*Iul. Cap. Ant. Pius*. 9. 8). Обычно местные правители старались всячески продемонстрировать свою лояльность установкой статуй и посвященных надписей и даже исполняли обязанности первосвященников императорского культа (Блаватский, 1985. С. 191–195). Судя по росписи пантикапейского склепа 1841 г., со второй половины I в. в столице Боспора входят в употребление обычные для римлян развлечения: гладиаторские бои и травля диких животных (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXIX, 1; ХС, 2; Горончаровский, 2013). Рим был заинтересован в сохранении Боспорского царства, расположенного на границе евразийских степей, прежде всего как важного фактора поддержания военно-политической стабильности в причерноморском регионе. Основными задачами правителей Боспора становятся усиленное обеспечение безопасности подвластных им земель и сопредельных территорий за счёт собственной военной силы, поддержание безопасности морских торговых путей вдоль восточного побережья Понта и предоставление точной информации о передвижениях варварских племён. Для реализации таких целей могла предоставляться финансовая поддержка⁸⁰, а также инженерные кадры для укрепления обороны рубежей

⁷⁹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2005.

⁸⁰ Такой вывод можно сделать из сообщения Лукиана о визите послов боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора к наместнику Вифинии (*Luc. Alex.* 57). Противоположно

царства. В правление Домициана подобная практика засвидетельствована по отношению к царю даков Децебалу (Dio Cass., LXVII. 7. 1–4), получившему статус «друга цезаря и друга римлян» (Кругликова, 1955. С. 63). Часть денежных средств, поступавших на Боспор (Ростовцев, 1917. С. 129–130; Гайдукевич, 1949, с. 333, 450; Доватур, 1959. С. 38; Кругликова, 1966б. С. 23; Шелов, 1981. С. 60–62), видимо, предназначалась на выплаты, сопровождавшиеся дарами, варварским вождям для обеспечения их действий в римских интересах или предотвращения нападений на территорию империи, если демонстрация силы по тем или иным причинам была невозможна (Гайдукевич, 1949. С. 345–346; Гайдукевич, 1955. С. 181; Gajdukevič, 1971. S. 367–368). В целом это была обычная дипломатия в отношении пограничных племён. Вероятно, таким образом следует объяснять присутствие предметов римского импорта в основной группе погребений так называемого «Золотого кладбища» в Прикубанье, возникшего как раз в середине I в. н. э. (Щукин, 1994. С. 208; Гущина, Засецкая, 1994. С. 36–37). В связи с этим можно вспомнить о ежегодных выплатах роксоланам при Траяне и Адриане (Ael. Spart. *Vita Adr.* I. 6, 8) и покупке последним мира у варварских царей (Ael. Spart. *Vita Adr.* I. 17. 10–11). Политические интересы Рима вполне могли дополняться и экономическими соображениями. Ведь в случае ведения военных действий на восточной границе империи Боспорское царство, очевидно, использовалось как база для снабжения римской армии хлебом, рыбой, скотом и кожей (Ростовцев, 1917. С. 111 сл.; Ростовцев, 1989. С. 129; Гайдукевич, 1949. С. 352).

По крайней мере с частью поставленных перед ним задач Котис I справлялся достаточно успешно. В частности, об установлении им контроля над территорией ахейцев, занимавшихся морским пиратством на кавказском побережье южнее Горгииппии (Strab. XI. 2. 12), свидетельствует эгегическая надпись на мраморной плите, найденной к северу от Аджимушка: «Этот обильно льющийся источник явила доблесть сына Аспурга, благочестивого Котиса, вознёсшего старинную славу земли и предков и владеющего всеми скипетрами инахийцев» (КБН. 958)⁸¹. Продолжилось укрепление обороны подступов к столице царства, Пантикапею, с западной стороны: заново возводится крепость на городище Артезиан (античная Пароста?) и укрепления Илурата (Винокуров, 2012. С. 95; Goroncharovskiy, 2019. P. 385)⁸².

положительную точку зрения относительно того, что речь идёт не о субсидиях, а ежегодной подати, см.: Латышев, 1909. С. 116; Максимова, 1956. С. 321; Зубарь, 1998. С. 80–81.

⁸¹ В данном случае это поэтический аналог конкретного этнонима: речь в последнем стихе надписи идёт об управляемых скептухами ахейцах.

⁸² При этом в обоих случаях отмечено использование в оборонительных стенах рустованной кладки, характерной для римских фортификационных сооружений первых веков нашей эры во Фракии (Иванов, 1980. С. 49, 91, 118, 208).

С другой стороны, противостоять возросшей во второй половине I в. н. э. военной активности варварских племён Таврики было всё сложнее. Когда около 62 г. н. э. скифы осадили Херсонес, Боспор не смог оказать ему эффективного содействия, по-видимому, из-за прекращения поступления римских денежных субсидий вследствие тяжёлого финансового положения империи при Нероне. Потребовалось организовать специальную военную экспедицию наместника римской провинции Нижняя Мёзия Тита Плавтия Сильвана, чтобы ликвидировать эту угрозу (Зубар, 1988; Зубар, 1994. С. 26–27; Зубарь, 1998. С. 43; Шмалько, 1990). Символично, что именно в 62/63 г. н. э. на золотых боспорских статерах исчезает монограмма Котиса I, которую сменяет монограмма Нерона (Анохин, 1986. С. 97; Фролова, 1997а. С. 87–88), после чего их выпуск прекращается. Медная чеканка в этот период сближается с римской провинциальной системой (Смекалова, 2001. С. 336). Возможно, таким образом готовилось преобразование Боспорского царства в провинцию (Анохин, 1999. С. 143; Панов, 2012б. С. 182).

В дальнейшем значительные силы империи были заняты на дунайской границе, и она уже не могла жёстко контролировать ситуацию на северных берегах Понта. Видимо, практически самостоятельно вёл войны с соседними варварами сын Котиса I — Рескупорид I (67/68–92/93 гг. н. э.). Очевидно, это были не только крымские скифы, столица которых, Неаполь, со второй половины I в. н. э. переживает период постепенного запустения практически всех известных строительных комплексов и представляет собой столичную крепость, фактически «укреплённый лагерь кочевых юрт» (Зайцев, 2003. С. 44). Военный потенциал поздних скифов вообще не следует переоценивать. При отсутствии среди них политического единства (Пуздровский, 2001. С. 99) для организации масштабных действий против Херсонеса или Боспора были необходимы союзники из числа сарматов, кочевавших к югу или северу от Перекопа. Такая ситуация сложилась уже с конца II в. до н. э., когда войску понтийского полководца Диофанта наряду со скифами противостояла конница роксоланов. Собственно, сарматы могли совершать набеги на владения Боспора и сами по себе.

О возросшей самостоятельности Боспора свидетельствуют изменения в его монетной чеканке. С 81 г. н. э. на аверсе золотых статеров изображается бюст боспорского царя с именем и титулом, а голова правящего императора помещается на реверсе (Анохин, 1986. С. 100). Очевидно, для покрытия возросших расходов на военные нужды при Рескупориде I чеканится большое количество дупондиев и сестерциев из аурихалка. Этот специальный сплав поступал на Боспор с территории Римской империи, которая была монополистом в производстве и применении этого металла (Grant, 1946. Р. 88; Смекалова, 2001. С. 341). Соответствующая чеканка, вероятно,

должна была осуществляться с санкции римских властей (Фролова, 1997. С. 153; Смекалова, 2001. С. 337). На медных монетах конца правления этого царя появляются его изображения у победного трофея с коленопреклонённым пленником; скачущего с копьем всадника; богини победы Ники и конной статуи над воротами крепости (Анохин, 1986. С. 154, табл. 14, 379–382; 15, 385). Правда, такие средства наглядной пропаганды, естественно, игнорировали допущенные просчёты или поражения. Скорее всего, именно тогда подверглись разрушению крепость Илурат (Горончаровский, 2002б. С. 70) и расположенная неподалеку укреплённая усадьба у с. Михайловка (Петерс, 1978. С. 117 сл.).

К числу непосредственных участников военных событий периода правления Рескупорида I и его сына Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.) относятся два брата — Парфенокл и Антимах, чьи имена присутствуют в посвящении «богам, дарующим победу» по поводу войны со скифами (КБН. 32). Ещё В. В. Латышев убедительно сопоставил их с упоминаемыми в других надписях Ульпием Парфеноклом и Ульпием Антимахом, сыном Мастуса (IRE. I². 203; КБН. 628, 697; см. также комментарий к КБН. 32). Весьма вероятно, что их отцом был некий Мастус, недавний выходец из сарматской среды, согласно его стихотворной эпитафии, «почесть стяжавший царей и сограждан, обычаем добрый» (КБН. 138). Парфенокл, судя по всему, был старшим братом и имел более прочные позиции при дворе. Очевидно, именно он является тем крупным политическим деятелем, который чествовался как воспитатель царя Савромата, а также победитель аланов, скифов и тавров, в известном энкомии из Пантикапея, датирующемся первой четвертью II в. н. э. (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42–44). Такая мысль без развернутого обоснования уже высказывалась ранее (Грингоф, 2011. С. 32–36), и она более приемлема, чем сделанное С. Ю. Сапрыкиным предположение относительно того, что адресатом энкомия являлся некий пантикапеец, сын Диофанта, согласно (КБН. 1048), воздвигнувший в Гермонассе статую своего благодетеля царя Савромата I и более ничем не известный (Сапрыкин, 2005. С. 72). Подробно перечисляются воинские должности и награды чествуемого лица, своего рода *cursus honorum*: хилиархия и золотые знаки отличия, далее командование авангардом Фракийской тагмы и «строем голплитов». В энкомии говорится о его мужестве в сражении с врагами, судя по контексту, аланами, нападшими на Азиатский Боспор. Далее речь идёт о поездке его к императору, который находился не столь далеко от места событий, и указаниях последнего относительно урегулирования отношений между Боспором и аланскими царями. Достаточно обоснованной выглядит точка зрения С. Ю. Сапрыкина и В. Н. Парфёнова относительно того, что неназванный в надписи император, вызвавший к себе боспорско-

го военачальника для личного доклада о военно-политической обстановке в Северо-Восточном Причерноморье, это Домициан (Сапрыкин, Парфёнов, 2012. С. 179–180). Как известно, в 91–92 гг. он вёл военные действия на Дунае против свевов и сарматов и возвратился в Рим только в январе 93 г. (Suet. *Dom.* 6; Tacit. *Agric.* 4; см. также: Колосовская, 2000. С. 52).

Поскольку Парфенокл занимал ранее нигде не засвидетельствованную должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, которую можно трактовать как «наместник царства», не исключено, что она была создана Рескупоридом I специально для этого крупного военачальника, чтобы тот руководил государством от имени юного наследника до того момента, когда тому придёт срок занять царский трон. Таким образом можно было обеспечить преемственность власти до того момента, когда новый правитель Боспора будет утверждён в своих правах в Риме. Показательно, что в датированной 93/94 г. н. э. посвянительной надписи КБН 42 об установке в Пантикапее статуи Рескупорида I будущий царь Тиберий Юлий Савромат нарочито подчёркивает своё право на власть, упоминая не только отца, но и имена предков-царей: своего деда Котиса I и прадеда Аспурга. Поскольку это надпись, где Савромат, видимо, уже объявленный номинальным соправителем, еще не имеет царского титула, хотя первые отчеканенные от его имени статеры датируются тем же годом, Рескупорид I скончался, скорее всего, в конце 93 г.⁸³

О сложной военно-политической обстановке и финансовых проблемах в данный период свидетельствует тот факт, что после ограниченного выпуска статеров Савромата I в 93/94 г. н. э. последовал перерыв в их чеканке на три года (Фролова, 1999б. С. 132, 136). Первая серия меди тех лет отчеканена единовременно всего четырьмя штемпелями, использовавшимися для монет всех типов, и демонстрирует на аверсе повёрнутый влево бюст царя⁸⁴, что довольно необычно. Как считает М. М. Чореф, такая ориентация портрета правителя должна была привлечь внимание населения Боспора (Чореф, 2019б. С. 583), и в этом с ним можно согласиться. Действительно, монеты всегда служили доступным средством политической пропаганды, и помещённые на реверсе такие сюжеты, как бюст Афродиты Апатуры, Ника с пальмовой ветвью и венком, городские ворота с башнями и фигурой пленницы (Фролова, 1999б. С. 134–135; Чореф, 2019б. С. 585, 588), должны были продемонстрировать, что, с одной стороны, молодой царь пользуется высоким божественным покровительством, с другой — что, несмотря

⁸³ Последний датированный статер Рескупорида I относится к 389 г. б. э. = 92/93 г. (Чореф, 2019а. С. 33–35).

⁸⁴ По мнению Н. А. Фроловой, он отличается «грубым, схематично выполненным воспроизведением черт лица» (Фролова, 1999б. С. 135) и это говорит о том, что соответствующие штемпели вырезались в спешном порядке.

на возраст, при нём государство не только успешно отражает натиск врагов, но и одерживает крупные победы. Впоследствии наглядным отражением для подданных совершеннолетия Савромата I, формально уже не нуждавшегося в серьёзной опеке, видимо, стало помещение в 97/98 г. н. э. (Фролова, 1999б. С. 142, 144) на лицевой стороне боспорских сестерциев погрудных бюстов царя и царицы, обращённых друг к другу, что должно было обозначить заключение брачного союза.

Очевидно, Парфенокл в роли регента сыграл на данном этапе довольно значительную роль в истории Боспора. Показательно, что прибывший на Боспор не ранее апреля 98 г. н. э. с особой дипломатической миссией Марк Ульпий Прим (КБН. 43; см.: Парфёнов, 2009. С. 353–354) как посланник императора Траяна предоставил от его имени права римского гражданства только двум представителям местной элиты — Парфеноклу и его брату, как наиболее влиятельным на тот момент людям в окружении царя Савромата I. Другие случаи получения боспорцами римского гражданства в период правления Траяна неизвестны.

Возвращаясь к пантикапейскому энкомию, в отношении других упомянутых в нём военных событий отметим, что впоследствии чествуемый государственный деятель предпринял военный поход против тавроскифов и оказался близ Херсонеса. Здесь он встретил несколько царей, очевидно, скифов и тавров, направлявшихся для заключения союза с аланами, и не только отвратил варварских вождей от подобных намерений, но и взял с них клятвы верности. Далее упоминается племя псеханов как объект пристального внимания самого царя и прямо говорится о войне со скифами и подчинении тавров (Сапрыкин, 2005. С. 46).

С этими действиями боспорского военачальника можно сопоставить обрывочную надпись того же времени из Херсонеса (IPE. I². 369), в которой говорится о нападении на город и его сельскую территорию соседних варваров: скифов, савроматов и их союзников (тавров?), пожарах и пр. При этом упоминается некто, чествуемый в декрете, прибывший на 12-й день и принявший необходимые меры. В заключительной части надписи, видимо, шла речь о мирных переговорах со скифским царём, возглавлявшим этот поход (Соломоник, 1990. С. 28). Такая оперативная военная помощь, как считал М. И. Ростовцев, могла быть оказана только Боспором (Ростовцев, 1916б. С. 14)⁸⁵. Возможно, на какой-то момент в сферу деятельности Парфенокла или его брата попал Танаис⁸⁶, так как некий Марк Ульпий упомянут пер-

⁸⁵ В. М. Зубарь полагал, что чествуемое в декрете лицо — это наместник Мёзии Тит Плавтий Сильван (Зубарь, 2004. С. 16–18).

⁸⁶ Об усилении оборонительных сооружений города см.: Шелов, 1972. С. 13–15; Болтунова, 1964. С. 204.

вым после датировочной формулы с титулатурой правящего царя в реконструированной А. И. Иванчиком и С. Р. Тохтасьевым надписи фиаса из Та-наиса (Иванчик, Тохтасьев, 2019. С. 998–999).

Текст энкомия, судя по наличию пазов, частично сохранился на средней из трёх мраморных плит, когда-то вставленных в большой погребальный монумент, который могла увенчивать портретная статуя. Подобные почести по отношению к частному лицу на Боспоре носят настолько уникальный характер, что могли быть санкционированы только царём за особые заслуги. В случае если монумент действительно связан с Ульпием Парфеноклом, которого, как считал М. И. Ростовцев, можно отождествить с боспорцем Марком Ульпием Парфеноклом (Ростовцев, 1915. С. 12–13), погибшим на чужбине и погребённым в Ольвии в первой четверти II в. н. э. (IOSPE. I². 203)⁸⁷, то в память о нём в Пантикапее был воздвигнут отдельно стоящий кенотаф или героон.

Как уже отмечалось, серьёзная опасность угрожала Боспору в этот период на его азиатской стороне, где разворачивается бурное фортификационное строительство⁸⁸. Особенно грандиозные строительные работы проводились в Горгииппии, где найдена мраморная плита, сохранившая следующие строки: «...великий царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов и благодетель отечества, снесённые стены города воздвиг от основания, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков...» (КБН. 1122). В Кепях сооружается мощный земляной вал, который, тем не менее, не спас город от захвата неприятелем, а Патрей и не менее семи укреплений на Фонталовском полуострове подверглись внезапному разрушению (Толстиков, 1992. С. 54 сл.). Скорее всего, эта угроза исходила от племени псеханов, против которых в 109–113 гг. Савромату I пришлось предпринять несколько походов (Яйленко, 1990б; Левченко, 1999), при этом была взята какая-то крепость (КБН. 980, 981, 1048). Личное участие царя в военных действиях и проявленная им «доблестная отвага» были увековечены на средства хранителя дворцовой казны Тиберия Юлия Фавмаста в картине, помещённой в специально выстроенное для неё сооружение (КБН. 45). В данном

⁸⁷ В любом случае присутствие этого и других надгробий знатных боспорцев — Тита Флавия Ахемена и Адоста, сына Арсака (IPE. I². 202, 204), а также Стратона, сына Промаха (IPE. I². 229), — в ольвийском некрополе позволяет говорить о сотрудничестве Боспора с Римом в решении различного рода военных задач на территории Северного Причерноморья (Зубарь, 1998. С. 70–75).

⁸⁸ Непомерное финансовое бремя, которое взвалила на себя царская казна, вызвало в 98–118 гг. н. э. в очередной раз чрезвычайно обильный выпуск сестерциев (Зограф, 1951. С. 204; Смекалова, 2001. С. 337).

случае он следовал существовавшей в Риме практике, когда заказывались и выставлялись картины с изображением того, как велась война, чтобы живопись говорила о подвигах императора (ср.: Iul. Capit. Duo Max. XII. 10). Судя по одной из посвячительных надписей (КБН. 44), другим памятником военным успехам могло стать основание на Таманском полуострове, видимо, на месте победоносного сражения, города Никеи (Яйленко, 1987. С. 45, 112). Изображения, связанные с военной тематикой, особенно часто встречаются на монетах этого времени: царь на скачущем коне, Ника с венком и пленник на коленях у городских ворот, фланкированных двумя башнями (Анохин, 1986. С. 155–157, табл. 16, 415–417; табл. 18, 458–461; табл. 19, 468). Показательно резкое увеличение на территории азиатских владений Боспора около рубежа I–II вв. погребений с оружием (около 14%) по сравнению с предшествующим периодом I в. до н. э. — I в. н. э., когда они составляли около 1,5% (Масленников, 1990. С. 57).

Внешняя политика Боспора при Савромате I по-прежнему носит римский характер. Не случайно он характеризуется как «выдающийся друг императора и римского народа» (КБН. 46). В то же время в ряде надписей этот правитель в первый и последний раз после Фарнака выступает как «великий царь царей всего Боспора» (КБН. 1048), что свидетельствует об известной самостоятельности (Цветаева, 1979. С. 18; Шелов, 1981. С. 58). В сочетании с изменениями в монетных типах (Фролова, 1968) и данными о разрушениях цитадели Пантикапея и крепостей Фонталовского полуострова данное обстоятельство позволило В. П. Толстикову выдвинуть «реконструктивную схему» важнейших событий военно-политической истории Боспора между 101/102 и 108/109 гг., согласно которой этот период ослабления римского влияния завершился карательной акцией римской администрации (Толстиков, 1992). Впрочем, как справедливо заметил С. Ю. Сапрыкин, доступные нам датированные надписи времени Савромата I в отношении элементов титулатуры не укладываются в предложенную хронологическую нишу «самостийности» Боспора (Сапрыкин, 1997. С. 90). Действительно, в надписях 104–105 гг., упоминающих боспорского царя, он именуется не только «другом цезаря и другом римлян» (КБН. 1021, 1045, 1115, 1259), но и «пожизненным первосвященником августов» (КБН. 1045). Наименование его «великим царём» присутствует только в посвячительной надписи 117 г. н. э. (КБН. 44), когда у Боспора, по В. П. Толстикову, сепаратистские тенденции должны были уже отсутствовать. Отмеченное изменение в титуле прослеживается в связи с победами, одержанными в войнах с варварскими племенами после 110 г. (Блаватская, 1976. С. 95–97; Сапрыкин, 1997. С. 92). Донесения о них или любых передвижениях варварских племён, угрожавших римским провинциям, немедленно отправлялись

в Рим. Именно так следует расценивать сообщение о срочном посольстве, отправленном Савроматом I около 111 г. н. э., сохранившееся в переписке наместника провинции Вифиния Плиния Младшего с Траяном (Сапрыкин, 1998. С. 199). В частности, он извещает его: «Царь Савромат написал мне, что ты должен как можно скорее о чём-то узнать» (Plin. Sec. *Epist.* X. 63, 64, 67). По мнению Б. Функа, письма Плиния Младшего о посольстве Савромата I были связаны с очередным усмирением аланов (Функ, 1992. С. 77; ср.: Яценко, 1992. С. 48).

Военные успехи Савромата I не избавили западную границу государства от новых нападений. Ещё раз усмирять скифов, уже на первом году правления, пришлось его сыну, Котису II (123/124–132/133 гг. н. э.), о чём говорится в посвящении наварха Трифона (КБН. 33). В целом в это время положение Боспора, снова поставившего под свой контроль Херсонес, было достаточно стабильным. Впрочем, даже освободившись от этой зависимости, Херсонес был вынужден вести переговоры с боспорским царём Риметалком (131/32–153/154 гг. н. э.) о заключении союза, очевидно, оборонительного, для отражения нападений варварских племён (IRE. I². 423). Натиск тавроскифов пришлось испытать тогда и Ольвии, куда затем был введён римский гарнизон. Постоянная угроза с их стороны привела к усилению римского военного присутствия и в Крыму, где на мысе Ай-Тодор была возведена крепость Харакс (Зубарь, 2000. С. 193). Усилилось в эти годы давление варваров и на границы Боспора, а также восточные провинции Римской империи. Судя по количественному анализу находок римских монет на территориях за пределами античных центров Северного Причерноморья, в этот период, при императорах Антонине Пие и Марке Аврелии, особенно активно проводилась политика замирения врагов империи с помощью денег (Кропоткин, 1961. С. 32), хотя она не всегда достигала цели.

Около середины II в. н. э. Танаис пережил какую-то военную катастрофу, сопровождавшуюся пожарами и разрушениями не только домов, но и оборонительных башен (Арсеньева, Науменко, 2001. С. 59–60), восстановление которых и постройка новых зафиксированы многочисленными строительными надписями (Шелов, 1972. С. 269 сл.). Эти события связывают с укреплением между 150 и 180 гг. на новых территориях западной группировки «поздних сарматов», представленной племенами танаитов и асеев (Шелов, 1974. С. 92; Даньшин, 1990; Яценко, 1993. С. 84–85). Видимо, в результате дипломатических усилий и стремления боспорских царей укрепить Танаис как форпост для борьбы с враждебными варварскими племенами танаиты заняли в этом городе достаточно привилегированное положение (Яценко, 1989. С. 91; Завойкина, 2004). Появление новой этнической группировки, вошедшей в состав населения Танаиса, фиксируется

и по материалам некрополя, где появляется участок с курганами ярко выраженного степного облика (Толочко, 2003. С. 257). Какие последствия имело появление на Боспоре новых выходцев из сарматской кочевой среды для развития местного военного дела, трудно сказать. Возможно, с этой миграцией связано распространение в Северо-Восточном Причерноморье длинных мечей с прямым основанием клинка (ср.: Марченко, 1996. С. 57–58).

В начале 170-х гг. пришёл в движение варварский мир Северного Причерноморья к западу от Танаиса. Натиску сарматских племён в это время не раз подвергались дунайские провинции империи. Та же судьба, вероятно, постигла владения Херсонеса и Боспора. Скорее всего, не случайно между 170/171 и 173/174 гг. прекращается боспорская монетная чеканка. В. М. Зубарь и М. В. Скржинская считают, что это было вызвано увеличением размеров трибута, выплачивавшегося Боспором Риму, в связи с финансовыми трудностями последнего (Зубар, Скржинська, 1997. С. 122. ср.: Фролова, 1971. С. 62). Между тем перерыв в чеканке мог стать следствием не только экономического кризиса, но и ухудшения внешнеполитической обстановки. Видимо, в условиях надвигавшейся военной опасности на азиатской стороне Боспора были зарыты несколько кладов золотых статеров, в которых представлены главным образом монеты царя Евпатора (154/155–170/171) (Абрамзон и др., 2000. С. 60–61).

Наращивание военных сил империи на дунайской границе и удачные действия против языгов, видимо, позволили одновременно предпринять ряд внешнеполитических акций на территории Таврики. В начале 174 г. в Херсонес прибыл римский прокуратор провинции Нижняя Мёзия Тит Аврелий Кальпурний Аполлонид, который в декрете, изданном в его честь городскими властями (Антонова, Яйленко, 1995), назван «спасителем от окружившей город угрозы» и «предводителем по водворению у нас мира» (Виноградов, 1996. С. 57). Отсюда, скорее всего, следует, что непосредственной причиной прибытия в Таврику высокопоставленного представителя императора стала необходимость появления здесь римского военного отряда в связи с непосредственной опасностью для Херсонеса со стороны его беспокойных соседей (Антонова, Яйленко, 1995. С. 76, 81; Виноградов, 1996. С. 57–58; Смышляев, 1996). Возможно, такая же военно-дипломатическая миссия была предпринята и относительно Боспора. Показательно, что именно в 174 г. император Марк Аврелий именуется правившим тогда Савроматом II (173/174–210/211) благодетелем его и всего царства (КБН. 52). Впрочем, эти события лишь отсрочили новую угрозу для Боспора, продолжавшего усиление западной границы государства. В частности, близ линии Узунларского вала возводится от основания крепость Савроматий (Масленников, Чевелёв, 1983; Масленников, 1998.

С. 159–164, 254–255) и происходит коренная перестройка территории Илурата (Горончаровский, 2002б. С. 70).

В недавно найденном в Болгарии посвящении ветерана I Италийского легиона упоминается Боспорская война, в которой принял участие тогда ещё молодой солдат, избавленный по воле божества от многих опасностей в землях варваров (Овчаров, Овчаров, 1988; Зубарь, 1993. С. 36; Зубарь, 1998. С. 108–112; Сарновский, 2000). Посвящение было сделано не ранее второго десятилетия III в., когда служба дедиканта подошла к концу. В.М. Зубарь, относя пребывание военнослужащих I Италийского легиона в Таврике к концу 60-х гг. II — рубежу II–III вв., считает, что события этой войны падают на период между 186 и 193 гг. (Зубарь, 1993. С. 36; Зубарь, 1994. С. 110 сл.; Зубарь, 1998. С. 112 сл.). Т. Сарновский, основываясь на собственных наблюдениях относительно сбитой части надписи, восстановил в ней две буквы почётного наименования I Италийского легиона [Al]ex[andrianae] при императоре Александре Севере (222–235) и датировал события второй Боспорской войны периодом между 196 и 215 гг. (Сарновский, 2000. С. 248). Впрочем, подобные расчёты всегда достаточно условны. Действительно обычный срок службы составлял, как минимум, двадцать лет, но во II в. н. э. её продолжительность колебалась между двадцатью тремя и двадцатью шестью годами (Ле Боэк, 2001. С. 92–93), а в условиях продолжающихся военных действий могла затянуться и сверх законного срока. На практике некоторых солдат, «уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченными ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет» (Тас. *Ann.* I. 17).

Поскольку Савромат II явно делал ставку на укрепление связей с Империей, мы вправе предполагать, что название войны связано с театром военных действий (Сарновский, 2000. С. 248, прим. 17). Из выражения bello Bosporano, таким образом, следует, что основную территорию Боспорского царства затронули крупномасштабные военные действия, вызванные варварской угрозой, а не боспоро-римским противостоянием. Для предотвращения этой угрозы, видимо, потребовались совместные усилия боспорской армии и солдат I Италийского легиона, поскольку военнослужащие именно этого подразделения составляли основу для наиболее близко расположенных к Восточному Крыму гарнизонов Херсонеса и Харакса (Зубарь, 1998. С. 108–109). Они могли быть переброшены в район военных действий морем. Возможно, как и ранее в экстренных случаях, были привлечены вспомогательные войска из провинции Вифиния-Понт, откуда осуществлялся военно-политический контроль над ситуацией в Боспорском царстве (Speidel, French, 1985). Не исключено, что с этими событиями связаны два надгробия солдат IV Кипрской когорты Луция Волузия из центурии Секунда

и Гая Меммия (КБН. 691, 726), похороненных в Пантикапее. Малое число надписей с упоминанием военнослужащих римской армии объясняется кратковременностью военных акций, в которых они принимали участие, а затем возвращались в места своей постоянной дислокации⁸⁹.

Скорее всего, итоги именно этой Боспорской войны отразила дошедшая до нас надпись 193 г. из Танаиса, которая повествует о том, что Савромат II, «завоевав сираков и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавания в Понте и Вифинии...» (КБН. 1237). Этот текст позволяет сделать ряд весьма важных выводов, касающихся совместных действий царя и представителей римского военного командования в Крыму. Слова «присоединил по договору», очевидно, означали, что после победы над скифами контроль над частью их территории по согласованию с римскими властями был передан правителю Боспора, в то время как сама римская администрация распространила свою юрисдикцию в юго-западном Крыму на земли вплоть до р. Альмы (Зубарь, 1994. С. 112). Судя по активным действиям против пиратов на морских коммуникациях у берегов провинции Вифиния-Понт, Савромат II обладал достаточно большим военным флотом⁹⁰, который мог использоваться в интересах Рима. Надо полагать, этот эпизод был не единственным, так как пиратствовавшие племена ахейцев, зигов и гениохов были юго-восточными соседями Боспора. Как известно, временами они господствовали на море и на своих узких и лёгких лодках-камарах вместимостью 25–30 человек нападали не только на купеческие корабли, но даже на какую-нибудь страну или город (Strabo XI. 2. 12)⁹¹.

Надпись 193 г. посвящена царским наместником Зевсу, Аресу и Афродите, но сам его повелитель, видимо, в связи с теми же событиями, отдельно почтил бога войны, отремонтировав его храм и находящуюся в нём статую (КБН. 63). Святылище Ареса в столице боспорских царей упоминает в одном из своих сочинений старший современник Савромата II, Лукиан Самосатский (Лук. *Tox.* 50). В связи с этим можно вспомнить, что Арес был одним из официальных богов-покровителей Митридата VI Евпатора и его потомков (Сапрыкин, 1997. С. 93).

⁸⁹ Отметим явную спешку при изготовлении надгробия Луция Волузия, под которое использовали более древнюю стелу со сбитой надписью и рельефом, и крайнюю небрежность, с которой вырезана эпитафия Гая Меммия.

⁹⁰ Впрочем, вряд ли он численно превышал военно-морское соединение в составе 40 кораблей, выделенное при Нероне для поддержания свободы мореплавания на Понте (Jos. *Bell. Iud.* II. 16. 3).

⁹¹ Может быть, действия против пиратов были в числе благодеяний, оказанных царём Рескупоридом II жителям города Амастрии, за что они воздвигли ему в 221 г. мраморную статую в Пантикапее (КБН. 54).

Это было время наивысшего расцвета военной мощи Боспора в первые века нашей эры и, скорее всего, уцелевшие скифы были вынуждены признать над собой власть Савромата II. Ю. П. Зайцев даже предполагает, что Неаполь Скифский, превратившийся в крупный неукреплённый населённый пункт с хаотичной застройкой, стал в этот период центром вспомогательного аграрного района, где разместилась резиденция боспорского наместника (Зайцев, 2003. С. 45). Такое положение сохраняется и позднее, при Рескупориде II, названном в одной из надписей царём Боспора и тавроскифов (КБН. 1008). Видимо, угроза скифских нападений, таким образом, фактически была полностью ликвидирована.

Граница Боспорского царства в районе крымского побережья с конца II в. проходила где-то возле Судака (Саприкин, Баранов, 1995) и далее Старого Крыма (КБН. 953), а может быть, и западнее. В этом отношении обращает на себя внимание почти столетней давности находка посвяtitельной надписи в селе Партенит у подножия горы Аю-Даг, где «Тиберий Юлий царь Савромат (II. — В. Г.), друг цезаря и друг римлян, благочестивый, личную свою и своего царства благодетельницу (почтил?)...» (КБН. 955). Речь здесь, видимо, идёт о римской императрице, скорее всего, Юлии Домне, жене императора Септимия Севера (193–211). Возможно, надпись свидетельствует об участии Боспора в контроле над горной Таврикой, связанной с прибрежным пиратством. В то же время для восточных рубежей государства серьёзной проблемой оставались военно-политические контакты с аланами. Иначе трудно объяснить появление на Боспоре, согласно надписи 208 г. из Гермонассы, должности главного аланского переводчика (КБН. 1053).

На тройных сестерциях этого времени чеканится изображение римского орла с победным венком в клюве. Начинается выпуск нового для Боспора номинала — двойных денариев, высшего номинала обращавшейся тогда в пределах царства меди (Фролова, 1977. С. 157 сл.). Все сюжеты этой серии так или иначе связаны с военной тематикой. Мы видим здесь заимствованные из римского монетного дела типы *Adventus* (Прибытие) и *Adlocutio* (Обращение), где царь в военном облачении представлен на коне с поднятой правой рукой. Обычно такие изображения связаны с прибытием к войску или обращением с речью к солдатам, хотя, с другой стороны, поднятую руку можно рассматривать как жест адорации или молитвы верховному богу с благодарностью за победу (Ростовцев, 1989. С. 189). Далее Савромат II предстаёт перед нами опирающимся на палицу и трезубец, атрибутами своих божественных предков, Геракла и Посейдона. Это совсем неудивительно, ведь, как и многие владыки Рима, он явно претендовал на особое покровительство богов. К тому же почитание Геракла было «модно» в годы правления императора Коммода (180–192), который претендовал на роль

«римского Геракула» и не возражал, если ему приносили жертвы как богу (Ael. Lampr. *Comm. Ant.* VII. 8. 5–9). Укреплению престижа правившей на Боспоре династии должна была служить и парадная серия монет с изображением подвигов Геракла⁹², проводившая прозрачную параллель между победами Савромата II и деяниями его легендарного прародителя (Горнчаровский, 1984; см. также § 1.2 этого издания). Эти монеты были отчеканены в небольшом количестве и могли использоваться как награды для участников военных действий, направленных против врагов Боспора. Раздача таких монет должна была способствовать единению царя-полководца с войском. Таким образом, правитель Боспора добивался сразу двух целей: роста своей популярности в армии и осуществления наглядной политической пропаганды.

Занявший трон после смерти Савромата II Рескупорид II (211/212–228/229) продолжил проримскую политику своего отца и в то же время успешно противостоял соседним варварам. Победы боспорского оружия в 218–219 гг., возможно, сопровождавшиеся присоединением новых территорий, были увековечены выпуском монет с изображением всадника с поверженным врагом, трофея и пленника, Ники у трофея (Фролова, 1980б. С. 20–21; Анохин, 1986. С. 167–168, табл. 31, 645–647; табл. 32, 651–652). Однако в конце правления этого царя и при его непосредственных преемниках на фоне ослабления Римской империи в эпоху «солдатских императоров» экономическое положение государства стало быстро ухудшаться, что выразилось в увеличении объёма монетной чеканки и резком снижении содержания золота в статерах. Показательно, что уже с конца II в. боспорские цари, ранее периодически выделявшие средства на укрепление фортификационных сооружений (см.: КБН. 1241, 1254; см. также: Болтунова, 1965. С. 75–76), стремятся переложить это тяжкое бремя на плечи городских жителей (КБН. 1242–1251, 1256, 1257). Основной причиной возникших экономических затруднений стало «изменение политики Рима в отношении Боспора: полное прекращение поставок ауреусов и, вероятно, сокращение римских дотаций в виде денариев, так как Империя сама оказалась в состоянии финансового кризиса» (Смекалова, 2001. С. 343). Видимо, в условиях обострения внешнеполитической обстановки постоянным становится институт соправительства, что в любом случае обеспечивало продолжение правящей династии и позволяло быстрее реагировать на ситуацию, складывавшуюся в пограничных районах, где пришёл в движение варварский мир.

С военными действиями аланских кочевых объединений ряд исследователей связывают единовременный и внезапный разгром Неаполя Скифского около 220–240 гг. н. э. (Колтухов, 1999. С. 98; Зайцев, 2003. С. 45).

⁹² Отметим их связь с провинциальной римской чеканкой (Масленников, 1986).

В 239 г. н. э. была разрушена Горгиппия и гибнет Раевское городище (Алексеева, 1997. С. 75; Шаров, 2019. С. 543). Клады этого времени зафиксированы не только в боспорских городах, но и на территории Средней Кубани (Фролова, 1997. С. 44; Яценко, 1997. С. 157).

Очевидно, уже к концу второй четверти III в. к границам Боспора из Северо-Западного Причерноморья продвинулись германские племена готов, герулов и боранов (Ременников, 1954; Буданова, 1990; Щукин, 1994. С. 247–248; Айбабин, 1999). Поскольку границы Империи тоже подверглись натиску варваров, около 244 г. был осуществлён вывод римских войск из Таврики для усиления армии, стоявшей на Дунае (Ростовцев, 1900. С. 157; Ростовцев, 1907. С. 4; Ременников, 1954. С. 36–39; Зубарь, 1994. С. 127). Боспорское государство фактически осталось один на один с новыми врагами, а структура его обороны оказалась явно не рассчитана на отражение противника, отличавшегося значительной численностью и непривычной тактикой действий. Возможно, ситуация осложнилась из-за разрушительного землетрясения середины III в. н. э., следы которого зафиксированы на ряде памятников Европейского Боспора (Винокуров, Никонов, 1998. С. 101–103; Винокуров, Никонов, 2004. С. 95–103; Винокуров, 2007б; Корженков и др., 2016), а также эпидемии чумы, охватившей почти все римские провинции в 249–251 гг. н. э. (Oros. VII. 21. 5). Можно предположить, что пограничные варвары сумели извлечь выгоду из подобных обстоятельств, поскольку, как правило, были хорошо осведомлены о положении государств, на которые собирались напасть, выбирая самый удобный момент (ср.: Liv. IV. 21. 5–9; Oros. II. 13. 8). В любом случае в период натиска готов на границы Империи Боспорское царство выпало из созданной Римом системы поддержания военно-политической стабильности на берегах Понта Эвксинского. В течение нескольких лет государство было охвачено какой-то внутренней и внешней борьбой, о конкретном содержании которой мы можем только догадываться.

О ситуации, сложившейся на Боспоре в этот период, повествует византийский автор V в. Зосим: «Когда у них [боспорцев] царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с римлянами, из-за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров — они преграждали путь скифам (этот термин здесь следует понимать скорее в географическом аспекте, поскольку в другом месте говорится о скифах, именуемых готами. — В. Г.), желавшим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда» (Zosim. I. 31). С этими событиями можно связать разрушение после 250/251 г. н. э. Танаиса (Анисимов, 1989. С. 129–130; Зубарь, 1998. С. 138–

139), где в слое пожара найдены характерные для германцев предметы вооружения (Казанский, 2016. С. 138–140; Шаров, 2019. С. 545), и приход к власти Фарсанза, чеканившего статеры в 253/54–254/55 гг., хотя на троне продолжал пребывать Рескупорид IV (242/243–276/277) (Гайдукевич, 1949. С. 451; Анохин, 1999. С. 165–166)⁹³. Сокрытие кладов с монетами 251/252 и 252/253 гг. н. э. на Таманском полуострове и 253/254 г. н. э. в Пантикапее и Мирмекии (Казанский, 2016. С. 138; Шаров, 2019. С. 543) говорит об угрозе варварского вторжения со стороны восточного побережья Меотиды. Очевидно, Фарсанз в этот период пользовался поддержкой готских отрядов, с которыми он рассчитывался более полновесной монетой, чем его соправитель. Судя по анализу состава металла его статеров, содержание серебра в них колебалось в пределах от 23 до 50% (Бейдин, 2015. С. 143, табл. I), тогда как у Рескупорида IV — от 1 до 14% (Фролова, 1980а. С. 68, табл. I, 13; Абрамзон, Гунчина, 2016. С. 289, рис. 12). При этом наибольшее количество их за пределами Боспорского царства найдено на территории Полтавской, Сумской и Харьковской областей, т. е. в ареале черняховской культуры (Бейлин, 2015. С. 142, рис. 2). По-видимому, при посредничестве Фарсанза было достигнуто соглашение, позволившее готам и их союзникам начиная с весны — лета 254 г. н. э. (Лавров, 1995. С. 117) использовать боспорский флот для пиратских действий на берегах Чёрного и Эгейского морей. Хронология и маршруты этих набегов изучены достаточно точно путём сопоставления письменных и археологических источников, а также дат сокрытия кладов (Salomon, 1971. Р. 124–134; Буданова, 1990. С. 114–129; Хайрединова, 1994; Ярцев, 2015).

Позднее, видимо, после неудачи похода 267 г. во главе с племенем герулов (Буданова, 1990. С. 122–124), использовавших берега Меотиды как свою базу, нападению германцев подверглись многие города и поселения Боспора (Лавров, 1995. С. 120–121; Щукин, 2005. С. 146–147; Панченко, 2018. С. 51–57). Последующие годы также были далеко не лучшими для населения царства, где на семилетний период даже прекратилась чеканка монет (Фролова, 1980а. С. 73).

Когда в 275/276 г. н. э. варвары вновь превратили берега Боспора Киммерийского в плацдарм для подготовки очередного похода в пределы Римской империи, власть в государстве, учитывая сложную ситуацию, была поделена между тремя правителями — Рескупоридом IV, Савроматом IV и Тейраном (Фролова, 1980а. С. 74–75). Только в 276 г. н. э. соправителем царя Рескупорида IV, Тиберием Юлием Тейраном (275/76–278/79), была одержана какая-то крупная победа, судя по надписи на постаменте памят-

⁹³ Во многих монографиях и статьях исследователей прошлого века этот боспорский царь фигурирует как Рескупорид V.

ника «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице» (КБН. 36), равносильная спасению государства (Ременников, 1964. С. 135). В этот период власть боспорских царей восстанавливается, но, как и военный потенциал государства, уже далеко не в прежнем объёме. Видимо, финансовых средств и людских резервов не хватало, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии успешно действовавшую в течение нескольких столетий систему организации обороны и нападения, и она постепенно пришла в упадок.

О БОСПОРСКИХ КУЛЬТАХ

3.1. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века нашей эры¹

Среди разнообразных находок, сделанных во время многолетних раскопок городища Мирмекий отрядом Боспорской экспедиции под руководством Ю. А. Виноградова, художественные изделия из мрамора были достаточно редки. Поэтому обнаруженная здесь в 1992 г. мраморная статуэтка Кибелы (рис. 64) размерами 26×15,5×10 см, безусловно, заслуживает специального внимания. Она происходит из помещения XVII, являющегося частью крупного здания, вскрытого на площади около 40 кв. м (раскоп Р). Не исключено, что это помещение могло играть роль домашнего святилища, поскольку в слое над ним найден фрагмент другой мраморной скульптуры.

*Рис. 64. Мраморная статуэтка
Кибелы I–II вв. н. э. из раскопок
Мирмекия*

Композиционно и сюжетно статуэтка мало чем отличается от многочисленных votивных скульптур и небольших рельефов (ср.: Саверкина, 1986. С. 132, 133. № 55, 56; Catling, Waywell, 1977. P. 93–94; Camp, 1990. P. 65, fig. 30). Кибела представлена сидящей на троне с высокой спинкой, без подлокотников. Она облачена в высоко подпоясанный хитон, поверх которого накинут плащ, окутывающий левую руку и нижнюю часть фигуры. На плечи спускаются пряди волос. В несохранившейся правой руке (имеется отверстие для ее крепления), судя

¹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 1999. Текст статьи исправлен и дополнен.

по аналогиям, находилась фиала. В этой связи интересно отметить происходящий из Мирмекия хорошо отшлифованный небольшой фрагмент мраморной кисти правой руки с фиалой диаметром 6 см. Он был найден в осыпи южного борта раскопа 1986 г. и хранится в Керченском лапидарии (инв. № КЛ 1783).

Ниже левой руки статуэтки сбоку вырезан паз в виде ласточкина хвоста (5,5×3,5×1,5 см), скорее всего, предназначенный для крепления тимпана. Под ногами богини представлена скамеечка с резко выступающей верхней планкой и ножками, при этом правая нога слегка выдвинута вперёд. На коленях у неё изображена маленькая фигурка львёнка, представленная в весьма обобщённой манере. Такая композиция, как принято считать, восходит к малоазиатскому оригиналу последней четверти V в. до н. э. (Саверкина, 1986. С. 133).

Данное скульптурное изображение явно предназначалось для установки у стены или в нише и было рассчитано на обозрение спереди, так как тыльная сторона его имеет неровную, бугристую поверхность. Выявлены следующие утраты: голова, кисть правой руки и носок правой ноги. Имеются свежие сколы на груди, предплечье, колене, хитоне и туловище львёнка. Поверхность скульптуры местами сильно окатана, с белыми пятнами известкового налёта.

Описываемая статуэтка, судя по материалам комплекса, в котором она была найдена, относится к I–II вв. н. э., когда на Боспоре наблюдается рост популярности ряда женских божеств, связанных с плодородием. Основным местом почитания Кибелы на Боспоре в это время, несомненно, была столица царства, где этот культ известен с III в. до н. э. (КБН. 21, 23). К произведениям местных мастеров эллинистического периода в настоящее время вполне определённо можно отнести происходящий из Пантикапея известняковый вотивный рельеф, где представлены три персонажа — Кибела в калафе на троне, Гермес и Геката с двумя факелами (Марти, 1934. С. 64, рис. 4), а также подобные рельефы, найденные в Нимфее, Тиритаке и Горгииппии (Горончаровский, Тихонова, 2022). Очевидно, только давними традициями можно объяснить появление такого засвидетельствованного Геси-хием эпитета Кибелы, как «киммерийская богиня» (SC. I. С. 853).

По-видимому, новый импульс развитие культа Кибелы получило в период принципата Клавдия, когда в рамках империи проводится его реорганизация, связанная с введением почитания Аттиса² (Богатова, 1998. С. 21), или даже чуть ранее. Вряд ли Боспор как вассальное по отношению к Риму государство мог остаться в стороне от имперской религиозной

² Ср. с распространением на Боспоре именно в I–III вв. н. э. теофорного имени Ат-тас (КБН. 77, 83, 343, 660, 1018, 1134, 1138, 1186, 1189, 1191, 1243, 1264, 1277).

политики (Škorpil, 1913. С. 202). Именно в это время на медных боспорских монетах Кесарии (Пантикапея), Гипепирии и Митридата VIII (39/40–44/45) появляется изображение головы богини в калафе и покрывале вправо (Анохин, 1986. С. 151, табл. 12, 322, 326). Ещё В. В. Шкорпил предположил, что здесь представлена Кибела в характерном для неё головном уборе (Škorpil, 1913. S. 196), и данная гипотеза, безусловно, заслуживает внимания. Недавно на акрополе Пантикапея были открыты остатки храма первых веков нашей эры, воздвигнутого в честь Кибелы (Толстиков, Муратова, 2017. С. 145–146, рис. 1–2). Именно с ним связана мраморная статуя богини высотой 1,06 м, обнаруженная около 1826 г. на северном склоне г. Митридат (Кобылина, 1978. С. 33–34, № 5; Саверкина, 1986. С. 128–130, № 53). Кибела изображена сидящей на высоком троне со скамеечкой под ногами. Опушенная левая рука её придерживала тимпан, правая лежала на голове льва. Прототипом для этой статуи, вероятно, послужила скульптура матери богов из Афин, приписываемая Агрокриту (Plin. *Nat. Hist.*, XXXVI, 17), ученику и любимцу Фидия, и относящаяся к третьей четверти V в. до н. э. (Salis, 1913. Abb. 1–2). В то же время укороченные пропорции и тщательная полировка мраморной поверхности позволяют считать её работой копииста II в. н. э. (Максимова, Наливкина, 1955. С. 306, рис. 17). Это единственный для Боспора пример воплощения образа Кибелы в монументальной скульптуре.

Усилившаяся индивидуализация религиозного сознания в позднеантичный период способствовала увеличению числа домашних святилищ, в том числе и на Боспоре. Очевидно, для них и предназначались небольшие мраморные статуэтки сидящей Кибелы первых веков нашей эры. Некоторые из них являются вольной интерпретацией уже упоминавшегося прототипа, например статуэтка Кибелы в собрании ГИМа высотой 0,32 м, считающаяся происходящей из Керчи (Соколов, 1973 С. 75, рис. 64). В данном случае богиня с калафом на голове опирается согнутой левой рукой на голову льва, сидящего у края трона, а в правой держит фиалу. Другие статуэтки, как и мирмекийская, повторяют хорошо известный традиционный тип Кибелы с львёнком на коленях, воспроизводившийся наиболее часто. Можно указать на повреждённую — отсутствуют голова и левая рука — мраморную статуэтку (размеры по фасу 0,155×0,11 м), найденную в 1891 г. в районе святилища богини на горе Митридат (Škorpil, 1913. S. 200, obr. 7). Из Пантикапея происходит и частично сохранившаяся (без головы и обеих рук) мраморная статуэтка размерами 0,46×0,39×0,36 м, обнаруженная в засыпи с боспорскими монетами I–II вв. н. э. (Шкорпил, 1914а. С. 20, рис. 9). Среди находок этого времени представлен также фрагмент сильно повреждённой сколами мраморной головы Кибелы в башенной короне из Тиритаки

размерами 11,5×9×8 см (раскопки О.Д. Чевелёва 1984 г., инв. № КЛ 1803). Край головного убора выделен здесь рельефным валиком. Причёска богини, состоящая из мельчайших завитков, разделена посередине прямым пробором. В ушах сохранились отверстия для крепления серёг. По пропорциям она вполне соответствует вышеописанным скульптурам, так как общая высота статуэтки вряд ли была меньше 0,6 м.

Вышеупомянутые скульптурные изображения Кибелы в основном восходят к тем образам богини, которые сложились в Малой Азии эллинистического периода и, скорее всего, являются привозными (Кобылина, 1978. С. 10). В целом такая композиционная трактовка характерна для малоазийского и фракийского искусства I–III вв. н. э. (Тачева-Хитова, 1982. С. 210–218).

Судя по всему, в своих традиционных формах культ Кибелы, носивший на Боспоре первых веков нашей эры официальный характер, не получил широкого распространения. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что рассмотренные типы изображений богини совершенно не представлены среди изделий коропластов, доступных широкому слою населения позднеантичного Боспора. В редких случаях сохраняются только отдельные характерные черты: богиня восседает на троне с чашей и тимпаном в руках (Силантьева, 1974. С. 35, табл. 48, 1). Всё же такой образ достаточно обезличен и, очевидно, является следствием синкретизма целого ряда женских божеств в религиозных представлениях боспорян I–III вв. н. э. В первую очередь это касается Кибелы³, Афродиты, Деметры и Артемиды. Слияние их функций придало женскому божеству, которое могло выступать в зависимости от ситуации под разными именами, черты великой матери и владычицы всего сущего (Кругликова, 1966а. С. 110). Не исключено, что именно такая трактовка скрывается за посвящением великой богине на фрагменте краснолакового сосуда, найденном, как и упоминавшаяся культовая статуя Кибелы, на северном склоне г. Митридат (Шкорпил, 1904. С. 163, № 2). В этой связи заслуживает упоминания посвящение II в. н. э. богине Ма и распространение на Боспоре в I–III вв. до н. э. теофорных имён Ма и Маей (Лурье, 1948. С. 204 сл.). Имя Ма можно рассматривать как сокращённую форму. В качестве параллели в данном отношении следует отметить, что в Ионии, Малой Азии и Ольвии встречается такое наименование Кибелы, как просто

³ Любопытно отмеченное для городов Северо-Западного Причерноморья первых веков нашей эры присвоение Кибеле эпиклеса Афродиты Урании (Русяева, 1992. С. 148). Для Боспора, где культ Афродиты Урании имел более глубокие корни, следует предполагать скорее обратный процесс, когда иконография и образность, связанные с культом Афродиты, носившие государственный характер, заимствуют некоторые характерные особенности почитания Кибелы.

Ма или Ме (МН = МНТНR) (Русяева, 1972. С. 37; Русяева, 1992. С. 146). Те же явления наблюдаются и относительно круга мужских божеств, где наряду с сохранением ряда традиционных культов появляется почитание анонимного бога высочайшего. В образе последнего отдельные исследователи видят слияние черт греческого Зевса, иудейского Яхве, Сабазия и иранского конного бога (Блаватский, 1964. С. 197; Соломоник, 1973. С. 56).

Таким образом, в религиозных представлениях населения позднеантичного Боспора, как это можно видеть на примере культа Кибелы, нарастает тенденция к синкретизму отдельных божеств, связанная с отходом от устоявшейся иконографии и приданием им универсальных функций.

3.2. Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата⁴

В 1984 г. при раскопках Илурата был найден небольшой золотой медальон с изображением женского божества. Он происходит из слоя разрушения дома, пристроенного к западной башне крепости. *Terminus post quem* для него определяется обнаруженным в одном из центральных городских кварталов кладом боспорских биллоновых статеров, самые поздние из которых датируются 267/268 г. н. э. (Фролова, Шургая, 1982. С. 91 сл.). Если учесть, что в 268/269–274/275 гг. н. э., когда обострились отношения с готским племенным союзом, монетная чеканка на Боспоре была прекращена (Фролова, 1980а. С. 58 сл.; Анохин, 1986. С. 124), то, очевидно, на этот промежуток времени и приходится гибель Илурата.

Медальон обнаружили на полу хозяйственного помещения дома площадью 220 кв. м, судя по всему, принадлежавшего довольно состоятельному хозяину. Возможно, на жилом втором этаже там было устроено небольшое домашнее святилище, так как рядом с медальоном нашли фрагмент массивной терракотовой полуфигуры богини. В целом виде высота ее, как показывает аналогичная илуратская протома, составляла 0,28 м, при этом помещенный на лоне плод круглой формы свидетельствует о ее связи с культом плодородия (Денисова, 1981. С. 79, 127. Табл. XXIV, в).

Сам медальон представляет собой круглую пластинку из золота очень высокой пробы (990) диаметром 2,85 см и весом 3,81 г.⁵ В центре ее штампом оттиснуто схематичное изображение бюста богини, волосы которой,

⁴ Впервые опубликовано: Горончаровский, 1993. Текст статьи исправлен и дополнен.

⁵ Хранится в фондах Института истории материальной культуры РАН. Инв. № И/84–12.

уложенные вокруг головы крупными локонами, ниспадают на плечи. Головной убор имеет цилиндрическую форму и расчленен пятью вертикальными выступами. Складки одежды переданы параллельными рельефными линиями. По обе стороны бюста находятся две шестилучевые розетки, по-видимому, символизирующие звезды и указывающие на небесный характер представленного божества (рис. 65, 1).

Рамка медальона шириной 2,5 мм состоит из напаянных на его внешнюю поверхность золотых проволочек, между которыми уложены и заштампованы две витые проволочки, образующие орнаментальный пояс в виде плетенки. Он имеет петельку из тонкой полоски листового золота шириной 3,5 мм с тремя продольными рельефными валиками. Один конец её слегка расплюсчен и напаян на внутреннюю сторону украшения, другой — загнут вперед и скручен, образуя отверстие для подвешивания диаметром около 5 мм.

Ближайшей аналогией для описанного выше изделия боспорского ювелира является сходный по размерам, технике изготовления и оформлению электровый медальон из укрепленной усадьбы Ново-Отрадное, также связанный со слоем разрушения данного памятника в III в. н. э. (Кругликова, 1975. С. 119, рис. 64). Возможно, оба медальона относятся к продукции одной мастерской, хотя изображения оттиснуты разными штампами. В трактовке образа женского божества из Ново-Отрадного обращает на себя внимание более пышная прическа и отсутствие звездообразных розеток над плечами, в остальном совпадение почти полное (рис. 65, 2).

Какая же богиня представлена на илуратском медальоне? В этом отношении может помочь еще одна довольно близкая аналогия — случайно найденный в Прикубанье золотой медальон, отличающийся от двух предыдущих большей тщательностью исполнения. В данном случае рамка в виде плетенки дополнена по внешнему краю 43 миниатюрными золотыми шариками. В центральной части штампом оттиснуто уже не погрудное изображение, а вся фигура целиком (рис. 65, 3). Богиня сидит в кресле со спинкой, имеющей крестообразные выступы. На голову ее накинута покрывало, спускающееся на плечи. В левой руке, прижатой к груди, какой-то плод круглой формы. Кресло изображено с подставкой для ног, по обе стороны которой небольшие фигурки эротов. Внутреннее поле медальона дополнительно украшено полудрагоценными камнями в гнездах из рельефных валиков, обработанных в рубчик. Между ними расположены S-видные волюты из напаянных проволочек (Толстой, Кондаков, 1889. С. 45, рис. 32).

Наличие в центральном поле медальона эротов не оставляет сомнений в том, что здесь изображена Афродита, причем мастер, вероятно, копировал известную на Боспоре статую богини. Отметим, что этот статуарный тип

получил отражение и в сюжетах боспорских надгробных стел I–II вв. н. э. (Иванова, 1961. С. 120). В этом отношении наиболее адекватным, на наш взгляд, является рельеф надгробия Метрофилы, жены Эванта (Иванова, 1961. Рис. 12), где образ богини, держащей в левой руке, по предположению Г. Кизерицкого и К. Ватцингера, плод граната (Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 38), полностью соответствует сюжету кубанского медальона. Весьма существенно то, что ее фигура, как и в рельефе другой пантикапейской стелы, без надписи (Иванова, 1961. С. 133, рис. 75), изображена на фоне фронтона с акротериями, который отдельными исследователями трактовался как балдахин (КБН. 470). Другой вариант статуарного типа с прижатой к груди правой рукой в сочетании с креслом характерной формы мы видим

Рис. 65. Боспорские золотые медальоны III в. н. э.: 1 — из Илурата; 2 — из сельского поселения Ново-Отрадное; 3 — случайная находка в Прикубанье

на стелах Психеи, жены Гаста (Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 38. Taf. XIV, 210), и Теофилы, жены Александра (Марти, 1934. С. 81, 82, рис. 15), а также на сохранившейся части надгробия центуриона Дизы и его жены Елены (КБН-альбом. 666). В последнем случае женская фигура, сидящая в кресле с подлокотниками в виде львиных фигур, помещена в нише с полукруглым завершением.

Пожалуй, самый яркий пример, демонстрирующий божественную сущность рассматриваемого образа, — это стела Каллистратии, жены Паппа, от которой к настоящему времени сохранился только центральный фрагмент (КБН-альбом. 438). Обращают на себя внимание размеры сидящей фигуры, в отношении которой представленный справа всадник с горитом и луком едва достает ей до плеча. Поскольку все стелы с изображением культовой статуи связаны с женскими погребениями, допустимо предположить, что подобные надгробия заказывались для жриц Афродиты.

Очевидна связь последнего из рассмотренных сюжетов с популярной в греко-скифском искусстве сценой всадника перед богиней, имеющей широкие аналогии от Пазырыка до Фракии (Бессонова, 1983. С. 142). В наиболее близком варианте, где справа от богини, сидящей в кресле с крестообразными выступами, находится всадник с ритонном в руке, эта сцена представлена на золотой пластине сосуда из кургана у с. Мерджаны⁶, который сейчас принято датировать серединой — второй половиной II в. до н. э. (Виноградов, 2001. С. 66; Трейстер, 2010а. С. 560–562; Дедюлькин, 2014. С. 62). В данном случае, создавая изображение «великой богини», местный мастер вполне мог использовать известный ему статуарный тип Афродиты Урании, владычицы Апатура, весьма почитавшейся на Азиатском Боспоре с VI в. до н. э. (Харко, 1946. С. 136 сл.; Марченко, 1977. С. 122).

На европейской части Боспора культ Афродиты с эпиклесой «Урания» засвидетельствован со II в. до н. э. (КБН. 75). Как показывают боспорские монетные типы, с конца II в. н. э. этот культ носит уже общегосударственный характер (Гайдукевич, 1949. С. 337). Самое позднее в том же столетии в Пантикапее существовал храм Афродиты в виде пятиколонного здания ионического ордера, изображенный на рельефе стелы со сценой возлияния (Харко, 1950. С. 197 сл.; Пичикян, 1984. С. 221; Боспорские надгробные рельефы, 1990. С. 65–67). Интересно отметить, что тимпан фронтона украшает бюст богини с распущенными волосами в башнеобразном уборе с тремя вертикальными выступами. В левой руке она держит предмет, напоминающий скипетр.

Представляется вероятным, что боспорский мастер, изготовивший рассмотренные выше медальоны не ранее эпохи Савромата II (Трейстер, 2015.

⁶ Совр. с. Мерчанское в 30 км к востоку от Анапы.

*Рис. 66. Терракота из Илурата
с изображением женской фигуры
с медальоном на груди*

С. 319), в одном случае использовал в редуцированном виде рельеф фронтона столичного храма Афродиты Урании, в другом же таковым послужила находившаяся там культовая статуя богини, сидящей на троне с жезлом в руке. Сами медальоны, возможно, играли какую-то роль в обрядах в честь этой богини и надевались лишь в соответствующих случаях. Показательно, что все они изготовлены из золота, магического «небесного» металла, согласно представлениям скифов и других иранских народов, несомненно, бытовавшим и на Боспоре (Christensen, 1934. S. 128 ff.; Бессонова, 1983. С. 18 сл.). Видимо, не случайно именно это украшение выделено в четырех происходящих из Илурата терракотах (рис. 66), изображающих, очевидно, ту же Афродиту Уранию, почитавшуюся здесь прежде всего как божество плодородия, животного и растительного мира.

Таким образом, илуратский медальон в определенной степени отражает воздействие образов боспорского монументального искусства на производство предметов, связанных с культовой практикой, и дает новый материал для реконструкции религиозных представлений сельского населения Боспора первых веков нашей эры.

3.3. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна?⁷

Планомерные исследования Боспорской экспедицией ИИМК РАН городища и некрополя Илурата дали немало уникальных археологических находок. В их число входит и своего рода шедевр античной коропластики — терракотовая статуя богини высотой 0,62 м (рис. 67, 1, 5). Она была найдена в 1984 г. на месте тризны близ северной стены склепа № 52, располо-

⁷ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2000а. Текст статьи исправлен и дополнен.

женного на территории «верхнего» некрополя Илурата⁸. Здесь находилась ритуальная площадка со следами кострищ и скоплениями битой керамики I–III вв. н. э., а также других жертвенных даров. Статуя, видимо, отчасти уже повреждённая при отправлении погребальных обрядов, была преднамеренно разбита на множество фрагментов (Ханутина, Хршановский, 2019. С. 51). В ходе реставрации выявились следующие утраты: отсутствуют руки, прикреплявшиеся отдельно, и часть стопы правой ноги.

Терракота изображает свободно стоящую в лёгком развороте женскую фигуру, рассчитанную на фронтальный обзор (Коллекция, 2007. С. 44). Задняя сторона её трактована достаточно суммарно, имеются следы работы стекой. Внутри она полая, открытая снизу. Стыки отдельных частей, изготовленных в нескольких формах, аккуратно заглажены. Глина изделия, несомненно, боспорская: кирпично-красного цвета, в изломе тёмно-серого, вследствие неравномерного обжига — слоистая с примесью частиц извести.

Эта терракотовая статуя, безусловно, относится к произведениям высокого художественного уровня и не имеет аналогов на территории Боспора ни по размерам, ни по тщательности исполнения деталей. Напрашивается вывод, что это нерастажированный образец продукции одной из боспорских керамических мастерских, в которой использовалась составная форма, скорее всего, не местного производства. Прототипом для её изготовления, очевидно, послужила какая-то монументальная скульптура. В своё время была высказана мысль о том, что это изображение Афродиты, культ которой был широко распространён на Боспоре в первые века нашей эры (Горончаровский, Хршановский, 1986. С. 163). Углублённое изучение иконографии женских божеств первых веков нашей эры заставило усомниться в этом предположении.

Если обратиться к деталям, то на голове статуи из Илурата прекрасно видна диадема с накинута́й сверху паллой, край которой свёрнут жгутом и перекинут через правое бедро и левую руку. Под паллой находится стола, перехваченная ниже груди узким поясом и образующая множество живописных складок. Удлиненно-овальное лицо статуи абсолютно симметрично, нос прямой, дополнительная проработка зрачков больших глаз отсутствует. Тщательно уложенные над высоким лбом волосы разделены посередине на прямой пробор и обрамляют лицо чётко отделёнными друг от друга крупными прядями. От ушей, прикрытых причёской, на плечи спускаются два волнистых локона.

⁸ Работы на этом участке проводились группой сотрудников Государственного музея истории религии под руководством В. А. Хршановского (Кубланов, Хршановский, 1989. С. 18–20, рис. 6).

Здесь, безусловно, прослеживается связь с образами представительниц императорского дома периода правления династии Юлиев-Клавдиев. В частности, так же уложены волосы на голове статуи Ливии из Пестума в Национальном археологическом музее Мадрида (рис. 67, 2) (Bartels, 1963. S. 46 ff., Anm. 372), похожая диадема украшает бюст Ливии в Археологическом музее Триполи (рис. 67, 3) (Wood, 2000. P. 135), вариант причёски с двумя спускающимися на плечи локонами можно видеть на скульптурном портрете Агриппины Старшей в Археологическом музее Стамбула (рис. 67, 4) (Vermeule, 1968. P. 386, cat. 4; ср.: *Eck et al.*, 1986. P. 68, pl. 1). Как известно, мода на причёски быстро менялась, и это позволяет говорить о том, что подобные вариации были популярны на рубеже 20–30-х гг. I в. н. э. На скульптурных бюстах дочери Агриппины Старшей, Друзиллы упомянутые локоны уже либо закручены в тугую спираль, либо перевязаны в нескольких местах по горизонтали (Wood, 1995. P. 470–474, fig. 15–23).

Не исключено, что именно Агриппина Старшая (14 г. до н. э. — 33 г. н. э.), мать императора Калигулы, была увековечена в виде найденной в Остии статуи богини Фортуны с рогом изобилия в левой руке и корабельным рулём — в правой (рис. 67, 6) (Amelung, 1903. S. 101–103, Taf. 13, 86). Обращает на себя внимание сходство между ней и илуратской терракотой в отношении причёски с двумя выделенными локонами, трактовки складок толы и общей композиции фигуры. Кроме того, повреждения в левой части терракотовой статуи, скорее всего, могли быть вызваны утратой кисти руки с прикреплённым к левому плечу рогом изобилия.

Согласно Светонию, в период правления Калигулы Агриппина Старшая посмертно получила беспрецедентные общественные почести, и на ежегодных поминальных обрядах и цирковых играх её изображение везли на особой колеснице (Suet. *Calig.* 15, 1). Очевидно, в данном случае Калигула почтил память матери, чтобы возвеличить себя демонстрацией глубокой скорби и лишней раз привлечь внимание к своему родству через неё с императором Августом (Trillmich, 1978. S. 21–37). В данном случае Агриппина Старшая могла быть представлена в образе Фортуны с рогом изобилия в руке, как и её дочь на монетах Калигулы (Абрамзон, 1995. С. 375, рис. 52; Wood, 1995. P. 458, fig. 1). Не исключено, что это официальное изображение послужило прототипом для целого ряда произведений монументальной скульптуры. Они могли копироваться, в том числе средствами коропластики для провинций и знати вассальных государств, которая стремилась продемонстрировать свою лояльность по отношению к Риму. На Боспоре такая ситуация сложилась в первые годы правления Митридата VIII (39/40–44/45 гг. н. э.). На золотых статерах этого царя, отчеканенных в 39/40 г. н. э., помещён портрет Калигулы на аверсе и крылатая Ника на реверсе (Зограф,

Рис. 67. Изображения женщин из династии Юлиев-Клавдиев и статуи Фортуны: 1, 5 — терракотовая статуя из Илурата; 2 — голова статуи Ливии из Пестума (Национальный археологический музей в Мадриде); 3 — бюст Ливии (Археологический музей в Триполи); 4 — бюст Агриппины Старшей (Археологический музей в Стамбуле); 6 — статуя Фортуны из Остии (Ватиканские музеи)

1951. С. 197, табл. XLVI, 5; Анохин, 1986. С. 96, табл. 12, 328). Таким образом, его права были признаны в Риме вопреки первоначальному плану императора отдать Боспор понтийскому царю Полемону II (Абрамзон, 1995. С. 203 сл.). Добиваясь власти, Митридат VIII должен был сделать всё, чтобы вызвать расположение Калигулы. В этом отношении он вряд ли отличался от других вассальных царей и подданных Римской империи, воздвигавших в честь Калигулы алтари и статуи (ср. Fl. Jos. *Ant. Jud.* XVIII. 8, 1). В числе подобных мероприятий могло быть и введение почитания его матери в образе Фортуны или, скорее, её греческого аналога — Тихе. Не исключено, что отражением нововведений такого рода в культовой практике Боспора является единственное для местной погребальной живописи изображение Тихе-Фортуны с рогом изобилия и рулевым веслом на тёмно-коричневом пьедестале в пантикапейском склепе 1891 г. (Ростовцев, 1913б. Табл. LIV, 1), принадлежавшем представителю верхушки столичного общества. Дату сооружения этого склепа, предложенную М. И. Ростовцевым, — не позднее середины I в. н. э. — подкрепляет находка «в земле, наполнявшей вход в катакомбу», монеты Митридата VIII (Ростовцев, 1914. С. 195, 198).

Возможно, тогда же на Боспоре началось изготовление терракотовых статуй богини, вызвавших появление ряда подражаний. В частности, можно упомянуть обломок тщательно изготовленной протомы богини в диадеме, найденный в слое первой половины I в. н. э. при раскопках зольника у городища близ с. Михайловка (Петерс, 1970. С. 113, табл. 53, 1). По размерам и структуре глины он соответствует голове илуратской терракоты. Собственно говоря, этим и ограничивается круг возможных аналогий. Следовательно, период изготовления подобных терракотовых статуй Фортуны (Тихе) и их местных вариантов был весьма непродолжительным. Данное обстоятельство соответствует изменению политики Митридата VIII по отношению к Риму при императоре Клавдии, что привело к войне, вспыхнувшей в 44 г. н. э. Эти события, вполне вероятно, сопровождались демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев, подобно тому как это сделали жители Эфеса со статуями римлян в начале Первой Митридатовой войны (App. *Mithr.* 18). Может быть, поэтому высокохудожественные терракотовые изображения Фортуны дошли до нас среди находок, связанных с укреплёнными пунктами в глубине Керченского полуострова, тогда как в крупных боспорских городах подобные изделия неизвестны.

Владелец терракоты, судя по размерам склепа, ряду особенностей погребального обряда и сопутствующим захоронениям лошадей с металлическими деталями узды (Кубланов, Хршановский, 1989. С. 14), был достаточно состоятельным выходцем из варварской, возможно, сарматской среды.

Что же могло привлечь его в образе Фортуны (Тихе)? Прежде всего то, что она рассматривалась как подательница счастья, удачи. Эти понятия в обществах на ранней стадии развития значили многое. С ними связывались богатая военная добыча, урожай и приумножение скота, благосостояние племени. Видимо, именно благодаря этому избрал Тихе своей покровительницей Хрисалиск, которого Н. И. Сокольский, исследовавший его резиденцию конца I в. до н. э. на Тамани, считал представителем ираноязычного племени аспургиан (Сокольский, 1976. С. 104). В заключение можно отметить, что в условиях нараставшего синкретизма женских божеств Боспора полуварварское население Илурата могло рассматривать терракотовую статую Фортуны (Тихе), в том числе и как персонификацию образа почитавшейся здесь «великой богини» — владычицы животного и растительного мира (Гайдукевич, 1958а. С. 43 сл.; Пругло, 1970. С. 114).

3.4. «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре⁹

В боспорском искусстве сюжеты, так или иначе связанные с охотой, весьма немногочисленны и среди них, безусловно, выделяется изобразительный декор большого склепа, раскопанного в 1841 г. директором Керченского музея Антоном Бальтазаровичем Ашиком в некрополе Пантикапея на северном склоне горы Митридат (Ашик, 1845; Ростовцев, 1913б. Табл. LXXXIX–XCI; Ростовцев, 1914. С. 346–375). Эта двухкамерная гробница под насыпью в форме уплощённого кургана высотой около 3 м отличается торжественной фресковой росписью, запечатлённой в копиях, выполненных в течение двух недель после её открытия художником А. М. Стефанским. Наряду с такими сценами, как пышная погребальная процессия, победоносное конное сражение, поединки гладиаторов, там были представлены и схватки всадников с дикими животными. Все они связаны с нижним рядом изображений на стенах первой камеры склепа, имеющим отношение к тому, что происходит в реальном мире, тогда как в верхнем ряду помещены сцена загробной трапезы, похищение Кору-Персефоны Плутонем, фигуры Гермеса и Деметры с факелом (Ростовцев, 1914. С. 353).

В интерколумниях на правой боковой стене и справа от арочного прохода во вторую камеру, т. е. визуально в одну линию, представлены четыре вооружённых копьями всадника эллинского облика, одетые в длинные, до колен, хитоны с короткими рукавами, перетянутые поясами; на ногах крепиды — типичная греческая обувь из перекрещивающихся ремешков

⁹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2013а.

на толстой подошве, обычно подбитой гвоздями. Каждый из них противостоит какому-нибудь зверю (рис. 68).

В нижнем ярусе правой боковой стены два крайних всадника сражаются со львицей¹⁰ и волком¹¹, держат копыя двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура «охотника», воткнувшего правой рукой копьё в спину убегающего самца лани¹². Длина копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 м. Интересно отметить, что копьё именно такой длины с прочным древком в более поздние времена рекомендовалось для конной охоты на крупного зверя (Блэкмор, 2006. С. 136).

Четвёртый подобный персонаж, изображённый справа от арочного прохода, двумя руками вонзает копьё в горло мчащейся ему навстречу самки лани¹³. По другую сторону прохода скачущий всадник одет иным образом: на нём развевающийся плащ и плотно облегающие ноги штаны, заправленные в короткие полусапожки. Он бросил поводья у основания шеи лошади, так как его руки заняты мощным луком «гуннского» типа, из которого он готов сразить стрелой поднявшегося на задние лапы хищника (рис. 68, 2). М. И. Ростовцев, вопреки собственному мнению о бытовом характере совокупности рассматриваемых сюжетов, почему-то полагал, что здесь изображен «ставший на дыбы грифон» (Ростовцев, 1914. С. 354), хотя присущие данному мифическому существу крылья отсутствуют. Если исходить из того, что это реальное животное, то, судя по удлинённым пропорциям тела, маленькой заострённой голове, гибкому хвосту с небольшим расширением на конце и пятнам на шкуре, это гепард. Он показан наносящим удары передними лапами, что, судя по наблюдениям охотников, является обычной реакцией рассвирепевшего раненого зверя (Кашкаров, 1931. С. 22; Литвинский, 2002. С. 202)¹⁴. Сцена демонстрирует самое начало схватки,

¹⁰ Ранее автор вслед за М. И. Ростовцевым считал этого зверя медведем, но его поза, пропорции и длина хвоста говорят в пользу того, что это именно львица (средняя длина тела до 150 см, хвоста — до 70 см).

¹¹ В данном случае атрибуцию М. И. Ростовцева (кабан) также нельзя принять с учётом пропорций тела животного, изображения его морды и того, как оно нападает. Обращает на себя внимание позиция всадника, несколько склонившегося вниз и в сторону, чтобы нанести решающий удар. При росте волка в холке до 90 см это вполне оправданно.

¹² Средний рост самца лани в холке до 105 см, вес до 110 кг. Определяющим признаком в данном случае служит лопатообразная форма рогов.

¹³ М. И. Ростовцев почему-то, несмотря на наличие копыт, считал это животное пантерой (Ростовцев, 1914. С. 354).

¹⁴ Особенностью гепардов являются лапы с длинными и острыми невтягивающимися когтями, которые в данном случае не показаны.

поскольку для того чтобы убить крупного хищника кошачьей породы, требовалось всадить в него по крайней мере три-четыре стрелы¹⁵.

Рис. 68. Конные «охотники» в росписи первой камеры склепа 1841 г.:

1 — на правой стене; 2 — на задней стене

¹⁵ Это достаточно наглядно отражают ассирийские рельефы с изображениями охоты на львов из дворцов в Кальху (IX в. до н. э.) и Ниневии (VII в. до н. э.). См.: Афанасьева и др., 1976. С. 132–134, рис. 88–89.

Относительно сюжета, связанного с «охотой» на гепарда, следует сказать, что это единственный для Боспора пример изображения в действии сложносоставного лука «гуннского» типа. Он имел достаточно большие размеры. Если судить по надгробию Матиана, сына Заидара (конец I в. до н. э.), где такой кавалерийский лук показан со снятой тетивой (Яйленко, 1995. С. 220–224; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 162, рис. 71), длина его древка составляла около 1,1 м. Соответственно, в подготовленном к бою состоянии расстояние между концами лука должно было быть примерно 0,9 м. Наличие чётко выделенной рукояти и круто изогнутых эластичных плеч с костяными накладками значительно увеличивало его дальнобойность, позволяя поражать цель со значительного расстояния (Каминский, 1982. С. 49; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 190; Rausing, 1967. P. 69). В то же время по силе натяжения он намного превосходил распространённый ранее и остававшийся на вооружении сигмовидный лук «скифского» типа. Владение в полной мере более мощным оружием требовало специальной подготовки, которая в кочевой среде начиналась с раннего детства и продолжалась в виде постоянных тренировок, да еще и верхом на коне. У степняков при использовании лука любого типа рука, натягивающая тетиву, как правило, находится на одной линии с рукой, держащей рукоять лука. В данном случае положение рук при натягивании тетивы у боспорского всадника таково, что говорить о доведённой до автоматизма технике стрельбы не приходится: они слегка согнуты, направляя лук под небольшим углом вниз¹⁶. Четыре пальца левой руки сжимают прямую рукоять. При этом прижатый сверху большой палец служит направляющим для стрелы. Тетива оттянута правой рукой назад до уха с использованием указательного и среднего пальцев, что соответствует наиболее совершенному, так называемому «монгольскому» способу стрельбы (Черненко, 1981. С. 118–119).

М. И. Ростовцев, как в своё время А. Б. Ашик и Б. Кёне (Ашик, 1845. С. 22–23; Кёне, 1849. С. 89 и сл.), считал, что рассмотренные сюжеты фресок из склепа 1841 г. имеют отношение именно к охоте и наряду с прочими демонстрируют «выдающиеся типичные черты жизни» покойного, дающие ему «право на звание и почести, довлеющие герою» (Ростовцев, 1914. С. 353, 354, 373). В дальнейшем другие исследователи, особенно не утруждая себя детальным рассмотрением описанных сюжетов, целиком приняли данную трактовку (см., например: Гайдукевич, 1949. С. 414; Gajdukevič, 1971. S. 440). Впервые она была поставлена под сомнение только в аннотации

¹⁶ Такое положение правой руки часто можно видеть на изображениях лучников, являющихся представителями оседлых народов (Литвинский, 2001, табл. 9, 21, 27, 30, 34).

к воспроизведенному в популярной книге В. М. Брабича и Г. С. Плетнёвой «Зрелища древнего мира» фрагменту росписи склепа 1841 г. с изображениями трёх схваток со зверями, где противостоящие им всадники по аналогии с участниками представлений в римских амфитеатрах назывались не охотниками, а бестиариями (Брабич, Плетнёва, 1971. С. 37).

Тем самым, пусть и вскользь, отдельные сюжеты фресок первой камеры впервые были объединены с некоторыми сценами из второй, где уже нет разделения на земной и небесный уровни. М. И. Ростовцев считал, что в росписях второй камеры отразились воспоминания «о данных погребённым больших гладиаторских играх, может быть, одних из первых в столице Боспорского царства» (Ростовцев, 1914. С. 357). Кстати, он тоже использовал термин «бестиарий» в значении «звероборец», но только в отношении сцены поединка вооружённого трезубцем полуобнажённого человека с леопардом на входной стене второй камеры склепа (рис. 69, 1). Впрочем, говорить о «бестиариях» (Блаватский, 1985. С. 193; Цветаева, 1979. С. 116–117) в данном случае не совсем корректно, так как этот термин обозначал представителей самой низшей ступени среди тех, кто сражался на арене с дикими животными. Они выступали пешими и лишь демонстрировали свою ловкость в обращении со зверями, стараясь раздражить их перед появлением на арене профессионалов — венаторов (от лат. *venatio* — охота) (Junkelmann, 2000. S. 71). К таковым и относится персонаж с трезубцем. Его оружие имеет укороченное древко и необычную V-образную форму металлической части с тремя остриями. Аналогичный предмет охотничьего снаряжения, но с двумя остриями, мы видим на мозаике IV в. н. э. из виллы в Пьяцца Армерина на Сицилии (Сидорова, 1965. С. 201). Хотя нет ни одного изображения, где бы трезубец присутствовал в руках профессиональных римских охотников, возможно, этот специфический тип оружия действительно иногда использовался на Боспоре против крупного зверя. Об этом говорит одна весьма существенная деталь — выгнутая наружу перекладина ниже расходящихся заострённых концов трезубца, которая изображена и в сцене борьбы со львом на ажурном рельефе деревянного саркофага (рис. 70, 1), обнаруженного в каменной гробнице конца I — начала II в. н. э. из насыпи склепа 1900 г. в усадьбе Фельдштейна (Ростовцев, 1914. С. 266 и сл.; Сокольский, 1969. Табл. 39, 2)¹⁷. Похожий рельеф от саркофага того же времени происходит из обнаруженной в саду Золотарёва гробницы 1883 г., но там льву противостоит венатор с копьём, имеющим заострённый вток (Сокольский, 1969. Табл. 42, 1) (рис. 70, 2).

¹⁷ Это наблюдение свидетельствует о том, что зарисовки А. М. Стефанского, по крайней мере в ряде деталей, полностью соответствуют сценам, запечатлённым боспорским художником на стенах склепа 1841 г.

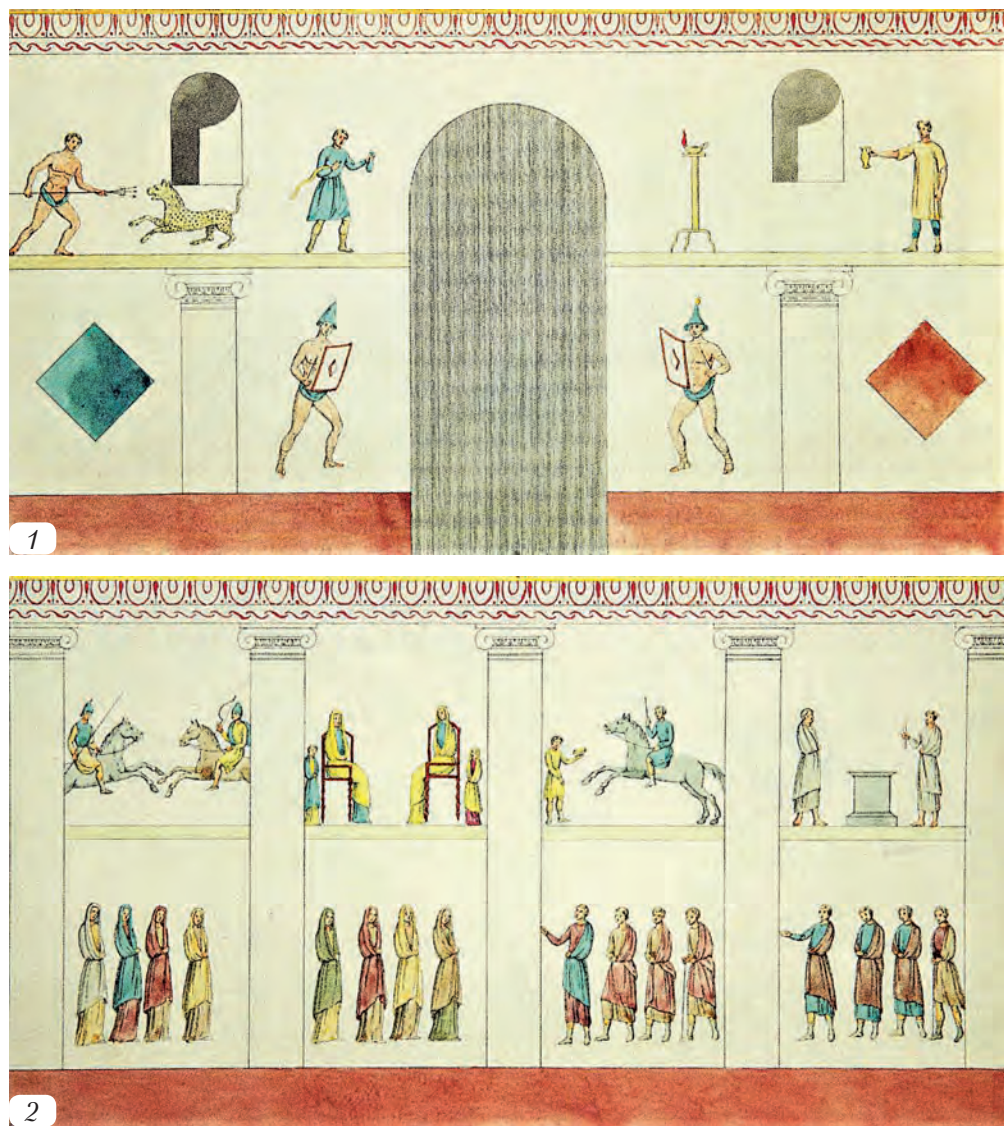

Рис. 69. Фрески на торцовых стенах второй камеры склепа 1841 г.:
1 — со стороны входа; 2 — на задней стене

В изображённых на римских мозаиках рогатинах перекладина должна была удерживать раненого зверя на определённой дистанции, иначе он, наваливаясь на орудие, мог бы достать венатора лапой (ср.: Сидорова, Чубова, 1979. С. 206, илл. 107). Древко на фреске 1841 г. укорочено, судя по всему, чтобы обеспечить возможность в сложной ситуации упираться его в грудь для большей устойчивости.

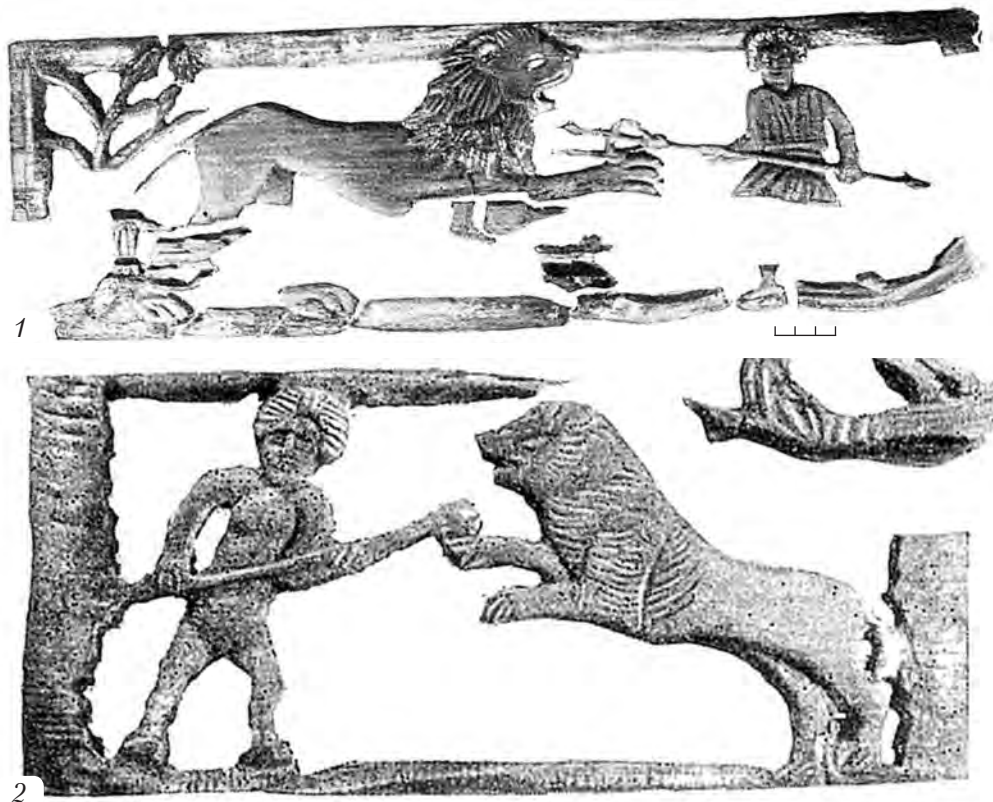

Рис. 70. Изображения венаторов на боспорских деревянных саркофагах:
1 — из гробницы 1900 г. в усадьбе Фельдштейна; 2 — из гробницы 1883 г.
в саду Золотарёва

Справа от боспорского венатора изображена фигура, как писал М. И. Ростовцев, «прислужника», несущего в левой руке «мягкий кожаный лекиф» (Ростовцев, 1914. С. 355), но скорее этот предмет следует рассматривать как кошелек с денежным вознаграждением. На мозаике III в. н. э. из тунисского города Суса (Носов, 2005. С. 27) четыре таких мешочка с тысячью сестерциев в каждом (по числу участников схваток с леопардами) мы видим на подносе, который держит слуга в центре композиции (рис. 71).

С проводившимися на Боспоре гладиаторскими играми связаны и расположенные по соседству изображения трёх поединков пеших бойцов (Ростовцев, 1914. С. 356–358). В частности, на входной стене второй камеры склепа представлена пара противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооружённых (рис. 69, 1). Из одежды на них

Рис. 71. Мозаика III в. со сценой *venatio* из Археологического музея в г. Сус (Тунис)

имеется только набедренная повязка-сублигакул синего цвета¹⁸, представлявшая собой кусок ткани в виде равнобедренного треугольника, два конца которого завязывали спереди узлом, а потом через него перебрасывали оставшийся конец, пропущенный между ног. Надевавшийся поверх повязки пояс в данном случае отсутствует. Возможно, эта деталь просто была опущена боспорским живописцем. Обувь обоих бойцов художник, копировавший фрески, изобразил как сандалии с ремешками, обвивающими большую часть голени. Они нехарактерны для Боспора, но в том, что это не фантазия копииста, убеждает сцена с гладиаторами на мозаике конца II в. н. э. из Злитена в Ливии (рис. 72) (Носов, 2005. С. 80).

Головы боспорских героев арены защищены достаточно условно изображёнными высокими коническими шлемами, при этом тот, что справа, дополнен небольшим трёхчастным навершием. Последняя деталь, быть может, являлась своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя

¹⁸ Данные о цвете этой и других деталей росписи склепа приводятся на основании раскрашенных от руки рисунков А.М. Стефанского (Ростовцев, 1914. С. 349; см. также: Burgunder, 2019).

Рис. 72. Фрагмент мозаики со сценами гладиаторских игр. Злитен (Ливия)

из того же склепа (Ростовцев, 1914. Табл. LXXXVIII, 2). Реальные прототипы таких элементов защитного вооружения, распространённые в сарматской среде, имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 194–196). В частности, шлемы, относящиеся к типу конических, представлены несколькими хорошо сохранившимися экземплярами II — начала III в. н. э. из дружинных сарматских погребений у хутора Городского близ восточных границ Боспора (Сазонов, 1992. С. 248 сл., рис. 9, 5; 11, 4; 15, 1).

Участники поединка держат в руках не гладиусы военного образца, а кинжалы с длиной клинка, судя по пропорциям, не более 30 см. Такой вид вооружения гладиаторов встречается на многих изображениях в римском искусстве, особенно с середины I в. н. э. (Носов, 2005. С. 119). У гладиатора

слева в правой руке кинжал, в другой — небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы с полосой обивки по краю и ромбовидным умбоном в центре¹⁹. Предметы вооружения его соперника размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением боспорского живописца добиться абсолютной симметрии двух человеческих фигур относительно входа.

М. И. Ростовцеву представлялось, что, если исключить форму щита и шлема, то ближе всего изображённые бойцы соотносятся с таким типом гладиаторов, как мирмиллон (Ростовцев, 1914. С. 356), но на самом деле различий гораздо больше. Так, мирмиллону полагалось иметь широкий пояс (балтеус), на кожаной основе которого традиционно крепились бронзовые пластинки; на правой руке — защитный кожаный или простёганный матерчатый рукав (манику), а также короткую поножь на левой ноге (Носов, 2005. С. 57–58). Некоторую параллель можно усмотреть только в расширении изображённых на фреске шлемов книзу, что, возможно, говорит о наличии у реальных прототипов более или менее широких полей. Таким образом, имеющийся в данном случае комплект лёгкого вооружения: шлем, щит, кинжал, — без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из известных типов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением «фракийцев». Для гладиаторов этого типа характерны кривой кинжал (сика), шлем с загнутым вперёд гребнем, наруч (маника), небольшой прямоугольный щит и высокие поножи. Это наблюдение подтверждается сделанными, за исключением ряда деталей, по одному и тому же трафарету сценами ещё двух поединков, расположенными на верхнем ярусе продольных стен второй камеры (рис. 73). В данном случае их участники изображены в шлемах с назатыльником и загнутым вперёд гребнем.

О популярности на Боспоре элементов именно «фракийского» вооружения для выступлений на арене говорит присутствие его на подражающих итальянским глиняных светильниках местного производства с изображением гладиаторов из собрания Эрмитажа (Вальдгауэр, 1914. С. 12, 37) (рис. 74). Недавно такой светильник I–II вв. н. э. был найден при исследовании могильника Александровские скалы 1 в 11 км к западу от Керчи (Волошинов и др., 2019. С. 133).

В центре правой боковой стены склепа 1841 г., вероятно, для того чтобы разнообразить сюжеты, представлен босой легковооружённый «ретиарий». Двумя руками он держит трезубец, имеющий вток в виде заострённого на-

¹⁹ Такой же умбон мы видим на щите варвара, изображённого на южной стене погребальной камеры Стасовского склепа 1872 г. (Ростовцев, 1913б. Табл. LXXVIII, 1).

конечника, снабжённого перекладной (рис. 73, 2), что позволяло в полной мере использовать это оружие для парирования и нанесения ударов, которые в данном случае оказывались более мощными. Отличия от устоявшегося

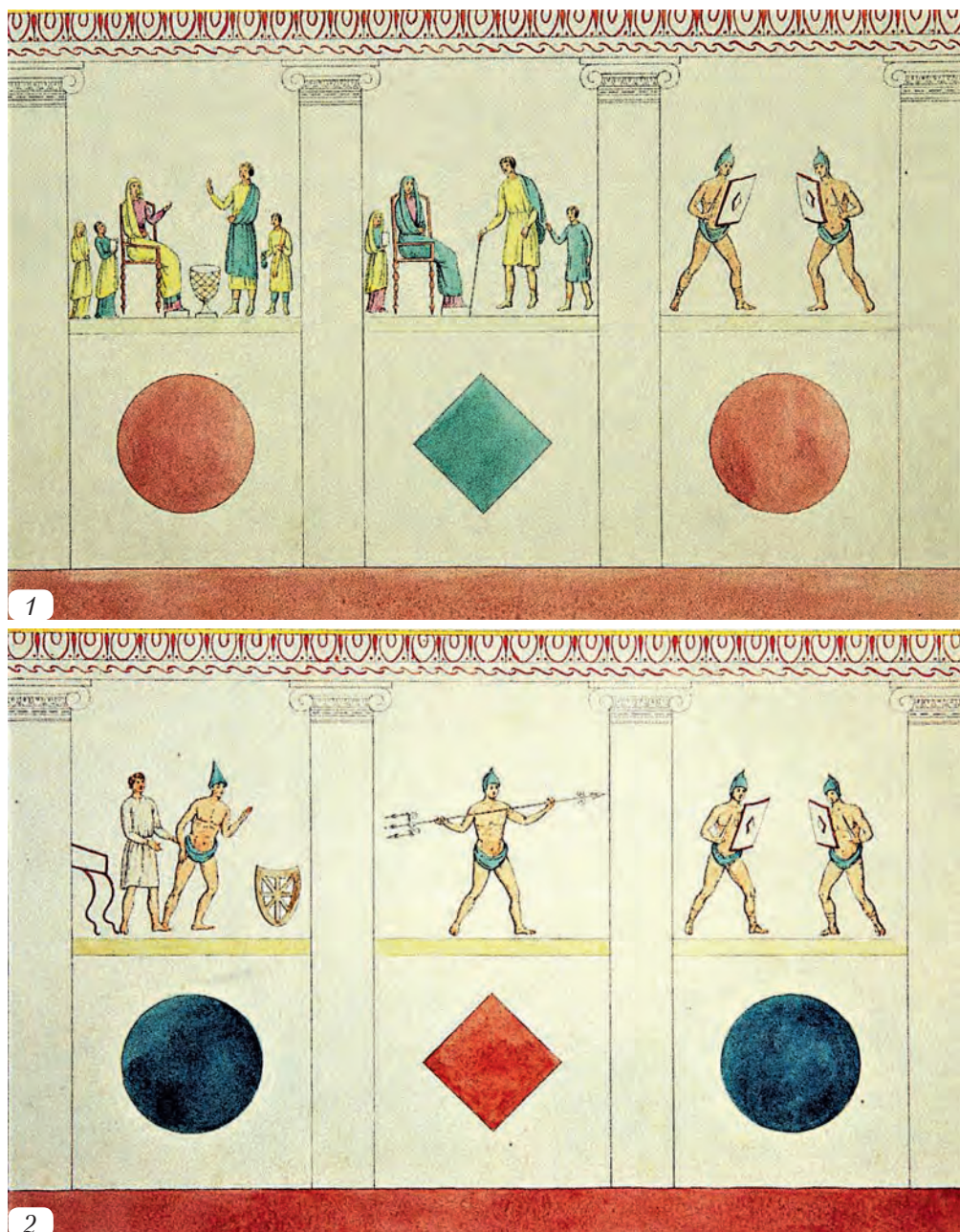

Рис. 73. Фрески на продольных стенах второй камеры склепа 1841 г.

*Рис. 74. Свещильник с изображением гладиатора-«фракийца»
из собрания Эрмитажа*

к этому времени римского типа ретиария заключаются, с одной стороны, в наличии шлема фракийского типа, с другой, в отсутствии маники и наплечника (галера) на левой руке, сети, короткого кинжала и фасций на ногах. Левее размещена сцена с двумя персонажами, одного из которых, в коническом шлеме, судя по тому, что он без обуви, готовят к выходу на арену также в роли ретиария. Отдельно в углу изображён щит в форме усечённого овала с ажурным орнаментом на внешней поверхности.

Бросается в глаза почти полная незащищённость запечатлённых на стенах склепа 1841 г. боспорских гладиаторов. Понятно, что в условиях ближнего боя без маники на руке, широкого пояса и других деталей обычной экипировки поединок становился слишком кровавым и скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Вероятно, мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть отражённым в памятниках римского искусства. Это так называемые грегари, набравшиеся из второсортных гладиаторов или обречённых на смерть военнопленных и преступников, жизнь которых не стоила почти ничего (Auguet, 1994. Р. 178). Именно о них Сенека писал: «Всё прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, всё тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? <...> Зачем доспехи? Зачем приёмы? Всё это лишь оттягивает миг смерти... Для сражающихся нет иного выхода... и так, покуда не опустеет арена» (Sen. *Ep. mor. ad Luc.* VII. 3–4; пер. С. А. Ошерова).

Данная ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала собственная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издавна было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, вряд ли возможно исключить присутствие на пантикапейской арене немногочисленных местных любителей, готовых продемонстрировать своё воинское мастерство за деньги. Подобный случай описал в своей новелле «Токсарид, или Дружба» известный греческий писатель II в. н. э. Лукиан Самосатский. Там рассказывается о двух друзьях родом из Скифии, Токсариде и Сисинне, оказавшихся в городе Амастрии на южном берегу Понта Эвксинского. Оба в результате ограбления лишились всего имущества, а потом узнали о готовившемся представлении с участием нанятых за плату гладиаторов. Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр. Далее, как рассказывал Токсарид, «усевшись, мы видели, как охотились с дротиками на диких зверей, как их травили собаками... Наконец... глашатай, ведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий желающий сразиться с ним один на один, выходил на середину, — за это он получит десять тысяч

драхм — плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбегав на арену, изъявил желание сражаться и потребовал оружие» (Лис. *Tox.* 59–60: пер. Д. Н. Сергеевского). У Лукиана речь идёт о разовом выступлении в роли гладиатора, без всяких дальнейших обязательств. Представляется, что такой сценарий был достаточно обычным для многих периферийных греческих центров.

В этой связи обращает на себя внимание одна из сцен верхнего яруса торцовой стены второй камеры склепа, где навстречу друг другу устремляются два конных воина (рис. 69, 2). Слева скачет облачённый в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назащитником, с копьём в правой руке, а справа — персонаж без доспеха, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком «гуннского» типа. Здесь следует отметить характерное для многих традиционных пар римских гладиаторов явное стремление уравнивать шансы противников. Один из них, подвергаясь опасности со стороны стрелка из дальнобойного лука, имеет панцирь, другой — если бы не смог использовать своё преимущество, в случае ближнего боя был фактически обречён на поражение.

Теперь вновь вернёмся к сценам с конными «охотниками», которые, очевидно, полностью вписываются в картину проведения на Боспоре гладиаторских игр. Судя по последовательности сюжетов, представление здесь начиналось звериной травлей с участием конных²⁰ и пеших венаторов, которым в местных условиях вряд ли требовалась специальная подготовка. Во второй части игр могли демонстрироваться выступления грегариев, сменявшиеся схватками конных бойцов, сражавшихся за плату.

Если учесть, что в декоре склепа представлены пять сцен борьбы всадников с дикими животными и один пеший венатор, а поединков между людьми всего четыре, то предпочтение, отданное «охоте» с коня, вполне очевидно. Видимо, это больше соответствовало реалиям жизни людей того времени, тесно связанной со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья, и такое зрелище находило больший отклик среди населения столицы царства, для которого охота всегда имела определённое, но не определяющее значение. Этим объясняется присутствие среди общей массы остеологического материала из раскопок боспорских городов сравнительно небольшого количества (около 1,3–1,5%) костей диких животных, среди которых представлены благородный олень, лось, сайга, кулан, лисица, заяц²¹, дикий кабан, барсук, ласка (Цалкин, 1960. С. 89). При

²⁰ В отличие от Боспора, в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно необычно (Носов, 2005. С. 27).

²¹ Наиболее распространённой охотничьей добычей, судя по находкам костей, были зайцы и лисицы. Кстати, Ксенофонт в своём трактате «О псовой охоте»,

этом интересно отметить, что в городах такие находки гораздо чаще и разнообразнее, чем на сельских поселениях (Кругликова, 1975. С. 214–215). Вероятно, это связано с большими возможностями городского рынка для сбыта охотничьей добычи, хотя свою роль могло играть и особое отношение горожан к охоте как к занятию, необходимому каждому гражданину, а особенно юношам, для развития сноровки, ловкости и силы в качестве подготовки к войне (Plato. *Leg.* 823b–824c; Хен. *Сун.* XII. 1, XIII. 11; Хен. *De re eq.* 8. 10; Арг. *Сун.* I. 1). Во всяком случае, у кочевников охота всегда служила прекрасной тренировкой для реального боя, в ходе которой отрабатывались навыки совместных действий.

Стоит отметить, что дикие животные, представленные в тех сюжетах боспорского изобразительного искусства, которые можно связать с гладиаторскими играми, не являются чем-то экзотическим для Боспора. Это касается и крупных представителей семейства кошачьих, в ареал обитания которых в древности входил Северо-Западный Кавказ²². Таким образом, их доставка в столицу не требовала серьёзных финансовых затрат.

Едва ли в Пантикапее существовал специальный амфитеатр для травли зверей и проведения гладиаторских состязаний. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи, представления устраивались в местном, слегка переоборудованном театре (Рим, 1997. С. 102; Grant, 1995. Р. 88), совмещавшем, таким образом, сразу несколько функций. К сожалению, несмотря на имеющиеся письменные и археологические свидетельства его существования, пантикапейский театр так до сих пор и не найден, хотя его реконструкция, скорее всего, мало чем отличалась от соответствующих работ, произведённых в театре Херсонеса Таврического. Организация там гладиаторских боёв потребовала увеличения пространства для выступлений, количества мест и соответствующей защиты зрителей: появился дополнительный ярус каменных сидений, площадка оркестры, периодически превращавшаяся в арену, расширилась, а вместо первого зрительского ряда был сооружён высокий барьер, по-видимому, с металлической решёткой (Домбровский, 1960. С. 32).

Введению на Боспоре практики проведения гладиаторских игр, видимо, способствовало долгое пребывание в Пантикапее в период Боспорской войны 45–49 гг. н. э. воинского контингента под командованием Гая Юлия

говоря о животных, представлявших интерес для охотников, ставил на первое место именно зайцев, уделяя значительно меньше внимания оленям и диким кабанам и тем более таким животным, как львы, леопарды, рыси и пантеры (Хен. *Сун.* I–XIII).

²² В этой связи отметим находку в Фанагории черепа детёныша леопарда (Добровольская, 2009. С. 116).

Аквилы и подчеркнутое романофильство царя Котиса I (45/46–67/68) (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 267, 272). Не исключено, что, с одной стороны, тут сыграли свою роль стремление римских солдат и командиров получить привычный набор развлечений, с другой, — изменившиеся вкусы представителей элиты боспорского общества, которые хотели продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти, старательно подражая их образу жизни. Вряд ли гладиаторские игры на Боспоре устраивали частные лица; по причине дороговизны подобного рода зрелищ скорее это входило в компетенцию царской администрации (ср.: Ростовцев, 1914. С. 357; Блаватский, 1985. С. 193). Известно, что в римских провинциях Малой Азии одной из обязанностей верховных жрецов императорского культа была организация *munera gladiatoria* (Ramsey, 1895. P. 57, 76; Robert, 1940. P. 270–275). Этой практике могли следовать и боспорские цари, которые со времени правления Котиса I становятся «пожизненными первосвященниками августов» (КБН. 41, 42, 44, 53, 982, 983, 1045, 1047, 1118, 1122). Не исключено, что именно Котису I и принадлежала открытая А. Б. Ашиком гробница с фресковой росписью, демонстрировавшей сюжеты, соответствовавшие высокому статусу погребённого, и, в том числе, видимо, данное в память о нём представление с участием гладиаторов. В любом случае сужение датировки склепа 1841 г. до третьей четверти I в. н. э. по сравнению с той, что предлагал М. И. Ростовцев: вторая половина I — начало II в. (Ростовцев, 1914. С. 375), находит себе подтверждение при анализе ряда деталей его декора. С одной стороны, это близость представленной в нём трактовки сюжета похищения Кору-Персефоны Плутоном к росписи пантикапейского склепа Деметры (ср.: Ростовцев, 1913б. Табл. LVIII; LXXXIX, 1), датирующейся временем около середины того же столетия²³, с другой, — особенности орнаментальных украшений нижнего яруса двух стен второй камеры этого погребального сооружения. Изображённые здесь окружности красного и зелёного цвета (Ашик, 1845. С. 26, 35) невольно заставляют вспомнить об упомянутом Сенекой (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) в последние годы его жизни модном увлечении римлян: «Любой сочтёт себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами...» (*Sen. Ep. mor. ad Luc.* LXXXVI. 6: пер. С. А. Ошерова). Именно такие круги, относящиеся к нижней части декора стен, сохранились в одном из помещений дома Веттиев (рис. 75), расписанного в четвёртом (перспективно-орнаментальном) помпейском стиле не позднее конца 60-х гг. I в. н. э. (Коарелли и др., 2002. С. 303–305).

²³ Основанием для этого являются находки в склепе стеклянных сосудов: двух ойнохой мастерской Энниона первой половины I в. н. э. и стакана 40–70-х гг. I в. н. э. (Кунина, 1997. С. 273, кат. 110–111; 313, кат. 298).

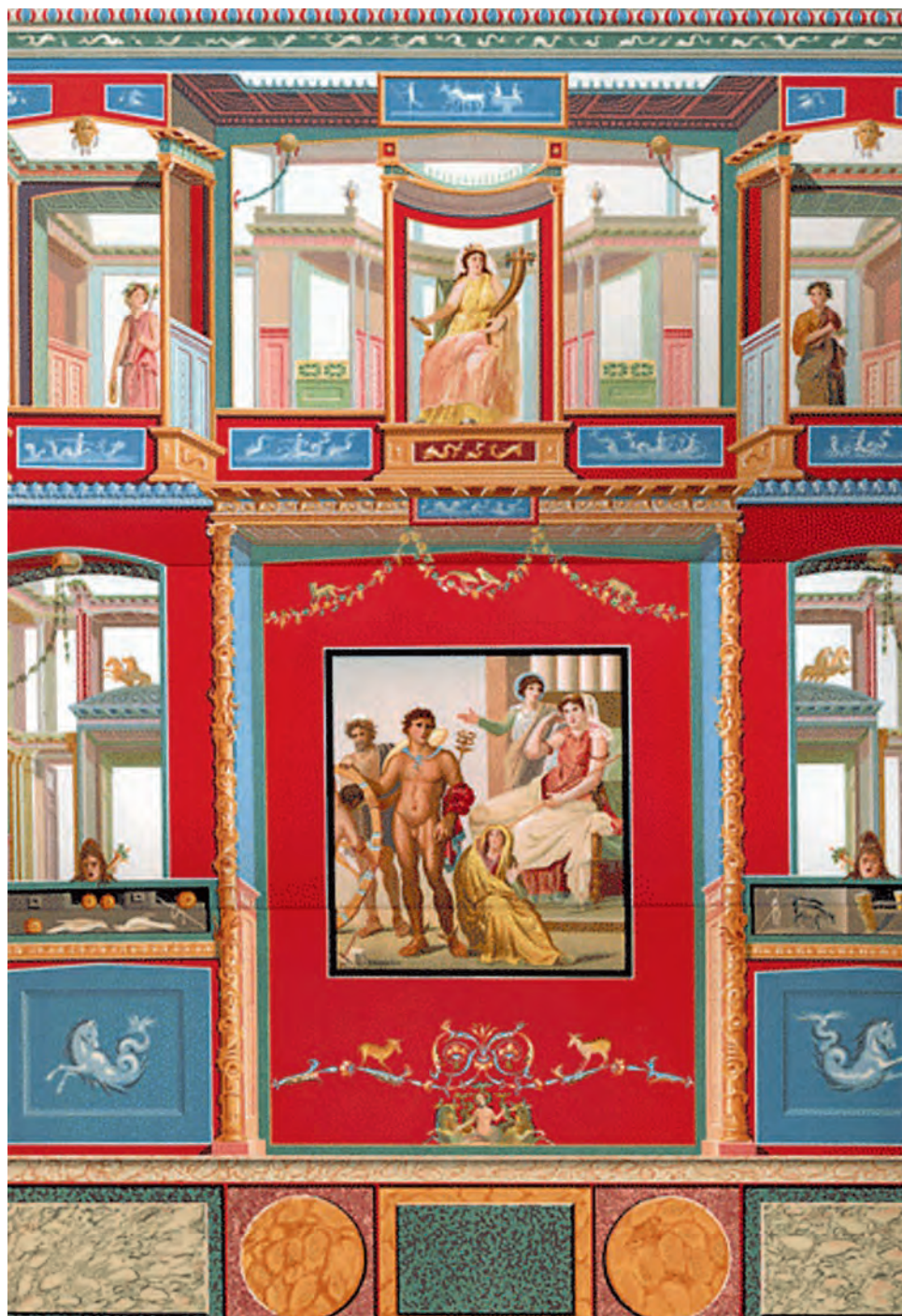

Рис. 75. Реконструкция росписи восточного крыла дома Веттиев в Помпеях

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что имевшая определённую специфику практика организации гладиаторских игр в Боспорском царстве так и не получила на его территории широкого распространения. Уже упомянутые светильники с изображением гладиатора-«фракийца» и резные украшения деревянных саркофагов со сценами «охоты» полностью вышли из моды уже в начале II в. н. э. Интересно отметить, что после правления Котиса II (123/4–132/3) из титулатуры боспорских царей надолго исчезает такой её элемент, как «пожизненный первосвященник августов». Возможно, как раз к этому времени относится прекращение связанных с большими расходами гладиаторских игр и передача функции отправления императорского культа специально назначенному частному лицу, освобождённому от всех налогов, взимаемых в царстве, с правом закрепления этого звания и привилегий за его потомками (КБН. 1050). Вновь упоминание о царе как «пожизненном первосвященнике августов» появляется только в надписи 216 г. на постаменте статуи Рескупорида II (КБН. 53), когда гладиаторские бои на Боспоре уже давно ушли в прошлое. Таким образом, кровавые зрелища остались чуждыми основной массе местного населения и, видимо, периодически, да и то недолгое время проводились только там, где существовали храмы, связанные с культом римских императоров, или временно размещались подразделения римской армии.

ПЕРСОНАЛИИ

4.1. П. Дюбрюкс: «Изгнанник на краю Европы»¹

«Изгнанник на краю Европы» — так назвал себя в письме французскому королю Карлу X один из тех, кто стоял у истоков античной археологии Северного Причерноморья, — Поль Августин Дюбрюкс, покинувший родину из-за революционных потрясений конца XVIII в. и после долгих скитаний осевший в Восточном Крыму, чтобы обрести там своё подлинное призвание.

Как выяснилось не так давно благодаря усилиям французских архивистов, П. Дюбрюкс родился 31 августа 1770 г. в герцогстве Люксембург, тогда принадлежавшем Австрийской империи, в той его части, которая теперь входит в состав современной Бельгии (Гавинье и др., 2010. С. 102). Впрочем, семья Поля по своим языку, культуре, да и чисто практическим интересам больше была связана с расположенной неподалёку Францией. Своей фамилией он был обязан отцу — дворянину Селестену Алексису, прозванному Дюбро или Дюбрю, что на местном диалекте означало густые лесные заросли, где скрывается дичь. Такие прозвища не даются зря, и, видимо, оно отражало всепоглощающую страсть к охоте, которая позднее переросла в жажду военных подвигов. Когда началась Семилетняя война 1757–1763 гг., восемнадцатилетний Селестен Дюбрюкс, не раздумывая, стал солдатом набиравшегося для французской армии корпуса королевских волонтёров, где вскоре дослужился до офицерского чина. Он участвовал в Ганноверской (1757 г.), Антильской (1761 г.) и Корсиканской (1768 г.) кампаниях, связанных с операциями, проводившимися при участии военно-морского флота. Затем для него начались годы размеренной пограничной службы. Где она протекала, неясно, но, если позднее, уже в России, Поль Дюбрюкс указывал в качестве своей родины провинцию Франш-Конте, то, скорее всего, именно она стала местом последней службы его отца при королевском режиме. Здесь, видимо, и прошли юные годы будущего археолога. Возможно, уже тогда пробудился его ещё неосознанный интерес к древностям. Ведь на улицах Безансона, столицы провинции, можно было видеть включённые в городскую архитектурную среду остатки римского акведука и триумфальную арку, где вполне явственно проступали изъеденные временем

¹ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2006 г. Текст статьи исправлен и дополнен.

рельефы времени правления императора Марка Аврелия (161–180 гг. н. э.). Впрочем юноша не особенно задумывался над проблемой жизненного выбора и решил пойти по стопам отца. В 1784 г. он вступил в полк альпийских стрелков и уже через пять лет стал лейтенантом. Видимо, с этим периодом связано знакомство молодого офицера с собраниями античных древностей в Париже. Впоследствии он не упустил случая осмотреть «антики» в кабинетах редкостей в Мюнхене и Мангейме (Тункина, 2010. С. 31).

Резкие перемены наступили, когда Великая Французская революция положила конец спокойному существованию семейства Дюбрюксов. В 1792 г. его глава, уже собравшийся было уйти в отставку, утратил право на пенсию, предоставленную морским ведомством. Короля Людовика XVI к тому времени уже лишили власти, и новое революционное правительство объявило войну Австрии, стремившейся к восстановлению монархии во Франции. Дюбрюксы не собирались отречься от роялистских взглядов и вскоре оказались за границей, в немецком городке Кобленце. Здесь Поль, вместе с отцом и братом, Этьеном Туссенем, вступил в корпус принца Конде, где уже было около двух тысяч кадровых французских офицеров, готовых воевать против революционной родины в составе австрийской армии (Бовыкин, 2006. С. 77–86). Но страстный призыв «Граждане, Отечество в опасности!» уже всколыхнул всю страну, и битва при Вальми 20 сентября 1792 г. похоронила надежды на скорую реставрацию старых порядков. Из Вены пришло сообщение о том, что с 1 апреля 1793 г. корпусу Конде будет прекращена выплата жалованья. Положение людей, входивших в этот корпус, стало трагическим, — денег почти ни у кого не осталось. Помощь пришла со стороны России, откуда к эмигрантам прибыл их соотечественник, герцог Арман Эммануэль Ришелье (1766–1822)², с 60 000 золотых дукатов и предложением основать французскую колонию на восточном берегу Азовского моря (Глаголева, 2016. С. 59). Деньги были с благодарностью приняты, но от прочего Конде предпочел уклониться. После поражения Австрии в войне с Французской республикой и Кампо-Формийского мира 1797 г., продиктованного молодым генералом Наполеоном Бонапартом, армия Конде была обречена на изгнание. Единственной страной, готовой её принять, оказалась Россия, где к этому времени на трон взошел Павел I. Возможно, немалую роль в данном случае сыграло состоявшееся за пятнадцать лет до того личное знакомство принца с будущим императором и его супругой Марией Фёдоровной, которых под именем графа и графини Северных он по-царски принимал в своем поместье Шантийи.

² В будущем этот человек стал градоначальником Одессы и генерал-губернатором Новороссийского края.

Последовавший на восток эмигрантский корпус за три месяца совершил переход от берегов Боденского озера в Германии до Южного Буга. 1 января 1798 г. 4600 французов дворянского происхождения перешли через реку. Вечером того же дня Поль Дюбрюкс, как и все, принёс присягу российскому императору. К тому времени он имел чин капитана (IX класс по российской «Табели о рангах»), был обременён семьёй и двумя детьми, необходимость заботиться о которых обрекала его на постоянный поиск средств к существованию.

Когда весной 1799 г. Павел I приказал начать военные действия против Французской республики, эмигрантское воинство после непривычно суровой зимы и скуки провинциальной жизни с радостью выступило в поход. Ему предстояло взаимодействовать с войсками генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова на левом берегу Рейна (Тункина, 2010. С. 21). Правда, там корпус Конде, расквартированный в городе Констанц, успел принять участие только в одном серьёзном деле: 7 октября 1799 г. он был атакован превосходящими силами французов во главе с генералом Оноре Газаном. Роялисты и их русские собратья по оружию сражались храбро, но, потеряв в этом бою 126 человек убитыми и ранеными, были вынуждены отступить (Васильев, 2004. С. 109). Скоро ветер большой политики переменился — русский император начал сближение с Наполеоном, и корпус Конде должен был вернуться к месту своей прежней дислокации, в Волынскую губернию, но по договоренности с британским правительством в марте 1800 г. корпус перешёл на содержание Англии. Его присоединили к частям австрийской армии, действовавшей в Италии и на Дунае. В 1801 г., после очередного поражения австрийцев и роспуска военных сил эмигрантов, судьба разбросала ранее сражавшихся под одним знаменем Дюбрюксов. Отец и младший брат Поля сначала безуспешно просили назначения в австрийскую армию, но потом воспользовались амнистией, объявленной в 1802 г., и вернулись во Францию. Сам Поль, занявший в этом отношении непримиримую позицию, считал, что настоящий француз ни в коем случае не должен служить узурпатору. Даже в жестокой нужде, когда отец исхлопотал ему возможность занять место во французском Департаменте вод и лесов, он отказался принести присягу новому режиму. В конце концов пришло решение окончательно связать свою судьбу с приютившей его ранее Российской империей и искать там любые способы свести концы с концами. Самую простую возможность заработать на жизнь в ожидании лучших времён давало преподавание французского языка, и Поль стал «наставником», т. е. домашним учителем, скорее всего, в одной из помещичьих усадеб на Волыни, хотя писал по-французски с ошибками.

Характерные черты учителя-француза этого времени и настроения большей части эмигрантов ярко описал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856): «...наш гувернёр, шевалье де-Ролен-де-Бельвиль, французский подполковник, человек лет сорока... старался со всеми быть любезен и умел всем нравиться, старым и молодым, господам и даже слугам... Об отечестве своём говорил как все французы, без чувства, но с хвастовством, и с состраданием... Революционеры, новые титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом, но подобно им, будут низвергнуты в бездну» (Вигель, 1928. С. 81–82).

Всё же нужно было думать о будущем, и в итоге Дюбрюкс перебрался с семьёй в столицу, которая давала куда больше возможностей в отношении поиска работы. Пребывание в Петербурге позволяло рассчитывать на помощь соотечественников, завязать знакомства с нужными людьми, наконец, просто получить какую-нибудь должность. Об этом периоде жизни Поля никаких определённых сведений не сохранилось, но мы знаем, что «ум и любезность» обеспечили ему в 1810 г. предложение «служить по таможенной части» (Тетбу де Мариньи, 1848. С. 229), а если точнее, скромное место пакгаузного инспектора Еникальской таможенной заставы в Керчи, на что он с радостью согласился.

Итак, бывший армейский капитан Павел Алексеевич Дюбрюкс (как его теперь можно называть) поступает на гражданскую службу тем же чином IX класса, т. е. становится титулярным советником. Чин этот многим знаком больше по романсу А. С. Даргомыжского на стихи П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь», хотя упоминание о нём можно часто встретить в произведениях русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить среди его обладателей незабвенного Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели». Большая часть чиновников застревала на этой ступеньке надолго потому, что VIII класс уже давал права потомственного дворянства и, чтобы перейти в него, обычно нужно было иметь протекцию. Судьба обрекла П. Дюбрюкса до конца жизни пребывать в кругу тех, кого называли «вечными титулярными советниками», но на первых порах это, видимо, не особенно его тяготило.

Что же представляла собой Керчь в те годы? Павел Сумароков в своих «Досугах крымского судьи» отмечал здесь наличие всего 80 небогатых дворов и двух улиц. Он признавал, что «приморское положение почти здесь бесполезно» (Сумароков, 1805. С. 106–107), т. е. это было типичное российское захолустье. Даже в 1817 г. число жителей Керчи не превышало 600 человек. Не случайно вся местная администрация находилась в бывшей турецкой крепости Еникале, на базе которой было организовано Керчь-Еникальское градоначальство. Собственно, тут и обосновался на первых порах титуляр-

ный советник Дюбрюкс с женой и двумя сыновьями, а вскоре у него родилась и дочь Елизавета. Сам он так описывал своё первоначальное местопребывание на юге России: «Город Еникале, имеющий не более трёх улиц, построен амфитеатром на горе; и, хотя дома в нём почти все дурной постройки и в азиатском вкусе, однако вид с моря довольно живописен» (Дюбрюкс, 2010. С. 280). Рядом, в предместье, кипела торговля: десятки купеческих лавок предлагали фрукты, рыбу, кожи, войлок, табак и другие товары. В бухте порой останавливалось до тридцати греческих и турецких торговых судов, следовавших далее в Таганрог или обратно.

Конечно, должность надзирателя таможи в условиях отсутствия хорошо оборудованного порта оказалась чисто номинальной, как, впрочем, и жалованье — всего 400 руб. ассигнациями (108 руб. серебром) в год. Что можно было купить на эти деньги? Например, две хороших рабочих лошади или 104 пуда пшеничной муки. Если бы не помощь рыбаков, иногда снабжавших Дюбрюкса солёной рыбой, ему вряд ли удавалось бы сводить концы с концами. Со временем за счёт ссуды в 2000 руб. он сумел построить на выезде из Керчи в Феодосию дом, окружённый садом (Тункина, 2010. С. 23)³, но этот долг, несмотря на доход от сдачи в аренду части комнат, ещё долго не давал ему спокойно жить.

Постоянная нужда в деньгах не помешала Дюбрюксу в 1812 г. пожертвовать какую-то сумму на войну с Наполеоном. В то же время он был готов взяться за любую работу, особенно в условиях обрушившегося на Новороссию неурожая и роста цен. В частности, Павел Алексеевич временно, в связи с эпидемией чумы, исполнял в Еникале обязанности комиссара по медицинской части, за что получил благодарственный отзыв от князя А. Б. Куракина и даже был представлен к награде, которой так и не получил (Тункина, 2010. С. 24). Своеобразным признанием его заслуг стало назначение 24 июля 1813 г. комиссаром 1-го квартала Феодосийской портовой карантинной конторы, где «за отличное исполнение порученности» он был «удостоен Высочайшего благоволения» (Тункина, 2010. С. 24), видимо, не сопровождавшегося денежным вознаграждением. Разочарование в государственной службе подвигло П. Дюбрюкса стать управителем имения коллежского советника Гурьева, расположенного у деревни Чурубаш, но и здесь он не нашёл себя. Хотя, возможно, тогда ему впервые удалось увидеть древние развалины, известные местным жителям под названием Кермечик, где впоследствии был локализован боспорский город-крепость Илурад.

8 июля 1814 г. последовало назначение надзирателем Керченской таможенной заставы, хотя и в этом качестве П. Дюбрюкс прослужил всего

³ Современный адрес: ул. Пирогова, 22. Дом не сохранился, но на этом месте установлена мемориальная доска.

полгода. Его положение скромного керченского чиновника несколько улучшилось в связи с получением более выгодной в материальном отношении должности смотрителя Керченских соляных озёр и магазина (т. е. склада. — *В. Г.*) Крымской соляной экспедиции. На этом посту он сумел добиться существенных успехов, увеличив объём добычи соли более чем в одиннадцать раз. Впрочем, этот человек, по словам академика П. И. Кёппена (1793–1864), относившийся к числу тех, кто «общественное благо предпочитали собственной пользе» (Тункина, 2010. С. 25), так и не сумел использовать новые возможности для личного обогащения. Он честно добивался признания своих заслуг перед королевским режимом, окончательно реставрированным во Франции в 1815 г. и неоднократно направлял прошения о награждении военным орденом Святого Людовика⁴, присвоении очередного воинского звания и предоставлении пенсии на пропитание своей многочисленной семьи. Крест в 1817 г. ему дали, но остальные просьбы были оставлены без внимания. Именно тогда Дюбрюкс вплотную приступил к изучению античных городов и некрополей в окрестностях Керчи.

Впрочем, интерес к археологии пробудился у Дюбрюкса уже вскоре после переезда в Крым. Не раз он становился свидетелем случайных находок классических древностей, буквально валявшихся под ногами. Английский профессор минералогии М. Кларк, побывавший на юге России в 1800 г., так выразил свои впечатления от пребывания в Керчи: «Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей... Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краёв. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами» (Кларк, 1999. С. 27).

Сам Дюбрюкс так описывает одно из своих первых открытий: «Прогуливаясь однажды по морскому берегу в 1½ верстах от города в сторону Еникале, я увидел небольшую гробницу и, раскопав её своей тростью... извлёк... маленькое этруское (так называли тогда сосуды, расписанные в краснофигурном стиле. — *В. Г.*) блюдечко... В том же месте я нашёл чашку красивой формы» (Дюбрюкс, 2010. С. 134). Сначала он преследовал вполне прозаическую цель — пополнение собственного бюджета за счёт продажи античных древностей проезжим путешественникам и знатым особам. Конечно, специальных знаний у него не было, но, тем не менее, основу для занятий

⁴ Этот военный орден обычно давался за 28 лет на службе короне. Он был учреждён Людовиком XIV в 1693 г., упразднён в годы Великой Французской революции и Первой империи, затем восстановлен в 1816 г. Людовиком XVIII.

археологией давало классическое образование, несомненно, полученное ещё в юношеские годы. В век Просвещения кто только ни воспитывался на героических образах Древней Греции и Рима, запечатлённых Плутархом и другими древними авторами. Искусство и литература были переполнены сюжетами, связанными с античной мифологией и историей.

Всё больше входя во вкус, начинающий археолог заручился официальным разрешением от генерал-губернатора Новороссии А. Э. Ришелье на изыскания и раскопки в Керчи. В 1811 г. он начал обследование Золотого кургана, а копая ров возле своего дома за старой таможней, наткнулся на фундамент «сложенной из обтёсанных камней» оборонительной стены Пантикапея толщиной около 2,2 м (Тункина, 2010. С. 33, 288). По-видимому, для Дюбрюкса, как и для многих его современников, и гора в центре Керчи, носящая имя царя Митридата VI Евпатора, непримиримого врага Рима, и разбросанные повсюду античные руины — всё это было окутано романтическим ореолом. Именно с таким настроением посетил эти места 15 августа 1820 г. Александр Пушкин, следовавший вместе с семьёй генерала Н. Н. Раевского с Кавказских минеральных вод в Кишинёв. Свои впечатления поэт описал в письме к брату: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я... Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землёю, насыпанной веками». Упоминает он и Дюбрюкса как какого-то француза, присланного «из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» (Пушкин, 1937. С. 18). Пушкин и не подозревал, что заочно они как бы уже знакомы через объединявшее петербургскую интеллектуальную элиту «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1816–1825), где начиналась литературная деятельность Гнедича и Батюшкова, а главную роль играли будущие декабристы и близкие к ним люди. В отчёте о собрании общества, опубликованном в «Отечественных записках» за 1820 г., можно ознакомиться с описанием существовавшего там небольшого «музеума редкостей»: «...разные глиняные изделия, как то статуйки Меркурия и царицы Омфалы, слепки с маски, которые римляне ставили на гробницах и за коими женщины, скрываясь, плакали о покойниках, лампы и проч.». Там же специально отмечалось, что «сии вещи доставлены обществу членом-корреспондентом его г. де Бруксом, имеющим поручение от правительства на приискание древностей в разрываемых могилах Керчи и Еникуля» (Публичное собрание, 1820. С. 95–96).

К этому времени «француз» в отношении изучения «антиков» успел сделать многое, и постепенно его исследования приобретают научный характер с довольно высоким для того времени уровнем фиксации найденного

материала: ведётся дневник, составляются чертежи открытых объектов, делаются рисунки находок. С помощью местных жителей коллекция древностей смотрителя соляных озёр стала быстро увеличиваться, заполняя шкафы в доме и пространство перед ним. Впрочем, старинные предметы собирали и до Дюбрюкса, но именно он заложил основы археологической топографии Керченского полуострова, зафиксировав то, что позднее было безвозвратно утрачено. К сожалению, открытие в ряде случаев неграбленных погребений с изделиями из драгоценных металлов указало немногочисленным тогда жителям Керчи на возможный источник легкого обогащения, и это привело к появлению первых профессиональных грабителей могил — «счастливицков».

В ноябре 1816 г. граф А. Ф. Ланжерон (1763–1831), сменивший герцога Ришелье в качестве генерал-губернатора Новороссии, выделил Дюбрюксу на раскопки 100 руб. личных средств и поручил ему заняться «раскапыванием керченских курганов и открытием в них древностей» (Тункина, 2010. С. 34). Дополнительные средства (до 50 руб. в месяц) давала продажа обработанных блоков и бутового камня для нужд строительства в Керчи. Так в жизни скромного археолога-любителя начался «курганный» период, в течение которого были обнаружены некоторые «весьма драгоценные памятники древности» (Скальковский, 1838. С. 263). Эти находки побудили А. Ф. Ланжерона запросить в Министерстве народного просвещения 500 руб. на продолжение исследований. Необходимая сумма была вскоре получена, что стало первым случаем выделения государственных средств на археологические изыскания. Скорее всего, определённую роль тут сыграл интерес к античным памятникам Боспора со стороны будущего императора, великого князя Николая Павловича, совершавшего образовательную поездку по России и побывавшего в Керчи проездом 1–2 июля 1816 г. Он ознакомился не только с собраниями местных древностей, но и побывал на раскопках Дюбрюкса.

Ещё больше укрепил позиции керченского археолога визит в сентябре того же года великого князя Михаила Павловича, который, как и старший брат, отправился в образовательное путешествие по стране в сопровождении генерала И. Ф. Паскевича. Михаил Павлович посетил проводившиеся Дюбрюксом раскопки трёх курганов и даже спускался в большой склеп, в котором увидел семь непотревоженных костяков на ложах и на полу. На одном из них сохранилась часть одежды из верблюжьей шерсти, другой был покрыт тканью с золотым шитьём. Затем великий князь открыл своим именем подписной лист на сбор средств для дальнейших работ. Сам он пожертвовал на это 500 руб. и приказал провести раскопки у подножия и на вершине г. Митридат. В результате при участии уроженца Генуи Р. Скасси, керчен-

ского чиновника и коммерсанта, были найдены мраморные фрагменты «торса Эскулапа», «торс Геракла», статуя сидящей Кибелы, «бюст Юноны без головы» и часть алтаря с барельефом (Тункина, 2010. С. 35–36). Проявленное высочайшее внимание и покровительство А. Ф. Ланжерона способствовали тому, что в июле 1817 г. таврический губернатор А. С. Лавинский официально предписал оказывать Дюбрюксу содействие в отыскании древностей «в холмах и древних гробницах в окрестностях и самом городе Керчи, а всем прочим воспретить раскапывать... дабы не могли какие драгоценности быть похищены» (Тункина, 2010. С. 35).

Апрель 1818 г. ознаменовался для П. Дюбрюкса тем, что после рассмотрения его дневника раскопок боспорских некрополей 1816–1817 гг. в Академии наук было высказано пожелание продолжать исследования, но «по более совершенному плану» и «под более надёжным руководством, чем ранее» (Тункина, 2010. С. 38). Впрочем, вряд ли он знал об этом, когда 10–11 мая в Керчь приехал сам Александр I в сопровождении большой свиты из генералов М. А. Милорадовича, П. М. Волконского, А. А. Аракчеева, Ф. П. Уварова и принца Гессен-Гомбургского. Император вместе со всеми поднялся на гору Митридат, «восхищался прелестным оттуда видом», а потом заметил: «Жаль только, что эти моря не оживлены торговыми кораблями!» (Санжаровец, 2015. С. 63). Затем он пожелал осмотреть открытые местным энтузиастом-археологом склепы и катакомбы, а также его дом, превратившийся в музей.

О том, что предстало перед высочайшим взором, мы можем судить благодаря описанию самого владельца «древлехранилища»: «В нём много золотых вещей, таких как браслеты, ушные серьги, перстни, женские и звериные фигурки и пр.; фрагменты мраморных статуй <...> множество мраморных барельефов — одни с фигурами, другие с архитектурным декором, два из них с фронтона <...> Но, что ценнее всего — это надписи на монументах, воздвигнутых в правление боспорских царей <...> Нумизматическая коллекция, должно быть, насчитывает более двухсот медалей (так тогда называли монеты — В. Г.), многие из которых хорошо сохранилась и интересны. Кроме только что описанных мной вещей, имеется большое количество склянок вроде слезниц (бальзамариев — В. Г.) и прочего, терракотовых ваз разных формы и размеров. <...> Один шкаф и две стеклянные витрины заполнены мелкими терракотовыми и гипсовыми статуэтками и бюстами различной величины» (Дюбрюкс, 2010. С. 290–292).

О непосредственном впечатлении от знакомства с П. Дюбрюксом в те дни флигель-адъютант императора А. И. Михайловский-Данилевский (1790–1848), будущий известный военный историк, вспоминал следующим образом: «...человек сей неучён, то доказывает самое короткое с ним

свидание; он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слыхал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился... его старания заслуживают благодарность, ибо до него ни один из наших соотечественников не занимался изысканиями таврических древностей...» (Михайловский-Данилевский, 1897. С. 92–96).

Александр I остаался доволен и пожаловал Дюбрюксу те из находок, которые были собраны на казённых землях, а также отмеченный в послужном формуляре: «перстень, бриллиантами осыпанный» (Тункина, 2010. С. 39). Что представлял собой этот царский подарок для вечно нуждавшегося человека в денежном выражении? Обычная практика предусматривала соответствие стоимости перстня тому положению, которое награждаемый занимал в обществе. Существовала даже специальная «Табель о назначении подарков по чинам» (Зимин, Соколов, 2013. С. 499, табл. 39). Так, в январе 1830 г. статский советник⁵ Н. И. Гнедич получил «за поднесение» перевода «Илиады» бриллиантовый перстень с аметистом за 1198 руб., а надворный советник⁶ М. Н. Загоскин за роман «Юрий Милославский» бриллиантовый перстень с аквамаринном за 746 руб. Больше соответствует нашему случаю пожалование есаула⁷ Выровникова «за доставку от уральского казачьего войска Его Императорскому Величеству икры и рыбы» бриллиантового перстня с гранатом за 202 руб. (Зимин, Соколов 2013. С. 486,), т. е. в половину годового жалованья П. Дюбрюкса. Возможно, во исполнение устных пожеланий Александра I в сентябре 1818 г. несколько имевшихся у П. Дюбрюкса ценных находок были отосланы им вдовствующей императрице Марии Фёдоровне (Дюбрюкс, 2010. С. 151–153).

В 1820 г., во время визита в Петербург, П. А. Дюбрюкс был принят Михаилом Павловичем, который не только выделил ему небольшую субсидию на раскопки в размере 500 руб., но и пожелал получить подробные сведения о памятниках древности на берегах Боспора Киммерийского. Это обстоятельство подтолкнуло исследователя к созданию главного труда его жизни — «Описания развалин и следов древних городов и поселений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море». Нередко, положив в карман кусок хлеба и немного табака, он отправлялся пешком вдоль побережья или в глубь полуострова, изучая остатки древних поселений. Критически оценивая свой вклад в науку, археолог-самоучка тем не менее отмечал: «Прежде всего, я твёрдо решил составить чертежи со всей возможной точностью, будучи убеждённым, что

⁵ V класс по Табели о рангах.

⁶ VII класс по Табели о рангах (=подполковник в пехоте).

⁷ IX класс по Табели о рангах.

это станет единственным достоинством моего труда, коль скоро я отнюдь не учёный и могу лишь предоставлять описания почти документальные. Я пользовался верёвкой в 20 саженой для измерения расстояний и планшетом с компасом для определения угловых измерений как можно точнее. И я выверял свои планы трижды, дабы со всей возможной точностью описать такие-то развалины как остатки такого-то города или поселения» (Дюбрюкс, 2010. С. 275). Занимался Павел Алексеевич этими изысканиями только в холодное время года, с октября по апрель, когда каменные кладки не были покрыты травой. Подлинная страсть звучит в написанных им строках: «...чтобы убедиться в существовании города, от которого почти ничего не осталось на месте, там, где его существование предполагается, необходимо бы самое тщательное обследование, надо изучить, так сказать, каждый камень, каждое возвышение, ибо малейший след может привести к самым интересным и самым удивительным открытиям» (Дюбрюкс, 2010. С. 303).

На средства великого князя Михаила Павловича и графа Н. П. Румянцева, пожертвовавшего 3000 руб., П. Дюбрюкс продолжил раскопки в Керчи «гробниц с земляными насыпями», но почти все они оказались ограбленными (Тункина, 2010. С. 44). Между тем в конце декабря 1820 г. он получил известие о случайном обнаружении склепа с уступчатым перекрытием в кургане, расположенном на западной окраине Керчи, недалеко от дороги на Феодосию, но не нашёл времени осмотреть его. Добывавшие здесь камень матросы забрали оставшийся в склепе инвентарь богатого погребения и передали всё своему командиру. Это был человек, фамилией которого и стал называться впоследствии курган — участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. капитан-лейтенант Н. Ю. Патаниоти (ок. 1775 — 1838). В 1820 г. по распоряжению командующего Черноморским флотом он был назначен командиром транспортной флотилии из 12 судов для перевозки провианта в мингрельские и крымские магазины под началом графа А. Ф. Ланжерона (Гарский, 1902). К нему в Одессу и отправили основную часть находок. Среди них были изготовленные из золота массивная гривна с львиными головками на концах, два браслета, небольшая «статуйка» скифа с ритонном в руке и множество нашивных бляшек; бронзовые котлы с бараньими костями и наконечники стрел, а также гераклейская амфора с эгглическим клеймом на горле. Кое-что из вещей, украденных матросами, П. Дюбрюксу позднее удалось собрать и переслать Н. П. Румянцеву.

В октябре 1821 г. развитие Керчи пошло более быстрыми темпами благодаря учреждению здесь градоначальства, торгового порта и карантин. С этого времени городу начали придавать особое значение в административном и торговом отношении. В этот период многие просвещённые люди, осевшие в Новороссии, выдвигают идею создания здесь новых археологических

музеев с постоянным финансированием. Тогда же предлагается обширная программа изучения классических древностей юга России, предусматривавшая создание сводов письменных и археологических источников, проведение научных раскопок, составление планов археологических памятников, меры по их консервации и охране. Автором этой программы стал полковник

*Рис. 76. И. А. Стемповский.
Миниатюра. 1825 г.*

Иван Алексеевич Стемповский (1789–1832) (рис. 76), в прошлом участник боевых действий против кавказских горцев и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Долгое время он пребывал во Франции в составе оккупационного корпуса, используя эти годы для пополнения собственного образования. Дружба с известным археологом Д. Рауль-Рошеттом (1790–1854) открыла ему дорогу в Парижскую Академию надписей и словесности, членом-корреспондентом которой он позднее был избран. Молодой офицер был искренне убежден в необходимости углублённого археологического изучения Южной России и организации с данной целью специального общества. Оставив военную службу,

И. А. Стемповский поселился в Одессе и вплотную занялся археологией. Сначала П. Дюбрюкс переписывался с ним, сообщая о новых эпиграфических и нумизматических находках, затем со съёмки плана Мирмекия и разведок у Павловской батареи в 1820 г. началась их совместная работа. Это сотрудничество стало особенно плодотворным позднее, когда Стемповский в 1828 г. стал керчь-еникальским градоначальником.

Идея о создании музеев на юге России вскоре получила поддержку со стороны новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова (1782–1856). 1 апреля 1825 г. он представил соответствующий доклад на имя Александра I и получил с его стороны полное одобрение. В этих целях были использованы 10 тыс. руб., отпущенные ранее на охрану и реставрацию крымских древностей. В итоге уже 9 августа 1825 г. был открыт музей в Одессе, а менее чем через год, 14 июня 1826 г., — в Керчи. Директором обоих музеев был назначен И. П. Бларамберг (1772–1831) (рис. 77), еще

один иностранец на русской службе, которому покровительствовал М. С. Воронцов. Уроженец Фландрии, он попал в Россию, как и Дюбрюкс, в 1797 г. Не имея специального образования в области классической археологии и филологии, И. П. Бларамберг приобрел определённый авторитет в ученых кругах посредством изысканий в области нумизматики и исторической географии. В Керчи он тесно сотрудничал с П. Дюбрюксом, передавшим местному музею собранные им античные древности в виде безвозмездного дара. Единственная выгода, которую основатель музея извлёк из своего поступка, — это арендная плата в размере 400 руб. в год за комнату в его собственном доме, где на первых порах размещались экспонаты.

*Рис. 77. И. П. Бларамберг.
Литография. 1837 г.*

В 1826–1827 гг. П. А. Дюбрюкс занимался раскопками пантикапейских курганов и обследованием остатков древних городов и поселений Керченского полуострова. Так появились постоянно уточнявшиеся планы Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Китея и Киммерика (Тункина, 2010. С. 52–55). В одном случае Дюбрюкс отделился от береговой полосы и основательно обследовал руины уже упоминавшегося древнего поселения под татарским названием Кермечик⁸ и нанёс их на план. В этом обследовании принимал участие и Бларамберг, локализовавший там боспорский город Тиритакку, тогда как Дюбрюкс связывал эти руины с бурными событиями конца IV в. до н. э., описанными Диодором Сицилийским, когда на Боспоре шла борьба за власть между сыновьями царя Перисада I (Diod. XX. 20–23). Ему представлялось, что именно здесь находилась крепость царя племени фатеев Арифарна, поддержавшего одного из претендентов, или, на худой конец, загородный дворец боспорских царей. В этом отношении его поддержал Стемпковский, когда сразу после переезда в Керчь пожелал ознакомиться с результатами разведок П. Дюбрюкса на территории Восточного Крыма. Позднее тот вспоминал: «Когда в 1828 г. вместе с покойным г-ном Стемпковским... мы дошли до северной башни, то, осматривая местность,

⁸ Известны и другие варианты этого названия, например, Кермеш-Келечик или Кермеджик. В наши дни близ городища расположена совр. дер. Ивановка (в 17 км к юго-западу от Керчи).

он сказал: “Вот что напоминает дворец царей Боспора”» (Дюбрюкс, 2010. С. 310). К чести исследователя, судя по записи на полях рукописи «Описания...», позднее он отказался от этой гипотезы: «...я совершенно убедился в том, что царский дворец, о котором упоминает Диодор Сицилийский и у подножья которого началось сражение между сыновьями Парисада, находился не в пределах европейской части Боспорского царства, но в Азии, и что этот дворец, должно быть, располагался у одного из притоков Кубани» (Дюбрюкс, 2010. С. 312).

В любом случае безусловной заслугой Дюбрюкса является тщательная, добросовестная фиксация и описание прекрасно сохранившихся оборонительных сооружений древнего города и прочих строительных остатков, в том числе и на прилегающей территории. В деталях, с приложением подробного описания, план городища был завершён не позднее 1832 г. (рис. 14). Как проклятый, Дюбрюкс возвращался сюда раз за разом, надеясь подметить что-то новое. Иногда это приносило свои плоды. При описании развалин построек на территории городища Дюбрюкс писал: «Большая засуха последних двух лет настолько обнажила все остатки этих внутренних сооружений, что можно было снять очень точные планы всех улиц, очень узких, но проложенных по струнке. Побывав здесь в прошлом сентябре месяце, чтобы ещё раз выверить свою работу <...> я снял [план] нескольких улиц и формирующих их строений, расположенных ближе всего к воротам и стоявших на некоторых уличных перекрёстках. Большинство этих строений имеет одно большое помещение (очевидно, имелся в виду двор. — В. Г.) и несколько маленьких каморок, предназначенных для спален. Уникальная форма зданий этого поселения обязывала меня также показать на плане некоторые из них» (Дюбрюкс, 2010. С. 308).

В 1830 г. П. А. Дюбрюкс сыграл большую роль в открытии всемирно известного погребения скифского царя в кургане Куль-Оба. Этот эпизод в истории боспорской археологии достаточно подробно описан рядом отечественных авторов (Брашинский, 1979. С. 38–60; Власова, 2006. С. 47–53; Тункина, 2010. С. 57–53), в том числе с публикацией всех архивных материалов (Дюбрюкс, 2010. С. 178–222). Это событие стало важным рубежом в истории отечественной археологии, поскольку с него началось регулярное финансирование раскопок на юге России для пополнения коллекций Эрмитажа. Почти тридцать лет спустя, уже при Александре II, эта деятельность перешла на государственный уровень, — была создана Императорская археологическая комиссия, целенаправленно занимавшаяся изучением древностей на территории нашей страны.

Несмотря на ряд выдающихся достижений, в отношении научного признания Дюбрюксу фатально не везло. Маститые учёные обычно свысока

относились к его деятельности и изложенным на бумаге результатам исследований. Ведь этот человек не обладал изящным слогом и не ссылался по любому поводу на античных авторов. Ни одна из работ, направленных им по совету Стемпковского в Парижскую академию надписей, так и не получила никакого отклика. В России, если они и были, то далеко не положительного свойства. Так, А. Н. Оленин, президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, писал в своём отзыве: «Описание г. Дю-Брюкса... весьма сбивчивое и планы его и разрезы весьма неисправные... Жаль, что навык г. Дю-Брюкса находить и открывать древние гробницы не отвечает его познаниям, не токмо в археологии, но даже в природном его языке. Тому причиною, что он подобными делами токмо случайно занимался...» (Тункина, 2002. С. 168). В другой рецензии Оленин посчитал необходимым «вывести обстоятельное заключение о бесполезности труда г-на Дюбрюкса... приложенные... планы развалин очень дурны... если добавить, что г-н Дюбрюкс пишет дурным слогом, даже с разными ошибками противу правописания, то при всей скромности нельзя не сказать, что этот труд г. Дюбрюкса не стоит печати, и что подносить Его величеству (т. е. императору. — В. Г.) подобные вещи едва ли можно счесть приличным» (Тункина, 2002. С. 171). Оленину вторил такой авторитетный специалист, занимавший должность хранителя Императорского кабинета гемм и медалей, как академик Г. К. Кёлер (1765–1838): «...исторические и топографические его замечания о местоположении разных мест в Крыме несправедливы и без пользы. Впрочем, тёмный слог его сочинения и обстоятельность оного причиняют великие затруднения в понятии оного» (Тункина, 2002. С. 168, 170).

Как правило, П. Дюбрюкс оказывался в тени более предприимчивых людей. Так И. П. Бларамберг, выдав в Петербурге снятые Дюбрюксом планы целиком за свои, получил за это производство в чин действительного статского советника⁹. В случае с Куль-Обой молодой и бойкий на язык канцелярский чиновник IX класса Дамиан Васильевич Карейша (1808–1878), которому поручили доставить в Петербург найденное золото, представил дело таким образом, что большая часть вещей была найдена им самим. Он же передал в «Одесский вестник» первое известие о сенсационных находках. Сокровища, доставленные из Керчи, произвели на Николая I такое впечатление, что он, недолго думая, пожаловал «самозванцу» бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью 496 руб.¹⁰ «за труды,

⁹ IV класс по «Табели о рангах» равен чину генерал-майора.

¹⁰ Такой подарок был сделан явно не по чину (полагался лицам не менее V класса по Табели о рангах), а, как тогда говорили, «по заслугам» (Зимин, Соколов, 2013. С. 499).

понесенные при разыскании древностей и за усердие по сему предмету» (Тункина, 2002. С. 163). Кроме того, Д.В. Карейше были пожалованы 2000 руб. ассигнациями на дальнейшие раскопки в окрестностях Керчи в поисках ценных экспонатов для Императорского Эрмитажа. Этим, на средства Министерства императорского двора, он и занимался, обретая чины и награды, вплоть до 1852 г. Кстати, чин коллежского асессора (VIII класс), которого так и не дождался П. Дюбрюкс, он получил в возрасте 25 лет.

Тогда же Дюбрюкса обошёл ещё один молодой человек — чиновник для особых поручений при керчь-еникальском градоначальнике Антон Балтазарович Ашик (1801–1854), назначенный после смерти И.П. Бларамберга директором Керченского музея с окладом 1500 руб. серебром в год. Только в 1832 г. последовала запоздавшая оценка открытий Дюбрюкса — Николай I повелел передать ему за представленное описание Куль-Обы и ряда других памятников бриллиантовый перстень с аметистом стоимостью 500 руб. (Тункина, 2002. С. 170). Этот перстень археологу вручил И.А. Стемпковский, который в том же году скончался от чахотки и, согласно завещанию, был погребён на вершине горы Митридат (рис. 78). В 1834–1835 гг. его могилу увенчала напоминающая античный храм часовня высотой около де-

Рис. 78. К. Боссоли. Общий вид Керченского пролива с горы Митридат. Справа часовня над могилой И.А. Стемпковского. 1840–1842 гг.

вати метров (рис. 79)¹¹, ставшая своего рода архитектурной доминантой Керчи. Отдавая дань памяти друга, Павел Алексеевич проникновенно вспоминал его как «человека благотворительного без напыщенности, учёного без гордости... он имел один порок — это беспредельную доброту, которая происходила не от слабости, как многие думали, но от чистоты его души, страшившейся даже подумать, не только сделать зло другим...» (Жиль, 1854. С. XIV).

Рис. 79. Часовня над могилой И.А. Стемпковского. 1890 г.

С завершением строительства нового здания музея древностей в 1833 г. (рис. 80) материальное положение Дюбрюкса стало постепенно ухудшаться, так как он лишился ежегодной арендной платы за размещение колллекций в своём доме. Несмотря на негативные отзывы, Павел Алексеевич продолжал работать над совершенствованием своих планов и рукописей. Самая поздняя из них, направленная на высочайшее имя, датируется 1834 г. Тем не менее денег на продолжение исследований не выделили. Слабым утешением был только ещё один бриллиантовый перстень, пожалованный

¹¹ Долгое время считалось, что эта могила была утрачена после разрушения часовни в конце Великой Отечественной войны и полного сноса ее в 1949 г. Но недавно её фундамент и склеп, где был погребен И. А. Стемпковский, были обнаружены в ходе реконструкции Большой Митридатской лестницы.

Рис. 80. К. Боссоли. Керчь со стороны Еникале. На склоне горы Митридат музей древностей в виде античного храма. 1840–1842 гг.

великим князем Михаилом Павловичем. Впрочем, эта награда не спасла Дюбрюкса от смерти в обстановке полной нищеты. Незадолго до своей кончины (13 августа 1835 г.) он писал: «С начала февраля у меня нет огня в комнате; случается часто, что по два, по три и по четыре дня сряду я не знаю другой пищи, кроме куска дурного хлеба. Давно уже отказался я от моей бедной чашки кофе без сахара, которую пил я по утрам. Солдатский табак покупаю я тогда, когда у меня есть лишние две копейки» (Тетбу де Мариньи, 1848. С. 231). Место погребения Дюбрюкса, так много сделавшего для своей «любимой родины», как он в конце жизни стал называть Россию, точно не известно. Возможно, его похоронили на давно не существующем «Старом» кладбище на горе Митридат, где в первой половине XIX в. находили последнее пристанище все горожане христианского вероисповедания независимо от того, были ли они православными, католиками или протестантами (Санжаровец, 2013. С. 747).

Что касается рукописей П. Дюбрюкса, то при жизни они так и не были опубликованы. Лишь в 1841 г. Одесское общество истории и древно-

стей приобрело «Описание развалин и следов...» на французском языке за 60 руб. серебром у подпоручика Подольского егерского полка Александра Павловича Дюбрюкса, старшего сына археолога. К сожалению, там отсутствовали планы городищ и чертежи, что значительно снизило ценность последующего издания перевода, опубликованного Обществом в 1858 г. (Дюбрюкс, 1858).

В полной мере наследие П. Дюбрюкса получило признание только в уже минувшем столетии, когда начались планомерные исследования тех боспорских городов, где он первым побывал с научными целями и отметил немало тех существенных подробностей, которые исчезли с лица земли вследствие интенсивного разрушения археологических памятников. По-настоящему достойной данью памяти «отца боспорской археологии» стало издание к 240-й годовщине со дня его рождения двухтомного иллюстрированного собрания всех опубликованных и неопубликованных его статей, заметок, писем, рисунков, планов и рукописей с обширными комментариями специалистов. Прошло ещё несколько лет, и на карте Керчи, между улицей Рыбакова и 2-м Митридатским переулком, появился переулок Поля Дюбрюкса (бывш. пер. Безбожников).

4.2. В. Ф. Гайдукевич и изучение Илурата¹²

Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966) внёс огромный вклад в исследование боспорских городов, в том числе и Илурата. К моменту начала раскопок этого городища он прошёл достаточно продолжительный жизненный путь. Поляк по национальности, он родился накануне Первой русской революции в семье врача Франца Иосифовича Гайдукевича, переехавшего в Санкт-Петербург в конце XIX в. из Виленской губернии, и Марии Сапоровской, родом из Ковенской губернии. Местом своего рождения Виктор Францевич Гайдукевич в анкетах чаще всего указывал Ленинград (Петербург), но иногда там фигурирует город Троки Ковенской губ., т. е. современный литовский Тракай. Возможно, что Мария Сапоровская родила своего сына не по месту постоянного проживания, а в гостях у польских родственников (Виноградов, 2006. С. 4). В советское время этот факт особо не афишировался: потенциальные связи с границей могли вызвать подозрение, да и знание польского языка, которым он владел свободно, Гайдукевич отмечал в заполненных им анкетах совсем не часто.

Детство и юность Виктора пришлись на драматичные годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Семья жила небогато.

¹² Впервые опубликовано: Горончаровский, 2006а. Текст статьи исправлен и дополнен.

Мать была домохозяйкой, недвижимости и особых сбережений не имелось, жили в основном на заработки отца. Мы не знаем какое образование мальчик получил до 1918 г., но поскольку советскую трудовую школу он окончил в 19 лет, а не в 17, как было предусмотрено средним этапом образования (Солдаткина, 2024. С. 299), с этим были какие-то проблемы. Трудовая школа тогда представляла собой довольно своеобразное учебное заведение. Книги там провозгласили «бичом детства», а целью школы стало «всех научить трудиться». Привычные предметы исчезли, и вместо них в расписании уроков могло появиться нечто вроде «арифметика, овца, письмо». «Овца» здесь — это комплексная тема, на которой ученики изучали биологию животного, историю его одомашнивания, теорию и практику применения овец в народном хозяйстве. Историю школьники не изучали как отдельный предмет, она стала частью обществоведения, которое также включило в себя элементы политэкономии, экономической географии, экономической политики, советского права и истории социализма. Фрагментарные знания об истории давали как «картинки из прошлого». В обществоведении оно изучалось лишь как иллюстрация развития классовой борьбы, предвещавшей Октябрьскую революцию.

Так или иначе в возрасте девятнадцати лет Виктор Гайдукевич навсегда связал свою судьбу с археологией. Дорога в науку пролегла для него через археологическое отделение факультета общественных наук Петроградского (а с 1924 г. Ленинградского государственного университета), которое было создано в августе 1922 г. на базе бывшего Петроградского Археологического института (Виноградов, 2006. С. 4–5). Вступительных экзаменов в университет тогда не было. Для отбора будущих студентов в школы приезжали комиссии, которые проводили тесты, и по итогам давались рекомендации. Затем надо было явиться в отдел народного образования в аттестационную комиссию для политпроверки и только после этого происходило зачисление. Среди тех, кто учился на отделении в те годы, можно упомянуть Александра Александровича Иессена, Н. Н. Воронина, Гали Фёдоровну Корзухину, Б. Б. Пиотровского, А. Н. Карасёва, Лазаря Моисеевича Славина. На 1-м и 2-м курсе им читали лекции по методологии археологических дисциплин, археологии русской и классического мира и др. Активно использовался семинарский метод в преподавании. Так, например, Александр Александрович Миллер (1875–1935) вел семинары по методологии доисторической археологии, археологическим разведкам и раскопкам, Григорий Иосифович Боровка (1894–1941) — по эллино-скифским древностям, по античному искусству — Оскар Фердинандович Вальдгауэр (1883–1935) и Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928). В состав преподавателей входили также Мстислав Владимирович Фармаков-

ский (1873–1946), Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970), Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) и др. На отделении действовали Археологический кабинет, Музей древностей и Классический кабинет.

Денег на жизнь молодому студенту не хватало, поэтому приходилось подрабатывать организованными Ленинградским Губполитпросветом экскурсиями по Эрмитажу, Шереметевскому и Аничкову дворцам и другим памятным местам центра города. Это было вполне доступно для человека, проживавшего недалеко от Петропавловской крепости, на 2-й ул. Деревенской Бедноты, как стала с 1918 г. именоваться Малая Дворянская ул. (с 1935 г. — Мичуринская ул.).

Первое практическое знакомство с будущей специальностью состоялось для Виктора Гайдукевича летом 1926 г., когда он стал участником экспедиции в Херсонесе под руководством К. Э. Гриневича и тогда же впервые увидел археологические памятники Керчи. С тех пор каждое лето молодой человек проводил в поле. В 1927 г. это снова был Херсонес, в 1928 г. — Херсонес и Китей. С этого года в его жизни начался новый этап, связанный с завершением обучения на отделении истории материальной культуры факультета языкознания и материальной культуры¹³. Свежеиспеченный выпускник университета получил тогда весьма заманчивое для него приглашение на работу в Керченский археологический музей, где стал трудиться в должности хранителя и научного сотрудника I разряда. Два года он активно участвовал в перестройке музейной работы и различных научных предприятиях.

Через два года В. Ф. Гайдукевич вернулся в родной город и после сдачи испытаний по марксистской методологии был зачислен в аспирантуру Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) по кафедре материальной культуры античного мира (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 137. Л. 23), где он представил свою первую научную работу «К вопросу об истории феодального Херсонеса (Мнимая базилика Леонтия)». В ней были обобщены все имевшиеся материалы по небольшому храму с апсидой, археологическое изучение которого было начато К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1907 г. и завершено Гриневичем в 1926 г. При этом оба исследователя однозначно именовали эту церковь базиликой. Гайдукевич же, опиравшийся на собственный опыт участия в раскопках 1926 г., пришел к выводу о том, что нет никаких оснований называть такое сооружение базиликой, поскольку этот термин принято применять к зданиям, у которых специфически базилический план (удлинённый прямоугольник) сочетается с внутренним делением продольными рядами колонн или пилонов» (Гайдукевич, 1953. С. 300).

¹³ Так уж получилось, что за три года до того ФОН был реорганизован в Ямфак (факультет языкознания и материальной культуры).

Научным руководителем Гайдукевича в течение двух лет был заведующий Отделом древностей Государственного Эрмитажа О. Ф. Вальдгауэр. По окончании аспирантуры начинающий исследователь стал сотрудником I разряда в Секторе Северного Причерноморья Государственной академии истории материальной культуры (Виноградов, 2006. С. 5–6), где вскоре начали выходить его первые крупные работы, посвященные античным керамическим обжигательным печам и боспорским черепицам (Гайдукевич, 1934; Гайдукевич, 1934а. С. 211–314).

Успешно развивались и полевые исследования: Виктор Францевич сразу был привлечен к вымежеванию археологических объектов в районе Керчи, а также принял участие в раскопках Тиритаки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1933. Д. 129. Л. 4). Городище у дер. Ивановка, будущий Илурат, впервые привлекло его внимание в октябре 1933 г. в связи с составлением списка важнейших археологических объектов Крыма. Как он писал позднее о первом впечатлении от памятника, «уже издалека были ясно видны чёткие контуры расположенных на возвышенности развалин древней крепости, поразившей нас своей внушительностью и редкой сохранностью» (Гайдукевич, 1958а. С. 20).

Судьбоносным для В. Ф. Гайдукевича стало начало раскопок на городище Мирмекий в 1934 г. Полученные результаты были столь впечатляющими, что в научной литературе закрепилось мнение, что именно тогда была создана Боспорская экспедиция (Капошина, 1967. С. 213; Капошина, Якобсон, 1967. С. 299; Виноградов, 1987. С. 172), но согласно документам, называлась она тогда не Боспорской, а Керченской. Официальное название — Боспорская — экспедиция получила лишь в 1938 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 9. Л. 1).

*Рис. 81. В. Ф. Гайдукевич.
1935 г.*

Надо сказать, что экспедицию Гайдукевич возглавил только в 1935 г. (рис. 81). Это был очень сложный период в его жизни. Значительная часть финансирования должна была поступать из новостроечных средств. По договорам на исследование Тиритаки деньги перечислял Камыш-Бурунский железорудный комбинат, а на Мирмекий — Керченский завод им. Войкова. Нетрудно догадаться, что, как и в наши дни, добиться этого было не просто. Одно время даже складывалось впечатление о «безнадежности положения экспедиции» (Виноградов, 2006. С. 8), но в итоге все-таки удалось получить причитающиеся средства и успешно завершить работы на всех объектах.

Скоро произошли и изменения в личной жизни: Виктор Францевич женился на Валентине Ивановне Даниловой, и в 1937 г. у них родился сын Владислав. Этот роковой год ознаменовался для ученого отстранением от работы на восемь месяцев при переводе ГАИМК в систему АН СССР (Виноградов, 2006. С. 9), после чего она сменила название на Институт истории материальной культуры. Тем не менее были и положительные моменты: 28 июня 1938 г. решением Ученого совета ЛГУ В. Ф. Гайдукевичу была присвоена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 60. Л. 4–5). Тогда же он начал читать на историческом факультете ЛГУ курс античной археологии и такие спецкурсы, как «Археология античных колоний», «Северное Причерноморье в античную эпоху» и «Материальная культура Боспора». Многие бывшие студенты отмечали, что Виктор Францевич был добрым, понимающим преподавателем, которому прощались частые опоздания на занятия.

Сектором Древнего Причерноморья ИИМК в то время руководил академик С. А. Жебелёв, которого Гайдукевич признавал наиболее авторитетным специалистом в области изучения греческих колоний Северного Причерноморья и, безусловно, воспринял от него многие научные концепции (см., например: Гайдукевич 1968; 1968а). Виктор Францевич стал сначала ученым секретарем Сектора, а с 1939 г. — фактически заместителем заведующего (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 60. Л. 42),

Хотя основными объектами работ Боспорской экспедиции в этот период были Мирмекий и Тиритака, городище к западу от Чурубашского озера продолжало оставаться в поле зрения В. Ф. Гайдукевича. В 1936–1940 гг. оно неоднократно обследовалось сотрудниками экспедиции, производившими сбор подъёмного материала. При этом всё указывало на первые века нашей эры как на период существования здесь укрепленного поселения. В 1940 г. на территории, прилегавшей к нему с юго-востока, где отмечалось наличие каких-то каменных кругов, даже провели небольшие раскопки (Гайдукевич, 1958а. С. 9–10). Тогда же, незадолго до начала Великой Отечественной войны, Гайдукевич обнаружил в архиве Эрмитажа подлинную рукопись П. Дюбрюкса, датированную 7 января 1832 г., где наряду с подробным сообщением об открытии Куль-Обы, имелось и описание «акрополя у деревни Кермеш-Келечик» с приложением планов, раскрашенных акварельными красками (Дюбрюкс, 2010. Рис. 506–507). В своё время эти документы были отправлены в Петербург на высочайшее рассмотрение и затем переданы директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину. Впоследствии в архиве Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, которое унаследовало библиотеку и архив Императорской археологической комиссии, Гайдукевич нашёл точные копии

той дюбрюксовской рукописи и планов (Гайдукевич, 1958а. С. 9–10). Всё это подстегнуло его интерес к многообещающему археологическому памятнику, судя по наблюдениям на местности, сравнительно мало изменившемуся за прошедшие со времен Дюбрюкса сто лет. Видимо, уже тогда он пришел к выводу, что здесь находился Илурат – один из боспорских городов, упомянутых в «Географии» Клавдия Птолемея (Ptol. Geogr. III. 6. 4). Во всяком случае в списке главнейших археологических памятников на территории РСФСР республиканского значения присутствует «городище к западу от Чурубашского озера – остатки боспорского греко-скифского города Илурата» (Сухов, 1941. С. 120, № 85).

К началу 1940-х гг. научная деятельность Виктора Францевича развивалась вполне успешно, а перспективы археологических исследований на Боспоре казались безграничными. 4 февраля 1941 г. он был введен в состав Ученого совета ИИМК, а дальше... началась Великая Отечественная война, которая перечеркнула все научные планы ученого. Как многие ленинградцы, он работал на строительстве оборонительных сооружений на подступах к городу, состоял в команде ПВО при Институте. Из блокированного Ленинграда по постановлению правительства В. Ф. Гайдукевич вместе с женой и сыном был эвакуирован на самолете 19 декабря 1941 г. Сначала их направили в Казань, а затем — в Ташкент, где была создана Ташкентская группа ИИМК АН СССР. Здесь впервые в своей жизни Виктор Францевич официально был назначен вр. и. о. заведующего Сектором Северного Причерноморья (Виноградов, 2006. С. 10), но работать пришлось по теме «Агрикультура Средней Азии в древности». Кроме того, он возглавил экспедицию в районе строительства Фархадской ГЭС на реке Сырдарья (Гайдукевич, 1947). Это была единственная в стране археологическая экспедиция военного времени. Объектом исследования в 1943–1944 гг. стало городище Мунчак-тепе, где были вскрыты постройки и могильники первых веков нашей эры, а также строительные остатки периода развитого средневековья (рис. 82). Как выяснилось, жизнь в этой крепости на границе со степным кочевым миром прекратилась, как и во многих других городских центрах Средней Азии, во время монгольского нашествия в начале XIII в.

В мае 1945 г. состоялось возвращение в Ленинград, где Гайдукевич вместе с другими учеными вновь приступил к исполнению своих обязанностей. Уже через месяц указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии науки и в связи с 220-летием АН СССР он был награжден орденом «Знак Почета»¹⁴. Ему также вручили медаль «За доблест-

¹⁴ Впоследствии, в 1954 г., Виктор Францевич был награжден и вторым орденом «Знак Почета» за выслугу лет и безупречную работу.

Рис. 82. В. Ф. Гайдукевич за разборкой находок Фархадской экспедиции

ный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны». В мае 1946 г. Виктор Францевич был назначен и. о. заведующего Сектором Древнего Причерноморья, пять лет спустя преобразованного в Группу античной археологии. Тогда же он окончательно утвердился в своей должности (Виноградов, 2006. С. 11).

Летом 1946 г., несмотря на многочисленные трудности с продуктами и рабочей силой, Боспорская экспедиция возобновила свои работы в Мирмекии и Тиритаке. Городище у дер. Ивановка всё ещё ждало своей очереди. В годы оккупации Крыма оно особенно не пострадало, поскольку военные действия в ближайшей округе не велись. Правда, одно время здесь стояла румынская зенитная батарея, и гильзы от её снарядов порой можно было найти здесь даже спустя тридцать лет. Гораздо больший урон понесли местные жители, у которых румыны съели почти всех коров, гусей и кур. Некоторых даже выгнали из домов, где расположились на постой солдаты, и они были вынуждены приспособить под временное жильё античные склепы, ранее использовавшиеся пастухами в качестве укрытия на время непогоды.

Неудивительно, что в первые послевоенные годы деревня Ивановка находилась в полном упадке. Такую неприглядную картину застали тут в 1947 г. аспирант ИИМК Михаил Моисеевич Кубланов и сотрудники его разведочного отряда Боспорской экспедиции (Кубланов, 1998. С. 10–11). Их самозабвенный труд через месяц принёс вполне ощутимые плоды: были открыты часть мощной крепостной стены, помещение с дверным проёмом и стенами, сохранившимися на высоту до двух метров, а на территории некрополя — прекрасно сохранившиеся каменный склеп и катакомба (Кубланов, 1948. С. 27 сл.). На следующий год В. Ф. Гайдукевич решил сосредоточить тут основные усилия своей экспедиции. Порой на городище, где он предположительно локализовал птолемеевский Илурат, за полевой сезон вскрывалось до 600 кв. м, что для первых двух лет раскопок неудивительно, поскольку в качестве основной рабочей силы тогда использовались немецкие военнопленные, которых привозили из лагеря в пос. Камыш-Бурун (совр. Аршинцево), потом стали привлекать наёмных рабочих из местного населения (Кунина, 2006. С. 219).

Как раз в это время Гайдукевич завершил свой фундаментальный труд «Боспорское царство», сохранивший научное значение до наших дней (Гайдукевич, 1949). На основе этого исследования в 1950 г. он защитил докторскую диссертацию, а еще через три года получил в ЛГУ звание профессора по кафедре археологии (Виноградов, 2006. С. 12). По рассказам студентов того времени, обладая дородным телосложением, в темно-сером в полоску двубортном костюме, он выглядел весьма представительно. Читая или что-то разглядывая, он всегда снимал очки. Самые сложные темы, насыщенные датами, географическими названиями, именами исследователей, излагались им доступно и без какого бы то ни было упрощения. С помощью конкретных деталей он стремился создать запоминающиеся образы знаменитых греческих городов и святилищ. При этом во время лекции он почти всё время курил сигареты «Шипка», вставляя их в черный, с золотистым наколочником, мундштук (Калашник, 2006. С. 207).

После защиты докторской диссертации Гайдукевич вошел в ряд коллегии ряда археологических изданий, часто исполнял обязанности заведующего Ленинградским отделением ИИМК. Несомненно, его авторитет как руководителя был очень высок. Еще не достигнув 50-летнего рубежа, он уже воспринимался как мэтр и даже человек пожилой. Боспорская экспедиция к тому времени давно превратилась в школу кадров для ленинградской археологии и антиковедения. Многие ученики Гайдукевича получили известность в отношении избранной ими специальности. Среди них стоит упомянуть известного антиковеда Александру Александровну Нейхардт (1920–2007), выдающегося специалиста в области изучения античной ам-

форной тары и керамической эпиграфики Иосифа Беньяминовича Брашинского (1928–1982); известного исследователя сибирских древностей скифского времени Александра Даниловича Грача (1928–1981) и его жену Нонну Леонидовну Грач (1929–1991), в дальнейшем посвятившую себя раскопкам боспорского города Нимфея; Нину Захаровну Кунину (1929–2007), ставшую крупнейшим в нашей стране знатоком античного стекла; Людмилу Константиновну Галанину (1929–2010) — специалиста в области скифской археологии и продолжившего впоследствии дело учителя в отношении изучения античного Боспора Игоря Георгиевича Шургая (1934–1982). Все они в разные годы побывали на раскопках Илурата, где постепенно вырисовывалась картина жизни мощной крепости, возведённой в тот период, когда Боспорское царство под эгидой Рима переживало новый экономический расцвет.

Работы в Илурате при Гайдукевиче проводились на четырёх участках, том числе и на зольнике за юго-восточными воротами. На основании изучения массового материала было установлено, что начало строительства крепости относится ко времени около середины I в. н. э. (Гайдукевич, 1958а. С. 29, 140). При этом ее регулярная планировка в дальнейшем изменялась лишь в деталях. Раскопки дали возможность получить представление о северо-западной, юго-западной и юго-восточной линиях обороны, первоначальная толщина которых даже на самых опасных участках не превышала 2,4 м. Позднее стены и башни с напольной стороны были дополнены противотаранными поясами. Как показали раскопки, внутри крепости были единовременно возведены городские кварталы из нескольких домовладений, часть которых примыкала непосредственно к оборонительным сооружениям. На всём тут лежал отпечаток своеобразной варваризации, что в той или иной мере присуще культуре Боспора первых веков нашей эры. Ярким примером нетрадиционных для этого времени религиозных представлений является открытое у юго-восточной оборонительной стены святилище с остатками человеческого жертвоприношения (Гайдукевич, 1958а. С. 43–46, рис. 29–31).

Не забывал Виктор Францевич и о других боспорских городах. В 1956–1957 гг. ему удалось осуществить фантастический по тем временам проект Советско-Польской экспедиции в Мирмекии. Все началось с того, что в 1955 г. во время своего пребывания в Польше, директор Эрмитажа Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) предложил зам. директора Национального музея в Варшаве, профессору Казимежу Михаловскому (1901–1981) подумать об участии в раскопках Мирмекии (Штеттылло, 2006. С. 214). Дальнейшая инициатива исходила со стороны поляков, но без активного содействия со стороны начальника Боспорской экспедиции

реализация этого начинания вряд ли стала бы возможной. Польская сторона поддерживала работы на городище в финансовом отношении и прислала научный коллектив из 8 человек. Проведенные тогда исследования оказались вполне успешными, и в апреле 1957 г. Национальный музей в Варшаве устроил выставку находок из раскопок Мирмекия, где В. Ф. Гайдукевич выступил с докладом о результатах работы экспедиции. Это была его первая зарубежная поездка, в ходе которой помимо столицы Польши он посетил Краков, Гданьск и другие города (Виноградов, 2006. С. 13). Второй полевой сезон прошел не менее успешно, но потом из-за обострения международной обстановки и очередной волны шпиономании контакты между советскими и польскими археологами были свернуты, и дальнейшая работа Боспорской экспедиции проходила уже без них. Что касается Илурата, то раскопки там после 1960 г. на пять лет были прекращены. С точки зрения Гайдукевича, этот памятник отчасти уже исчерпал себя: ну будет открыта ещё одна улица, ещё один дом — и всё.

Между тем в Группе античной археологии все чаще вспыхивали конфликты между сотрудниками. Отчасти это было вызвано тем, что Гайдукевич

Рис. 83. В. Ф. Гайдукевич на раскопках Мирмекия. 1962 г.

не терпел возле себя потенциальных соперников и даже занял абсолютно враждебную позицию на защите кандидатской диссертации одного из своих учеников, И. Б. Брашинского. Эти раздоры накладывались на семейные неурядицы и в конце концов стали сказываться на здоровье мэтра советской античной археологии. В 1962 г. у него случился тяжелейший инфаркт, после которого ученый фактически так и не оправился (рис. 83). Полевые сезоны 1963–1964 гг. он пропустил: раскопками тогда руководила Е. Г. Кастанаян. Занятия со студентами по античной археологии вел не на кафедре, а на дому. Несмотря на это, авторитет его по-прежнему был непрекращаем. В мае 1963 г. на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН

СССР он был переизбран на должность старшего научного сотрудника, заведующего Группой античной археологии (Виноградов, 2006. С. 14).

В 1966 г. Виктор Францевич, как обычно, выехал в экспедицию, которая оказалась для него последней. Там и случилось несчастье, одной из причин которого стала неожиданная проверка, с которой в Керчь нагрянул руководивший тогда ЛОИА Михаил Константинович Каргер (1903–1976). Гайдукевич посетил с ним раскопки Мирмекия, потом Илурат, куда они приехали на такси. Начальник Боспорской экспедиции, тяжело дыша и опираясь на палку, показал Каргеру все достопримечательности древнего города, но затем его здоровье резко ухудшилось, и он лег в больницу. Сохранилось последнее письмо Гайдукевича, переданное Виктории Ивановне Пругло (Денисовой) (1929–2016): «Пишу в 11.20 5/Х. Почувствовал себя плохо... уже вечером, часов в 10, стала одолевать слабость... Стало потом трудно дышать, дышал кислородом, но это не давало должного результата... Вызвать кого-нибудь из членов экспедиции деж<урная> сестра отказалась. Сажу на кровати и чиркаю эту записку, обливаясь потом и поджидая развязки, т. к. пульс низкий. Конечно, главная причина такой раз<вязки> — приезд Мих<аила> Конс<тантиновича> Каргера», явившегося, как это мы знаем из пись<ма> — с камнем за пазухой. Очень будет жаль, если я не смогу ничего поделаться, не дождавшись утра. На всякий случай пишу эту записочку. Сознание ясное, чёткое, но, увы, сердце на последнем взводе — кувыркается...» (Виноградов, 2028б. С. 419). Вскоре у Виктора Францевича резко подскочило давление, и 9 октября 1966 г. он скоропостижно скончался в результате сердечного приступа. Тело ученого было доставлено самолетом из Керчи в Ленинград 12 октября, на следующий день его похоронили на 10-м участке Серафимовского кладбища С.-Петербурга в могиле родителей. Так закончился жизненный путь одного из виднейших советских археологов, без научного наследия которого невозможно представить историю петербургской школы антиковедения.

4.3. И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора¹⁵

Выдающийся учёный-антиковед Игорь Георгиевич Шургая родился 1 мая 1934 г. в Ленинграде в русско-грузинской семье, что вполне объясняло присущий ему кавказский темперамент. Детство будущего археолога прошло

¹⁵ Впервые опубликовано: Горончаровский, 2004а. С. 239–240. Текст статьи исправлен и значительно дополнен.

в самом центре города, в доме 19 по 2-й линии Васильевского острова. Здесь ребёнком Игорь Шургая пережил все ужасы блокады. Всем известен блокадный дневник Тани Савичевой, а ведь писался он всего в 200 м от дома семьи Шургая, на той же 2-й линии В. О. Тогда же, осенью блокадного 1941 г. он начал учиться в расположенной недалеко от дома школе № 24 Василеостровского района (Средний пр. В. О., 20). Грустным был первый школьный день: ни цветов, ни приветствий. И это было отнюдь не 1 сентября; тогда, учитывая ситуацию (немцы накануне захватили станцию Мга в 40 км от Ленинграда), занятия во всех школах отменили и начались они только 3 ноября. Конечно, ходить в школу, которая, кстати, без перерыва проработала всю войну, было небезопасно и один раз маленького Игоря даже ранил случайный осколок. Хотя, надо сказать, что кварталу, где находился д. 19, повезло: в него не попал ни один снаряд и не упала ни одна бомба.

Уже в то тяжёлое время началось увлечение Игоря Шургая античной историей и археологией. Возможно, этому способствовало его знакомство с одноклассником, в будущем известным востоковедом Анатолием Павловичем Терентьевым-Катанским (1934–1998), жившим по соседству на 1-й линии В. О. Тот вспоминал какое большое влияние на него оказал страшной зимой 1942 г. рассказ отца, лежавшего в изнеможении на кровати, о платоновской Атлантиде: «Это определило впоследствии мой выбор профессии. Желание найти древнейшую на земле цивилизацию толкнуло меня в востоковедение» (Терентьев-Катанский, 2001. С. 158). Другого семилетнего мальчика такая мечта, судя по всему, привела в археологию. С восемнадцати лет, после поступления на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ, античность стала делом всей жизни Игоря Шургая. Свой первый полевой сезон 1953 г. новоиспеченный студент провёл на раскопках Мирмекии в составе Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, которую возглавлял В. Ф. Гайдукевич, ставший его научным руководителем. Это обстоятельство во многом повлияло на то, что в дальнейшем И. Г. Шургая так много внимания уделял изучению Боспора и так называемых «малых» боспорских городов¹⁶.

Впрочем, круг научных интересов молодого исследователя не ограничился только Боспором. Надо полагать, определенную роль здесь сыграло общение с членами польской экспедиции в Мирмекии, которая начала там свою работу в 1956 г. Руководил ею профессор К. Михаловский, создавший в том же году Отделение средиземноморской археологии Польской

¹⁶ Позднее именно ему предложили написать для главы «Боспорское государство» одного из томов серии «Археологии СССР», посвящённого античному Северному Причерноморью, разделы «Источники и исследования», «Пантикапей», «Нимфей, Мирмекий, Порфмий, Илурат» (Шургая, 1984).

академии наук. Возможно, именно Михаловский, будучи приглашенным профессором Александрийского университета в Египте, способствовал зарождению у Шургая увлечения античным периодом в истории Северной Африки и идеи будущей кандидатской диссертации.

Между тем обучение в университете завершилось в 1957 г., когда страна после XX съезда КПСС переживала период оттепели. Игорь Георгиевич, безусловно, принадлежал к новому поколению советских людей и в дальнейшем, будучи руководителем экспедиции, проявил себя далеко не столь жёстким, как сформировавшийся совсем в другие годы его учитель. Он был человеком в высшей степени порядочным, чутким по отношению к другим людям, очень болезненно воспринимавшим любую несправедливость.

В. Ф. Гайдукевичу были нужны скромные, ни на что не претендующие помощники, и в феврале 1958 г. Шургая был принят в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР на должность научно-технического сотрудника, т. е. лаборанта с окладом 740 руб., и продолжал ездить в Мирмекий. К этому периоду относится его портрет¹⁷, написанный в 1960 г. известным живописцем В. А. Горбом (1903–1988), тогда проректором Академии художеств. Здесь, безусловно, присутствует психологическая характеристика молодого археолога, полностью погруженного в свой внутренний мир (рис. 84).

В 1962 г. он уже аспирант Группы античной археологии ЛОИА, но тема будущей диссертации определилась далеко не сразу. Сначала она называлась так: «Экономика городов Северной Африки в римскую эпоху». Затем, после публикации сохраняющих свое значение до сих пор статей о позднеэллинистической рельефной керамике (Шургая, 1962; Шургая, 1963), в декабре 1963 г. тема изменилась на «Внешнеэкономические

Рис. 84. Портрет И. Г. Шургая. 1960 г.

Художник В. А. Горб

¹⁷ Недавно этот портрет И. Г. Шургая был передан в Научный архив ИИМК РАН родственниками его младшего брата Германа Георгиевича (1937–2025), работавшего в сфере нейропсихологии.

связи Боспора эпохи эллинизма». В 1965 г., когда И. Г. Шургая был переведён на должность младшего научного сотрудника, она трансформировалась ещё раз — «Александрия Египетская — ремесленный и торговый центр в III—I вв. до н. э.», а в окончательном виде на защиту 8 февраля 1967 г. была представлена кандидатская диссертация «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV — I в. до н. э.)». В качестве официальных оппонентов выступили Б. Б. Пиотровский и Г. Д. Белов. Удивительно, но в том же году у Шургая появилась возможность своими глазами увидеть Александрию и памятники Древнего Египта, а также античное наследие Ливии и Туниса.

К этому времени Игорь Георгиевич уже лишился поддержки В. Ф. Гайдукевича, смерть которого в октябре 1966 г. в Керчи стала для него страшным ударом. Именно в том году начался «роман» с Илуратом, где он возглавил один из отрядов Боспорской экспедиции, работавший близ деревни Ивановка. В дальнейшем попытка возродить экспедицию в прежнем объёме не удалась. Времена уже были не те, да и люди изменились. В 1968 г. экспедиция продолжила работы всего на двух памятниках: Порфмии и Илурате. Своей целью И. Г. Шургая сделал тогда осуществление одной из задач, поставленных в своё время Гайдукевичем: дальнейшее расширение площади юго-западного участка IV вдоль Большой продольной улицы Илурата, чтобы в перспективе раскрыть центральную часть древнего города (Шургая, 1970). Свои впечатления от визита в Илурат в том году журналист Геннадий Яковлев опубликовал в журнале «Смена». Из них стоит привести хотя бы несколько отрывков, характеризующих и самого начальника экспедиции, и обстановку в ней, когда основной рабочей силой были восьмиклассники из близлежащей деревни. Обычно он обращался к ним так:

«— Ребята, я не слишком на вас давлю? Я демократ, но дело есть дело. Нас мало. Вот на будущий год...

Темперамент проносит его по всему рабочему дню, как по одному часу <...>

— Работать, работать, — повелительно командует Игорь Георгиевич. — Я вам плачу по два пятьдесят не за потуги в остроумии, а за вынутую землю.

— Игорь Георгиевич, а вы не скажете?.. — скромненько спрашивает Саша... и тихонько усаживается на перевёрнутую плиту. Его примеру следует весь отряд. Саша бьёт без промаха: Игорь Георгиевич всякий раз загорается рассказом и забывает на несколько минут, что перед ним не студенты, а раскопщики. Правда, он требует активного усвоения знаний, а это часто бывает потяжелее тачки. И всё же как-никак перерыв.

Так и есть. Игорь Георгиевич со скрупулёзностью выступающего перед коллегами учёного начинает отвечать на вопрос. Так он уже рассказал историю Древнего Египта, Древней Греции, Боспорского царства, историю орде-

нов, историю названий многих государств и городов, познакомил с подробностями жизни великих полководцев, поэтов, учёных. Не было ещё вопроса, который не удостоился бы исчерпывающего, энциклопедического ответа.

Но Игорь Георгиевич <...> так ведёт рассказ, что через пять-десять минут ребята сами берутся за лопаты и кирки, то ли их гипнотизируют неизвестные им раньше факты, то ли они начинают как бы стесняться столь большой учёности своего руководителя, то ли ими движет уважение к огромным глыбам знаний, кем-то добытых, наверное, в страшных трудах. Вот и на этот раз все медленно принимаются за дело, не переговариваясь друг с другом, стараясь не звенеть лопатами, чтобы слышно было очередную древнюю повесть. Игорь Георгиевич как бы заговаривает их. Это напоминает новый вариант книги сказок, который можно было бы назвать “Тысяча и одна лекция”. Работа идёт бесперебойно. Игорь Георгиевич иногда прерывается, делает записи в своей тетради, даёт указание, где копать, где расчистить, и снова ведёт за собой юные умы по лабиринту мировой энциклопедии, размещившейся в его голове.

— Ну, что, нашли мраморный дворец? — это спрашивают пастухи. Они из-за бугра вынырнули на лошадях и остановились перед развалинами спиной к солнцу. — И чего вы всё роете? Думаете, золотого коня или золотые ворота для вас оставили? — пастухи разворачивают лошадей и удаляются к коровам.

Игорь Георгиевич не скрывает раздражения:

— Запомните, ребята, мы ищем не предметы, не вещи, а историю. Подход к раскопкам с точки зрения кладоискателей антинаучный. Мы ищем истину...» (Яковлев, 1971).

Исследование IV Юго-Западного участка было продолжено и в 1970 г. (Шургая, 1971а. С. 42–43), хотя работу осложнила ситуация с эпидемией холеры в Керчи в самый разгар полевого сезона¹⁸. Первые слухи о ней пошли за неделю до празднования Дня археолога (15 августа). Официальной информации и рекомендаций, как всегда, не появилось. Дело осложнялось тем, что в походных условиях соблюсти все санитарные предосторожности вряд ли было возможно. Спасала только некоторая удалённость от Керчи, где разворачивались основные события, связанные с болезнью. Соответственно, появляться там после работы и в выходные участникам экспедиции было запрещено. В понедельник, 10 августа, была перекрыта дорога на Феодосию и прекратила свою работу паромная переправа. Скоро перестал работать почтамт. От всех начальников экспедиций, работавших в районе Керчи, потребовали составить списки сотрудников для прохождения обсервации и рекомендовали постоянно мыть руки раствором

¹⁸ Красочное описание этой ситуации см.: Кубланов, 2014. С. 189–206.

хлорной извести. Шестидневной вынужденной изоляции пришлось дожидаться долго, и только когда она завершилась, стало возможным покинуть Керчь и отправиться домой. Эти события настолько впечатлили Игоря Георгиевича, что даже два года спустя он требовал, чтобы все овощи и фрукты в экспедиции предварительно мыли слабым раствором марганцовки.

Группу античной археологии ЛОИА тогда возглавлял Павел Николаевич Шульц (1900–1983). Это был человек, посвятивший свою жизнь изучению культуры поздних скифов в Крыму и их столицы Неаполя близ современного Симферополя. Его отличала большая работоспособность, но со временем он стал часто и продолжительно болеть, поэтому в 1971 г. ставший к тому времени старшим научным сотрудником И. Г. Шургая был назначен заведующим вместо него. Через два года его ввели в состав Учёного совета Ленинградской секции Учёного совета Института археологии АН СССР. В общем, с карьерой всё обстояло достаточно благополучно.

Если перейти к личным воспоминаниям, то наша первая встреча с Игорем Георгиевичем произошла в 1972 г., когда для меня заканчивался первый курс на кафедре археологии Ленинградского университета и предстояла первая в жизни археологическая практика. Когда встал вопрос о том, куда отправиться на раскопки, всё решилось как-то само собой. На одном из занятий Антонина Владимировна Давыдова (1920–2000), ученица В. Ф. Гайдукевича, преподававшая нам азы археологической науки и читав-

шая курс «Античная археология», спросила: «Есть ли желающие поехать в античную экспедицию?» В ответ поднялись две руки. Так студенты Владимир Горончаровский и Юрий Виноградов узнали, что на лето можно устроиться в Илуратский отряд Боспорской экспедиции, который будет работать в Восточном Крыму, и это определило в нашей жизни чрезвычайно многое. Для начала нужно было познакомиться с начальником отряда. Впервые мы увидели его в стенах Ново-Михайловского дворца на Дворцовой наб., 18, часть помещений которого занимало ЛОИА. Несмотря на свой ещё не очень солидный возраст — всего 38 лет, Игорь Георгиевич выглядел и держался как мэтр (рис. 85). Сразу обращали на себя внимание подвижное лицо с тонкой полоской ухоженных

Рис. 85. И. Г. Шургая в Петергофе.
1972 г.

усов, которые он периодически поправлял, и усиленная жестикуляция — свидетельство довольно импульсивного характера. Из предварительной беседы можно было понять, что Илурат — это замечательное живописное место со степной растительностью, где, конечно, жарко, зато абсолютно нет комаров, «потому что их ветер уносит». Потом пришлось убедиться в обратном, хотя насчёт сильного ветра это была абсолютная правда.

В тот год мы приехали в Илурат на открытом грузовике под вечер. Шёл дождь, пришлось по колено в воде переносить вещи и оборудование через разлившийся по дну глубокой балки ручей и затем ставить лагерь на вершине холма около юго-западных ворот городища. Надо признаться, что первое впечатление от памятника в вечернем освещении было не самым лучшим: какие-то поросшие деревьями мокрые развалины. Впрочем, уже на следующий день стало возможным осмотреть всё детально и в полной мере оценить грандиозность сохранившихся остатков Илурата — прекрасного образца боспорской крепости, выстроенной когда-то по последнему слову античной фортификации. На пологом скалистом плато высотой до 45 м, круто обрывающемся вниз, высились остатки мощных стен и башен. Отсюда открывался прекрасный вид на окрестности и синюю полосу моря на горизонте.

В полевом сезоне 1972 г. И. Г. Шургая решил отказаться от постепенного продвижения к центру города и вместо этого заложил там новый раскоп для проверки своей идеи о том, что на пересечении двух главных улиц должна находиться большая площадь, возможно, со статуями и надписями. Порой работа здесь из-за огромных завалов камней напоминала каменоломни, где основным орудием производства была кирка. Уже в первые недели раскопок на этом месте постепенно пришло понимание, внутреннее ощущение памятника, где при небольшой доле воображения жизнь древних боспорян обретала вполне зримые формы. Отчасти это заслуга Игоря Георгиевича, настоящего петербургского интеллигента, как уже отмечалось, непревзойденного рассказчика, с присущим ему грузинским темпераментом легко затрагивавшего любые темы — от античной истории и археологии до поэзии Серебряного века (рис. 86).

Рис. 86. И. Г. Шургая выступает перед студентами в экспедиции. 1976 г.

Рис. 87. И.Г. Шургая за экспедиционным столом. 1980 г.

В палатке начальник экспедиции не жил, а снимал комнату в близлежащей деревне Ивановке, в доме, который облюбовал еще В.Ф. Гайдукевич. Этот дом располагался на восточном краю деревни, всего в каком-то километре от экспедиционного лагеря. На раскопе он, следуя традиции своего учителя, появлялся обычно около 11 часов утра в чёрных очках, белом костюме и белой пилотке на голове (рис. 87). Общение с ним в течение рабочего дня очень любили студентки Академии художеств, проходившие археологическую практику на раскопках Илурата, так как под интересную беседу можно было немного передохнуть и на не-

которое время забыть о надоевшей лопате. Многие шутки Игоря Георгиевича, его рассказы, забавные истории, происходившие в экспедиции, с удовольствием вспоминаются до сих пор.

Хотя городская площадь в центре Илурата отсутствовала, это был просто перекрёсток двух главных улиц, результаты всё равно были впечатляющими. Здесь удалось обнаружить остатки тротуаров на улице и небольшое домашнее святилище с алтарём из вертикально поставленных каменных плит, перекрытым зольным холмом высотой около метра, и набором лепных статуэток, связанных с культом плодородия (Шургая, 1975; Шургая, 1986).

После этого полевого сезона вопрос с окончательным выбором специализации на кафедре археологии ЛГУ и научного руководителя для меня определился. С тех пор я часто приходил не только в Группу античной археологии, но и в уютный кабинет Игоря Георгиевича в доме на 2-й линии Васильевского острова, из окна которого открывался прекрасный вид на крыши петербургских домов. От него не раз можно было услышать: «Вот часто говорят, что археолог — это не кабинетный учёный... да самый кабинетный!» Над его рабочим столом висела в рамке акварель работы его давнего знакомого А. П. Терентьева-Катанского, обладавшего незаурядным художественным талантом, вполне достойным профессионального художника. Больше всего ему удавались забавные портреты-шаржи своих коллег. На акварели

Анатолий Павлович с присущим ему юмором скопировал средневековую миниатюру, изобразив своего друга в виде германского императора Оттона III со всеми атрибутами власти, пришедшими в Западную Европу из Византии.

Рядом на стене находился гравированный портрет другого императора, Наполеона I. Всё это, конечно, отражало разнообразные увлечения хозяина кабинета. Нужно было быть большим поклонником великого корсиканца, чтобы выложить за редкое издание мемуаров его секретаря Бурьенна 200 руб., сумму, равную тогда месячной зарплате младшего научного сотрудника с кандидатской степенью. Как большой раритет в его столе хранился офицерский крест кавалера ордена Почётного легиона времени наполеоновских войн. С такой же страстью Игорь Георгиевич относился к архитектуре и истории Петербурга. Прогулки с ним по улицам и набережным города порой превращались в настоящие лекции. Он мог рассказывать буквально о каждом доме, называть события, с ним связанные, перечислять владельцев. И я не знаю, кто бы мог с ним в этом сравниться.

На одной стене кабинета висело написанное еще в XVIII в. тондо — копия «Мадонны делла Седиа» Рафаэля, другая — была целиком заставлена книгами, в том числе привезёнными из путешествия 1967 г. по Египту, Ливии и Тунису, и надо сказать, что проблемы изучения не только Причерноморья, но и Средиземноморья эпохи эллинизма всегда оставались в поле зрения Игоря Георгиевича. Его статьи, связанные с этой тематикой, давно стали классикой отечественной античной археологии (Шургая, 1966; Шургая, 1971б; Шургая, 1973; Шургая, 1977). К сожалению, его почти завершённая книга «Александрия Египетская. Очерки истории культуры столицы Птолемеев эпохи эллинизма» так и осталась неопубликованной. Не чуждался он и преподавательской деятельности, читая на историческом факультете родного университета курсы «Северная Африка в античную эпоху» и «Античная археология Северной Африки».

В отношении Илурата, правда, после первого моего полевого сезона наступил перерыв на четыре года, связанный с различного рода неприятностями. Учитывая некоторые проблемы, по большей части формального характера, связанные с выполнением плановой темы И. Г. Шургая, руководство Института решило «разгрузить его от обязанностей заведующего Группой» (формулировка из приказа от 20 марта 1975 г.). Поскольку в ЛОИА для этой должности подходящей кандидатуры не нашлось, то «дистанционное управление» Группой стала осуществлять из Москвы, как заведующая Сектором античной археологии ИА АН СССР, И. Т. Кругликова (1917–2008). Всё вернулось «на круги своя» только впоследствии, и в декабре 1980 г.

Игорь Георгиевич даже получил премию в размере 120 руб. «за чёткое руководство Группой античной археологии на общественных началах».

Начиная с 1976 г. И.Г. Шургая, не жаждавший надолго расставаться с городским комфортом, тем не менее год за годом отправлялся на раскопки Илурата, который искренне любил. С этим последним периодом его жизни связаны многие важные открытия, полученные в ходе изучения планировочной структуры Илурата и отдельных, уникальных для этого памятника комплексов. Особо следует отметить такие находки, как клад из 66 боспорских биллоновых статеров 242/243–267/268 гг., позволивший уточнить дату гибели города (Фролова, Шургая, 1982) и обломок штукатурки с прочерченным на нём уникальным изображением тяжеловооружённого всадника — катафрактария (Шургая, 1983). Очень ценные материалы дал последний в жизни Шургая полевой сезон 1981 г., когда были обнаружены винодельня с хорошо сохранившимися давяльными площадками и двумя цистернами для винного сусла, считавшаяся несохранившейся северо-восточная оборонительная стена и потайной колодец, благодаря подземному ходу снабжавший крепость водой в случае осады.

Закончить полевой отчёт с описанием этих открытий Игорь Георгиевич уже не успел. Он скоропостижно скончался 6 февраля 1982 г. в результате резкого скачка давления и гипертонического криза. Это было более чем неожиданно. Ещё накануне, в пятницу, когда мы вместе ушли с работы, всё было в порядке. А в понедельник утром в канцелярии мне сказали, что он скоропостижно скончался. Ему было всего сорок семь лет, но всё же этот человек успел сделать достаточно много, чтобы навсегда войти в историю археологических исследований на территории античного Боспора.

Литература

- Абрамзон, 1995 — *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.; Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 1995. 654 с.
- Абрамзон, Винокуров, 2016 — *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И.* Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 3. С. 712–743.
- Абрамзон, Гунчина, 2016 — *Абрамзон М.Г., Гунчина О.Л.* Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н. э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) // ПИФК. 2016. Вып. 4. С. 280–329.
- Абрамзон и др., 2000 — *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клад золотых боспорских статеров II в. н. э. с Краснобатареиного городища // ВДИ. 2000. № 4. С. 60–68.
- Айбабин, 1999 — *Айбабин А.И.* О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре / гл. ред. М.И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 242–251.
- Акишев, 1978 — *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алексеев и др. — *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. 410 с.
- Алексеева, 1988 — *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 66–85.
- Алексеева, 1997 — *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 558 с.
- Алексинский, 2024 — *Алексинский Д.П.* Четыре неизданные боспорские терракотовые статуэтки из собрания Эрмитажа // СГЭ. 2024. Вып. LXXXII. С. 37–53.
- Алексинский и др., 2005 — *Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С.* Всадники войны. СПб.: Полигон, 2005. 488 с.
- Амато, 2012 — *д'Амато Р.* Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. — 192 г. н. э. М.: Эксмо, 2012. 342 с.
- Амброз, 1992 — *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1992. № 1. С. 6–108.
- Анисимов, 1989 — *Анисимов А.Н.* О продвижении племён готского союза на Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор / отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Красное знамя, 1989. С. 128–130.
- Анохин, 1986 — *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.
- Анохин, 1999 — *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.
- Антипина и др., 2008 — *Антипина Е.Е., Довгалюк Н.Н., Мальшев А.А., Медникова М.Б., Равич Е.Г., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Трейстер М.Ю.* Аспургiane на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К, 2008. 302 с.
- Антонова, Яйленко, 1995 — *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурния Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–87.
- Анфимов, 1960 — *Анфимов Н.В.* Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край: Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1960. С. 166–168.

- Арсеньева, 1970 — *Арсеньева Т.М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970. № 155. С. 82–149.
- Арсеньева, Науменко, 2001 — *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 2001. Т. 4. С. 56–124.
- Арсеньева и др., 1996 — *Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. № 3. С. 54–72.
- Артамонов, 1966 — *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага: Артия, 1966. 120 с. + табл.
- Афанасьева и др., 1976 — *Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н.* Искусство Древнего Востока. М.; Дрезден: Искусство; Verl. der Kunst, 1976. 375 с.
- Ашик, 1845 — *Ашик А.Б.* Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса: тип. А. Брауна, 1845. IV + 40 с.
- Банников, Шмидт, 2013 — *Банников А.В., Шмидт Г.А.* Особенности позднеримской военной терминологии // PARA BELLUM novum. 2013. № 1. С. 6–15.
- Беглова, Эрлих, 1998 — *Беглова Е.А., Эрлих В.Р.* Деталь римского меча из могильника у ст. Тенгинской // РА. 1998. № 2. С. 173–176.
- Бейдин, 2015 — *Бейдин Г.В.* Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры // Древности. 2015. Вып. 13. С. 138–149.
- Бессонова, 1983 — *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.
- Блаватская, 1965а — *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–209.
- Блаватская, 1965б — *Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА. 1965. № 3. С. 28–37.
- Блаватская, 1976 — *Блаватская Т.В.* Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 92–97.
- Блаватский, 1941 — *Блаватский В.Д.* Акарнанские бронзы Лисиппа // СА. 1941. Вып. VII. С. 188–198.
- Блаватский, 1949 — *Блаватский В.Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96–99.
- Блаватский, 1951 — *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 250–291.
- Блаватский, 1953а — *Блаватский В.Д.* Новые данные о строительстве Пантикапея // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 163–182.
- Блаватский, 1953б — *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 208 с.
- Блаватский, 1954 — *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 164 с.
- Блаватский, 1955 — *Блаватский В.Д.* О пантикапейской весовой системе // СА. 1955. Вып. XXIII. С. 201–205.
- Блаватский, 1964 — *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964. 232 с.
- Блаватский, 1968 — *Блаватский В.Д.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 44–45.
- Блаватский, 1985 — *Блаватский В.Д.* Античная археология и история / отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1985. 279 с.
- Блэкмор, 2006 — *Блэкмор Г.* Охотничье оружие от средних веков до двадцатого столетия. М.: Центрполиграф, 2006. 430 с.
- Бовыкин, 2006 — *Бовыкин Д.Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX веков. 2006. Вып. 7. С. 77–86.

- Богатова, 1998 — *Богатова О.В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 25 с.
- Болдырев, 1999 — *Болдырев С.И.* О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. № 2. С. 30–38.
- Болдырев, 2000 — *Болдырев С.И.* О характере пребывания Полемона на Боспоре // ДБ. 2000. Т. 3. С. 11–17.
- Болтунова, 1954 — *Болтунова А.И.* К надписи IosPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 168–176.
- Болтунова, 1964 — *Болтунова А.И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // Klio. 1964. Bd. 42. S. 195–209.
- Болтунова, 1965 — *Болтунова А.И.* Греческие надписи в донских музеях // НЭ. 1965. Т. V. С. 75–96.
- Болтунова, Книпович, 1962 — *Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. III. С. 3–31.
- Боспорские надгробные рельефы, 1990 — Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. — III в. н. э.: каталог выставки. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1990. 130 с.
- Ботушарова, 1959 — *Ботушарова Л.* Нови дани за крепост та на Филипопол // Археология. 1959. Т. 1. Кн. 1–2. С. 55–58.
- Ботушарова, 1965 — *Ботушарова Л.* Разкопките въ Филипопол и проблемите, свързани с тях // Археология. 1965. Т. 7. Кн. 3. С. 1–11.
- Брабич, Плетнёва, 1971 — *Брабич В.М., Плетнёва Г.С.* Зрелища древнего мира. Л.: Искусство, ЛО, 1971. 77 с.
- Брашинский, 1979 — *Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. М.: Наука, 1979. 144 с.
- Бронштэн, 1988 — *Бронштэн Б.Н.* Клавдий Птолемей. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Буданова, 1990 — *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука, 1990. 232 с.
- Бурачков, 1884 — *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Чёрного моря. Ч. I. Одесса: тип. Шульце, 1884. 289 с., 32 табл.
- Вайнштейн, 1991 — *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Вальдгауэр, 1914 — *Вальдгауэр О.Ф.* Античные глиняные светильники. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. VIII + 68 с.
- Васильев, 2004 — *Васильев А.А.* Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М.: ГИМ, 2004. С. 79–115.
- Васильев, Кармов, 2008 — *Васильев А.А., Кармов Т.М.* Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 238–246.
- Вахтина и др. 1977 — *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., Рогов Е.Я.* Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: ТД. Тбилиси. С. 9–10.
- Вигель, 1928 — *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 1. М.: Круг, 1928. 377 с.
- Виноградов, 1963 — *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушский НИИ, 1963. 222 с.
- Виноградов, 1983 — *Виноградов Ю.А.* Тигель из Илурата // СА. 1983. № 2. С. 229–231.
- Виноградов, 1994 — *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.

- Виноградов, 1996 — *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60.
- Виноградов, 2001 — *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина / ред. С.Л. Соловьёв. Вып. 1. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 64–70.
- Виноградов, 2006 — *Виноградов Ю.А.* Памяти В.Ф. Гайдукевича // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 3–15.
- Виноградов, 2015 — *Виноградов Ю.А.* Владимиру Анатольевичу Горончаровскому 60 лет // БИ. Вып. XXXI. С. 32–34, портр.
- Виноградов, 2018а — *Виноградов Ю.А.* Илурат священный // БИ. 2018. Вып. XXXVII. С. 103–110.
- Виноградов, 2018б — *Виноградов Ю.А.* Два письма из личного архива В.И. Денисовой // АВ. 2028. Вып. 24. С. 411–420.
- Виноградов, 2019 — *Виноградов Ю.А.* В.А. Горончаровскому 65 лет! // ЗИИМК. № 20. С. 192–194, портр.
- Виноградов, 2022 — *Виноградов Ю.А.* Расписной склеп Анфестерия в Керчи // БИ. 2022. Вып. XLV. С. 93–115.
- Виноградов, Горончаровский, 2009 — *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.
- Виноградов, Никонов, 2009 — *Виноградов Ю.А., Никонов В.П.* Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 127–134.
- Виноградов, Петренко, 1973 — *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Рец.: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наук, 1971 // СА. 1973. № 2. С. 273–280.
- Виноградов, Шестаков, 2005 — *Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.
- Винокуров, 2002 — *Винокуров Н.И.* Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. Т. 5. С. 70–85.
- Винокуров, 2007а — *Винокуров Н.И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь: АДЕФ — Украина, 2007. 456 с.
- Винокуров, 2007б — *Винокуров Н.И.* Факторы системного кризиса Боспорского государства во второй половине III в. по Р.Х. // XVI Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. Вып. 17 (2). С. 166–188.
- Винокуров, 2009 — *Винокуров Н.И.* Боспоро-римская война и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // ParaBellum. 2009. № 31. С. 9–16.
- Винокуров, 2012 — *Винокуров Н.И.* Городище Артезиан: инфраструктура и планировка // БЧ. 2012. Вып. XIII. С. 92–99.
- Винокуров, 2018 — *Винокуров Н.И.* Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. 2018. Т. 22. С. 1–17.
- Винокуров, Никонов, 1998 — *Винокуров Н.И., Никонов А.А.* О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // РА. 1998. № 4. С. 98–114.
- Винокуров, Никонов, 2004 — *Винокуров Н.И., Никонов А.А.* Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 95–104.
- Власова, 2006 — *Власова Е.В.* Куль-Оба // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 47–53.

- Волошинов и др., 2019 — *Волошинов А.А., Бейлин Д.В., Рукавишникова И.В.* Каменный склеп могильника Александровские скалы 1 (предварительная публикация) // ДБ. 2019. Т. 24. С. 114–138.
- Габуев, 1999 — *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон, 1999. 148 с.
- Гавинье и др., 2010 — *Гавинье Ж.-П., Рамос Э., Шильц В.* Поль Дюбрюкс, Куль-Оба и скифы // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Коло, 2010. С. 102–109.
- Гайдукевич, 1947 — *Гайдукевич В.Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1947. Т. XIV. С. 92–109.
- Гайдукевич, 1949 — *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Гайдукевич, 1950 — *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. XIII. С. 173–204.
- Гайдукевич, 1955 — *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. Т. 1. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23–147.
- Гайдукевич, 1958а — *Гайдукевич В.Ф.* Илурат: Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 9–148.
- Гайдукевич, 1958б — *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85. С. 358–457.
- Гайдукевич, 1981 — *Гайдукевич В.Ф.* Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981. С. 76–136.
- Галль фон, 1997 — *Галль Х. фон.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (истоки восприятия одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.
- Гарский, 1902 — *Гарский Б.* Патаниоти 2-й, Николай Юрьевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб.: Имп. Рус. ист. об-во, 1902. С. 368–369.
- Герасимова, 1970 — *Герасимова В.* Дислокация на римските помощи войски в провинции Мизия от 44 до 86 г. на н. е. // Археология. 1970. Кн. 4. С. 22–33.
- Гиль, 1891 — *Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1891. 18 с.
- Гиль, 1895 — *Гиль Х.Х.* Описание монет, поступивших в моё собрание в 1892–1893 гг. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1896. 15 с.
- Глаголева, 2016 — *Глаголева Е.* Дюк де Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2016. 298 с.
- Голенко, 1978 — *Голенко К.В.* Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НЭ. 1978. Т. XII. С. 10–40.
- Голубцова, 1951 — *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 134 с.
- Горелик, 1971 — *Горелик М.В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.
- Горелик, 1982 — *Горелик М.В.* Кушанский доспех // Древняя Индия: Историко-культурные связи / отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: Восточная литература, 1982. С. 82–112.
- Горончаровский, 1982 — *Горончаровский В.А.* Свинцовая гиря из Илурата // СА. 1982. № 1. С. 236–238.

- Горнчаровский, 1984 — *Горнчаровский В.А.* Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. 1984. № 3. С. 90–93.
- Горнчаровский, 1985 — *Горнчаровский В.А.* Илуратская винодельня // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 89–92.
- Горнчаровский, 1989 — *Горнчаровский В.А.* Исследования Березанского отряда Ольвийской экспедиции в 1986–1987 гг. // История и археология Нижнего Подунавья: ТД. Рени: Б. и. С. 49–50.
- Горнчаровский, 1991 — *Горнчаровский В.А.* Новые данные для изучения боспорской хоры в VI–II вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. ТД. II чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса: Б. и. С. 23–24.
- Горнчаровский, 1993 — *Горнчаровский В.А.* Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата // АВ. 1993. № 2. С. 80–84.
- Горнчаровский, 1996 — *Горнчаровский В.А.* Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. Одесса: Астропринт. С. 31–32.
- Горнчаровский, 1999 — *Горнчаровский В.А.* К вопросу о культе Кибелы на Боспоре // Stratum plus. 1999. № 3. С. 224–227.
- Горнчаровский, 2000a — *Горнчаровский В.А.* Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж; Алетейя, 2000. С. 255–257.
- Горнчаровский, 2000б — *Горнчаровский В.А.* Между Империей и варварами: военнополитическая история Боспора на рубеже нашей эры // Stratum plus. 2000. № 3. С. 229–236.
- Горнчаровский, 2001a — *Горнчаровский В.А.* Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I–III вв. н. э. // Acta universitatis Lodzianis. T.I. Folia Archaeologica. 2001. No. 23. S. 69–74.
- Горнчаровский, 2001б — *Горнчаровский В.А.* Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. 2. СПб., 2001. С. 217–221.
- Горнчаровский, 2001в — *Горнчаровский В.А.* К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // II БЧ. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь: Керченская городская тип., 2001. С. 31–34.
- Горнчаровский, 2002a — *Горнчаровский В.А.* Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгииппии // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 184–189.
- Горнчаровский, 2002б — *Горнчаровский В.А.* Крепость Илурат: итоги изучения (к 175-летию начала исследования) // III БЧ. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь: Центр археологических исследований, 2002. С. 68–77.
- Горнчаровский, 2003a — *Горнчаровский В.А.* Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 129–138.
- Горнчаровский, 2003б — *Горнчаровский В.А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М.: Петербургское востоковедение; Филоматис, 2003. 221 с.
- Горнчаровский, 2004a — *Горнчаровский В.А.* И. Г. Шургая, как исследователь античного Боспора (к 70-летию со дня рождения) // Мавродинские чтения 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки / ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 239–240.

- Горнчаровский, 2004б — *Горнчаровский В.А.* Раскопки Семибратнего городища (Лабрита) // АО-2003. М. 2004. С. 253–255.
- Горнчаровский, 2005 — *Горнчаровский В.А.* Военно-политическая история Боспорского царства со второй половины I до середины III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2005. Вып. 4. С. 337–358.
- Горнчаровский, 2006а — *Горнчаровский В.А.* В. Ф. Гайдукевич и изучение Илурата // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 179–188.
- Горнчаровский, 2006б — *Горнчаровский В.А.* Аспургiane и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. / ред. С.Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 43–53.
- Горнчаровский, 2006в — *Горнчаровский В.А.* Оборонительная система Илурата // РА. 2006. № 4. С. 119–130.
- Горнчаровский, 2006г — *Горнчаровский В.А.* Изгнанник на краю Европы // Мир древностей. 2006. № 1. С. 58–64.
- Горнчаровский, 2007 — *Горнчаровский В.А.* К вопросу о конструкции боспорских сёдел I–III вв. н. э. // *Antiquitas Aeternae*. Вып. 2: Война и военное дело в античном мире / ред. А.В. Махлаюк. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2007. С. 324–334.
- Горнчаровский, 2007б — *Горнчаровский В.А.* Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // *EYXAPICTHPION*. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 50–56.
- Горнчаровский, 2009а — *Горнчаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (По материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Т. XXII. С. 150–187.
- Горнчаровский, 2009б — *Горнчаровский В.А.* Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 256 с.: ил. (*Militaria antiqua*; т. 13).
- Горнчаровский, 2011а — *Горнчаровский В.А.* Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы) // *Non sensistis gladios. Studia ofiarowane Marianowi Gloskowi w 70 rocznice urodzin* / eds. O. Ławryniewicz et al. Łódź: Wydawnictwo Akademii nauk, 2011. S. 135–143.
- Горнчаровский, 2011б — *Горнчаровский В.А.* Семибратние курганы: анализ конструкции и инвентаря погребальных сооружений // XII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 84–93.
- Горнчаровский, 2011в — *Горнчаровский В.А.* Спартакoвская война. Восставшие рабы против римских легионов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 176 с.: ил. (*Militaria antiquae*; т. 14).
- Горнчаровский, 2013а — *Горнчаровский В.А.* «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева / ред. Ю.А. Виноградов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 72–84.
- Горнчаровский, 2013б — *Горнчаровский В.А.* О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Научно-методический центр археологии ЮФУ, 2013. С. 161–173.

- Горнчаровский, 2014а — *Горнчаровский В.А.* Семибратные курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 553–618.
- Горнчаровский, 2014б — *Горнчаровский В.А.* Российские археологи на Кипре // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. (Труды ИИМК РАН; т. XLII). С. 304–314.
- Горнчаровский, 2015 — *Горнчаровский В.А.* Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти. М.: Ломоносовъ, 2015. 194 с.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 183–189.
- Горнчаровский, 2016а — *Горнчаровский В.А.* К вопросу об этногенезе синдов: (по материалам боспорских курганов) // Таврические студии. Исторические науки. 2016. № 10. С. 60–65. Рез. англ.
- Горнчаровский, 2016б — *Горнчаровский В.А.* Погребальные памятники элиты Синдского царства // Элита Боспора и боспорская элитарная культура / отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 136–143.
- Горнчаровский, 2016в — *Горнчаровский В.А.* Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане к интерпретации комплекса // ЗИИМК. 2016. № 13. С. 90–101: ил.
- Горнчаровский, 2016г — *Горнчаровский В.А.* Итоги работ Кипрской экспедиции ИИМК РАН в 2008–2012 и в 2014–2015 гг. // Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические, дидактические аспекты / отв. ред. Л. Н. Мирошниченко. Краснодар: Кубан. ун-т, 2016. С. 253–260: ил. Рез. англ.
- Горнчаровский, 2017а — *Горнчаровский В.А.* Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н. э.: (по письменным и археологическим источникам) // БИ. 2017. Т. XXXIV. С. 224–260: ил.
- Горнчаровский, 2017б — *Горнчаровский В.А.* Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 111–129: ил.
- Горнчаровский, 2018а — *Горнчаровский В.А.* Изображение римского шлема на надгробной стеле Басилида из некрополя Пантикапея // Acta Archaeologica Lodziensia. 2018. Nr. 64. S. 119–128.
- Горнчаровский, 2018б — *Горнчаровский В.А.* Илурат: итоги и перспективы исследования // Таврические студии. Исторические науки. 2018. № 16. С. 69–76: ил. Рез. англ.
- Горнчаровский, 2018в — *Горнчаровский В.А.* Арена и кровь: мир гладиаторов. СПб.: Евразия, 2018. 320 с.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 304–314.
- Горнчаровский, 2019а — *Горнчаровский В.А.* На подступах к столице Боспора: античная крепость Илурат в Восточном Крыму / ИИМК РАН. СПб.: Изд-во РГПУ, 2019. 120 с.: ил. Библиогр.: с. 118–119.
- Горнчаровский, 2019б — *Горнчаровский В.А.* «Археолог, вполне достойный носить это имя»: (к 160-летию со дня рождения В. К. Мальмберга) // Новый Гермес. 2019. Вып. 1. С. 135–185.
- Горнчаровский, 2019в — *Горнчаровский В.А.* «Сын античной мудрости...»: (В. К. Мальмберг) // ЗИИМК. 2019. № 21. С. 140–152: ил. Рез. англ.
- Горнчаровский, 2020а — *Горнчаровский В.А.* Реконструкция вооружения сарматских всадников первых веков нашей эры (по материалам раскопок могильника близ хутора Городского в Адыгее) // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы V Международной военно-исторической конференции / ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: СПбГУПТД, 2020. С. 9–23.
- Горнчаровский, 2020б — *Горнчаровский В.А.* М. И. Ростовцев и изучение Семибратних курганов // Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 1 / Пред. редколл. В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ ГУПТД, 2020. С. 142–151.

- Горончаровский, 2021 — *Горончаровский В.А.* К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье // АВ. 2021. Вып. 32. С. 187–193. Рез. англ.
- Горончаровский, 2022 — *Горончаровский В.А.* Спартак: легенда и реальность. СПб.: Евразия, 2022. 224 с.: ил. Библиогр.: с. 205–215.
- Горончаровский, Вахтина, 2013 — *Горончаровский В.А., Вахтина М.Ю.* Раскопки некрополя Горгиппии в 2012 г. // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2013. С. 10–20.
- Горончаровский, Виноградов, 2009 — *Горончаровский В.А., Виноградов Ю.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История; Изд-во Ф-та филологии и искусств СПбГУ, 2009. 350 с.: ил. (Труды ИИМК; т. 25).
- Горончаровский, Виноградов, 2017 — *Горончаровский В.А., Виноградов Ю.А.* Военная история Боспорского царства. М.: Ломоносовъ, 2017. 232 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 20–228.
- Горончаровский, Никоноров, 1987 — *Горончаровский В.А., Никоноров В.П.* Илуратский катафрактарий // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Горончаровский, Ракочи, 2017 — *Горончаровский В.А., Ракочи Я.* Фортификация боспорского города-крепости Илурат (планы П. Дюбрюкса, данные раскопок и виртуальные реконструкции) // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / eds. M. Matera, R. Karasiewicz. Warszawa: Institute of Archaeology University of Warsaw, 2017. S. 81–88 (Swiatowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia; vol. I).
- Горончаровский, Смекалова, 2016 — *Горончаровский В.А., Смекалова Т.Н.* Курганный некрополь в ландшафте Нимфея: История изучения и современное состояние // XVII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. С. 439–447: ил.
- Горончаровский, Терещенко, 2024 — *Горончаровский В.А., Терещенко А.Е.* Феб Аполлон — владыка Лабриса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. Вып. 3. Ростов н/Д.: ИП Истратов. С. 321–326: ил. Рез. англ.
- Горончаровский, Тихонова, 2005 — *Горончаровский В.А., Тихонова Т.С.* Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 121–124.
- Горончаровский, Тихонова, 2022 — *Горончаровский В.А., Тихонова Т.С.* Известняковый рельеф с изображением Кибелы и ее спутников из раскопок Горгиппии в 2020 г. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 100–104.
- Горончаровский, Хршановский, 1986 — *Горончаровский В.А., Хршановский В.А.* У стен древнего Илурата // Ноосфера: духовный мир человека / сост. А.В. Коротнян. Л.: Лениздат, 1986. С. 154–165.
- Граков, 1971 — *Граков Б.Н.* Скифы. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 170 с.
- Грач, 1976 — *Грач Н.Л.* Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 183–200.
- Грингоф, 2011 — *Грингоф С.А.* Ещё раз о должности наместника царства на Боспоре римского времени // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 32–36.
- Гущина, Засецкая, 1994 — *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

- Даньшин, 1990 — *Даньшин Д. И.* Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 51–56.
- Дедюлькин, 2014 — *Дедюлькин А. В.* Шлемы-коносы на Северо-Западном Кавказе и в эллинистической ойкумене // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции / ред. Т. А. Павленко и др. Краснодар: Традиция, 2014. С. 59–71.
- Денисова, 1981 — *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981. 172 с.
- Десятчиков, 1968 — *Десятчиков Ю. М.* Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях / отв. ред. И. В. Яценко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 126 с.
- Десятчиков, 1972 — *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Джалилов, 1961 — *Джалилов А.* Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Сталинабад, 1961. (Труды ИИАЭ АН ТаджССР; т. XXX). 165 с.
- Добровольская, 2009 — *Добровольская Е. В.* Археозоологические исследования Фанагории (2005–2008 гг.) // БЧ. 2009. Вып. X. С. 113–118.
- Доватур, 1959 — *Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. № 4. С. 24–42.
- Домбровский, 1960 — *Домбровский О. И.* Античный театр в Херсонесе // СХМ. 1960. № 1. С. 29–36.
- Дорошко, 2005 — *Дорошко В. В.* Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре / ред. Н. М. Куковальская. Киев; Судак: Академперіодика, 2005. (Сугдейский сборник; вып. 2). С. 49–53.
- Драчук, 1975 — *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
- Дьячков, 1997 — *Дьячков С. В.* Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия / ред. В. Ф. Мещеряков. Харьков: Бизнес-Информ, 1997. С. 57–79.
- Дюбрюкс, 1858 — *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Чёрном море / пер. с франц. А. Дюбрюкса // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 3–84.
- Дюбрюкс, 2010 — *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений / отв. ред. И. В. Тункина. Т. I–II. СПб.: Коло, 2010. Т. I. (Тексты). 726 с.; Т. II. (Иллюстрации). 766 с., рис.
- Ефремов, Колесников, 2018 — *Ефремов Н. В., Колесников А. Б.* К находке клеймёного римского мортария в Пантикапее: новый источник о римском военном присутствии на Боспоре // АМА. 2021. Вып. 20. С. 368–388.
- Жиль, 1854 — *Жиль Ф. А.* Введение // Древности Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.: Имп. академия наук, 1854. С. I–CLIV.
- Завойкина, 2004 — *Завойкина Н. В.* О времени появления варварской общины в Танаисе // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 65–69.
- Завойкина и др., 2018 — *Завойкина Н. В., Новицихин А. М., Константинов В. А.* Новая почитательная надпись Аспурга из Горгииппии // ВДИ. 2018. № 3. С. 680–692.
- Зайцев, 2003 — *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зеймаль, 1979 — *Зеймаль Е. В.* Аму-Дарьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. 96 с.

- Зенкевич, 1958 — *Зенкевич В. П.* Берега Чёрного и Азовского морей. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1958. 380 с.
- Зимин, Соколов, 2013 — *Зимин И. В., Соколов А. А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2013. 766 с.
- Златковская, 1951 — *Златковская Т. Д.* Мёзия в I и II веках нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 134 с.
- Зограф, 1938 — *Зограф А. Н.* Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. 1938. № 2. С. 287–306.
- Зограф, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М. — Л.: Наука, 1951. (МИА; № 16). 262 с.
- Золото Фанагории, 2015 — Золото Фанагории // Фанагория. Т. 2 / ред. В. Д. Кузнецов. М.: Институт археологии РАН, 2015. 604 с.
- Зубар, 1988 — *Зубар В. М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 19–27.
- Зубар, 1994 — *Зубар В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. Киев: Киев. академия евробизнеса, 1994. 179 с.
- Зубар, Скржинська, 1997 — *Зубар В. М., Скржинська М. В.* До інтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора (Лус. *Alex.* 57) // Археологія. 1997. № 4. С. 119–123.
- Зубарев, 1998 — *Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // ДБ. 1998. Т. 1. С. 105–124.
- Зубарь, 1993 — *Зубарь В. М.* Северное Причерноморье и Септимий Север // ВДИ. 1993. № 4. С. 34–44.
- Зубарь, 1994 — *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев: ИА НАНУ, 1994. 180 с.
- Зубарь, 1998 — *Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев: ИА НАНУ, 1998. 200 с.
- Зубарь, 2000 — *Зубарь В. М.* Римская крепость Харакс // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 176–200.
- Зубарь, 2002 — *Зубарь В. М.* По поводу этнической принадлежности так называемых во-тивных плиток фракийского круга из Таврики // АМА. 2002. Вып. 11. С. 195–199.
- Зубарь, 2004 — *Зубарь В. М.* Таврика и Римская империя. Киев: Стило, 2004. 230 с.
- Зубарь, Сон, 2000 — *Зубарь В. М., Сон Н. А.* Надгробие солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса // ВДИ. 2000. № 3. С. 39–47.
- Зубарь, Шмалько, 1993 — *Зубарь В. М., Шмалько А. В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 1993. С. 225–230.
- Иванов, 1980 — *Иванов Т.* Абритус. Т. 1. София: Българска академия науките, 1980. 259 с.
- Иванова, 1961 — *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Мистецтво, 1961. 150 с.
- Иванчик, 2013 — *Иванчик А. И.* Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 59–77.
- Иванчик, Тохтасьев, 2009 — *Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р.* Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. № 3. С. 95–107.
- Иванчик, Тохтасьев, 2019 — *Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р.* Рельеф с посвящением фиаса из Танаиса // ВДИ. 2019. № 4. С. 992–1008.
- Кадеев, 1981 — *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981. 143 с.
- Кадеев, 1985 — *Кадеев В. И.* Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 66–69.

- Казанский, 2016 — *Казанский М.М.* Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 137–162.
- Калашник, 1986 — *Калашник Ю.П.* Группа керамических клейм римского времени из Ольвии и Херсонеса // СГЭ. 1986. Вып. LI. С. 41–45.
- Калашник, 2006 — *Калашник Ю.П.* О Викторе Францевиче Гайдукевиче // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 207–213.
- Калашников, 1987 — *Калашников М.В.* Новый тип поселений Азиатского Боспора первой половины I в. н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований / отв. ред. Е. В. Максимов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 64–65.
- Каллистов, 1940 — *Каллистов Д.П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. № 2. С. 65–77.
- Каллистов, 1952 — *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз, 1952. 188 с.
- Каменецкий, 1989 — *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 224–251.
- Каминский, 1982 — *Каминский В.Н.* О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. 1982. № 170. С. 48–51.
- Каспаров, 1996 — *Каспаров А.К.* Фаунистические остатки с некрополей боспорских родов Илурата и Китея // Материалы конференции «Животные и растения в мифоритуальных системах» / отв. ред. Т. Н. Дмитриева. СПб.: Изд-во ГМИР, 1996. С. 38–40.
- Кашкаров, 1931 — *Кашкаров Д.Н.* Дикие животные Туркестана. Ташкент: Узгиз, 1931. 448 с.
- Кёне, 1849 — *Кёне Б.* Отчёт о сочинении А. Б. Ашика, под заглавием «Керченские древности: О Пантикапейской катакомбе» // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. 1849. № 1. С. 89–124.
- Кёне, 1857 — *Кёне Б.В.* Описание музея кн. В. В. Кочубея. Т. II. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1857. 450 с.
- Кирпичников, 1973 — *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, ЛО, 1973. (САИ; вып. Е 1–36). 138 с.
- Кларк, 1999 — *Кларк М.Е.* — Д. Путешествие по России, Татарии и Турции // АИБ. Т. III. Керчь: Благотворительный фонд Деметра, 1999. С. 11–38.
- Книпович, 1949 — *Книпович Т.Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 184 с.
- Книпович, Славин, 1941 — *Книпович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37–60.
- Коарелли Ф. и др., 2002 — *Коарелли Ф., Альбентиси Э., Гвидобальди М.П., Пезандо Ф., Вароне А.* Помпеи. М.: Слово, 2002. 404 с.
- Кобылина, 1978 — *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Коллекция, 2007 — Коллекция античных древностей Государственного музея истории религии / ред. Л. Н. Перова. СПб.: СПбГУТД, 2007. 63 с.
- Колобов, 2001 — *Колобов А.В.* Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 38–44.
- Колосовская, 2000 — *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племён на Дунае. М.: Наука, 2000. 288 с.
- Колтухов, 1990 — *Колтухов С.Г.* Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 2. С. 176–188.

- Колтухов, 1999 — *Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: Сонат, 1999. 221 с.
- Корженков и др., 2016 — *Корженков А. М., Овсяченко А. Н., Ларьков А. С.* Сейсмические деформации в древнем городе Илурате // *Природа*. 2016. № 10. С. 30–38.
- Корпусова, 1983 — *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 183 с.
- Кропоткин, 1961 — *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. Л.: Наука, ЛО, 1961. (САИ; вып. Г4–4). 135 с.
- Кругликова, 1955 — *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 168 с.
- Кругликова, 1966а — *Кругликова И. Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н. э. // *Культура античного мира* / отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 109–115.
- Кругликова, 1966б — *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966. 224 с.
- Кругликова, 1969 — *Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у дер. Семёновки // *СА*. 1969. № 1. С. 98–119.
- Кругликова, 1970 — *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у деревни Семёновки // *МИА*. 1970. № 155. С. 4–81.
- Кругликова, 1975 — *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Кругликова, 1982 — *Кругликова И. Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // *Горгоппия* / ред. И. Т. Кругликова. Т. II. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982. С. 117–149.
- Крушкол, 1978 — *Крушкол Ю. С.* Клад времени Митридата VIII // *ВДИ*. 1978. № 4. С. 61–63.
- Крыжицкий, 1982 — *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 166 с.
- Крыжицкий, 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 248 с.
- Крыкин, 1993 — *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 330 с.
- Кубланов, 1948 — *Кубланов М. М.* Итоги археологических разысканий в районе деревни Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 г. // *Ученые записки Ленинградского педагогического института*. 1948. Т. 68. С. 27–54.
- Кубланов, 1976 — *Кубланов М. М.* Новые памятники некрополя Илурата // *КСИА*. 1976. Вып. 145. С. 102–108.
- Кубланов, 1983 — *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // *Научно-атеистические исследования в музеях* / отв. ред. С. А. Кучинский. Л.: ГМИРИА, 1983. С. 96–129.
- Кубланов, 1998 — *Кубланов М. М.* Отрывки воспоминаний // *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. СПб.: Гос. музей истории религии, 1998. С. 107–112.
- Кубланов, 2014 — *Кубланов М. М.* Апокрифы. Ч. 1. Потаённые дневники советского служащего: Записи о событиях 1936–1975 гг. СПб.: Деметра, 2014. 224 с.
- Кубланов, Хршановский, 1989 — *Кубланов М. М., Хршановский В. А.* Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 гг. // *Проблемы религиоведения и атеизма в музеях* / отв. ред. Р. Ф. Филиппова. Л.: ГМИРИА, 1989. 183 с.
- Кунина, 1972 — *Кунина Н. З.* Стекланные бальзамарии Боспора // *ТГЭ*. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
- Кунина, 1997 — *Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. 360 с.

- Кунина, 2006 — *Кунина Н.З.* О любимом учителе // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 219–222.
- Кызласов, 1973 — *Кызласов И.Л.* О происхождении стремян // СА. 1973. № 3. С. 24–36.
- Лавров, 1995 — *Лавров В.В.* Готы и Боспор в III в. н. э. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 112–122.
- Лагутин, 1999 — *Лагутин А.В.* Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму // СА. 1999. № 4. С. 203–207.
- Латышев, 1904 — *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 1–91.
- Латышев, 1909 — *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб.: Имп. акад. наук, 1909. С. 60–128.
- Ле Бок, 2001 — *Ле Бок Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М.: РОССПЭН, 2001. 398 с.
- Левченко, 1999 — *Левченко Н.В.* Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М.: Восточная литература, 1999. С. 209–218.
- Литвинский, 2001 — *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.
- Литвинский, 2002 — *Литвинский Б.А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. 2002. Т. I (XXVI). С. 181–213.
- Лордкипанидзе, 1966 — *Лордкипанидзе Г.А.* О колхидской весовой системе // Культура античного мира / отв. ред. А.И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 131–134.
- Лурье, 1948 — *Лурье С.Я.* Культ Матери и Девы в Боспорском царстве // ВДИ. 1948. № 3. С. 204–211.
- Лурье, 2013 — *Лурье Е.В.* Шлемы из могильника у хутора Городской: поиск аналогий // VI Международная Кубанская археологическая конференция / отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 260–266.
- Максимова, 1956 — *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 472 с.
- Максимова, Наливкина, 1955 — *Максимова М.И., Наливкина Н.А.* Скульптура // АГСП. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 297–324.
- Мамбетуллаев, 1977 — *Мамбетуллаев М.* Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе // СА. 1977. № 3. С. 278–281.
- Марти, 1934 — *Марти Ю.Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 57–89.
- Марти, 1941 — *Марти Ю.Ю.* Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. 1941. Вып. VII. С. 31–44.
- Марченко, 1977 — *Марченко И.Д.* О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира / отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 121–126.
- Марченко, 1996 — *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: КубГУ, 1996. 336 с.
- Марченко и др., 2000 — *Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: ИА РАН, 2000. 281 с.
- Маршак, 1987 — *Маршак Б.И.* Искусство Тогда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 1987. С. 233–248.
- Масленников, 1986 — *Масленников А.А.* Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 175–180.
- Масленников, 1990 — *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1990. 228 с.

- Масленников, 1995 — *Масленников А.А.* Полемон I на Боспоре // БС. 1995. Т. 8. С. 158–167.
- Масленников, 1998 — *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 299 с.
- Масленников, Чевелёв, 1983 — *Масленников А.А., Чевелёв О.Д.* Охранные раскопки на Новониколаевском городище // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 91–95.
- Маслов, 1999 — *Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову / отв. ред. А.И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1999. С. 219–236.
- Массон, Ромодин, 1964 — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. М.: Восточная литература, 1964. 465 с.
- Масякин, 2018 — *Масякин В.В.* Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена // БЧ. 2018. XIX. Керчь: ИП Е. А. Литвиненко, 2018. С. 299–308.
- Матковская, 1992 — *Матковская Т.А.* Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н. э. — II в. н. э. // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 387–407.
- Матковская, 2005 — *Матковская Т.А.* Памятники боспорянам — защитникам Отечества (по материалам Керченского лапидария) // БИ. 2005. Вып. IX. С. 374–392.
- Мацулевич, 1941 — *Мацулевич Л.А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Т. VII. С. 61–80.
- Мачинский, 1974 — *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132.
- Медведев, 2015 — *Медведев А.П.* Об аспургианах в Фанагории // Иресиона. Античный мир и его наследие. 2015. Вып. IV. С. 61–70.
- Мелюкова, 1989 — *Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 92–100.
- Михайловский-Данилевский, 1897 — *Михайловский-Данилевский А.И.* Из воспоминаний: Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 г. // Русская старина. 1897. № 7. С. 92–97.
- Молчанов, 1971 — *Молчанов А.А.* Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим материалам) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1971. № 4. С. 98–104.
- Надэль, 1948 — *Надэль Б.* Боспорская надпись IosPE II, 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212–214.
- Наливкина, 1958 — *Наливкина М.А.* Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА. 1958. № 85. С. 312–316.
- Неверов, 1976 — *Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с.
- Неверов, 1979 — *Неверов О.Я.* Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху / ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора. 1979. С. 104–115.
- Нефедкин, 2011 — *Нефедкин А.К.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 296 с.
- Никоноров, 2002 — *Никоноров В.П.* К вопросу о сёдлах парфянской кавалерии // Военное дело народов Северной и Центральной Азии / ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. С. 21–27.
- Никоноров, Аржанцева, 2021 — *Никоноров В.П., Аржанцева И.А.* История древнейших сёдел жёсткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приуралья // АВ. 2021. Вып. 32. С. 228–254.

- Никоноров, Худяков, 1999 — *Никоноров В.П., Худяков Ю.С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 141–156.
- Новгородова, Горелик, 1980 — *Новгородова Э.А., Горелик М.В.* Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир / отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 101–112.
- Новиченкова, 1994 — *Новиченкова Н.Г.* О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское седло // БС. 1994. № 4. С. 53–58.
- Новиченкова, 1998 — *Новиченкова Н.Г.* Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.
- Новиченкова, 2002 — *Новиченкова Н.Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта: РИО Крымского гос. гуманитар. ин-та, 2002. 215 с.
- Новичихин, 2025 — *Новичихин А.М.* Гладиус типа «Майнц» из раскопок некрополя Горгиппии // БЧ. 2025. С. 191–198.
- Новичихин, Галут, 2013 — *Новичихин А.М., Галут О.В.* Золото Горгиппии. Анапа; Краснодар: Платонов, 2013. 110 с.
- Носов, 2005 — *Носов К.С.* Гладиаторы. СПб.: Атлант, 2005. 200 с.
- Овчаров, Овчаров, 1988 — *Овчаров Д., Овчаров Н.* Мраморная колонка III в. с надписью на латинском языке из Преслава // Thracia. 1988. Т. 8. С. 122–129.
- Онайко, 1971 — *Онайко Н.А.* Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой балке // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 73–77.
- Онайко, 1983 — *Онайко Н.А.* Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 82–85.
- Орешников, 1921 — *Орешников А.В.* К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 1–8.
- Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / РАН; ИИМК; науч. ред. и сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН. С. 9–15: ил., портр.
- Панов, 2002 — *Панов А.Р.* Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // АМА. 2002. Вып. 11. С. 106–108.
- Панов, 2009 — *Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней Республики — ранней Империи (II в. до н. э. — начало II в. н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. 49 с.
- Панов, 2012а — *Панов А.Р.* Клавдий и начало боспоро-римской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История, политология, экономика, информатика. 2012. № 19. С. 10–14.
- Панов, 2012б — *Панов А.Р.* Нерон и статус Боспора в римско-боспорских отношениях // Вестник Нижегородского ун-та. 2012. № 5. С. 179–184.
- Панченко, 2018 — *Панченко В.В.* Первое воцарение Тейрана и поход племен Северного Причерноморья в 267 г. н. э. // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № XXVI. С. 51–64.
- Паромов, 2001 — *Паромов Я.М.* Укреплённые дома Азиатского Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / отв. ред. В.Ю. Зуев. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 79–84.
- Парфёнов, 1997 — *Парфёнов В.Н.* Динамия, царица Боспора // Боспор и античный мир / ред. С.К. Сизов. Н. Новгород: ННГУ, 1997. С. 126–136.
- Парфёнов, 2007 — *Парфёнов В.Н.* Загадка Скрибония // ПИФК. 2007. Вып. XVII. С. 291–298.

- Парфёнов, 2009 — *Парфёнов В.Н.* Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // АМА. 2009. Вып. 13. С. 350–354.
- Перевалов, 1999 — *Перевалов С.М.* Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–77.
- Петерс, 1970 — *Петерс Б.Г.* Терракоты из городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. (САИ; вып. Г1–11). С. 112–114.
- Петерс, 1978 — *Петерс Б.Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии / ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука, 1978. С. 112–127.
- Петерс, 1984 — *Петерс Б.Г.* Военное дело // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Античные государства Северного Причерноморья / глав. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 187–197.
- Пилипко, 1996 — *Пилипко В.Н.* Старая Ниса: Здание с квадратным залом. М.: Восточная литература, 1996. 160 с.
- Пичикян, 1984 — *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984. 296 с.
- Погребова, 1961 — *Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96. С. 103–213.
- Полосьмак, 2001 — *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 334 с.
- Поротов, Зинько, 2013 — *Поротов А.В., Зинько В.Н.* Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античности (западное побережье Керченского пролива) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 3–20.
- Пругло, 1970 — *Пругло В.И.* Терракоты из Илурата // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. (САИ; вып. Г1–11). С. 114–119.
- Публичное собрание, 1820 — Публичное собрание в Вольном обществе любителей российской словесности // Отечественные записки. 1820. Ч. II. С. 88–103.
- Пуздровский, 1999 — *Пуздровский А.Е.* Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 97–119.
- Пуздровский, 2001 — *Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.
- Пушкин, 1937 — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. XIII. М.; Л., 1937.
- Пьянков, 2015 — *Пьянков И.В.* Воинские дружины састаров в Северном Причерноморье и у древних арьев // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 45–49.
- Раев, 2009 — *Раев Б.А.* «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном мало-замечном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 260–271.
- Ременников, 1954 — *Ременников А.М.* Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 145 с.
- Ременников, 1964 — *Ременников А.М.* Борьба племён Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. // ВДИ. 1964. № 4. С. 131–138.
- Рим, 1997 — Рим: эхо имперской славы. М.: Терра, 1997. 168 с.
- Ростовцев, 1900 — *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. № 3. С. 140–158.
- Ростовцев, 1907 — *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1–20.
- Ростовцев, 1911 — *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
- Ростовцев, 1913а — *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62, 133–140.

- Ростовцев, 1913б — *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Т. II (Атлас). СПб.: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1913. СХП, табл.
- Ростовцев, 1914 — *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I (Текст). СПб.: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1914. 537 с.
- Ростовцев, 1915 — *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 1–16.
- Ростовцев, 1916а — *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Т. XXV. С. 1–31.
- Ростовцев, 1916б — *Ростовцев М.И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Древности. 1916. Т. XXVI. С. 5–16.
- Ростовцев, 1917 — *Ростовцев М.И.* Понт, Вифиния и Боспор // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 111–130.
- Ростовцев, 1918 — *Ростовцев М.И.* Эллинистическое и иранское на юге России. Пг.: Огни, 1918. 189 с.
- Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л.: тип. 1-й Ленингр. труд. артели печатников, 1925. 621 с.
- Ростовцев, 1989 — *Ростовцев М.И.* Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1989. № 4. С. 124–133.
- Руденко, 1952 — *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
- Руденко, 1962 — *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, ЛО, 1962. 205 с.
- Русяева, 1972 — *Русяева А.С.* Культ Кибелы в Ольвии // Археология. 1972. № 7. С. 35–45.
- Русяева, 1992 — *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 253 с.
- Саверкина, 1986 — *Саверкина И.И.* Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Л.: Искусство, ЛО, 1986. 159 с.
- Савостина, 1992 — *Савостина Е.А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Сазонов, 1992 — *Сазонов А.А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгея, 1992. С. 244–274.
- Сазонов и др., 1995 — *Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарик З.Н., Тов А.А.* Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи / отв. ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Меоты, 1995. С. 113–137.
- Санжаровец, 2013 — *Санжаровец В.Ф.* Некоторые замечания, рассуждения и уточнения, касающиеся текстов статей и комментариев к «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке / ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 744–750.
- Санжаровец, 2015 — *Санжаровец В.Ф.* Романовы и Керчь // Керченская старина. Вып. 1. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. С. 58–60.
- Сапрыкин, 1985а — *Сапрыкин С.Ю.* Аспургин // СА. 1985. № 2. С. 65–78.
- Сапрыкин, 1985б — *Сапрыкин С.Ю.* Митридатские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Античность и варварский мир / отв. ред. А. В. Исаенко. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 63–86.
- Сапрыкин, 1990 — *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204–214.
- Сапрыкин, 1996 — *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М.: Наука, 1996. 347 с.

- Сапрыкин, 1997 — *Сапрыкин С.Ю.* Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки / ред. В.Д. Жигунин. Казань: Менеджмент, 1997. С. 89–94.
- Сапрыкин, 1998 — *Сапрыкин С.Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 191–204.
- Сапрыкин, 2002a — *Сапрыкин С.Ю.* Был ли на Боспоре храм Асклепия? // Северное Причерноморье в античное время / ред. П.П. Толочко. Киев: ИА НАНУ, 2002. С. 186–191.
- Сапрыкин, 2002b — *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
- Сапрыкин, 2005 — *Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Саприкин, Баранов, 1995 — *Саприкин С.Ю., Баранов И.А.* Грецкий надпись из Судака // Археология. 1995. № 2. С. 137–140.
- Сапрыкин, Ермолин, 2010 — *Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А.* Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 2010. № 3. С. 72–84.
- Сапрыкин, Парфёнов, 2012 — *Сапрыкин С.Ю., Парфёнов В.Н.* ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–182.
- Сарновский, 2000 — *Сарновский Т.* О Боспорской войне в конце II в. н. э. // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена (Światowit: Antiquity). 2000. Vol. V. С. 246–248.
- Сидорова, 1965 — *Сидорова Н.А.* Новые открытия в области античного искусства. М.: Искусство, 1965. 208 с.
- Сидорова, Чубова, 1979 — *Сидорова И.А., Чубова А.П.* Искусство Северной Африки. М.: Искусство, 1979. 223 с.
- Силантьева, 1974 — *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. М.: Наука, 1974. (САИ; вып. Г1–11). С. 5–37.
- Симоненко, 2002 — *Симоненко А.В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–121.
- Симоненко, 2011 — *Симоненко А.В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 272 с.
- Скальковский, 1838 — *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1796–1823. Ч. 2. Одесса: Гор. тип., 1838. 368 с.
- Скржинская, 1977 — *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наукова думка, 1977. 126 с.
- Смекалова, 2001 — *Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 324–349.
- Смирнов, 1964 — *Смирнов К.Ф.* Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 381 с.
- Смирнов, 1975 — *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смышляев, 1996 — *Смышляев А.Л.* Карьера, миссия и статус Тита Аврелия Кальпурния Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3. С. 141–147.
- Соколов, 1973 — *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л.: Аврора, 1973. 191 с.
- Соколовский, 1954 — *Соколовский Н.И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–196.
- Соколовский, 1962 — *Соколовский Н.И.* Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 241–249.
- Соколовский, 1963 — *Соколовский Н.И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179–191.
- Соколовский, 1969 — *Соколовский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М.: Наука, 1969. (САИ; вып. Г1–17). 190 с.

- Сокольский, 1971 — *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 285 с.
- Сокольский, 1975 — *Сокольский Н.И.* Крепость аспургин на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
- Сокольский, 1976 — *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
- Солдаткина, 2024 — *Солдаткина С.В.* Становление единой трудовой школы в советские годы // Вестник науки. 2024. С. 298–304.
- Соломоник, 1962 — *Соломоник Е.І.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП. 1962. Т. XI. С. 158–168.
- Соломоник, 1973 — *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1. С. 55–77.
- Соломоник, 1990 — *Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь: Таврия, 1990. 107 с.
- Степанова, 2004 — *Степанова Е.В.* Боспорские седла // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников / отв. ред. В.Ю. Зуев. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 231–246.
- Степанова, 2006 — *Степанова Е.В.* Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // АВ. 2006. Вып. 13. С. 102–150.
- Степанова, 2012 — *Степанова Е.В.* Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / ред. В.А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 446–454.
- Степанова, 2015 — *Степанова Е.В.* Седла гунно-сарматского времени // ТГЭ. 2015. Т. 77. С. 389–425.
- Степанова, Торгоев, 2022 — *Степанова Е.В., Торгоев А.В.* Комплекс с полужестким седлом из Кенкольского могильника // АВ. 2022. Вып. 34. С. 181–200.
- Сударев, 1991 — *Сударев Н.И.* Две находки римского времени из окрестностей г. Сочи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / отв. ред. А.П. Абрамов, И.О. Гавритухин. М.: Гос. музей искусства народов Востока, 1991. С. 143–145.
- Сумароков, 1805 — *Сумароков П.* Досуги крымского судьи. Ч. II. СПб.: Имп. тип., 1805. 244 с.
- Сухов, 1941 — *Сухов П.А.* Археологические памятники, их охрана, учёт и первичное изучение. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 124 с.
- Таривердиева, 2015 — *Таривердиева С.Э.* Совет Агриппы соратникам (Dio Cass. XLIX. 4): попытка интерпретации // ВДИ. 2015. № 1. С. 145–159.
- Тачева-Хитова, 1982 — *Тачева-Хитова М.* История на източнитците култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н. э. — IV в. от н. э. София: Б. и., 1982. 520 с.
- Терентьев-Катанский, 2001 — *Терентьев-Катанский А.П.* Зашла моя звезда. СПб.: КН, 2001. 272 с.
- Тетбу де Мариньи, 1848 — *Тетбу де Мариньи Э.В.* Павел Дюбрюкс // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 229–231.
- Толочко, 2003 — *Толочко И.В.* Некрополь Танаиса I–III вв. н. э. // БЧ. IV. Керчь: Симферополь: Соло-Рич, 2003. С. 248–258.
- Толстиков, 1992 — *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГММ. 1992. Вып. 10. С. 54–62.
- Толстиков, Муратова, 2017 — *Толстиков В.П., Муратова М.Б.* О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века нашей эры в свете новейших археологических исследований // Таврические студии. 2017. № 12. С. 144–149.

- Толстов, 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 324 с.
- Толстой, Кондаков, 1889 — *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. СПб.: тип. Министерства путей сообщения, 1889. 162 с.
- Тохтасьев, 2013 — *Тохтасьев С.Р.* Ггаесо-Iranica из Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 93–96.
- Требелева, 2002 — *Требелева Г.А.* Структура боспорской армии в первые века нашей эры // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 311–316.
- Трейстер, 1993 — *Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 51–73.
- Трейстер, 1994 — *Трейстер М.Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.
- Трейстер, 2010а — *Трейстер М.Ю.* Ювелирное дело и торевтика // Античное наследие Кубани / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. 2. М.: Наука, 2010. С. 534–598.
- Трейстер, 2010б — *Трейстер М.Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 484–561.
- Трейстер, 2015 — *Трейстер М.Ю.* Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгиппии первых веков нашей эры и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре // ПИФК. 2015. Вып. 3 (47). С. 308–337.
- Трофимова, 2021 — *Трофимова А.А.* Античный портрет в трудах О. Ф. Вальдгауера и М. И. Ростовцева // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2021. Вып. 11. С. 107–123.
- Трудновская, 1963 — *Трудновская С.А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 201–214.
- Тункина, 2002 — *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Тункина, 2010 — *Тункина И.В.* «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Коло, 2010. С. 13–101.
- Тюрин, 2021 — *Тюрин С.С.* Античные серии монет, посвящённые двенадцати подвигам Геракла (II–III вв. н. э.) // Культурология, искусствоведение и филология: от теории к практике / ред. Э. В. Фомина. Чебоксары: Среда, 2021. С. 1–58.
- Фролова, 1968 — *Фролова Н.А.* Боспор и Рим в конце I — начале II в. н. э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. № 2. С. 133–137.
- Фролова, 1971 — *Фролова Н.А.* Монетное дело боспорского царя Евпатора (154–170 гг. н. э.) // НЭ. 1971. Т. IX. С. 62–75.
- Фролова, 1977 — *Фролова Н.А.* О причинах реформы денежного обращения на Боспоре в правление Савромата II (174–210 гг. н. э.) // Труды ГИМ. 1977. № 49. Вып. 1. С. 150–180.
- Фролова, 1980а — *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242–276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 58–76.
- Фролова, 1980б — *Фролова Н.А.* Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг. н. э.) // НЭ. 1980. Т. XIII. С. 13–37.
- Фролова, 1997 — *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. I. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.
- Фролова, 1999а — *Фролова Н.А.* Новый тип двойных денариев боспорского царя Савромата II (174–211) из медной серии с изображением подвигов Геракла // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 13–23 апреля 1999 г.).

- Тез. докл. и сообщ. / отв. ред. А. С. Поляков. М.: Администрация Яросл. обл., 1999. С. 29–31.
- Фролова, 1999б — *Фролова Н.А.* Монетное дело Савромата I (93–123 гг.) // НЭ. 1999. Т. XVI. С. 132–196.
- Фролова, Шургая, 1982 — *Фролова Н.А., Шургая И.Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1. С. 91–97.
- Функ, 1992 — *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Глаголь, 1992. С. 74–93.
- Хазанов, 2008 — *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.
- Хайрединова, 1994 — *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 517–527.
- Ханутина, Хршановский, 2019 — *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 1. С. 46–58.
- Харко, 1946 — *Харко Л.П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 136–141.
- Харко, 1950 — *Харко Л.П.* О пятиколонном храме, изображенном на Пантикапейских монетах I в. // ВДИ. 1950. № 1. С. 197–203.
- Цалкин, 1960 — *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53. С. 7–109.
- Цветаева, 1979 — *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 136 с.
- Цукерман, 2003 — *Цукерман К.О.* О надгробии Гая Юлия Валента из Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 399–401.
- Черненко, 1981 — *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 167 с.
- Черненко, 1984 — *Черненко Е.В.* Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / ред. А. И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Чореф, 2019а — *Чореф М.М.* К датировке правления Рискупорида I // Материалы и исследования по истории России. 2019. Вып. 10. С. 33–35.
- Чореф, 2019б — *Чореф М.М.* Бронзовые монеты Савромата I с развёрнутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации // МАИАСП. 2019. № 11. С. 583–591.
- Чубова и др., 1985 — *Чубова А.П., Касперавичюс М.М., Саверкина И.И., Сидорова Н.А.* Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков. М.: Искусство, 1985. 255 с.
- Чуистова, 1962 — *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. Т. 2. Симферополь: Крымиздат, 1962. С. 7–235.
- Шаров, 2011 — *Шаров О.В.* К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции / отв. ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 217–233.
- Шаров, 2019 — *Шаров О.В.* История Боспора в эпоху первых «готских походов» // Верхнедонской археологический сборник. 2019. Вып. 11. С. 541–549.
- Шелов, 1972 — *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Шелов, 1974 — *Шелов Д.Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–90.

- Шелов, 1981 — *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 52–64.
- Шкорпил, 1904 — *Шкорпил В.В.* Отчёт об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.
- Шкорпил, 1914а — *Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Шкорпил, 1914б — *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 1914. № 54. С. 65–82.
- Шкорпил, 1917 — *Шкорпил В.В.* Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 109–120.
- Шмалько, 1985 — *Шмалько А.В.* Римское управление Вифинией-Понтом в I в. н. э. // Вестник Харьковского университета. 1985. № 268. С. 115–122.
- Шмалько, 1990 — *Шмалько А.В.* Восточный поход Нерона // АМА. 1990. Вып. 8. С. 84–92.
- Шмидт, 1933 — *Шмидт Р.В.* О мотыге в античном сельском хозяйстве // Проблемы истории материальной культуры. 1933. Вып. 5/6. С. 45–50.
- Штеттылло, 2006 — О Викторе Францевиче Гайдукевиче // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 214–218.
- Шургая, 1962 — *Шургая И.Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1962. Вып. IV. С. 108–120.
- Шургая, 1963 — *Шургая И.Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 107–111.
- Шургая, 1966 — *Шургая И.Г.* Из истории александрийской эллинистической керамики // Культура античного мира / ред. А. И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 287–293.
- Шургая, 1970 — *Шургая И.Г.* Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг. // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 61–68.
- Шургая, 1971а — *Шургая И.Г.* Исследование Илурата в 1970 г. // Тезисы докладов, посвящённых итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 42–44.
- Шургая, 1971б — *Шургая И.Г.* Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья // СА. 1971. № 3. С. 189–202.
- Шургая, 1973 — *Шургая И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 51–59.
- Шургая, 1975 — *Шургая И.Г.* Центральный район Илурата // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 105–112.
- Шургая, 1977 — *Шургая И.Г.* О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье // История и культура античного мира / отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 206–209.
- Шургая, 1983 — *Шургая И.Г.* Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 114. С. 96–100.
- Шургая, 1984 — *Шургая И.Г.* Источники и исследования, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Порфмий, Илурат / отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 58–71.
- Шургая, 1986 — *Шургая И.Г.* Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры / ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 217–222.
- Щеглов, 1978 — *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 156 с.

- Щукин, 1994 — *Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.
- Щукин, 2005 — *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Эллинистическая техника, 1948 — Эллинистическая техника / ред. И.И. Толстой. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 367 с.
- Яйленко, 1987 — *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья / сост. Л.С. Баюн, В.П. Яйленко. М.: АН СССР; Ин-т всеобщей истории, 1987. С. 4–200.
- Яйленко, 1990а — *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1990. С. 128–215.
- Яйленко, 1990б — *Яйленко В.П.* Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / сост. В.П. Яйленко. М.: ИВИ АН СССР, 1990. С. 216–228.
- Яйленко, 1995 — *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1995. С. 204–272.
- Яковлев, 1971 — *Яковлев Г.* День на Илурате // Смена. 1971. № 1062. С. 22–23.
- Янушевич, 1986 — *Янушевич З.В.* Культурные растения Северного Причерноморья: палеоботанические исследования. Кишинёв: Штинца, 1986. 94 с.
- Ярцев, 2015 — *Ярцев С.В.* Морские походы варваров в 258–269 гг. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2015. Вып. 36. С. 22–29.
- Яценко, 1962 — *Яценко И.В.* Тарелка царицы Гепепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник / ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 101–113.
- Яценко, 1989 — *Яценко С.А.* Политический центр Алании во второй половине I — II в. н. э. // Первая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар: КубГУ, 1989. С. 88–91.
- Яценко, 1992 — *Яценко С.А.* Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тезисы VI научной конференции / отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического института, 1992. С. 48–49.
- Яценко, 1993 — *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. // ПАВ. 1993. № 6. С. 83–88.
- Яценко, 1995 — *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия». // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.
- Яценко, 1997 — *Яценко С.А.* Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum plus. СПб.; Кишинев, 1997. С. 154–163.
- Яценко, 1999 — *Яценко С.А.* Костюм племён пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. № 3. С. 145–170.
- Яценко, 2001 — *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
- Amelung, 1903 — *Amelung W.* Die Sculpturen des Vaticanischen Museum. Berlin: G. Reimer, 1903. X + 935 S.
- Arsen'eva et al., 1995 — *Arsen'eva T. M., Böttger B., Vinogradov Ju. G.* Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994. // EA. 1995. Bd. 1. S. 213–263.
- Auget, 1994 — *Auget R.* Cruelty and Civilization. The Roman Games. London; New York: Routledge, 1994. 222 p.

- Babelon, Reinach, 1908 — *Babelon E., Reinach Th.* Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure. T.I. Fasc. 2. Paris: E. Leroux, 1908. P. 362 p.
- Bachhofer, 1941 — *Bachhofer L.* On Greeks and Sacas in India // Journal of the American Oriental Society. 1941. Vol. 61, no 4. P. 223–250.
- Barnett, Forman, 1959 — *Barnett R.D., Forman W.* Assyrische Palastreliefs. Prague: Artia, 1959. 173 S.
- Bartels, 1963 — *Bartels H.* Studien zum Frauenporträt der augusteischen Zeit. Fulvia, Octavia, Livia, Julia. München: Feder, 1963. 113 S.
- Beneš, 1978 — *Beneš J.* Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia // Studie Archeologickeho Ustavu Československe Akademie Ved v Brne. 1978. Vol. VI. 2. S. 52–53.
- Bjelajac, 1994 — *Bjelajac L.* Mortaria in the Moesia Danube Valley // Starinar. 1994. Vol. XLIII–XLIV. P. 139–148.
- Bowersock, Jones, 2006 — *Bowersock G. W., Jones C. P.* A new inscription from panticapaeum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2006. № 156. P. 117–128.
- Bräuer, 1910 — *Bräuer R.* Die Heraklestaten auf antiken Münzen // ZfN. 1910. Bd. 28. S. 35–112.
- Braund, 1984 — *Braund D.* Rome and the Friendly Kings. London: Croom Helm; New York: St. Martin's Press, 1984. 246 p.
- Burgunder, 2019 — *Burgunder P.* Ombres et lumières du tombeau peint découvert par A. B. Ašik // Etudes de lettres. 2019. Nr. 309. P. 181–242.
- Camp, 1990 — *Camp J. Mc.* The Athenian Agora. Athens: Epikoinonia, 1990. 292 p.
- Catling, Waywell, 1977 — *Catling H. W., Waywell G. B.* A find of Roman marble statuettes at Knossos // The Annual of the British School at Athens. 1977. No. 72. P. 85–106.
- Christensen, 1934 — *Christensen A.* Les types du premier homme et le premier roi dans l'histoire legendaire des iraniens. Vol. 2. Stockholm: P. A. Nordstedt, 1934. 221 p.
- Cichorius, 1896 — *Cichorius C.* Die Reliefs der Traiansäule. Berlin: G. Reimer, 1896. 388 p.
- Connolly, 1981 — *Connolly P.* Greece and Rome at War. London: Macdonald Phoebus Ltd, 1981. 320 p.
- Connolly, 1986 — *Connolly P.* A reconstruction of a Roman saddle // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 353–355.
- Connolly, 1987 — *Connolly P.* The Roman Saddle // BAR. 1987. International Series 336. P. 7–27.
- Connolly, 1988 — *Connolly P.* Experiments with the Roman saddle // Exercitus. 1988. Vol. 2. No. 5. P. 71–76.
- Connolly, 1991 — *Connolly P.* The saddle horns from Newstead // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1991. Vol. 1. P. 61–66.
- Courby, 1922 — *Courby F.* Les vases grecs à reliefs. Paris: E. de Boccard, 1922. 646 p.
- Dattari, 1901 — *Dattari G.* Numi augustorum Alexandrini. Cairo: Tipografia dell Istituto Francese, 1901. 472 p.
- Dixon, Southern, 1997 — *Dixon K., Southern P.* The Roman Cavalry. London; New York: Routledge, 1997. 256 p.
- Eck et al., 1968 — *Eck W., Fittschen K., Naumann F.* Kaisersaal. Porträts aus den Kapitolschen Museen in Rom. Roma: De Luca Editore, 1968. 86 S.
- French, 1984 — *French D. H.* Classis Pontica // Epigraphica Anatolica. 1984. Vol. IV. P. 53–59.
- Gajdukevič, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam: Akademie-Verlag; Adolf M. Hakkert, 1971. 607 S.
- Gall von, 1967 — *Gall H., von.* Zu den kleinasiatischen Treppentunneln // Archäologische Anzeiger. 1967. No. 82. S. 170–213.

- Gall von, 1990 — *Gall H., von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1990. 108 S. + 24 taf.
- Gardner, 1886 — *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London: R. S. Poole, L.T.D., 1886. 192 p. + XXXII tabl.
- Ghirshman, 1973 — *Ghirshman R.* La selle en Iran // *Iranica Antiqua*. 1973. Vol. X. P. 94–107.
- Goroncharovskiy, 2005 — *Goroncharovskiy V.A.* Fortifications of Iluraton // *Fasciculi Archaeologie Historicae*. 2005. Fasc. XVI. S. 1–14.
- Goroncharovskiy, 2007a — *Goroncharovskiy V.A.* Iluraton: A fortress of the 1st–3rd century AD on the European Kimmerian Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2* / eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (British Archaeological Report. International Series). 2007. No. 1679. P. 897–926.
- Goroncharovskii, 2007b — *Goroncharovskii V.A.* Aspurgians and the Military Policy at the Turn of the First Century AD // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC*. London: BAR Publishing, 2007. (BAR; International Series 1729). P. 61–65.
- Goroncharovskii, 2010 — *Goroncharovskii V.A.* A silver rhyton with a representation of a winged ibex from the fourth Semibratniy tumulus. Cultural influences in Sindike in the fifth to fourth century BC // *Black Sea Studies*. 2010. Vol. 11. Aarhus: Aarhus University Press. P. 87–101.
- Goroncharovskii, 2015 — *Goroncharovskii V.A.* The Townsite of Semibratneye (Labrys): Results of excavations in 2006–2009 // *Hyperboreus*. 2015. Fasc. 1. P. 161–170: ill.
- Goroncharovskiy, 2019 — *Goroncharovskiy V.* La forteresse bosporane d'Ilouraton du I-er au III-e siècle: bilan des recherches // *Etudes de lettres*. 2019. No. 309. P. 377–410.
- Gracey, 1986 — *Gracey M.H.* The Armies of the Judaen client kings // *BAR*. 1986. Vol. 297. P. 311–323.
- Grant, 1946 — *Grant M.* From Imperium to Auctoritas: A Historical Study of Aes Coinage in the Roman Empire, 49 BC – 14 AD. Cambridge: University Press, 1946. XVII + 510 p.
- Grant, 1995 — *Grant M.* Gladiators. New York: Barnes & Noble Books, 1995. 128 p.
- Groenman van Waateringe, 1967 — *Groenman van Waateringe W.* Romeins Lederwerk uit Valkenburg. Groningen: J. B. Wolters, 1967. 221 p.
- Harris, 1980 — *Harris B.F.* Bithynia: Roman Governance and Survival of Hellenism // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 1980. Bd. 7/2. P. 867–902.
- Herrmann, 1989 — *Herrmann G.* Parthian and Sassanian Saddlery. New Light from the Roman West // *Archeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Lois Vanden Berghe* / ed. L. De Meyer. Vol. II. Gent: Peeters, 1989. P. 757–809.
- Holder, 1980 — *Holder P.A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. London: BAR Publishing, 1980. (BAR; International Series; vol. 70). 352 p.
- Howard-Davis, 2009 — *Howard-Davis Chr.* The Wooden Artefacts // *Howard-Davis Chr. The Carlisle Millennium Project: Excavations in Carlisle, 1998–2001*. Vol. 2. Lancaster: Oxford Archaeology North, 2009. P. 805–816.
- Junkelmann, 1992 — *Junkelmann M.* Die Reiter Roms. T. 3. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992. 277 S.
- Junkelmann, 2000 — *Junkelmann M.* Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre // *Gladiators and Caesars*. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 31–74.
- Kieseritzky, Watzinger, 1909 — *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin: G. Reimer, 1909. XI + 148 S.
- Klengel, 1979 — *Klengel H.* Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig: Koehler-Amelang, 1979. 230 S.

- Köhne, 1861 — *Köhne B.* Die Herakles-Münzen des Bosporischen Königs Sauromates III // Zeitschrift für Münz-, Siegel-, und Wappen-Kunde. 1861. Bd. 1. Heft 4. S. 229–232.
- Kultura materialna, 1975 — Kultura materialna starożytnej Grecji / pod red. K. Majewskiego. T. II. Wrocław; Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo, 1975. 727 s.
- Le Coq, 1925 — *Le Coq A., von.* Bilderatlas zur Kunst und Kultgeschichte Mittel-Asiens. Berlin: Reimer, 1925. 107 S.
- Maenchen-Helfen, 1957 — *Maenchen-Helfen O.* Crenelated mane and scabbard slide // CAJ. 1957. Vol. 3, no. 2. P. 85–138.
- Mielczarek, 1999 — *Mielczarek M.* The Army of the Bosporan kingdom. Łódź: Oficyna Nau, 1999. 98 p.
- Miks, 2007 — *Miks Ch.* Studien zur Römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 2007. Bd. 8. 522 S. + 345 Taf.
- Narain, 1957 — *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford: Clarendon Press, 1957. XVI + 224 p.
- Nicolle, 1996 — *Nicolle D.* Sassanian armies. Stockport: Montvert Publications, 1996. 72 p.
- Parfenov, 1996 — *Parfenov V. N.* Dynamis, Agrippa und der Friedenaltar. Zur militärische und politische Geschichte des Bosporanische Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. 45. Heft 1. S. 95–103.
- Parlaska, 2009 — *Parlaska K.* Gepaiyris — nicht Dynamis. Die Bronzestatue einer bosporanischen Königin in Sankt Petersburg // EA. 2009. Bd. 15. S. 241–257.
- Ramsey, 1895 — *Ramsey W. M.* The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford: Clarendon Press, 1895. 377 p.
- Rausing, 1967 — *Rausing G.* The Bow. Some notes on its Origin and Development. Lund: Gleerups Forlag, 1967. 189 p.
- Rawson, 1996 — *Rawson J.* Mysteries of ancient China. New discoveries from the Early Dynasties. New York: G. Braziller, 1996. 303 p.
- Ritterling, 1925 — *Ritterling E.* Legio // RE. 1925. Bd. 12. Sp. 1211–1829.
- Ritterling, 1927 — *Ritterling E.* Military forces in the Senatorial Provinces // Journal of Roman Studies. 1927. Vol. 17. P. 28–32.
- Robert, 1940 — *Robert L.* Les gladiateurs dans l'Orient grec. Paris: E. Champion, 1940. 356 p.
- Robinson, 1975 — *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London: Arms and Armour Press, 1975. 200 p.
- Rose, 1990 — *Rose Ch. B.* "Princes" and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94, no. 3. P. 453–467.
- Rostovtzeff, 1919 — *Rostovtzeff M.* Queen Dynamis of Bosphorus // JHS. 1919. Vol. 39. P. 88–109.
- Rostovtzeff, 1933 — *Rostovtzeff M.* Graffiti // The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Fourth Season of Work / ed. P. V. C. Baur. New Haven; London; Oxford: Yale University Press, 1933. 348 p.
- Rostovtzeff, 1942 — *Rostovtzeff M. I.* Vexillum and Victory // JRS. 1942. Vol. 34. P. 92–106.
- Salis, 1913 — *Salis A. von.* Die Gottermutter des Agorakritos // JDAI. 1913. Bd. XXVIII. S. 1–26.
- Salomon, 1971 — *Salomon M.* The chronology of the Gothic incursions into Asia Minor in the Third Century AD // Eos. 1971. Vol. 59. P. 109–139.
- Sarnowski, 1988 — *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1988. 219 s.
- Secunda, 1994 — *Secunda N.* The Seleucid Army. Stockport: Montvert, 1994. 80 p.
- Šelov, 1986 — *Šelov D. B.* Les amphoras d'argile claire des premiers siècles de notre ère en Mer Noire // Recherches sur les amphores grecques. Actes Colloque d'Athènes, 1984 /

- ed. Y. Garlan. Athènes; Paris, 1986. (Bulletin de Correspondance Hellénique. 1986. Suppl. XII). P. 395–400.
- Simonetta, Widemann, 1978 — *Simonetta A.M., Widemann P.* The chronology of the Gondopharean dynasty // East and West. 1978. No. 1/4. P. 155–187.
- Škorpil, 1913 — *Škorpil V.* Kybelin kult v risi Bosporske // Sbornik praci filologických dvornímu radovi professoru Josefu Kralovi. Praga: B. Styblo, 1913. S. 190–203.
- Speidel, French, 1985 — *Speidel M., French D.H.* Bythinian troops in the kingdom of the Bosphorus // Epigraphica Anatolica. 1985. Heft 6. P. 97–102.
- Starr, 1941 — *Starr C.G.* The Roman Imperial Navy 31 BC — 324 AD. New York: Cornell University Press, 1941. 230 p.
- Stern, 2015 — *Stern G.* Augustus, Agrippa, the Ara Pacis, and the Coinage of 13 BC // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2015. Vol. 55. P. 61–78.
- Šurgaja, 1974 — *Šurgaja I.G.* Ilouraton // Zeitschrift für Archäologie. 1974. No. 1. S. 109–118.
- Trillmich, 1978 — *Trillmich W.* Familienpropaganda der Kaiser Caligula und Claudius: Agrippina Maior und Antonia Augusta auf Münzen. Berlin: Walter de Gruyter, 1978. XV + 186 S.
- Vermeule, 1959 — *Vermeule C.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // Berytes. 1959. Vol. XIII. P. 5–50.
- Vermeule, 1968 — *Vermeule C.C.* Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1968. XXIV + 548 p.
- Whittrhead, 1914 — *Whittrhead R.B.* Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1914. 218 p. + XX tabl.
- Wiegand, Schröder, 1904 — *Wiegand Th., Schröder H.* Priene. Berlin: G. Reimer, 1904. 492 S.
- Wood, 1995 — *Wood S.* Diva Drusilla Panthea and the Sisters of Caligula // AJA. 1995. Vol. 99, no. 3. P. 457–482.
- Wood, 2000 — *Wood S.E.* Imperial Women. A Study in Public Images, 40 BC — AD68. Leiden: Brill, 2000. XI + 370 p.

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. СПб.
АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
АДЖ	— <i>Ростовцев М. И.</i> Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (Атлас); 1914 (Текст).
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь.
АИК	— Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. — СПб.
БИ	— Боспорские исследования. Керчь; Симферополь.
БС	— Боспорский сборник. М.
БФ	— Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. СПб.
БЧ	— Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Международная научная конференция. Симферополь; Керчь.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей.
ДБ	— Древности Боспора. М.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИВ	— Институт востоковедения РАН. Москва
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ИПЦ ГУПТД	— Издательско-полиграфический центр Государственного университета промышленных технологий и дизайна.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры. Л.
КБН	— Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КБН-альбом	— Корпус боспорских надписей: альбом иллюстраций / отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб., 2004. (Bibliotheca classica Petropolitana). XVI + 431 с.
КМ	— Керченский музей. Керчь.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.
МАИЭТ	— Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. СПб.

ПИФК	— Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
РА	— Российская археология. М.
РГГУ	— Российский государственный университет. Москва
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет.
РХГА	— Российская христианская гуманитарная академия. Санкт-Петербург.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств. М.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. — СПб.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский университет.
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея. Севастополь.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л. — СПб.
ТД	— тезисы докладов.
ХСб	— Херсонесский сборник. Севастополь.
АА	— Archäologische Anzeiger. Berlin.
AAL	— Acta Archaeologica Lodziensia. Lodz.
ABS	— The Annual of the British School at Athens.
AJA	— American Journal of Archaeology.
BAR	— British Archaeological Report. Oxford.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus University.
CAJ	— Central Asiatic Journal.
EA	— Eurasia Antiqua.
EW	— East and West.
FAH	— Fasciculi Archaeologie Historicae. Lodz.
ILS	— Inscriptiones latinae selectae / ed. H. Dessau. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1891.
JDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
JHS	— Journal of Hellenic Studies.
JRS	— Journal of Roman Studies.
RDAC	— Report of the Department of Antiquities, Cyprus. Nicosia.
RE	— Pauly-Wissowa-Kroll-Real — Enciclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
ZA	— Zeitschrift für Archäologie. Berlin.
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik. Berlin.

Список печатных публикаций В. А. Горончаровского

1976¹

Раскопки Порфмия // АО. 1975. С. 332–333 (в соавторстве с Е. Г. Кастанаян, Т. Ф. Аскиркиной, Н. С. Беловой, Ю. А. Виноградовым).

1977

Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ТД симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба. С. 9–10 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым, Е. Я. Роговым).

Исследования Илурата // АО. 1976. С. 394 (в соавторстве с И. Г. Шургая, Ю. А. Виноградовым).

1979

Раскопки Илурата // АО. С. 426–427 (в соавторстве с И. Г. Шургая, Ю. А. Виноградовым, С. Р. Тохтасевым).

1981

К проблеме классовой борьбы в позднеэллинистических государствах: (по материалам Восточного Средиземноморья и Причерноморья) // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии: ТД научной конференции. Ашхабад: Б. и. С. 91–94.

К проблеме связей Пергама с Северным Причерноморьем // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. ТД конференции молодых ученых. Киев: Наукова думка. С. 84–85.

1982

Пергам и Боспор в эпоху эллинизма: (К проблеме контактов) // Эллинизм и Причерноморье. Материалы 3-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. ТД. Тбилиси: Мецниереба. С. 18–19.

Свинцовая гиря из Илурата // СА. № 1. С. 235–238.

1983

Домостроительство и социальная структура Илурата // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД конференции. Л.: Наука, ЛО. С. 31–32.

¹ Библиография работ В. А. Горончаровского 1976–2014 гг. опубликована в: БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 35–44 (сост. Л. М. Всевиов; в данном издании исправлена и дополнена В. А. Горончаровским).

Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. № 2. С. 117–124.

Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 66–69.

Рец.: Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с. // СА. № 4. С. 241–244.

1984

Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье: (К проблеме контактов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Б. и. 14 с.

Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. № 3. С. 90–93.

Раскопки Илурата // АО. 1982. С. 251–252.

Раскопки Илурата в 1982–1983 гг. // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма: ТД. Керчь: Б. и. С. 16.

1985

Илуратская винодельня // КСИА. Вып. 182. С. 89–92.

Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1980–1983 гг. // Там же. С. 97–99 (в соавторстве с К. К. Марченко).

Исследования Илурата в 1983–1984 гг. // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Всесоюзная археологическая конференция. ТД. Баку: Б. и. С. 115–116.

Культура эллинистического Пергама // Археология зарубежной Азии (Материалы к симпозиуму Совета молодых учёных ЛОИА). Л.: Наука, ЛО. С. 48–49.

Раскопки Илурата // АО. 1983. С. 268.

1986

Граффито из Илурата с изображением катафрактария // Тезисы IV Всесоюзной школы молодых востоковедов. Т. 1. М.: Наука. С. 184–185 (в соавторстве с В. П. Никоноровым).

Раскопки Илурата // АО. 1984. С. 227–228.

У стен древнего Илурата // Ноосфера: духовный мир человека. Л.: Лениздат. С. 154–165 (в соавторстве с В. А. Хршановским).

1987

Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 191. С. 96–98.

Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. № 1. С. 201–213 (в соавторстве с В. П. Никоноровым).

Исследование городища и некрополя Илурата // АО. 1985. С. 320–321.

К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона (По нумизматическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Новочеркасск: Музей истории дон. казачества. С. 10–11.

Конференция «Проблемы античной и скифо-сарматской археологии», посвящённая памяти П. Н. Шульца // ВДИ. № 2. С. 229–234 (в соавторстве с А. Н. Щегловым).

Основные результаты исследования Илурата в 1985–1986 гг. // Задачи советских археологов в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД Всесоюзной конференции. М.: Наука. С. 3–84.

1988

Боспорская экспедиция // АО. 1986. С. 259–261 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной и Ю. А. Виноградовым).

Домашнее святилище первых веков нашей эры в Северо-Восточном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса в 1888–1988 гг.: ТД. Севастополь: Б. и. С. 49–50 (в соавторстве с М. И. Золотарёвым).

1989

Водоснабжение в системе обороны Илурата // Скифия и Боспор. Новочеркасск: Музей истории дон. казачества. С. 75–77.

Исследования Березанского отряда Ольвийской экспедиции в 1986–1987 гг. // История и археология Нижнего Подунавья: ТД. Рени: Б. и. С. 49–50.

Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследования античных городов: ТД. М.: Наука. С. 36–37.

1991

Греко-скифские взаимодействия на территории европейского Боспора в I–III вв. н. э. // Проблемы истории Крыма. ТД. Вып. 2. Симферополь: Б. и. С. 38–40.

Новые данные для изучения боспорской хоры в VI–II вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. ТД. II чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса: Б. и. С. 23–24.

Нижний некрополь Илурата // Проблемы археологии и истории Боспора. ТД конф. Керчь: Б. и. С. 14–16.

1992

К вопросу о боспорских катафрактариях // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: ТД научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. н/Д гос. пед. ун-та. С. 40–42.

1993

Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата // АВ. 1993. Вып. 2. С. 80–84.

О полевых исследованиях Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АДУ. 1991. С. 22–23.

Исследования Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК в 1992 г. // АДУ. 1992. С. 49–50.

Катафрактари в истории военного дела Боспора // ПАВ. Вып. 6. С. 79–82.

Пер. с англ.: Ростовцев М. И. Боспорское царство. Завоевание побережья Чёрного моря. Сарматы // ПАВ. Вып. 5. С. 76–97.

1994

Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Археологические изыскания. Вып. 14. С. 33–37 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, А. С. Голенцовым, К. К. Марченко, Е. Я. Роговым).

Работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1992 г. // КМ. № 1. С. 141.

Раскопки верхнего некрополя Илурата // АИК. 1993. С. 84–86 (в соавторстве с В. А. Хршановским).

1995

Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I–III вв. н. э. // Фортификация в древности и средневековье. Л.: Наука, ЛО. С. 60–62.

1996

Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. Одесса: Астропринт. С. 31–32.

Iluraton — a fortress in the defensive system of the west border of Bosporan kingdom in the 1st–3rd centuries AD // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forlì. Vol. I. P. 316–317.

1997

Работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции // АИК. 1994. С. 81.

1998

Мраморная статуэтка Кибелы из Мирмекия (к вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века нашей эры) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб.: Б. и. С. 57–60.

Погребение с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 85–89.

The Iluraton goddesses: Images of female deities of the late classical Bosporus // 4th Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Abstract Book. Göteborg. P. 170.

1999

К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века нашей эры // *Stratum plus*. № 3. С. 224–227.

Надгробие сыновей Панталеонта из Горгиппии // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 176.

Рец.: Mielczarek M. *Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de Larmee Polonaise a Varsovie*. Torun. 1995 // *АВ*. Вып. 6. С. 436–438.

Лук «гуннского» типа в комплексе вооружения позднеантичного Боспора // *VI Чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения*. ТД конф. М.: Наука. С. 43–44.

2000

Аспургiane и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // *Таманская старина*. Вып. 3. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 54–58.

Кавалерия позднеантичного Боспора // *I БЧ. Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров*. Керчь: Б. и. С. 52–60.

Между империей и варварами: Военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // *Stratum plus*. № 3. С. 229–236.

Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // *ΣΥΣΤΙΤΑ*. СПб.: Гос. Эрмитаж; Алетейя. С. 255–257.

Water supply in the defensive system of Bosporian fortress Ilurat // *6th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Programme and Abstracts*. Lisboa. P. 221–222.

2001

Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н. э. // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 217–221.

Боспорская кавалерия первых веков нашей эры // *ХСб*. Вып. 11. С. 72–85.

К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // *II БЧ. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья*. Керчь: Б. и. С. 31–34.

Международная конференция «Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» // *АВ*. Вып. 8. С. 305–306 (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I–II вв. н. э. // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica*. № 23. Т. 1. С. 69–74.

Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков нашей эры // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад: Б. и. С. 86–88.

Between the Roman Empire and Barbarians: Innovations in the Warfare of the Bosporan kingdom during the end of the 1st century BC – 2nd century AD // XIV International Congress of prehistoric and protohistoric sciences Preprints. Liege. P. 305–306.

2002

Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 197–206.

Илуратские богини // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 167–171.

К вопросу об инновациях в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков нашей эры // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. н/Д гос. пед. ун-та. С. 115–118.

Новые данные о Семибратнем городище на Кубани // III БЧ. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 65–67.

Крепость Илурат: итоги исследования (к 175-летию начала исследования) // Там же. С. 68–77.

Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиипии // *Hyperboreus*. Vol. 8, № 1. С. 184–189.

Bosporan cavalry during the War of Mithridates III (VIII) with Rome, 45–49 AD // *ФАН*. Fasc. XV. P. 17–23.

2003

Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М.: Петербургское востоковедение; Филоматис. 222 с.: ил.

Римско-боспорский конфликт 40-х годов в I в. н. э. // *ВДИ*. 2003. № 3. С. 161–170.

2004

Командная структура и организация боспорской армии в I–III вв. н. э. // *ХСб*. Вып. 13. С. 38–44.

Проблемы хронологии Семибратнего городища // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 56–60.

Раскопки Семибратнего городища (Лабрита) // *АО*. 2003. С. 253–255.

Слово об Учителе // АВ. Вып. 11. С. 291–293 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Стратегия и тактика боспорской армии первых веков нашей эры // V БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 96–103.

И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора (К 70-летию со дня рождения) // Мавродинские чтения 2004. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 239–240.

Bosporan cavalry during the war of Mithridates III (VIII) with Rome, 45–49 A.D. // ФАН. Fasc. XV. P. 1–7.

2005

Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. — середине III в. н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Б. и. 34 с.

Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I — середине III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // Мнемон. Вып. 4. С. 337–358.

Исследование Семибратнего городища (Лабриса) // АО. 2004. С. 281–282.

Короткие мечи I–II вв. н. э. из раскопок некрополя Горгиппии // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 142–146.

Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХСб. Вып. 14. С. 121–124 (в соавторстве с Т. С. Тихоновой).

Семибратнее городище (Лабрит): итоги и перспективы исследования // Stratum plus 2003/2004. № 3. С. 208–219.

Алтарь Мира // Всемирный следопыт. 2005. № 21. С. 64–69.

Публичные игры императора // Всемирный следопыт. 2005. № 21. С. 21–31.

Как стать гладиатором // Всемирный следопыт. 2005. № 21. С. 72–79.

Fortifications of Iluraton // ФАН. Fasc. XVI. P. 1–14.

The Seven Brothers fortified settlement (Labrites): results of research, 2001–2004 // Third International Congress on Black Sea Antiquities. 3. Prague. P. 60–61.

Study of the Semibratnee city site (Labris) // Black Sea Area in the Hellenistic World System. Tbilisi. P. 77–78

The Townsite of Semibratneye (Labris): Results of excavations of 2001–2005 // Hyperboreus. Vol. 11, Fasc. 2. P. 320–325.

2006

3DS Max — Художественное моделирование и специальные эффекты. Создание трехмерных реконструкций архитектуры, быта и вооружения. СПб.: БХВ. 320 с.: ил. (совместно с С. Швембергером и П. Щербаковым).

Аспургiane и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 43–50.

В. Ф. Гайдукевич и изучение Илурата // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 79–88.

«Изгнанник на краю Европы» // Мир древностей. № 1. С. 58–64.

Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) 2001–2005 гг. // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА. С. 154–157.

Оборонительная система Илурата // РА. № 4. С. 119–130.

Роман с камнем // Всемирный следопыт. № 3. С. 52–58.

Фабрика памяти // Всемирный следопыт. № 3. С. 62–66.

Разделившие трон // Всемирный следопыт. № 3. С. 76–77.

Башня на Поле Чудес // Всемирный следопыт. № 6. С. 64–68.

Дворец на все времена // Всемирный следопыт. № 11. С. 64–69.

Афинский акрополь // Всемирный следопыт. № 14. С. 14–17.

Олимпия, славная в веках // Всемирный следопыт. № 14. С. 52–56.

Some notes on defensive armament of the Bosporan cavalry in the first centuries AD // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. Nomaden und Seeshfte. Bd. 4. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag. P. 445–451.

Rural Settlements of the Archaic Period in the Chora of Nymphaion // Milesische Forshungen 5. Berlin. 2006. P. 580–589.

2007

Исследование теменоса в южной части Лабриса (Семибратнего городища) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 185–190.

Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. СПб.: Нестор-История. С. 50–56.

- Лабрис (Семибратнее городище) — синдский город или греческий эмпорий // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. н/Д гос. пед. ун-та. С. 39–42.
- Магнитная разведка Семибратнего городища в августе 2006 г. // VIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 286–293 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).
- Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV Всероссийская нумизматическая конференция: ТД. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 34–36 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой, Ю. А. Дюковым).
- Раскопки Семибратнего городища (Лабриса) // АО. 2005. М. С. 306.
- К вопросу о конструкции боспорских седел I–III вв. н. э. // *Antiquitas Aeternae*. Вып. 2: Война и военное дело в античном мире. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 324–334.
- Puraton: A Fortress of the 1st–3rd century AD on the European Kimmerian Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2 — Vol. II* // BAR. International Series 1675 (II). P. 897–926.
- Виртуальная реконструкция археологических памятников на примере боспорской крепости Илурат // Интернет и современное общество. Труды X Всероссийской конференции. СПб.: Университет ИТМО. С. 83 (совместно с С. В. Швембергером, П. П. Щербаковым).
- О создании виртуальных реконструкций археологических памятников на примере боспорской крепости Илурат: XXXVI Международная филологическая конференция. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 23 (совместно с С. В. Швембергером, П. П. Щербаковым).
- Компьютерная 3D-реконструкция археологических памятников (по материалам боспорского города-крепости Илурат) // Информационные ресурсы и технологии охраны памятников. М.: Б. и. С. 12 (совместно с Н. В. Борисовым, С. В. Швембергером, П. П. Щербаковым).
- Lupa Capitolina // *Gourmetto*. № 8. С. 30–31.
- Aspurgians and the Military Policy at the Turn of the First Century AD // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC. Proceedings of the International Conference*. October 2000, Taman, Russia. BAR. International Series 1729. P. 61–65.
- Rural Settlements of the Archaic Period in the Chora of Nymphaion // *Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme / Milesische Forschungen*. Bd. 5. Berlin. P. 579–588.
- Античному городу грозит новое разрушение // Анапа. 18.09. С. 4.

2008

Гладиаторы в бою. На арене и полях сражения. М.: Эксмо. 320 с.: ил.

Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре в римское время // ФАН. № 21. С. 9–14.

Археологическое исследование древнего Лабриса (Семибратнего городища) и перспективы российско-германского сотрудничества // Российско-германское сотрудничество в области древней истории и археологии. Труды круглого стола DFG в Москве. М. (совместно с А. И. Иванчиком и А. Б. Белинским).

Барон Тизенгаузен и древности Анапского края // Анапа. 18.02. С. 4.

2009

Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб.: Петербургское Востоковедение. 256 с.: ил. (*Militaria antiqua*; т. 13).

Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История; Изд-во Ф-та филологии и искусств СПбГУ. 350 с.: ил. (Труды ИИМК; т. 25) (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Исследование Лабриса (Семибратнего городища) // АО. 2006. С. 363–365.

Лабрис (Семибратнее городище) и синды (По материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. Т. XXII. С. 150–187.

Лабрис (Семибратнее городище) — синдский город или греческий эмпорий? // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского н/Дону ун-та. С. 99–106.

Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 156–161.

Магнитная разведка Семибратнего городища в 2007–2008 гг. // X БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь: Центр археологических исследований «Дементра». С. 286–292 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

Начальный этап разработки проекта «Храмы и святилища античного Боспора» // Интернет и современное общество. СПб.: Университет ИТМО. С. 226–227.

Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // ФАН. Fasc. XXII. P. 41–48.

2010

Археологическое изучение Илурата // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Коло. С. 486–500.

Городище Андреевка Северная (Курдак) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Коло. С. 513–514.

- Археологические памятники античного и средневекового времени на горе Опук // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Коло. С. 519–521.
- Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследования 2001–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки открытия. М.; Киев: Институт археологии РАН. С. 51–57.
- Геомагнитная съемка на территории Лабриса: (Семибратнее городище) в 2006–2008 гг. // Там же. С. 58–62 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой, А. Ю. Елисеевым).
- К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. Вып. 9. С. 289–298.
- Комплексное изучение Лабриса (Семибратнего городища) // АО. 2007. С. 250–251 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).
- Синды // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.: Наука. С. 218–234 (в соавторстве с А. И. Иванчиком).
- Спартакoвская война и другие восстания гладиаторов // Краеугольный камень. Т. 1. М.: Ломоносов. С. 194–219.
- Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // ФАН. № 23. С. 41–48.
- Античные храмы и святилища на территории Восточного Крыма и Таманского полуострова // Аннотированный каталог II выставки научно-образовательных ресурсов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 18–20.
- Мультимедийная информационная система «Античные храмы и святилища на территории Восточного Крыма и Таманского полуострова» // Обзорение 2009. Аннотация проектов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 280–281.
- Всеобщая история. Методические указания к учебному курсу для студентов заочной формы обучения. СПб.: СПбГУТД. 20 с.
- A silver rhyton with a representation of a winged ibex from the fourth Semibratniy tumulus. Cultural influences in Sindike in the fifth to fourth century BC // Black Sea Studies. Vol. 11. Aarhus: Aarhus University Press. P. 87–101.
- Cult complexes discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (SPb) // Ancient Sacred Monuments in the Black Sea / Eds. A. Maslennikov, E. Petropoulos. Thessaloniki: Kyriakidis Bros Publishing House. P. 367–398 (with M. Ju. Vakhtina, Ju. A. Vinogradov).
- 2011**
- Спартакoвская война. Восставшие рабы против римских легионов. СПб.: Петербургское Востоковедение. 176 с.: ил. (Militaria antique; т. 14).
- Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы) // Non sensistis gladios. Lodz: Instytut Archeologii Uniwersytetu Lodzkiego. С. 135–143.

Синдика в период возведения Семибратних курганов // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 271–278.

Спартак и римское военное искусство // *In tempore belli et pacis. Księga pamiątkowa dedykowana prof. dr. hab. Janowi Szimchakowi w 65-lecie pracy naukowo-dydaktycznej.* Warszawa: Wydawnictwo DIG. С. 91–104.

Семибратние курганы: анализ конструкции и инвентаря погребальных сооружений // XII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 84–93.

Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы) // *Non sensistis gladios. Studia ofiarowane Marianowi Głowski w 70 rocznice urodzin.* Łódź: Wydawnictwo Akademii nauk. S. 135–143.

Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 115–140.

Концепция создания мультимедийной информационной системы «Военное дело Боспора Киммерийского» // Материалы XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 13–14 (в соавторстве с В. Б. Мартировым, С. В. Швембергером, Е. В. Логдачёвой и П. П. Щербаковым).

2012

Курганные древности Боспора Киммерийского // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОССПЭН. С. 143–151 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, М. Ю. Вахтиной, С. В. Кашаевым, Р. В. Стояновым, О. В. Шаровым, И. Ю. Шаубом).

Святылище первой половины III в. до н. э. в южной части Лабриса (Семибратнего городища) // XIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 108–116.

Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в формате научного исследования и образовательного процесса / ред. Л. И. Бородкин и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 31–48 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, В. Б. Мартировым, С. В. Швембергером).

Геомагнитная разведка на территории Лабриса (Семибратнее городище) // АО. 2008. С. 271–272 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

Обследование местонахождения Влю около деревни Аногира (Республика Кипр) // АО. 2008. С. 516–517.

Создание мультимедийной информационной системы «Военное дело Боспора Киммерийского» // Информационные системы для научных исследований. ТД XV Все-

русской объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Университет ИТМО. С. 16–17 (совместно с В. Б. Мартировым, С. В. Швембергером, Е. В. Логдачёвой и П. П. Щербаковым).

2013

Геоманитная разведка на территории Лабриса (Семибратнее городище) в 2009 г. // Материалы VI Международной Кубанской конференции. Краснодар: Экоинвест. С. 95–98 (в соавторстве с А. В. Чудиным).

Малые Семибратние и другие курганы синдской знати // XIV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 117–123.

О хронологии Семибратних курганов // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы III Абхазской международной археологической конференции. Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати». С. 230–233.

«Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре // Фидития. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 72–84.

Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрёстке. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 73–78.

Раскопки некрополя Горгиппии в 2012 г. // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции. Краснодар: Вика-Принт. С. 10–20 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной).

О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А. Н. Коваленко. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Научно-методический центр археологии ЮФУ. С. 161–173.

2014

Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. Вып. XXX. С. 553–618.

Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. Г. Кастанаян (1910–1991) // ЗИИМК. № 9. С. 183–184 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. И. Леви (1903–1996) // ЗИИМК. № 9. С. 185–186 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Г. Шургая (1934–1982) // ЗИИМК. № 10. С. 203–204 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Типология и хронология синдской чеканки // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра». С. 99–114 (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Престижные предметы из погребений синдской знати в социальном и идеологическом аспектах // KOINON ΔΩΡON. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 90–95.

Из истории археологических открытий на юге России: барон В. Г. Тизенгаузен и античные древности Прикубанья // Стиль, мода и дизайн в контексте синтеза искусств. СПб.: СПГУТД. С. 51–60.

Российские археологи на Кипре // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: Арт-Экспресс. (Труды ИИМК РАН; т. XLII). С. 304–314.

Исследование крепости Илурат // Археологічні дослідження в Україні 2013. Київ: ИА НАН. С. 30–32.

2015²

Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти. М.: Ломоносовъ. 194 с.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 183–189.

О монетном деле Синдики в конце V — начале IV в. до н. э. // ЗИИМК. № 11. С. 77–96; ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Синдский царь Гекатей // С Митридата дует ветер: Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: Наука. С. 18–125.

Синды и Лабрис (Семибратнее городище) в контексте географической среды // XVI БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: географическая среда и социум. Керчь: б. и. С. 101–106.

Сырцовые склепы боспорских курганов V в. до н. э.: (о восточном влиянии на формирование погребальной традиции) // ЗВОРАО. Т. III (XXVIII). (Труды ИИМК; т. 45). С. 180–191; ил.

Фортификация боспорского города-крепости Илурат по данным раскопок 1981–2013 гг. // Крым и северное побережье Чёрного моря в археологических исследованиях 1956–2013 гг. Warszawa: Institute of Archaeology University of Warsaw. С. 40–41 (в соавторстве с Д. Бейлиным, Я. Ракочи).

Ad LXV diem natalis Iurii Vinogradov Alexii f.: к юбилею Юрия Алексеевича Виноградова // ЗВОРАО. Т. III (XXVIII). (Труды ИИМК; т. 45). С. 1027–1033: портр. (в соавторстве с А. А. Синецыным).

² Библиография работ В. А. Горнчаровского 2015–2025 гг. (сост. Л. М. Всевиов).

The Townsite of Semibratneye (Labrys): Results of excavations in 2006–2009 // *Hyperboreus*. Fasc. 1. P. 161–170: ill.

2016

Итоги работ Кипрской экспедиции ИИМК РАН в 2008–2012 и в 2014–2015 гг. // *Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические, дидактические аспекты* / отв. ред. Л. Н. Мирошниченко. Краснодар: Кубан. ун-т. С. 253–260: ил. Рез. англ.

Костяная деталь спинки кресла IV века до н. э. из раскопок Горгиппии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: ТД VII международной конференции* / отв. ред. А. В. Захарова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 34–35. Рез. англ.

Костяная деталь спинки кресла IV в. до н. э. из раскопок Горгиппии // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / ред. Р. Б. Схатум. Краснодар: ИП Е. В. Смородин. С. 79–83 (в соавторстве с Т. С. Тихоновой).

К вопросу об этногенезе синдов: (по материалам боспорских курганов) // *Таврические студии. Исторические науки*. № 10. С. 60–65. Рез. англ.

«Культура и искусство античного Причерноморья»: чтения, посвящённые выдающейся исследовательнице классических древностей М. И. Максимовой // *ЗИИМК*. № 13. С. 147–150 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Курганный некрополь в ландшафте Нимфея: История изучения и современное состояние // XVII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. С. 439–447: ил. (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

Монеты из раскопок Горгиппии в 2016 г. // *AAL*. № 62. С. 43–49: ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

На рубеже античного и варварского миров: вооружение синдов V–IV вв. до н. э. // Там же. С. 31–36: ил., карт. Рез. англ.

Погребальные памятники элиты Синдского царства // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура* / отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо. С. 136–143.

Топография курганного некрополя Нимфея // *Древности Боспора*. Т. 20. С. 392–404: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

Чтения «Культура и искусство античного Причерноморья», посвящённые 130-летию со дня рождения М. И. Максимовой (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2015 г.) // *ВДИ*. № 4. С. 1055–1059.

Экипировка и вооружение участников гладиаторских боев на Боспоре // *История военного костюма от древнего мира до наших дней: Материалы международной*

военно-исторической конференции / ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 3–11: ил.

Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане к интерпретации комплекса // ЗИИМК. № 13. С. 90–101: ил.

Monety Syndyki: (tiplogia i chronologia) // Biuletyn Numizmatyczny. № 3 (383): ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

On the border of Classical and Barbarian worlds: the Sindian weaponry 5th–4th centuries BC // Borderland on Fire War, weaponry and borders in the Middle Ages and Early Modern Period. The 13th Professor Andrzej Nadolski Intern. Arms and Armour Colloquium. Lodz: Wyd-wo Uniwersytetu Lodzkiego. S. 7–8.

On the 65th birthday of the Russian antiquity researcher Iurii Alexeevich Vinogradov // Anabasis. T. 7. P. 223–232 (with A. A. Sinitsyn)

2017

Военная история Боспорского царства. М.: Ломоносовъ. 232 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 20–228 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Введение + заключение // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / отв. ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА. С. 5–6, 136–137.

У истоков боспорской археологии Поль Дюбрюкс «на краю Европы»: (опыт биографии на фоне эпохи) // Российские археологии XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / отв. ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА. С. 7–23: ил.

Вооружение синдов середины V — начала IV в. до н. э. по данным раскопок Семибратних курганов // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы II Международной военно-исторической конференции / отв. ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: СПбГУТД. С. 3–15.: ил., карт. Рез. англ.

Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноуэзцев / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История. С. 111–129: ил.

Историческая топография и современное состояние боспорских курганных некрополей у Нимфея на Темир-Горе и мысе Ак-Бурун // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / отв. ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА. С. 74–85: ил. (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой, Ю. Л. Белик).

Круглый стол «Элита Боспора и боспорская элитарная культура» (22–25 ноября 2016 г.) // ЗИИМК. № 15. С. 193. Рез. англ.

Монетные находки из раскопок в юго-восточной части Горгиппии (2016 г.) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года: Материалы докладов и сообщений / отв. ред. Е. В. Захаров. М.: Внешторгиздат. С. 15–34: ил. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Отдел истории античной культуры ИИМК РАН в 2011–2016 гг. // ЗИИМК. № 15. С. 156–159. Рез. англ. (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Фортификация боспорского города-крепости Илурат: (планы Поля Дюбрюкса, данные раскопок и виртуальные реконструкции) // Swiatowit. Suppl. Series C.: Pontica et Caucasia. Vol. 1. С. 81–88: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Я. Ракочи).

Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н. э.: (по письменным и археологическим источникам) // БИ. Т. XXXIV. С. 224–260: ил.

2018

Арена и кровь: мир гладиаторов. СПб.: Евразия. 320 с.: ил. Рез. англ. Библиогр: с. 304–314.

Загадка Львиного кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А. Н. Коваленко. Вып. 2. Ростов н/Д.: ИП Истратов. С. 39–52: ил. Рез. англ.

Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК, посвящённое памяти И. Б. Брашинского (1928–1982) // ЗИИМК. № 18. С. 182–183 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвящённое памяти В. И. Денисовой (Пругло) (1926–2016) // ЗИИМК. № 18. С. 186–187 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Изображение римского шлема на надгробной стеле Басилада из некрополя Пантикапея // AAL. № 64. С. 119–128: ил. Рез. англ.

Илурат: итоги и перспективы исследования // Таврические студии. Исторические науки. № 16. С. 69–76: ил. Рез. англ.

Надгробная стела Басилада, сына Басилада: (к вопросу об использовании римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков нашей эры) // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1 / отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ, ГУПТД. С. 128–134: ил.

Элементы римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков нашей эры // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы III Международной военно-исторической конференции / ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД. С. 3–15: ил.

Anogyra-Vlou archaeological survey (2008) and excavation preliminary report (2009–2012) seasons // RDAC2011–2012. P. 687–716: ill.

2019

На подступах к столице Боспора: античная крепость Илурат в Восточном Крыму / ИИМК РАН. СПб.: Изд-во РГПУ. 120 с.: ил. Библиогр.: с. 118–119.

Н. В. Анфимов и изучение Семибратнего городища: взгляд из XXI века // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / отв. ред. Р. Б. Схатум, Ю. А. Виноградов. Краснодар: ИП Е. В. Смородин. С. 81–90: ил. Рез. англ.

«Археолог, вполне достойный носить это имя»: (к 160-летию со дня рождения В. К. Мальмберга) // Новый Гермес. Вып. 1. С. 135–185.

Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг. // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий: (к 100-летию создания российской академической археологии) / отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 211–219: ил., карт.

Сцена битвы на рельефе IV в. до н. э. из поселения Юбилейное I: амазономехия или исторический сюжет // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы IV Международной военно-исторической конференции / ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 3–13: ил. Рез. англ.

«Сын античной мудрости...»: (В. К. Мальмберг) // ЗИИМК. № 21. С. 140–152: ил. Рез. англ.

Armia Królestwa Bosporańskiego w wojnie lat 45–49 // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. № 104. S. 9–20.

Excavations of Gorgippia and its necropolis in 2012 and 2016 // Hyperboreus. № 1. P. 194–204: ill. (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, С. В. Кашаевым).

La forteresse bosporane d'Ilouration du I-er au III-e siècle: bilan des recherches // Etudes de lettres. Lausanne. № 309. P. 377–410.

2020

К вопросу об идентификации раннего типа синдских монет // АВ. Вып. 30. С. 116–124: ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

К юбилею Ю. А. Виноградова // АВ. Вып. 27. С. 18–19: портр.

Об одном из монетных типов ранней синдской чеканки // X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / отв. ред. Р. Б. Схатум. Краснодар: ИП Е. В. Смодин. С. 113–117 (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Памяти Константина Константиновича Марченко: (06.09.1939–01.10.2020) // АВ. № 30. С. 363–365: портр. (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Реконструкция вооружения сарматских всадников первых веков нашей эры: (по материалам раскопок могильника близ хутора Городского в Адыгее) // История военного костюма от древнего мира до наших дней: Материалы V Международной военно-исторической конференции / отв. ред. А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 9–33: ил.

М. И. Ростовцев и изучение Семибратних курганов // Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 1 / Пред. редколл. В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 142–151.

70 лет Юрию Алексеевичу Виноградову // Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 2 / пред. редколл. В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 358–361: портр.

Константин Константинович Марченко (6.IX.1939–1.X.2020) // ВДИ. № 4. С. 1115–1116 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Faber est suae quisque fortunae: (к 70-летию Юрия Алексеевича Виноградова) // АВ. Вып. 29. С. 9–17: портр. Рез. англ.

The marble Lion from Lion Tumulus near Kerch to the Question About Sculptures on the Cimmerian Bosphorus // AAL. № 66. P. 9–13: ill.

2021

К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье // АВ. Вып. 32. С. 187–193. Рез. англ.

Костюм и вооружение воинов на известняковом рельефе IV в. до н. э. из поселения Юбилейное I // Новый Гермес. Вып. 13, ч. 4. С. 161–175: ил. Рез. англ.

К юбилею Игоря Юрьевича Шауба // АВ. Вып. 33. С. 16–17: портр.

Крепость Илурат в контексте военных действий на западных границах Боспорского царства в I–III вв. н. э. // *Oblicza wojny: Miasto i wojna*. Т. 3. Lodz: Wyd-wo Uniwersytetu Lodzkiego. С. 17–40.

Междисциплинарные исследования на территории Семитбратного городища (Лабрица) // *Swiatiwit. Suppl. Series C. Pontica et Caucasica*. Vol. II. С. 1–15: ил. (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой, Т. С. Сапелко).

Посвятительные рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты // Античные реликвии Херсонеса. Открытия, находки, теории: Материалы научной конференции / ред. А. В. Зайков и др. Севастополь: ГИИМЗ «Херсонес Таврический». С. 73–77: ил. (в соавторстве с Т. С. Тихоновой).

On the chronology of the reliefs with images of Cybele, Hermes and Hecate found in the reliefs in the Northern Black Sea Coast // AAL. № 67. P. 9–14: ill.

2022

«Спартак: легенда и реальность». СПб.: Евразия, 2022. 224 с.

Введение: Создание Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и её «отцы-основатели» // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / РАН; ИИМК; науч. ред. и сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН. С. 9–15: ил., портр.

Сергей Сергеевич Лукьянов // Там же. С. 58–67 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной).

Василий Владимирович Бартольд // Там же. С. 298–310 (в соавторстве с В. П. Никоноровым).

Владимир Владимирович Богданов // Там же. С. 311–318.

Владимир Константинович Мальмберг // Там же. С. 359–373.

Александр Николаевич Бенуа // Там же. С. 461–478.

Сергей Александрович Жебелёв // Там же. С. 479–498.

Павел Павлович Муратов // Там же. С. 499–513 (в соавторстве с И. Ю. Шаубом).

Фёдор Иванович Шмит // Там же. С. 514–536.

Игнатий Юлианович Крачковский // Там же. С. 562–578 (в соавторстве с В. О. Стояновым).

Алексей Константинович Марков // Там же. С. 594–605 (в соавторстве с Н. С. Бекетовой, Е. В. Лепёхиной).

Николай Константинович Никольский // Там же. С. 634–646.

Юлий Михайлович Шокальский // Там же. С. 755–766.

Спартак: легенда и реальность. СПб.: Евразия. 224 с.: ил. Библиогр.: с. 205–215.

Боспор и синды в VI–IV вв. до н. э. // Боспорский феномен: большие и малые города Боспорской царства. Круглый стол, посвящённый 75-летию Е. А. Молева / пред. редколл. В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ ГУПТД. С. 149–158.

К проблеме этнической атрибуции воинских погребений из некрополей Артюшенко 2 и Волна 1 на Таманском полуострове // Евразия в энеолите — раннем средневековье: Инновации, контакты, трансляции идей и технологий / отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 170–174: ил. Рез. англ.

Известняковый рельеф с изображением Кибелы и ее спутников из раскопок Горгиппии в 2020 г. // Археологические вести. Вып. 35. С. 100–104 (в соавторстве с Т. С. Тихоновой).

Митиленские следы в монетном деле Боспора Киммерийского // АВ. Вып. 35. С. 181–186: ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Archaeological investigations at Anogyra-Vlou, Cyprus // SOMA 2016. Proceedings of the 20th Symposium on Mediterranean Archaeology. Oxford: Archaeopress Publishing LTD, 2022. P. 115–126.

Greek-Sindian interactions in the territory of Cimmerian Bosphorus in the 6th–4th centuries BC // Connecting the Ancient West and East: Studies presented to Prof. Gocha Tsetskhladze. Vol. I. Leuven: Peeters Publishers. P. 441–453.

2023

- О культе Феба-Аполлона в Лабрисе // Международные отношения в бассейне Чёрного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерал. ун-та. С. 43–45 (в соавторстве с А. Е. Терещенко).
- О редкой находке семиссия византийского императора Артавазда в южном предместье Херсонеса // Труды Музея Армении. Т. 2 (12). С. 106–111; 291: ил. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).
- Секция «Античный мир и Северное Причерноморье» II Петербургского форума (Санкт-Петербург, 10–16 октября 2022 г.) // ВДИ. № 2. С. 481–485 (в соавторстве с О. Ю. Климовым).
- Склеп семьи Ульпиев в некрополе Пантикапея // Боспорский феномен: quarta pars saeculi: Итоги, проблемы, дискуссии / пред. редколл. В. А. Хршановский. СПб.: Чистый лист. С. 187–192: ил.
- Склеп Ульпиев и представители этого рода в эпиграфике Боспора // АВ. Вып. 43. С. 162–174: ил. Рез. англ.
- А. Н. Щеглов как исследователь скифских древностей // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы научной конференции / отв. ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичёва. М.: Буки-Веди. С. 35–38.
- Sindoi: Written Tradition and Archaeological Data // Tios. Tieion on the Southern Black Sea Colonisation. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd. P. 290–297.

2024

- Гробница 1854 г. в некрополе Пантикапея // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Н. И. Веселовского / отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 143–146: ил.
- Императорская археологическая комиссия и сохранение памятников античного культурного наследия Боспора Киммерийского // Сохраняя российское и мировое культурное наследие: 165 лет Императорской археологической комиссии / отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН. С. 28–39: ил. Рез. англ.
- К вопросу о датировке и атрибуции терракотовой статуи женского божества из раскопок Илурата // Новый Гермес. № 16–1. С. 69–81: ил. Рез. англ.
- К вопросу о роли аспургиян в военно-политической истории Боспорского царства на рубеже нашей эры // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН. С. 293–297: ил. Рез. англ.
- К 90-летию со дня рождения Игоря Георгиевича Шургая // ЗИИМК. № 30–31. С. 148–153.

Львиный курган // В поисках античного Боспора: К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева: каталог выставки. Т. II. СПб.: Чистая линия. С. 416–426.

Ленинградские экспедиции на Боспоре: ГАИМК — ИИМК/ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН // Там же. С. 143–148: ил. (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым, С. В. Кашаевым).

«...Нам нужно больше, гораздо больше надписей и всё-таки не сыты будем»: материалы о проекте создания Русского археологического института в Афинах: (из архивных собраний Санкт-Петербурга) // АВ. Вып. 45. С. 150–163: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Н. А. Павличенко, О. В. Григорьевой).

О формировании коллекции эстампажей античных надписей в Научном архиве ИИМК РАН и перспективах его изучения // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Международной научной конференции. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Пронина. М.: ИВ РАН. С. 88–90 (в соавторстве с Н. А. Павличенко, О. В. Григорьевой, Н. М. Милихиной).

Феб Аполлон — владыка Лабриса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А. Н. Коваленко. Вып. 3. Ростов н/Д.: ИП Истратов. С. 321–326: ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

2025

Гробница 1896 г. в некрополе Пантикапея: (к вопросу о датировке и особенностях погребального обряда) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы XIV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Изд-во Южно-го федерал. ун-та. С. 54–60.

Еще раз о римско-боспорском конфликте 40-х гг. I в. н. э. // HISTORIA AETERNA: осмысляя историческое наследие...: сб. статей к 65-летию чл.-корр. РАН Ирины Владимировны Тункиной / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов; СПбО РАН; СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2025. С. 99–106.

Еще раз об эмитентах синдской чеканки // Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен: экспорт — импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства» / Отв. ред. В. А. Хршановский : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2025 года. Санкт-Петербург, Москва: ООО Научно-издательский центр «Индрик», 2025. С. 568–578. (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Илуратское граффито с изображением катафрактария: (к 45-летию находки) // XXVI БЧ. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки-варвары: контакты и конфликты. М.: Индрик. С. 69–75: ил.

Институт истории материальной культуры РАН и его предшественники в изучении памятников античной эпиграфики в России // АВ. Вып. 48. С. 325–335: ил.

Научная конференция «Наследие Никодима Павловича Кондакова (1844–1925)», посвящённая 189-летию со дня его рождения (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2024 г.) // ВДИ. № 2. С. 507–516.

О датировке и особенностях погребального обряда гробницы, открытой в 1896 г. в некрополе Пантикапея римского времени // АВ. Вып. 47. С. 31–41: ил. Рез. англ.

О научной конференции «Наследие Никодима Павловича Кондакова (1844–1925)», посвящённой 180-летию со дня рождения: (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2024 г.) // ЗИИМК. № 32. С. 7–8: ил.

Предметы вооружения из всаднических погребений на поселении Ястребовское-Бережное-1 // Бюллетень ИИМК. Охранная археология. № 17. С. 87–89: ил.

Эпиграфические исследования русских ученых на территории Греции и Малой Азии в конце XIX — начале XX в. // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Материалы съезда. Т. II. Красноярск: СФУ. С. 162–164.

Оглавление

О юбиляре и его научных трудах (Ю. А. Виноградов).....	3
--	---

Глава I. Город-крепость Илурат

1.1. Свинцовая гиря из Илурата	10
1.2. Новый тип двойного денария Савромата II	13
1.3. Илуратская винодельня.....	17
1.4. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжёлой кавалерии)	23
1.5. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата	34
1.6. Боспорский город-крепость Илурат: итоги исследования	39

Глава II. Военная история и военное дело Боспорского государства

2.1. Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н. э.	67
2.2. Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы)	79
2.3. Мечи римского образца из раскопок некрополя Горгиппии	86
2.4. Изображение римского шлема на надгробной стеле Басилида из некрополя Пантикапея	92
2.5. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии.....	99
2.6. К вопросу о конструкции боспорских сёдел I–III вв. н. э.....	106
2.7. Аспургiane и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры	113
2.8. Реконструкция вооружения сарматских всадников первых веков нашей эры (по материалам могильника близ хутора Городского в Адыгее)	125
2.9. Военно-политическая история Боспорского царства со второй половины I до середины III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн.....	137

Глава III. О боспорских культах

3.1. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века нашей эры	154
3.2. Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата.....	158
3.3. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна?	162
3.4. «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре	167

Глава IV. Персоналии

4.1. П. Дюбрюкс: «Изгнанник на краю Европы»	185
4.2. В. Ф. Гайдукевич и изучение Илурата	203
4.3. И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора	213
Литература	223
Список сокращений	251
Список печатных публикаций В. А. Горончаровского	253

Сборник избранных трудов

В. А. Горончаровский

**БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО
В РИМСКУЮ ЭПОХУ**

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 30.09.2026. Формат 70×100/16

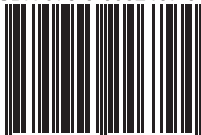
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 22,75. Тираж 150 экз. Заказ № 931

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-6052467-9-4

9 785605 246794 >